

БОГДАНЧИКОВ С.А.

СОВЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ 1920-Х ГОДОВ (ВОСЕМЬ ОЧЕРКОВ)

Саратов

2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

ОЧЕРК 1. О теоретических воззрениях К.Н. Корнилова

ОЧЕРК 2. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

ОЧЕРК 3. О работе К.Н. Корнилова «Диалектический метод в психологии»

ОЧЕРК 4. «Теория новой биологии» Енчмена в контексте истории советской психологии

ОЧЕРК 5. А.Р. Лурия о психоанализе

ОЧЕРК 6. Теоретические проблемы психологии в ранних работах И.В. Стрехова

ОЧЕРК 7. История эйдетики в СССР

ОЧЕРК 8. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Библиография (общий список)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Указатель первоисточников

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Список работ С.А. Богданчикова

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном сборнике очерков представлены результаты исследований истории советской психологии, в основном затрагивающие период 1920-х годов и нашедшие отражение в публикациях, относящихся к 1991-2005 гг., т. е. за пятнадцать лет, в основном – в журнале «Вопросы психологии». По сравнению с исходной журнальной версией каждый из очерков был в значительной степени расширен (некоторые – в 4-5 раз).

Надо также отметить, что очерки комплектовались без претензии на полноту охвата картины начального периода истории советской психологии. С самого начала отраженные в очерках исследования были нацелены на устранение различных «белых пятен», в

большинстве своем объясняемых труднодоступностью первоисточников. Особенно это относится к очеркам о А.Р. Лурии, эйдетике и поведенческом съезде.

Важной составной частью «Очерков» являются три больших «Приложения»: «Библиография» (объединенный список литературы, использованной во всех очерках), «Первоисточники» (тридцать работ небольшого объема, непосредственно относящиеся к рассматриваемым в очерках работам) и «Список работ» автора очерков.

Все данные приводятся по состоянию на июнь 2006 г., с некоторыми добавлениями, уточнениями и исправлениями, сделанными в июне-ноябре 2007 г.

С.А. Богданчиков
Саратов, ноябрь 2007 г.

ОЧЕРК 1 **О теоретических воззрениях К.Н. Корнилова**

Константин Николаевич Корнилов (1879-1957) – одна из характерных фигур в истории отечественной психологии уходящего столетия. Наряду с Б.Г. Ананьевым, П.П. Блонским, Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, С.Л. Рубинштейном, А.А. Смирновым, Б.М. Тепловым и другими известными психологами К.Н. Корнилов внес значительный вклад в развитие психологической науки в нашей стране.

К.Н. Корнилов поступил в Московский университет в 1905 г. в возрасте 26 лет. До этого он окончил Омскую учительскую гимназию и семь лет (1898-1905) проработал учителем «в глухом сибирском селе Алтайского края» [8, с. 5]. По окончании учебы в университете в 1910 г. Корнилов был оставлен при университете для подготовки к преподавательской и научной деятельности, говоря современным языком, стал аспирантом. В 1915 г. Корнилов состоял старшим ассистентом при Психологическом Институте, еще через год он стал приват-доцентом по экспериментальной психологии. К этому времени Корнилов уже практически завершил свое диссертационное исследование, посвященное экспериментальному изучению реакций.

В 1921 г. Корнилов по поручению Народного комиссариата просвещения открыл педагогический факультет при втором Московском университете. Корнилов был назначен деканом этого факультета и профессором кафедры психологии. После реорганизации факультета в педагогический институт Корнилов до конца своей жизни был заведующим кафедрой психологии этого института.

Без преувеличения можно сказать, что Корнилов был одним из творцов советской психологии. Ведь именно он впервые в 1923 г. высказал идею о необходимости построения особой науки – марксистской психологии. В качестве конкретной реализации этой идеи он предложил свое разработанное еще до знакомства с марксизмом «учение о реакциях» – реактологию. В 20-е годы реактология была одним из ведущих направлений в советской психологической науке. Не случайно в вышедшей в США под редакцией К. Мерчисона¹ книге «Психологии 1930» [30] психология в СССР была представлена в разделе «Russian psychologies» тремя направлениями – теорией высшей нервной

---

¹ Мерчисон Карл Эленмор (Murchison Carl Allanmore) (1887-1961) – американский психолог, прежде всего прославившийся как редактор и издатель книг и журналов по психологии. В посвященной ему словарной статье подчеркивается, что сборники «“Psychologies 1925” и “Psychologies 1930” представляли собой взвешенные, написанные в полупопуляризаторской манере обзоры состояния научных дисциплин, которые поколения молодых психологов использовали как отправную точку в своем обучении» [21, с. 420]. К сожалению, о молодых психологах в СССР здесь речи не идет.

деятельности И.П. Павлова [29], рефлексологией В.М. Бехтерева [0] и «психологией в свете диалектического материализма» К.Н. Корнилова [27].

Марксистская психология (она же – реактология) Корнилова была той отправной точкой, от которой в 20-е годы и позже отталкивались (правда, не столько в смысле опоры, сколько в смысле неприятия и отказа) другие советские психологи-теоретики, занимавшиеся марксистскими проблемами психологии – Л.С. Выготский [6], А.Н. Леонтьев [15], С.Л. Рубинштейн [22].

Но, как это ни парадоксально, в начальный период своей научной биографии Корнилов был (что хорошо видно по его публикациям до 1922 г. включительно) ярко выраженным психологом-экспериментатором и не испытывал тяги к сложным философским и теоретическим вопросам психологии, на которые он выходил лишь постольку, поскольку это требовалось при рассмотрении проблем, связанных с организацией и проведением лабораторного эксперимента: при обосновании методики, сравнении, интерпретации и обобщении результатов и т.д. Отсюда легко понять, что если Челпанов в своих работах почти ничего не говорил о марксизме, то Корнилов, имея ориентацию на вопросы экспериментальной психологии, знал о марксизме и того меньше, т.е. совсем ничего. Но, как это ни парадоксально, именно это и привело Корнилова в 20-е годы к идее о возможности построения особой «марксистской психологии». По публикациям вплоть до 1922 г. мы можем конкретно судить, какие проблемы интересовали Корнилова как психолога.

Начав в 1913 г. работу над диссертацией, Корнилов для изучения реакций разработал методику учета реакции испытуемого сразу по трем показателям – времени, силе и динамике протекания реакции. В этом плане показательна написанная Корниловым в 1916 г. статья «Конфликт двух экспериментально-психологических школ» [10], помещенная в сборнике работ учеников Челпанова (среди которых, помимо К.Н. Корнилова, были также П.П. Блонский, А.М. Щербина, Г.Г. Шпет, А.Ф. Лосев, Н.А. Рыбников и другие) в связи с юбилеем педагогической деятельности своего учителя. Примечательно, что в предисловии к сборнику говорится: «Георгию Ивановичу Челпанову бывшие члены его семинаров в Киеве и Москве посвящают этот сборник с целью высказать публично, в год двадцатипятилетия педагогической деятельности своего профессора, свою благодарность ему за пройденную под его руководством научно-философскую школу» [10, с. 1]. Заканчивают предисловие авторы сборника следующими словами: «Георгий Иванович воспитывал нас и своей личностью. Мы видим в нем пример энергии, работоспособности, педагогического и организаторского таланта. Мы видим в нем пример сознания долга перед наукой и философской культурой родины. Мы ценим в нем всегдашнюю внимательность к его ученикам. Как знак признательности учеников к учителю, мы просим его принять от нас этот сборник наших статей, – среди которых многие являются нашими первыми опытами, – и взглянуть на них как на залог наших будущих работ» [10, с. 11].

В статье «Конфликт двух экспериментально-психологических школ» [10] Корнилов попытался экспериментально выяснить методический спор между школой Вундта и школой Аха относительно соотношения в эксперименте субъективной и объективной сторон и их учета. Разрешение конфликта Корнилов видел в компромиссном подходе: «Только непротиворечивое единство объективных и субъективных данных, их взаимное пополнение и обоюдный контроль – вот, по нашему мнению, единая прочная основа полного и однозначного в своих результатах эксперимента. Таковым представляется нам разрешение этого конфликта, поскольку мы подходим к рассмотрению его с чисто методической стороны. Мы полагаем, что в этом столкновении двух экспериментально-психологических школ школа Вундта и Титченера занимает более крепкую позицию, нежели школа Вюрцбургская» [10, с. 327-328].

Скорее всего именно здесь, в этих словах, заключена в зародыше будущая идея Корнилова о реактологии, а затем и марксистской психологии как синтезе объективной и

субъективной психологии, причем все-таки больше предпочтений отдается одной из сторон, а именно, объективной психологии (рефлексологии, бихевиоризму). Подчеркнем, что данная статья позже была включена Корниловым в расширенном виде, но без каких-либо принципиальных изменений, в качестве пятой главы «Методика постановки опытов» в монографию «Учение о реакциях человека» [12].

Челпанов к формирующимся индивидуальным особенностям Корнилова-психолога относился спокойно. Об этом мы можем судить из слов Блонского, который писал о Челпанове: «Будучи сам без ярко выраженных собственных взглядов, он не нажимал на своих учеников, чтобы они непременно имели такие-то определенные взгляды. Больше того: я считаю счастьем для себя, что учился именно у него, популяризатора, педагога, а не философа. Именно благодаря этому я получил редкую в тех условиях возможность идти своим собственным путем» [3, с. 65].

Необходимо также отметить, что еще за два года до первого психоневрологического съезда, в январе 1921 г., Корнилов считал, что «основным биологическим моментом для всякого живого существа служит явление реакции, способность отзываться на внешние раздражения»; для всестороннего изучения этого явления «необходимо выделение особой научной дисциплины – реактологии, составляющей ответвление биопсихологии» [11, с. 102].

В этих словах Корнилова обращает на себя внимание биологический уклон в понимании психологии, ее предмета, задач и методов. О социологии, социальности и о марксизме тут речи нет вовсе. Показателен поведенческий, бихевиористский лексикон: «реакция», «живое существо», «внешние раздражения» и т.п. Из упоминания биопсихологии можно заключить, что Корнилову были близки идеи В.А. Вагнера, который в своих работах в области биопсихологии [4], [5] исследовал биологические, поведенческие детерминанты эволюции психики. Нельзя не отметить даже чисто внешнее сходство в названиях работ: у Корнилова – «Учение о реакциях человека с психологической точки зрения (Реактология)», у Вагнера – «Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология)». Впрочем, идеи о психологии как биологической науке, биопсихологии отчетливо звучат и у Н.Н. Ланге [14]. Кроме того, в выборе названия для своей концепции («реактология»), да и в самой претензии сказать свое слово в науке на Корнилова не мог не повлиять своим примером, очевидно, и Бехтерев, с начала века разрабатывавший особую «объективную психологию», затем преобразованную в «психорефлексологию» и в конечном счете в рефлексологию.

С точки зрения дальнейшей эволюции теоретических взглядов Корнилова следует подчеркнуть, что в упомянутых январских тезисах 1921 г. он претендует только на место реактологии внутри биопсихологии в качестве ее «ответвления», а не наряду с ней или выше ее, по-видимому, прежде всего из-за своей особой методической, экспериментальной направленности. Заметим, что в этом же номере журнала помещены тезисы Челпанова по аналогичной проблеме [25]. Любопытно сравнить эти два ответа ученых на один и тот же вопрос относительно психологии труда.

Абсолютно новыми и оригинальными реактологические идеи Корнилова не были и с собственно психологической стороны. Раскрывая «секрет Полишинеля», Челпанов в ходе дискуссии 20-х годов напоминал свои сказанные еще в 1909 г. слова о том, что психология изучает реакции, имея в виду психофизические, а не чисто физиологические, поведенческие или только внутренние, психические реакции. Добавим, что, если смотреть еще глубже, сама идея реакции (и метода реакций) идет от «метода реакций» в системе Вундта, о чем многократно писал и сам Корнилов, и что вполне справедливо отмечали, указывая корни корниловской реактологии, другие критики Корнилова, например авторы партийной резолюции 1931 г. [9, с. 4].

В общем, и по содержанию идей, и по своим честолюбивым претензиям Корнилов соответствовал тому духу реформаторства и, соответственно, биологизаторства, объективного подхода и т.д., который царил в русской, да и во всей мировой психологии в

начале века. Для сравнения стоит привести слова Блонского из книги «Реформа науки», изданной в 1920 г.: «Если невзгоды современной жизни – голод, холод, туберкулез и гражданская война – пощадят мою жизнь еще на несколько лет, я издам «Опыт построения «Mathesis Universalis» (обобщенной математики, универсальной науки. – С.Б.), в которой изложу подробно развитую и обоснованную систему обобщенной математики. Но если я и не буду жить, я уверен, что будущее математики, философии и науки только таково, потому что иным оно не может быть» [2, с. 21]. Не менее грандиозные планы, также никак не связанные, правда, с марксизмом, были и у А.Р. Лурия (см. [16, с. 9], [17, с. 295-383]), К.К. Платонова [см. 20, с. 3-5], не говоря уже о частично реализованном проекте Л.С. Выготского.

Ни о марксизме, ни о какой-либо философии вообще у Корнилова тезисах 1921 г. речи не ведется. Через полгода, в июне 1921 г., Корнилов еще более определенно и решительно высказался по вопросу о значении для психологии философии и о месте психологии среди наук. В предисловии к первому изданию работы «Учение о реакциях человека» он писал: «Я держусь категорических взглядов о полном и решительном отделении психологии от философии ... Я думаю, что место психологии в ряду естественно-научных дисциплин» [12, с. 8]. Из этого предисловия следует, что психология, по Корнилову, может быть либо философской дисциплиной, и тогда умозрительной, метафизической, идеалистической, ненаучной и т.д., либо естественно-научной, что автоматически означает ее подчинение биологии или даже физике. Очевидно, в это время, на четвертом году революции, никакой философии, кроме умозрительной (от которой, по Корнилову, для психологии нет никакого толка), для Корнилова не существовало, а образцом настоящей, подлинной, современной науки для него была естественная наука – биология или даже физика. О марксизме и марксистской философии Корнилов, безусловно, слышал, но в то время, в июне 1921 г., никакой связи своих реактологических идей и исследований с марксистскими проблемами он не видел и не указывал.

Позже Челпанов в ходе полемики со своим бывшим учеником подчеркивал, что «Учение о реакциях» написано «по интроспективному методу, принятому в Психологическом институте Московского университета. Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова. Может быть, в нескольких фразах, имеющих отношение к идее классовой борьбы» [24, с. 22].

В плане динамики теоретических взглядов характерно то, что в предисловии к «Реактологии» Корнилов уже не упоминает тезиса о реактологии как о части биопсихологии, указывая на другую связь: «В смысле методики экспериментально-психологического исследования я считаю себя последователем школ Вундта и Титченера...» [12, с. 8]. Здесь же Корнилов пишет, что в экспериментальном и методическом плане при построении своей реактологии он исходит не только из классической эмпирической психологии, но и из впечатляющего для него образца – «Психодинамики» А. Лемана [28]. Стоит также обратить внимание на то, что до 1922 г. Корнилов при всем своеобразии своего методологического подхода нигде не заявлял о каких-либо принципиальных разногласиях со своим учителем и научным руководителем – профессором, директором Психологического института Челпановым. Только в «Учении о реакциях человека» Корнилов сделал попытку самостоятельно теоретизировать и философствовать.

Выше мы уже отмечали, что годы после окончания университета, наполненные войнами, революциями и разрухой, вовсе не способствовали научным изысканиям и научной карьере Корнилова. Согласно Е.И. Игнатьеву, «в 1915 г. Корнилов состоял старшим ассистентом при Психологическом институте Московского университета, а с 1916 г., сдав магистерский экзамен, работал приват-доцентом по экспериментальной психологии. К этому времени он закончил диссертацию на тему «Учение о реакциях

человека» [8, с. 5]. Шесть лет (1910-1916) – срок немалый, но и в последующие годы Корнилов смог опубликовать свой труд только через пять лет, в 1921 г. В «Реактологии» хорошо видно, что философские проблемы в психологии не представляли для Корнилова в то время самостоятельной ценности.

Однако и в вышеупомянутых тезисах [11], написанных в январе 1921 г., и в июньском предисловии к «Реактологии» Корнилов проявляет ошутимую теоретическую озабоченность, хотя это выражено у него в весьма наивной форме. Как можно, например, серьезно утверждать о разрыве с философией, в то же время объявляя себя последователем Вундта, пусть даже «только» в экспериментальном, методическом плане? Эта озабоченность проявляется у Корнилова в стремлении вписать свои взгляды в контекст современной ему психологии, быть в контексте одного из ведущих направлений.

Уже на этом жизненном этапе мы видим те личностные особенности Корнилова, которые окажутся существенными для него в его личности и деятельности как психолога-марксиста: философская и теоретическая неопытность и прямолинейность в сочетании с ярко выраженным интересом к экспериментальной работе, категоричность суждений и оценок при непостоянстве, изменчивости этих оценок, честолюбивые замыслы создания своей психологии в соединении с небольшим общим стажем научной работы; столкновение нигилистической и консервативной тенденций в научной деятельности и т.д. В этом смысле Корнилова можно охарактеризовать как типичного представителя своей противоречивой эпохи.

В целом же мы можем сказать, что за годы своего становления как ученого – годы, заполненные войнами и революциями, – Корнилов за 12 лет (1910-1922) просто физически не успел развиваться в сколько-нибудь значимого теоретика и методолога в области психологии. Тем не менее, как мы показали выше, Корнилов как ученый за десятилетие, предшествовавшее началу марксистской дискуссии в психологии, проделал определенную эволюцию в области психологической теории.

Между тем общепринятая логика при изложении взглядов Корнилова 20-х годов выглядит, можно сказать, прямо противоположным образом. Обычно утверждается, что в первые годы после революции Корнилов становится приверженцем марксизма и формулирует задачу по построению марксистской психологии. Исходя из основных положений марксистского диалектического метода (триада как движение от тезиса к антитезису и синтезу), Корнилов выдвигает тезис о марксистской психологии как синтезе субъективной и объективной психологий. В качестве конкретного варианта марксистской психологии Корнилов предлагает свою реактологию. Правда, вскоре этот вариант решения проблемы «психология и марксизм» признается недостаточным, узким и т.д., что приводит к его фактической ликвидации и забвению. В этих рассуждениях красной нитью проходит мысль, что Корнилов шел от общего к частному, т.е. от общих марксистских положений к конкретной психологической эмпирии.

Обращение к работам Корнилова периода до 1922 г. и рассмотрение вопроса о том, какие взгляды были у Корнилова до появления идеи о марксистской психологии, заставляет усомниться в истинности данной логической цепочки хотя бы потому, что она подразумевает, что до знакомства с марксизмом у Корнилова не было никаких соображений о проблеме двух психологий, соотношения субъективного и объективного и т.д., что он представлял собой, образно говоря, «чистую доску» и был одним из сторонников и выразителем идей эмпирической психологии, идя вслед за Челпановым. Реальная картина, как мы только что показали выше, опираясь на конкретные работы Корнилова, выглядит по-иному.

В общем виде развитие идей Корнилова – от эмпирической психологии к реактологии и марксистской психологии – можно представить в виде следующих четырех тезисов.

1. Корнилов, проводя в дореволюционные годы экспериментальные и теоретические исследования сенсорной, моторной и натуральной реакций в рамках эмпирической

психологии, приходит к мысли о необходимости учитывать как субъективную, так и объективную стороны различных реакций человека в их неразрывном единстве.

2. Развивая свою мысль далее, Корнилов приходит к идее о трактовке реакции как специфического явления, органически включающего в себя субъективную (интроспективную, выражающуюся в переживании) и объективную (рефлекторную) стороны.

3. Затем Корнилов выдвигает тезис об особом направлении в экспериментальной психологии, изучающем реакции человека с субъективной и объективной стороны в единстве этих двух сторон. Это направление Корнилов называет реактологией.

4. Последующее знакомство с марксизмом позволяет Корнилову еще выше поднять ранг своей реактологии. Теперь это уже не раздел экспериментальной психологии в рамках традиционного эмпирического направления, а особое, самостоятельное направление в психологии наряду с субъективной и объективной психологией. С помощью реактологии Корнилов стремится удержать и синтезировать все то позитивное, что есть в двух крайних направлениях – в субъективной и объективной психологии. Тем самым он стремится, противопоставляя себя этим направлениям, разработать свой, третий путь, третий вариант разрешения психологической проблемы соотношения субъективного и объективного. На этом этапе (1922-1923) Корнилов начинает утверждать, что его идея синтеза субъективной и объективной психологий является конкретным разрешением проблемы «двух психологий» с помощью марксистского диалектического метода, описывающего разрешение противоречия как движение от тезиса через антитезис к синтезу. Все это ведет к тому, что Корнилов фактически проводит знак равенства между понятиями «марксистская психология» и «реактология»: его реактология и есть конкретный вариант, конкретная попытка построения марксистской психологии.

Таким образом, фактически Корнилов двигался в своих теоретических исследованиях, с нашей точки зрения, не от марксизма к психологии, не от общего к частному, а наоборот, от психологии – к марксизму, от конкретных фактов – к теоретическим, методологическим и философским обобщениям, содержащимся в марксизме. Данный вывод позволяет лучше понять содержание и дальнейшую судьбу идеи Корнилова о марксистской психологии как синтезе субъективной и объективной психологий.

Но важно не только проводить адекватную реконструкцию движения той или иной творческой мысли Корнилова на различных этапах его научной биографии. Следует не упускать из виду картину в целом. По большому счету, было бы несправедливо сводить всю многолетнюю и разностороннюю научную деятельность Корнилова только к теоретическим изысканиям, сводя последние, в свою очередь, только к новшествам в области реактологии и марксистской психологии. В конце концов, свои реактологические идеи Корнилов фактически разрабатывал в духе марксизма только в течение одного десятилетия (примерно с 1922 по 1932 г.), а ведь у него были еще и предшествующее десятилетие, и последующие двадцать пять лет научной деятельности в области психологии.

Судя по тому, что мы можем узнать о Корнилове из работ по истории психологии и из его собственных работ, до сих пор о Корнилове как ученом и о его многоплановой деятельности в области психологии нет цельного и в то же время детального, эмпирически обоснованного представления. В первом приближении речь может идти по крайней мере о четырех образах Корнилова, которые не так-то просто согласовать между собой.

Во-первых, есть Корнилов дореволюционного периода – сначала студент Московского университета, а затем сотрудник Психологического института, ученик Челпанова, проводящий исследования реакций с помощью интроспективного метода, но под контролем объективных показателей. Перед нами Корнилов, творящий реактологию,

но не противопоставляющий при этом свои взгляды взглядам Вундта и Челпанова и ничего не знающий (во всяком случае, ничего не пишущий) о марксизме.

Во-вторых, есть Корнилов 20-х годов – директор Московского института экспериментальной психологии, выступающий с идеей построения марксистской психологии, публикующий на эту тему цикл статей и «Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма», критикующий всех вокруг (в том числе и эмпирическую психологию Вундта и Челпанова) за немарксистские и антимарксистские взгляды и высоко оценивающий педологию и психотехнику за их практическую направленность. Характерно, что в первом издании «Реактологии» Корнилов, все еще соблюдая неписанные правила научной этики, писал: «В заключение считаю своим долгом принести глубокую благодарность директору Психологического института проф. Г.И. Челпанову и всем моим испытуемым...» [12, с. 24]. Но уже в 1922 году Корнилов особо не стеснялся в выборе слов. На просьбу редакции журнала «Голос Работника Просвещения» «осветить идеологический сдвиг, происшедший за время революции как в личных своих воззрениях, так и в воззрениях московских работников просвещения», Корнилов ответил следующим образом: «Что касается идеологического сдвига, происшедшего среди работников просвещения вообще, то должен сказать, что насколько решительно этот сдвиг произошел среди народного учительства, настолько идеологический сдвиг учителей средней школы можно охарактеризовать положением: «Верю, господа, но помоги моему неверию», а относительно подобного рода сдвигов среди профессуры высшей школы можно к вышесказанному положению прибавить еще одно, что «горбатого лишь одна могила исправит» [1, с. 44]. Вряд ли стоит сомневаться, кто конкретно имелся в виду в последнем случае. Не менее характерен еще один пассаж, который позволил себе Корнилов, выступая на заключительном заседании второго Всероссийского психоневрологического съезда 9 января 1924 г.: «Старое уже одряхлело и рушится, новое же только намечается. Давно ли еще проф. Челпанов определял психологию как «учение о душе, в которой совершаются душевные явления, а не только о явлениях, которые осуществляются без души», а теперь это кажется далеким, средневековым, и мы перешагнули не только через труп этой умозрительной психологии, но стоим у гроба и ее преемницы, так называемой эмпирической психологии» [13, с. 61]. Думается, что эти красноречивые высказывания Корнилова о своем учителе (в прошлом) и идейном противнике (в настоящем) не требуют каких-либо пояснений.

В-третьих, есть Корнилов после «реактологической дискуссии» 1931 г., уже не директор Института экспериментальной психологии, а только профессор и заведующий кафедрой психологии Московского пединститута, а затем (в 40-е годы) – действительный член и вице-президент АПН РСФСР, редактор журнала «Семья и школа», пишущий и редактирующий учебники, критикующий буржуазную психологию вообще и педологию с психотехникой в частности, но никак не проявляющий себя в качестве творца, новатора и спорщика, автора актуальных лозунгов и идей, как ранее.

Наконец, в-четвертых, есть Корнилов 50-х годов, целенаправленно занимающийся вопросами психологии личности советского человека в духе господствующей коммунистической идеологии, но по-прежнему подчеркнуто не принимающий участия, судя по публикациям, в различных дискуссиях и обсуждениях актуальных психологических проблем государственного масштаба: фамилии Корнилова мы не встречаем, например, в таких изданиях, как «Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова» [19], «Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии» [23], «Материалы совещания по психологии» [18].

Можно получить представление о каждом из этих столь резко отрицающих друг от друга «лик» и, соответственно, этапов научной биографии Корнилова. Но представляют ли они все вместе единство? Создается впечатление, что взгляды Корнилова были очень изменчивы, но это не было постепенным уточнением и накоплением знаний подобно увеличению массы катящегося с горы снежного кома. Новое у Корнилова полностью

отрицает старое. Старое перестает существовать, как будто его вовсе не было. Такова теоретическая «легкомысленность» Корнилова: вчера реактология была частью биопсихологии, сегодня она – один из вариантов разработки экспериментальных идей Вундта, Титченера или Лемана, завтра – полностью соответствует марксизму и т.п. Эта особенность характера и стиля научной деятельности Корнилова не являлась тайной уже для его современников. Об этом писал, например, И.Н. Шпильрейн², отмечая в одной из своих статей (в параграфе с характерным названием «О талмудизме и марксизме») необоснованность и поверхностность в динамике взглядов Корнилова. Приведя слова Корнилова из предисловия к первому изданию «Реактологии» о приверженности взглядам Вундта, Титченера и Лемана, Шпильрейн указывал: «В предисловии ко второму изданию «Учения о реакциях человека», помеченном 16 февраля 1923 г., Корнилов (уже успевший до того выступить в № 1 журнала «Под знаменем марксизма» за 1923 г. со статьей «Психология и марксизм») опустил весь этот абзац и заменил его другим: «Ставя перед собой широкую задачу – изучения поведения человека, понимая под этим поведением совокупность реакций человека на биосоциальные раздражители, я начал изучение этих реакций не с теоретического, а с экспериментального их исследования и обоснования, ибо считал, что только на почве строго научного экспериментального изучения того объекта, который кладется в основу всех построений, возможно делать те или иные теоретические выводы». Мы видим, что здесь «теоретические выводы» делаются уже без упоминания тех авторов, которые стояли у колыбели реактологии. Корнилов стал марксистом. Такое превращение за полтора года, прошедшие от первого предисловия до второго, теоретически возможно. Но оно обязывает к тому, чтобы пересмотреть все, что написано тогда, когда Корнилов был еще последователем Вундта, Титченера и Лемана. Корнилов, однако, не выполнил этого обязательства. Книга его вышла «вторым изданием с незначительными лишь изменениями и поправками», – пишет он в предисловии к тому же второму изданию. Это характерно для всей последующей деятельности К.Н. Корнилова» [26, с. 415-416].

Критиковал Шпильрейн Корнилова и в ряде других своих работ второй половины 20-х годов. Кстати говоря, мимо этой критики не могли пройти авторы партийной резолюции 1931 г., отмечая, что «выступления т. Шпильрейна против Корнилова и его учеников не были принципиальной критикой реактологии ни по существу и ни с позиций марксизма-ленинизма» [9, с. 4].

Следует ли нам соглашаться с этими словами Шпильрейна? Было ли нечто неизменное во взглядах Корнилова или это, действительно, был ученый, взгляды, принципы и убеждения которого если и колебались, то только в точности повторяя все колебания линии партии? Можем ли мы во всех «ликах» Корнилова и на всех этапах его жизненного пути обнаружить нечто общее, некий устойчивый набор основных принципов и идей – и когда он ничего не пишет о марксистской психологии и когда он настаивает на ее необходимости; когда он выступает поборником педологии и когда он столь же убежденно признает ее «буржуазным хламом»; когда он готов признать только свою реактологию конкретным выражением марксистской психологии и когда он совсем ничего не говорит о реактологии и т.д. и т.п.? В этих вопросах, как нам представляется, заключена вся суть проблемы понимания личности и деятельности Корнилова как ученого, как человека.

---

² Шпильрейн Исаак Нафтульевич (1891-1937) – российский (советского периода) психолог, один из создателей психотехники в СССР. Высшее образование получил в университетах Гейдельберга и Лейпцига. В 1921 г. приступил к работе в психотехнической лаборатории Центрального института труда. В 1922 г. организовал при НК труда СССР лабораторию промышленной психотехники. Руководил секцией психотехники в Институте психологии и секцией психотехники в Коммунистической академии. С 1924 г. – профессор. Организатор и председатель Психотехнического общества (1927-1935), редактор журнала «Советская психотехника» (1928-1934). Занимался проблемами психологии труда (рационализация труда, утомление, автоматизация трудовых действий, профессиональный отбор). В 1935 г. был арестован по обвинению в «контрреволюционной пропаганде и троцкизме» и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

1. Беседы с деятелями в области просвещения 1922 // Голос работника просвещения. 1922. № 6. С. 42-48.
2. *Блонский П.П.* Реформа науки. М.: Изд. Отдела народного просвещения М. С. Р. Д. и К. Д., 1920. 49 с.
3. *Блонский П.П.* Мои воспоминания. М.: Педагогика, 1971. 175 с.
4. *Вагнер В.А.* Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология): В 2 т. М.-СПб., 1913-1914. Т. 1. 435 с.; Т. 2. 428 с.
5. *Вагнер В.А.* Физиология и биология в решении психологических проблем // Новые идеи в биологии: Сб. № 6. СПб., 1914. С. 1-37.
6. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291-436.
7. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916. Статьи по философии и психологии. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916. 425 с.
8. *Игнатъев Е.И.* Константин Николаевич Корнилов (1879-1957): Краткие биографические сведения // Вопросы психологии личности: Сб. статей / Под ред. Е.И. Игнатъева. М.: Учпедгиз, 1960. С. 5-7.
9. Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6/VI 1931 г.) // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 1-12.
10. *Корнилов К.Н.* Конфликт двух экспериментально-психологических школ // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916. М., 1916. С. 327-328.
11. *Корнилов К.Н.* Метод измерения психофизической работы // Организация труда. 1921. № 1. С. 102.
12. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М.: Госиздат, б/г (1921). 228 с.
13. *Корнилов К.Н.* Основные течения в современной психологии // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. С. 61-75.
14. *Ланге Н.Н.* Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М. Шимкевича. М., 1914 (1922). Т. VIII. 312 с.
15. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с.
16. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 184 с.
17. *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. М.: Смысл, 2003. 431 с.
18. Материалы совещания по психологии (1-6 июля 1955 г.) / Ред. колл.: Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.А. Менчинская, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Б.М. Теплов. М.: Изд-во АПН РСФСР, М., 1957. 731 с.
19. Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня – 4 июля 1950 г.): Стенографический отчет. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 734 с.
20. *Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972. 216 с.
21. Психология: Биографический библиографический словарь / Под ред. Ноэль Шихи, Энотини Дж. Чепман, Уэнди А. Конрой / Пер. с англ. СПб.: «Евразия», 1999. 832 с.
22. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2-х т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 488 с. Т. 2. 328 с.
23. Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии. М., 1952. 475 с.

24. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М.: Русский книжник, 1926. 59 с.
25. *Челпанов Г.И.* Психология труда (краткое изложение доклада, читанного 19 декабря 1920 года) // Организация труда (Ежемесячник Ин-та труда). 1921. № 1 (март). С. 99-100.
26. *Шпильрейн И.Н.* Механистическая борьба за реконструкцию психотехники // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 3. С. 409-419.
27. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press; London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. P. 243-278.
28. *Lehmann A.* Die körperlichen Äusserungen psychischen Zustände. Th. I, II, III. Lpz., 1899-1905.
29. *Pavlov I. P.* A Brief outline of the higher nervous activity // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press, London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. P. 207-220.
30. Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press, London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. - XIX, 497 p.
Schniermann A. L. Bekhterev's reflexological school // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press; London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. P. 221-242.

ОЧЕРК 2

Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым

Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым и по содержанию, и по временным рамкам была составной частью проходившей в СССР на всем протяжении двадцатых годов обширной общенаучной дискуссии о значении марксизма для психологии. В той или иной мере участниками бескомпромиссных споров (как в устной форме, так и в печати) были М.Я. Басов, В.М. Бехтерев, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Э.С. Енчмен, Ю.В. Португалов, М.А. Рейснер, В.Я. Струминский, Ю.В. Франкфурт, П.О. Эфрусси и многие другие психологи и представители смежных наук, ставившие и обсуждавшие вопросы не только чисто психологические, но и на стыках психологии с другими науками, областями знания и сферами практики – биологией, физиологией, рефлексологией, педологией, социологией, философией, физикой, политикой, идеологией и т.д. Воссоздать и проанализировать всю эту картину, осуществить многоплановую реконструкцию всего начального этапа развития концепции советской психологии как особой, марксистской науки – ее становления под флагом марксизма в течение 20-30-х годов – тема дальнейших исследований, требующая больших и, безусловно, коллективных затрат времени и творческой энергии.

Всестороннее изучение содержания дискуссии между Корниловым и Челпановым позволило выделить в ее предмете ряд вопросов – о дуалистическом и монистическом понимании психики, о пространственности или непространственности психики, о гипотезах параллелизма и взаимодействия, о соотношении психологии и философии, о материализме и идеализме, о методах психологии и о значении марксизма для социальной психологии.

Дуалистическое и монистическое понимание психики. В начале доклада «Современная психология и марксизм» Корнилов, имея в виду прежде всего взгляды Челпанова, критикует «так называемую эмпирическую психологию» за присущие ей

«резкое, коренное разграничение психического от материального, духа от материи» и «дуализм психического и физического» [18, с. 42]. Становясь на точку зрения марксизма, Корнилов ясно формулирует свой основной тезис: «Марксизм в корне порывает с этим дуализмом духа и материи, сводя духовное, психическое к материальному» [18, с. 42].

Точку зрения по этому вопросу Челпанова, основного оппонента Корнилова, мы находим уже в его первой полемической брошюре «Психология и марксизм» [58], направленной против рефлексологической экспансии под флагом марксизма. Объединяя в одну группу (по признаку отрицания значимости и самостоятельности психических процессов, следовательно, и психологии как науки) рефлексолога Бехтерева, сторонника науки о поведении Блонского и реактолога Корнилова, Челпанов в четвертом тезисе брошюры писал: «Попытки сводить душевные явления к материальным или заменять изучение душевных явлений материальными есть механический материализм. К механическому материализму, иначе называемому вульгарным, Маркс, Энгельс и марксисты всегда относились решительно отрицательно» [58, с. 15].

Как же Корнилов отвечал на эту критику? Об этом мы можем судить по двум статьям Корнилова, помещенным в сборнике «Психология и марксизм» [27], [28]. Из содержания этих статей следует, что к июню 1924 г. (эта дата стоит под предисловием Корнилова, редактора к сборнику) Корнилов все еще настаивал на том, что тезис о сведении психики к материи является марксистским. Как и в докладе в январе 1923 г., Корнилов по-прежнему утверждает, что сведение психики к материи – это и есть марксистское понимание психики, а вульгарный материализм заключается в сведении психики к движению материи [28, с. 239-240].

По существу четвертого тезиса Челпанова Корнилов упрекал своего противника в неверном толковании марксизма, спрашивая: и Энгельс, и Плеханов, и Ленин определяли психику как свойство высокоорганизованной материи, выходит их всех, по логике Челпанова, следует в таком случае считать вульгарными, а не диалектическими материалистами!? [см. 28, с. 239]. Здесь, как и в докладе на первом съезде, Корнилов по-прежнему настаивает на том, что понимание психики как свойства материи и тезис о сведении психики к материи (т.е. утверждение о материальности психики) одно и то же. Но, помимо обращения за помощью к классикам, Корнилов использовал при отстаивании истинности своих взглядов в споре с Челпановым также другой метод, апеллируя к этическим соображениям.

В статье «Психология и марксизм проф. Челпанова» [28] Корнилов бросает Челпанову серьезное обвинение: почему в брошюре «Психология и марксизм» Челпанов, критикуя Корнилова за вульгарный материализм, указывает в качестве объекта критики лишь «Учение о реакциях» и вовсе не упоминает статьи Корнилова [18], [20], [21], в которых, как подчеркивает Корнилов, им «дается критика наивного материализма, в котором обвиняет меня проф. Челпанов?» [28, с. 234]. В этом факте Корнилов видит только запрещенный прием полемики: Челпанов «потому намеренно и умолчал, что сослаться на эти статьи – значило бы в корне подрезать все свои обвинения. Как именуется такого рода прием проф. Челпанова, подчеркивать, я думаю, не надо» [28, с. 234].

В этих словах прежде всего стоит отметить то, что Корнилов вовсе не отрицает, что до доклада на первом съезде, в книге «Учение о реакциях» он стоял на позициях наивного (вульгарного) материализма, иначе в чем же тогда новизна предложенного им на съезде марксистского понимания психики!? Но действительно ли упрек Челпанова относится только к «Учению о реакциях», «не срабатывая» по отношению к докладу «Современная психология и марксизм»? И почему, в самом деле, Челпанов в работе 1924 г. ничего не пишет о статьях Корнилова, вышедших в 1923 г.?

Корнилов совершенно справедливо указывает, что в брошюре Челпанова не упоминаются статьи Корнилова, опубликованные в журнале «Под знаменем марксизма» в 1923 г. [18], [20], [21], в то же время Челпанов в той же брошюре делает две ссылки на

работы, опубликованные в этом же году и в этом же журнале: на семнадцатой странице Челпанов приводит длинную цитату из работы Энгельса, помещенной в № 2-3 журнала, а на следующей странице упоминается статья Бухарина «Енчмениада», опубликованная в книге 6 журнала «Красная Новь» за 1923 г. Все это выглядит тем более странно и непонятно, что Челпанов при всем желании не мог бы замолчать две статьи Корнилова, делая вид, что их не существует, т.к. к тому времени статья Корнилова «Современная психология и марксизм» была, во-первых, опубликована в журнале «Под знаменем марксизма» [18], во-вторых, в «Известиях» в январе 1923 г. был опубликован краткий автореферат этого доклада [19], наконец, доклад выходил в виде отдельной брошюры. Для сравнения напомним, что доклад Челпанова на первом психоневрологическом съезде был опубликован только в 1926 г. [59].

С нашей точки зрения, все станет на свои места, если мы согласимся, что Челпанов в своей брошюре потому ограничивается упоминанием работы Корнилова 1921 г. (а также книги Блонского того же года), что эта брошюра была им написана еще до первого съезда по психоневрологии, т.е. до января 1923 г. Но почему же в таком случае эта работа была опубликована только в 1924 г.? И как в ней оказались ссылки на работы, опубликованные в 1923 г. и не оказалось даже краткого упоминания статей Корнилова 1923 г., самым непосредственным образом посвященных рассматриваемой Челпановым теме?

Ответ на первый вопрос является простым. Мы имеем в виду письмо Челпанова своему бывшему ученику А.М. Щербине, написанное, что для нас существенно, 25 апреля 1924 г. В примечаниях к публикации сказано, что «письмо датировано, очевидно, ошибочно 1924 г. Судя по содержанию, оно относится к 1927 г.» [15, с. 92]. С нашей точки зрения, содержание письма позволяет однозначно утверждать, что дата проставлена Челпановым верно. В этом письме Челпанов пишет: «В октябре месяце (1923 г. – С.Б.) меня отчислили от Института и от Университета, дали мне пенсию в размере одной ставки. Теперь сижу дома и действую так, как полагается человеку «в отставке». Кое-что читаю, кое-что пишу. Печатать удается с большим трудом. Пока напечатал только «Экспериментальную психологию». Сейчас получил разрешение на напечатание брошюры «Психология и марксизм. В защиту психологии против рефлексологии». Если она будет принята благоприятно, то для меня откроется возможность печатания и других моих трудов» [15, с. 90]. Очевидно, Челпанов здесь под «Экспериментальной психологией» имеет в виду третье издание своей книги «Введение в экспериментальную психологию» [57].

Таким образом, Челпанов не мог напечатать готовую работу раньше, еще в 1923 г. потому, что ему ее просто не разрешали печатать – работал аппарат цензуры. В утвержденный Главлитом текст Челпанов мог включить лишь две упомянутые ссылки на работы Энгельса и Бухарина, ничего не меняющие в общей логике изложения вопроса. Естественно, что если бы Челпанов захотел включить в текст ссылки на новые статьи Корнилова, то это, во-первых, удлинит бы процедуру выхода в свет (ввиду необходимости повторной цензуры), а, во-вторых, нарушило бы общую логику, предмет изложения. Ведь ясно, что одной ссылкой здесь не отделаешься, Корнилов действительно во многом изменил свои взгляды, заговорил по-другому...

Поэтому, разрешая дилемму – либо оставить все без принципиальных изменений (следуя правилу «лучше поздно, чем никогда»), либо ввести в текст анализ новых работ Корнилова, что удлинит бы срок выхода брошюры в свет, да и работа уже получилась бы в итоге другая, – Челпанов выбрал первое. Возможно, на этот выбор повлияло и соображение такого рода: а где гарантии, что пока будет готовиться и «пробиваться» ответ на новые статьи Корнилова, не появятся еще работы Корнилова с вновь измененными взглядами!?

Такую реконструкцию событий подсказала нам аналогичная история, происшедшая со второй брошюрой Челпанова [59]: пока Челпанов получил разрешение на публикацию, брошюра успела устареть из-за того, что Корнилов вновь изменил свои взгляды (в

очередной раз отказавшись от своего наивного материализма и став на позиции материализма диалектического). Учитывая прошлый опыт, Челпанов в предисловии к работе [59, с. 3-4] специально обговорил изменившиеся обстоятельства. Если бы Челпанов этого не сделал, то Корнилов мог бы, как и в прошлый раз, отвечать, что он уже перешел на (более) правильные позиции, а Челпанов это «сознательно» умалчивает и т.д. Любопытно, что подобную тактику уже более убедительно Корнилов проводил, отвечая Таланкину [49] в статье 1931 г. [31]: Таланкин критиковал Корнилова за работы 1923-1925 гг. и ранее, а Корнилов ссылаясь на свою заграничную работу 1930 г. [44].

Думается, наших доводов достаточно для того, чтобы считать, что Челпанов, критикуя Корнилова за вульгарный материализм (сведение психики к материи), имел в виду работу Корнилова «Учение о реакциях человека» 1921 г., но не статью 1923 г. [18]. Значит ли это, что Корнилов прав, утверждая, что статья 1923 г. снимает все обвинения? Это было бы так, если бы Корнилов в докладе на первом съезде отказался от своего редуccionистского тезиса. На самом же деле, как видно из слов Корнилова, приведенных нами в самом начале данного параграфа, он лишь усилил с помощью марксизма свое редуccionистское понимание психики. Правда, для этого ему пришлось немного «подправить» марксизм, отождествив понимание психики как свойства материи с тезисом о материальности психики.

И все же вскоре Корнилов признал свою правоту, отказавшись от тезиса о сведении. Случилось это менее чем через полгода, в ноябре 1924 г., когда он выступил в стенах руководимого им института с докладом «О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии» [22]. Свидетельства этому факту мы можем найти еще в двух источниках [59, с. 3], [45, с. 251]. Судя по всему, именно этот доклад на открытой конференции института был в значительно переработанном виде опубликован Корниловым под названием «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека» [26]. В этой статье Корнилов фактически соглашается с Челпановым в вопросе о сущности психики, повторяя своими словами суть четвертого тезиса Челпанова [58, с. 15]. Корнилов пишет: «Наивный материализм, признавая только материю и ее движение, помимо того пространства, в котором существует и движется эта материя, всецело сводит к этой материи и движению и психику» [45, с. 10].

В этой работе Корнилова мы уже не встретим мысли о том, что материалистическое, марксистское понимание психики заключается в ее сведении к материи. Правда, утверждая, что марксизм признает реальность и значимость психических процессов и не сводит психику к материи, Корнилов все же не уточняет справедливости ради, что именно об этом с самого начала дискуссии говорил Челпанов, показывая совпадение позиций о сущности психики в марксизме и эмпирической психологии.

Для эволюции взглядов Корнилова по вопросу о сущности психики следует указать на следующие факты. В сборник своих статей [24] Корнилов не включил целиком обе статьи [27], [28]. В сборник своих работ Корнилов включил лишь первую статью [27], где дается ответ на 7-10 тезисы брошюры Челпанова, причем довольно значительно сократил текст и дал статье новое название – «Путь современной психологии» [25]. Мы полагаем, что Корнилов пошел на это не только из-за того, что обе статьи в неизменном виде не помещались в сборник, но и главным образом из-за того, что ему не хотелось демонстрировать правоту Челпанова по обсуждаемым в первых шести тезисах вопросам, в частности по четвертому тезису. В дальнейшем, например, в статье, вышедшей в 1929 г., Корнилов уже без колебаний относит тезис о материальности психики к механическому материализму, уверенно цитируя слова Ленина о том, что назвать мысль материальной, значит «сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» [30, с. 7], а также слова Плеханова о том, что «мнимое разрешение антиномии между субъектом и объектом посредством устранения одного из ее элементов это есть бессознательное повторение одной из коренных ошибок идеализма» [30, с. 7].

Принципиальное изменение Корниловым своих взглядов в конце 1924 г. и последовавшая затем одобрительная оценка Челпановым этого факта не могли остаться незамеченными научным сообществом.

Ироничный комментарий к словам Челпанова, сказанным в предисловии его сборника статей [59, с. 3-4], прозвучал в статье Залманзона, который писал: «Не так давно центр тяжести борьбы психологов-марксистов был направлен против субъективной эмпирической психологии ... В настоящее время мы переживаем полосу затишья и мучительного искания новых путей. Но природа и история не терпит покоя. Те, кто не в силах идти вперед, вынуждены неудержимо катиться назад. В этом попятном движении бывают нередко неожиданные встречи. Корнилов, один из «революционных» вождей, поднявший бунт против своего бывшего учителя Челпанова и отлученный за это из «психологической церкви», принят обратно в ее лоно за заслуги в борьбе против “механического материализма”» [13, с. 189]. Далее Залманзон в статье цитирует слова Челпанова из предисловия [59, с. 3-4].

Для более глубокого понимания логики и содержания дискуссии между Корниловым и Челпановым следует рассмотреть вопрос о том, откуда Корнилов мог взять тезис о сведении в марксизме психики к материи. Это не просто сделать, так как в докладе Корнилов обходится вовсе без каких-либо ссылок и точных цитат. Все же по проводимым Корниловым формулировкам мы можем сделать достаточно достоверные предположения.

Обратим внимание на то, что свой доклад Корнилов начинает словами: «Попытка применить марксизм – этот, по выражению Плеханова, современный материализм...» [18, с. 41]. Очевидно, здесь Корнилов имел в виду слова, которыми начинается работа Плеханова «Основные вопросы марксизма»: «Марксизм – это целое мирозерцание. Выражаясь кратко, это современный материализм...» [42, с. 124]. Кроме этой работы, Корнилов также пользовался другой работой Плеханова – предисловием ко второму изданию работы Энгельса [44]. Эти статьи Плеханова Корнилов цитирует в своей статье [28].

На основе непосредственного сопоставления текстов мы можем утверждать, что в своих рассуждениях о дуализме и сведении психики к материи Корнилов исходил из следующих слов Плеханова: «Важнейшая отличительная черта материализма состоит в том, что он устраняет дуализм духа и материи, бога и природы ... Противникам материализма, имеющим о нем по большей части самое нелепое представление, кажется, что Энгельс неправильно определил сущность материализма, что на самом деле материализм сводит психические явления к материальным» [44, с. 74].

Как видим, Плеханов, раскрывая мысль Энгельса о сущности материализма, утверждал прямо противоположное тому, что мы встречаем в докладе Корнилова. Плеханов утверждал, что материалисты не сводят психику к материи. Позиции Плеханова мы можем подтвердить его словами из другой работы: «Идеалисты и неокантианцы упрекают материалистов в том, что те «сводят» психические явления к материальным». Нет, возражал Плеханов, материалисты только утверждают, что «помимо субстанции, обладающей протяжением, нет никакой другой мыслящей субстанции и что, подобно движению, сознание есть функция материи» [43, с. 632].

Отрицая толкование сознания как особой субстанции, Плеханов признавал сознание как определенное свойство, функцию материи. Корнилов же понял и «развил» мысли Плеханова по-своему: материалисты, определяя психику как свойство материи, тем самым (! – вот где ошибка Корнилова) сводят ее к материи, а наивный (вульгарный) материализм состоит в сведении психики к движению материи [см. 18, с. 43].

Таким образом, если кого и приходится упрекать по данному вопросу в искажении («извращении»), пользуясь языком той эпохи, а, в общем-то, элементарном непонимании) марксизма, то не Челпанова, а самого Корнилова. Справедливости ради стоит заметить, что проблема материальности или нематериальности психики и у Плеханова вовсе не была разрешенной до конца. В связи с этим стоит привести слова Выготского, который,

имея в виду статью Франкфурта [52], высказывал свою точку зрения: «Вслед за Плехановым он (Франкфурт. – С.Б.) запутывается в безнадежном и неразрешимом противоречии, желая доказать материальность нематериальной психики, а для психологии связать два несвязуемых пути науки» [10, с. 399].

Рассмотрев дискуссию между Корниловым и Челпановым по одному из частных вопросов – о дуалистическом и монистическом понимании психики – мы убедились, что Челпанов с самого начала отстаивал нередукционистское понимание психики, утверждая, что в этом вопросе между эмпирической психологией и марксизмом расхождений нет. Корнилов же в начале утверждал, что в «соответствии с марксизмом» психика, сознание сводится к материи, но в конце 1924 г. он вынужден был отказаться от этого тезиса, признав, что сведение психики к материи есть вульгарный, наивный, но не диалектический материализм.

Так что если мы обратимся ко второму изданию сборника статей Корнилова [24], то по рассматриваемому нами вопросу получим такую картину: в первой статье Корнилов пишет о «марксистском» сведении психики к материи, а в последней статье [26] признает этот тезис вульгарно-материалистическим! Эта эволюция взглядов Корнилова осталась без внимания отечественных историков психологии. Чтобы убедиться в этом, обратимся к тем работам современных авторов, где цитируется редукционистский тезис Корнилова о материальности психики.

Теплов в работе 1947 г. конспективно излагает основные тезисы и общую логику Корнилова следующим образом: «Перестройка психологии должна быть произведена на основе марксизма». «Марксизм в корне порывает с дуализмом духа и материи». «То, что мы именуем психикой, есть не нечто противоположное материи, а есть лишь свойство наиболее организованной материи». «Так мы приходим к материалистическому монизму» [50, с. 12]. В 1960 г. Теплов также не упоминает этот тезис [см. 51, с. 12]. Можно сказать, что именно Теплов в статье 1947 г. заложил основы традиции, в соответствии с которой тезис Корнилова о сведении психики к материи не цитируется.

Та же многозначительная недоговоренность обнаруживается и у А.В. Петровского, когда он пишет: «Корнилов ... подчеркивает, что марксизм резко порывает с дуализмом психического и физического и рассматривает психику, ссылаясь на Энгельса, Ленина и Плеханова, как “свойство наиболее организованной материи”» [40, с. 57], [41, с. 91-92]. Так же излагает рассуждения Корнилова о «марксистском» понимании психики и Будилова, переходя от утверждения о дуализме сразу к определению психики как свойства материи, минуя, таким образом, тезис о сведении [см. 6, с. 31]. Л.М. Цыпленкова в диссертации, посвященной научной биографии Корнилова, точку зрения Корнилова характеризует однозначно: «Дуализму психического и физического эмпирической психологии Корнилов противопоставил марксистский взгляд на природу психического: «Марксизм в корне порывает с этим дуализмом духа и материи, сводя духовное, психическое к материальному» [53, с. 132]. Пожалуй, наиболее просто поступил Смирнов, изложив основные положения доклада Корнилова, в том числе и его редукционистскую формулу, без каких-либо критических комментариев, что мы можем интерпретировать как согласие с точкой зрения цитируемого автора [см. 47, с. 137].

Таким образом, если бы мы изучали доклад Корнилова только по работам Теплова, Петровского, Будиловой, то мы никогда не смогли бы узнать, что Корнилов считал соответствующим марксизму тезис о сведении психики к материи и материальности психики, а из слов Цыпленковой и Смирнова мы должны сделать вывод о том, что эти исследователи согласны с Корниловым в том, что в марксизме психика сводится к материи. Причиной подобных оценок является общая исходная схема, которой руководствовались историки при изложении дискуссии между Корниловым и Челпановым. В данном случае констатация немарксистского понимания Корниловым психики в докладе «Современная психология и марксизм» входит в противоречие с одним из положений этой схемы, гласящим, что в январском докладе Корнилову «в

значительной мере» удалось освободиться от своих прежних (1921 г.) вульгарно-материалистических, механистических представлений о психике.

Обладает ли психика пространственной протяженностью? В докладе «Современная психология и марксизм» Корнилов, противопоставляя свои марксистские взгляды на психику взглядам Челпанова, выступает против утверждения Челпанова о непространственности психики. При этом, однако, Корнилов повторяет, только немного видоизменив, свою прежнюю реактологическую, энергетическую аргументацию. Это подтверждается прямым сопоставлением того, что писал по этому вопросу Корнилов в докладе на первом съезде и в «Учении о реакциях».

Действительно, в 1921 г. в первом издании «Реактологии» Корнилов писал: «Мозг есть орган психической деятельности, а отсюда не менее правильным является и то, что психика и психические процессы суть, несомненно, явления пространственного порядка, поскольку этот признак может быть применен вообще ко всякому энергетическому процессу и явлению» [17, с. 141]. Здесь логика Корнилова ясна: психика есть явление энергетическое, следовательно, пространственное.

В январе 1923 г. ту же мысль о пространственности психики Корнилов выводит уже из марксистского понимания психики как свойства наиболее организованной материи [18, с. 44]. Психика материальна, следовательно, пространственна – вот логика Корнилова-марксиста. Но даже и здесь, заявляя себя марксистом, Корнилов не может обойтись без энергетической трактовки психики, стремясь тем самым показать лишний раз соответствие марксизму своего взгляда на психику как на проявление физической энергии: «Психические процессы должны быть признаны пространственными не в том, конечно, смысле, что относительно психических процессов можно было сказать, что они находятся вправо или влево и т.д., – возражение, обычно приводимое защитниками непространственности психических процессов. На все это можно было бы возразить лишь одно, что если вышеуказанные предикаты неприменимы к психическим процессам, то одинаково они неприменимы и к физическим процессам энергетического порядка: если мы не можем сказать – толстые или тонкие мысли и т.п., то одинаково мы не можем сказать – толстый или тонкий магнетизм и т.д. Пространственное понимание психических процессов говорит лишь о том, что эти процессы (особенно если мы будем понимать их энергетически) локально связаны с тем или иным телом, в данном случае с органическим телом, и этого вполне достаточно, чтобы применить к этим процессам категорию пространственности» [18, с. 44-45].

Если исходить только из этих слов Корнилова, то может создаться впечатление, что новым и неожиданным аргументом о магнетизме и энергии Корнилов опровергает Челпанова, который, как известно, в соответствии с постулатами эмпирической психологии всегда утверждал, что непространственность психики является ее отличительным свойством по сравнению с пространственным, протяженным, материальным миром. Кроме того, из слов Корнилова можно сделать вывод, что Челпанов доказывал тезис о непространственности психики с помощью двух критериев (показателей, аргументов): 1) про мысль нельзя сказать, что она имеет форму («толстая или тонкая») и 2) что она расположена в пространстве («находится справа или слева»).

На самом же деле Челпанов в книге «Мозг и душа» указывает не два, а три критерия пространственности (пространственной протяженности): 1) положение или место в пространстве; 2) наличие формы; 3) возможность, способность двигаться, совершаться в пространстве [55, с. 22-23]. О том же, заметим, пишет Челпанов и во «Введении в философию» [54, с. 144], во всех, начиная с первого, изданиях работы «Мозг и душа» и даже в «Учебнике психологии» [56, 4-5]. Так что Корнилов невольно или сознательно исказил аргументацию Челпанова. Аргумент Челпанова с магнетизмом также содержится во всех изданиях работы «Мозг и душа».

Согласно Челпанову психические явления ни одним из этих трех свойств (проявлений пространственности) не обладают. С точки зрения Челпанова, психические

процессы все же совершаются, происходят, но не в пространстве, а только во времени, в противном случае трудно было бы объяснить, чем же занимаются психологи-экспериментаторы, в частности, при исследовании времени (скорости) реакции.

Мало того, Челпанов в книге «Мозг и душа» разбирает также аргумент с магнетизмом (!), доказывая, что энергия так же, как и другие материальные явления, обладает пространственной протяженностью, в данном случае по третьему критерию (совершается в пространстве). В характерной для себя диалогической манере Челпанов пишет: «Есть одно явление в физическом мире, которое всех неопытных в философском мышлении в состоянии поставить в большое затруднение. Я имею в виду такое явление, как электричество, магнетизм. Многие не понимают, как это к электричеству и магнетизму применимы категории протяженности. Мне часто приходится слышать возражение: «Ведь не скажете же Вы, что электричество толстое, круглое, четырехугольное, широкое, следовательно, нельзя сказать, что категории протяженности применимы к подобным явлениям». Это затруднение решается следующим образом. Какие явления мы называем явлениями магнетизма? Мы имеем магнит и кусок железа, и между ними находится маленькое промежуточное пространство. Когда это промежуточное пространство делается еще меньше, то железо начинает двигаться. Вот это движение в пространстве до соединения с магнитом мы и называем явлением магнетизма. Явление магнетизма, как это легко видеть, есть явление, совершающееся в пространстве» [55, с. 102].

Челпанов, опытный полемист, в споре с Корниловым решил просто не повторять свои аргументы многолетней давности, бросая тем самым своему оппоненту упрек в некомпетентности. Вместо этого Челпанов использовал [см. 58, с. 8] более подходящий для того времени прием, взяв себе в сторонники ... Бухарина, который в популярном в то время марксистском учебнике писал: «Мы вообще различаем между двумя родами явлений. Одни имеют протяжение, занимают место в пространстве, воспринимаются нашими внешними чувствами – их можно видеть, слушать, осязать, пробовать на вкус и т.д. Их мы называем материальными явлениями. Другие не занимают места в пространстве, их нельзя нащупать или увидеть. Такова, например, человеческая мысль, или воля, или ощущение. Что они существуют – всякий знает отлично сам по себе» [7, с. 51]. «Такие явления называются психическими, в просторечии духовными» [7, с. 52].

Таким путем Челпанов показывает, что Корнилов не знаком с точкой зрения Бухарина, с его книгой, первое издание которой вышло еще в 1921 г.! Тем самым ставятся под сомнение слова Петровского о том, что Корнилов «с историческим материализмом был знаком очень бегло и главным образом в бухаринском изложении» [40, с. 59], ибо даже о «беглом знакомстве» с работами Бухарина было бы говорить большим преувеличением.

Если бы Челпанов упрекнул Корнилова в незнании «Мозга и души», то это могли бы оценить не столько как минус, сколько как плюс корниловской эрудиции. Другое дело Бухарин, в первой половине 20-х годов активный политический деятель, виднейший теоретик партии большевиков!

Как же Корнилов отвечал на эту критику, когда на стороне Челпанова оказался (очевидно, совершенно для Корнилова) Бухарин?

В этой ситуации у Корнилова было два разумных выхода: либо признать, что из непространственности психики вовсе не следует жестко и однозначно ее дуалистическое или метафизическое понимание, либо, настаивая на своей логике, объявить дуалистом, метафизиком, идеалистом и т.д. не только Челпанова, но и Бухарина. Корнилов выбирает нечто среднее, тем самым не столько проясняя, сколько еще больше усложняя и запутывая проблему.

Приведя свои слова о пространственности психики, высказанные еще в «Учении о реакциях человека», и цитированные нами выше слова Бухарина, Корнилов соглашается: «В самом деле, противоречие полное, здесь проф. Челпанов документально устанавливает,

что это так. Но вот в чем суть, что это положение о пространственности или непространственности психических процессов есть наиболее спорное положение из всех, ибо на нем и сходятся, и расходятся и марксисты, и немарксисты. В самом деле, вот проф. Челпанов как психолог сходитя в этом отношении во взглядах с Бухариным, но любопытно, что и тот рефлексолог, против которого направлены тезисы проф. Челпанова, акад. Павлов тоже держится тех же воззрений о непространственности и даже больше – беспричинности психических процессов. Но то же самое подтверждает и Енчмен. Оказывается, отрицание пространственности психических процессов вовсе не гарантирует того, что человек является последовательным марксистом, ибо таковым никак нельзя назвать ни Енчмена, ни Павлова, ни тем более уже проф. Челпанова с его «Мозгом и душой». С другой стороны, имеется целый ряд авторов, которые, признавая пространственность психических процессов, являются, несомненно, идеалистами: таков известный датский психофизиолог Леман или Ибервег и др., которые признают и мировую душу, и особую психическую энергию, отличную по самой своей сути и природе от физической и т.п.» [28, с. 235-236].

Эта большая цитата дает нам ясное представление о Корнилове как о полемисте. Если ранее для подтверждения правильности (с точки зрения марксизма) той или иной формулировки достаточно было сослаться на Плеханова, Ленина, Энгельса или Бухарина, то теперь, в щекотливой ситуации, авторитета Бухарина (и других марксистов, марксизма вообще) оказывается уже недостаточно! Характерно, что в своем ответе при изложении различных точек зрения Корнилов не сумел назвать хотя бы одного марксиста, который бы говорил о пространственности психики.

Своим ответом Корнилов фактически выводит вопрос о пространственности психики за пределы проблемы «психология и марксизм». При этой операции обращает на себя внимание то, что если в докладе на первом съезде тезис о пространственности следует без особых оговорок, как нечто несомненное из понимания Корниловым психики как свойства материи (психика материальна, следовательно пространственна), то в статье «Психология и марксизм проф. Челпанова» у Корнилова вдруг оказывается, что утверждение о пространственности является «спорным» и его можно рассматривать само по себе, независимо от более общего, исходного вопроса о сущности психики.

Но Корнилова, что характерно, больше заботит не логическая, а другая, так сказать, личная сторона вопроса: остается ли он, по-прежнему настаивая на пространственности психики, марксистом? Именно в связи с этим Корнилов специально подчеркивает: «От того что я отрицаю беспространственность психических явлений, а проф. Челпанов признает ее, от этого вовсе ни я не являюсь еще «по недоразумению марксистом», как говорит проф. Челпанов, ни он не является “гуманистическим материалистом”» [28, с. 236]. Здесь, очевидно, Корнилов имеет в виду слова Челпанова в работе «Психология и марксизм» о «полном противоречии» во взглядах «между подлинными русскими марксистами» (Лениным, Бухариным) и «рефлексологами, именующими себя по недоразумению марксистами» – Блонским, Корниловым и Бехтеревым [см. 58, с. 8]. В шестом тезисе Челпанов материализм Фейербаха, Маркса, Энгельса и Дицгена называет «гуманистическим» [58, с. 21].

Для дальнейшей эволюции взглядов Корнилова показательным то, что ни в статье «Путь современной психологии», ни в статье о наивном и диалектическом материализме [26] Корнилов вообще не упоминает проблему пространственности психики. На основе вышеизложенных соображений можно сделать вывод, что к ноябрю 1924 г. Корнилов все-таки осознал недостаточность своей аргументации: он был не в силах спорить по этому вопросу не столько с Челпановым, сколько с Бухариным.

Какое отражение дискуссия между Корниловым и Челпановым по вопросу о пространственности психики нашла в работах отечественных историков психологии? В работах Будиловой [6] и Смирнова [47] вопрос о пространственности не упоминается вовсе. Зато высказывания Теплова и Петровского примечательны.

Теплов полностью приводит в своей статье процитированное нами рассуждение Корнилова о пространственности, после чего подводит итог: «Таким образом разрушался один из вреднейших предрассудков, прочно владевших психологами того времени» [51, с. 15]. При этом Теплов в первую очередь исходил из того, что позиция Корнилова фактически совпадала с позицией Павлова, который еще в 1913 г., выступая на общем заключительном собрании Международного съезда физиологов в Гронингене (Голландия), говорил о том, что не может представить, «как было бы можно систему беспространственных понятий современной психологии наложить на материальную конструкцию мозга» [39, с. 221-222]. Разумеется, всю силу подобного аргумента мы можем оценить, только если учтем время написания Тепловым статьи – конец 50-х годов. Стоит подчеркнуть, что, как следует из рассуждений Корнилова, для него самого совпадение своих и павловских взглядов на пространственность психики не являлось убедительным аргументом в споре.

Петровский повторяет логику рассуждений Теплова, также усиливая правильность точки зрения Корнилова авторитетом Павлова: «Мысль Корнилова совпадает с известным пониманием пространственности психики, содержащимся в трудах Павлова» [41, с. 92].

В наше время мы понимаем, что Павлов выражал своим вопросом, конечно же, точку зрения и подход физиолога, работающего на стыке с психологией и пытающегося соотнести то, что известно о психических процессах в психологии, с тем, что известно о строении и работе человеческого мозга, всей нервной системы в физиологии. Перед психологией такой задачи может и не быть, и психолог может ограничиться лишь констатацией этой связи, не выясняя конкретно формы и механизма ее проявления. Именно такой подход развивал, в частности, Челпанов, отстаивая в качестве «рабочей гипотезы» принцип психофизиологического параллелизма.

Мы полагаем, что рассмотренного нами материала вполне достаточно, чтобы сделать вывод, что позиция Корнилова в вопросе о пространственности психики не была обоснованной, прочной и устойчивой по сравнению с позицией и аргументами Челпанова ни с точки зрения марксизма, ни с точки зрения чисто научной, логической.

Разрешение психофизической проблемы: оценка гипотез параллелизма и взаимодействия. Не менее показательна попытка Корнилова сформулировать марксистское разрешение психофизической проблемы. К тому времени, т.е. в 10-20-е гг. XX века, в мировой психологической науке общепринятыми, но конкурирующими между собой гипотезами (теориями, учениями) относительно взаимосвязи психических и физиологических процессов были две – параллелизма и взаимодействия [см., в частности, 33, с. 74-75]. Решение этой проблемы Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм» начинает с того, что объявляет, что учение о параллелизме находится «в полном противоречии с непосредственным опытом», а теория взаимодействия противоречит «современному естествознанию» [18, с. 46].

Тем самым Корнилов в докладе почти дословно повторяет рассуждения, ранее высказанные им в «Учении о реакциях человека». Вся разница заключается только в том, что в 1921 г. все объяснения Корнилова основывались на понимании психики как энергии, а в 1923 г. – как свойства материи. В «Учении о реакциях» Корнилов с самого начала отбрасывает оба варианта решения психофизической проблемы как неудовлетворительные, но еще не ради утверждения тезиса о материальности психики, а ради доказательства того, что психика является «проявлением», как он пишет, физической энергии: «Что же касается того, как мы должны мыслить отношение этих энергетических процессов, лежащих в основе реакции, к тому, что мы именуем психической стороной реакции, то как бы ни перекидывали мост от одного к другому, – при помощи ли метафизических теорий о существовании особой духовной субстанции, насквозь отличной от того, что именуется материей, с вытекающими отсюда бесконечными в своей многозначной интерпретации теориями психофизического параллелизма, противоречащего непосредственному опыту, или не менее несогласованными теориями

взаимодействия, стоящими в полном противоречии с естественно-научными данными, – ясно одно, что все психическое может быть понято только через однозначную определенность энергетическими процессами, происходящими в протоплазме и нервной системе» [17, с. 14].

Отбрасывая оба варианта решения психофизической проблемы, Корнилов стремится сформулировать свой, третий вариант решения. Но фактически и в «Учении о реакциях», и в докладе на первом съезде Корнилов становится на точку зрения гипотезы взаимодействия, подтверждением чему служат его слова о том, что психика, понимаемая как вид и проявление физической энергии, тем самым должна подчиняться и соответствовать «естественно-научным данным», т.е. закону сохранения энергии [18, с. 47-48].

Так писал Корнилов в январе 1923 г. Однако в июне он говорит уже о параллелизме [см. 27, с. 20], а в ноябре 1924 г. он столь же убежденно заявляет, что между психическими и физиологическими процессами существует не причинное, а функциональное взаимодействие [см. 45, с. 13-14]. Это соответствует трактовке Челпановым принципа психофизиологического параллелизма. При обосновании своего решения Челпанов опирался на идеи Маха и Авенариуса, указывая: «Когда изменяется физическое явление, то изменяется и соответственное психическое, и наоборот, когда изменяется психическое, изменяется и соответственное физическое явление, и их связь будет только функциональная. В этом смысле мы можем сказать, что мысль есть функция мозга, но с таким же правом мы можем сказать, что и физические явления в мозгу суть функции изменений в психической сфере» [55, с. 144].

Парадоксальность «смены вех» у Корнилова от июня 1921 к июню 1923 и ноябрю 1924 г. заключается еще и в том, что буквально в следующем предложении только что цитированной статьи, отбросив оба варианта, он по-прежнему отказывается признавать теории параллелизма и взаимодействия за содержащийся в них «скрытый дуализм» [45, с. 14]!

Таким образом, критикуя Челпанова за идеализм и метафизику, Корнилов в итоге утверждает точку зрения... Челпанова и называет ее при этом марксистским разрешением психофизической проблемы!

В связи с этим стоит привести оценочные суждения Выготского, который подчеркивал, что если в формуле «сознание есть функция мозга» функцию понимать в математическом смысле, то перед нами будет теория параллелизма; если же функцию понимать в физиологическом смысле, то «перед нами материализм». Так что, продолжает Выготский, «когда Корнилов вводит понятие и термин функционального отношения между психикой и телом, хотя и признает параллелизм дуалистической гипотезой, сам незаметно для себя вводит эту теорию, ибо понятие функции в физиологическом смысле им отвергнуто и остается второе» [10, с. 368]; здесь Выготский ссылается на статью Корнилова «Психология и марксизм» [27]. Более определенную позицию по вопросу о гипотезе взаимодействия занимал в 1921 году Блонский, когда писал: «Эта теория взаимодействия находится в коренном противоречии с современной физикой ... Если бы мы допустили взаимодействие между телом и душой, то ... мы должны были бы отрицать закон сохранения энергии» [4, с. 37]. Собственная неопределенная позиция позволила Корнилову лавировать позже, защищаясь от упреков в механицизме, энергетизме и идеализме [30].

При подготовке доклада «Современная психология и марксизм» перед Корниловым стояла непростая задача «перекрасить» свой былой энергетизм в материализм и марксизм. Корнилов эту задачу понял как задачу по смене не столько методологии, сколько терминологии. В этом плане характерен совет Корнилова Бехтереву, сделанный в середине 1923 г., т.е. уже после того, как Корнилов заявил себя марксистом (этим советом Корнилов вполне мог руководствоваться и сам): определяя позицию Бехтерева, сторонника энергетизма, в форме лозунга «нет материи, а есть энергия», Корнилов

замечает, что этот лозунг «чреват своими последствиями, толкая на умозрение: гораздо рациональнее, с моей точки зрения, особенно при решении вопроса о сущности психических процессов, было держаться формулы – «нет энергии без материи», рассматривая психические процессы как свойство материи» [24, с. 22].

Из этих слов хорошо видно, что марксизм был для Корнилова не фундаментом, а «броней» для защиты своих реактологических взглядов от внешних критических воздействий. Впрочем, по сути ту же «политику» проводили и другие отечественные психологи, вынужденные как-то разрешать проблему «психология и марксизм»...

Чтобы лучше оценить уровень научной культуры Корнилова в споре с Челпановым, стоит посмотреть, как ту же проблему о соотношении духа и материи, души и тела решал в дореволюционные годы Н.Н. Ланге. Это сравнение является тем более выигрышным по своей информативности, что Ланге был сторонником гипотезы взаимодействия, а не параллелизма, как Челпанов.

В фундаментальной «Психологии» Ланге [33] можно увидеть, насколько он при всем своем критическом отношении к гипотезе параллелизма осторожен, точен и этически безупречен в конечных выводах и оценках в отличие от Корнилова, о философствовании и теоретизировании которого можно сказать словами Ницше: так философствуют молотом. Ланге, формулируя свою точку зрения, писал: «Автор этих страниц ... полагает, что учение параллелизма является ныне неприемлемым для психологии и что оно должно быть заменено другой теорией. Но огромная трудность этой задачи состоит, однако, в том, чтобы, отвергая параллелизм, психология не вошла в конфликт с достоверными результатами физиологии и вообще естествознания» [33, с. 86].

В отличие от Корнилова, смешивавшего философию и психологию в одно невообразимое целое, Ланге ясно различает оба эти уровня анализа, что, кстати, делал и Челпанов. Ланге в самом начале своей работы, при постановке проблемы, писал: «В этом исследовании мы совершенно оставим в стороне собственно метафизические теории, как монистические (материализм и противоположный ему спиритуализм), так и дуалистические, которые признают две разные субстанции – материальную и духовную. Такие учения не могут найти места в «Итогах психологии» [33, с. 74-75].

Следовательно, марксизм как «современный материализм» по данной классификации Ланге следует отнести к метафизической, но не научной (собственно психологической) теории. Между тем Корнилов хотя и признает марксизм монистической теорией, но не считает ее из-за этого метафизической теорией. Вообще «метафизика» у Корнилова есть понятие, обозначающее не определенную область, сферу знания (философию, гносеологию и т.п.), а скорее носящее эмоционально-негативный смысл – умозрение, путаница, противоречивость, бред и т.д. Продолжая свою мысль, Ланге четко указывает: «Вопросы же, которые мы ставим здесь, касаются не сущностей души и тела, а лишь отношения между духовными и физическими явлениями в животных организмах. Две теории или гипотезы оспаривают в этом вопросе друг друга – теория психофизического параллелизма и теория психофизической причинности (реального взаимодействия между физическими и психическими явлениями)» [33, с. 75]. Из этих слов Ланге помимо прочего следует, что психофизиологическая проблема в ее вариантах в виде гипотез (теорий) параллелизма и взаимодействия считается неметафизической проблемой, в то время как Корнилов обе эти теории однозначно относит к метафизике. Распутывать клубок мыслей и логики Корнилова, все равно что анализировать партию начинающего шахматиста, пытающегося изображать из себя признанного гроссмейстера.

Обратим внимание, что Ланге указывает только два возможных варианта разрешения проблемы души и тела, между тем как Корнилов, как мы уже убедились, и в «Учении о реакциях» [17, с. 14], и в докладе [18, с. 46] отвергает обе гипотезы, стремясь при этом занять какую-то особую третью позицию, сформулировать свой третий путь, третий вариант разрешения психофизической проблемы, но, как мы видели, эта попытка у него оказывается неудачной. Только значительно позже Корнилов смог опереться в

поисках «третьего пути» на утвердившуюся в советском марксизме теорию «единства» психических и физических (физиологических) явлений. Так, например, в учебнике 1934 г. Корнилов, отвергая при рассмотрении психофизической проблемы теории параллелизма и взаимодействия, писал: «Единство, но не тождество психического и физического – вот основная формулировка диалектического материализма в этом вопросе» [32, с. 21].

Эту проблему не мог обойти в своей работе Выготский. Показывая ее сложность, он писал: «Итак, одну гипотезу называют то 1) монизмом, то 2) двойственностью, то 3) параллелизмом, то 4) тождеством. Прибавим, что возрождающий эту гипотезу круг марксистов (как будет показано ниже): Плеханов, а за ним Сарабьянов, Франкфурт и другие – видят в ней именно теорию единства, но не тождества психического и физического. Как же это могло произойти? Очевидно, что эта гипотеза сама может быть развита на почве тех или иных еще более общих воззрений и может принять тот или иной смысл в зависимости от них: одни подчеркивают в ней двойственность, другие – монизм и т.д.» [10, с. 367].

Что же писали советские историки психологии по поводу разрешения Корниловым с помощью марксизма психофизической проблемы? У Петровского [41] и Будиловой [6] о трактовке Корниловым гипотез параллелизма и взаимодействия ничего нет. Этот вопрос затрагивает лишь Теплов в статье [51]. Теплов вынужден был при этом взять Корнилова под защиту от упрека, брошенного Корнилову Ивановым-Смоленским еще в 1929 (!) г. [14]. В формуле, принятой Корниловым (психика есть свойство организованной материи), Иванов-Смоленский увидел не марксизм, а материализм XVIII века, представленный, в частности, Гольбахом и Ламетри. Между тем, указывал Иванов-Смоленский, «начиная с середины прошлого столетия европейская и американская психология базируется на гипотезе психофизического монизма или психофизического параллелизма, что делает позицию Корнилова, солидаризирующегося с психологами не XIX, а XVIII века, совершенно своеобразной» [14, с. 92]. Приведя эти слова, Теплов становится на точку зрения Корнилова, «защищавшего марксистский тезис», а Иванова-Смоленского упрекает в незнании философии марксизма-ленинизма [51, с. 14].

Как видим, позиция Теплова по этому, как и по другим вопросам, состоит в полном принятии точки зрения Корнилова и ее апологии. Такая пристрастность, вытекающая, как мы уже знаем, из исходных принципов схемы изложения дискуссии, затрудняет отображение адекватной картины дискуссии, ее содержания и результатов. А.А. Смирнов излагает точку зрения Корнилова без каких-либо комментариев: «Корнилов, естественно, решительно возражал как против широко распространенной в то время теории психофизического параллелизма, так и против теории психофизического взаимодействия» [47, с. 137]. Может создаться впечатление, что Смирнов стремится лишь к беспристрастному изложению мысли Корнилова. Эта позиция заслуживала бы всяческой поддержки, если бы точно также Смирнов излагал и точку зрения Челпанова.

Таким образом, Корнилову не удалось противопоставить Челпанову обоснованные доводы в пользу своей («марксистской») точки зрения на психофизическую проблему. Кроме того, мы смогли убедиться, что та картина, которую мы находим в работах отечественных исследователей (правова Корнилова-марксиста), была обусловлена не результатами конкретного исследования, а жесткими рамками наперед заданной схемы изложения дискуссии.

Проблема соотношения психологии и философии. В докладе «Современная психология и марксизм» Корнилов предпринял попытку обосновать необходимость переоценки (ревизии) психологии с точки зрения марксизма. Стремясь подвести проблему под более общую проблему «психология и философия», Корнилов излагает свое понимание марксизма как определенной философской системы, а психологии – как философской науки.

В данном параграфе мы рассмотрим, из каких представлений о марксизме и психологии исходил при этом Корнилов, насколько логично и аргументировано он

обосновывал свою позицию в споре с Челпановым. Вначале определим, что же понимал Корнилов под марксизмом в докладе.

По ходу доклада Корнилов дает следующие формулировки: марксизм – это «современный материализм» [18, с. 41], «философская доктрина» [18, с. 41], «строго научное или, как говорят, внутринаучное мировоззрение» [18, с. 42], «не просто материализм, а диалектический материализм» [18, с. 43]; Корнилов говорит также о своей попытке «применить философию марксизма к психологии» [18, с. 42], о «философских устремлениях марксизма» [18, с. 50]. В конце доклада Корнилов не забывает «хотя бы вкратце остановиться и на другой стороне марксизма – социологической, на теории исторического материализма» [18, с. 50].

Уже отсюда можно сделать вывод, что марксизм, по Корнилову, – это определенная философская доктрина, имеющая две стороны – диалектический и исторический материализм (социологию марксизма). Такая трактовка была широко распространена в 20-е годы, достаточно указать, например, на работы Блонского [5] и Бухарина [7]. Это немаловажное обстоятельство всегда следует иметь в виду при изучении работ Корнилова 20-х годов. Заметим также, что в известных (и в то время) работах Ленина дается иная трактовка марксизма – как совокупности трех составных частей [35], [34], а марксистской философии как одной из них. Но до объявленного Сталиным в 1931 г. «марксистско-ленинского этапа в развитии философии» [38] основным, главным авторитетом в области марксистской философии считался Плеханов, из работ которого исходили Деборин, Бухарин и многие другие советские философы-марксисты той поры.

Не менее ясно в докладе Корнилов формулирует свое понимание психологии: оказывается, «с самых давних пор и до нашего времени» она «всегда рассматривалась как философская дисциплина по преимуществу» [18, с. 42]. Кроме того, поскольку с его точки зрения психология уже не естественно-научная дисциплина, как утверждалось ранее в «Реактологии», а стоит «на грани биологических и общественных наук» [18, с. 41], постольку психология является не только философской, но и биологической и общественной дисциплиной. Итак, точка зрения марксизма на место психологии среди других наук заключается, по Корнилову, в том, что психология объявляется сразу и философской, и биологической, и общественной наукой!

Нет смысла специально доказывать, насколько эклектичной и методологически наивной является такая точка зрения, скорее запутывающая, чем проясняющая суть проблемы. Тем не менее каждая из этих характеристик психологии имеет в логике Корнилова свои серьезные основания. Можно привести несколько веских причин, по которым Корнилов заговорил о философии в психологии и о психологии в философии.

В докладе отнесение Корниловым психологии к философским наукам облегчает ему возможность применить к ней, как он сам подчеркивает, философию марксизма [18, с. 42]. Но эта мотивировка не представляется убедительной, т.к. тут же Корнилов говорит о том, что марксизм успешно подчиняет себе биологию и социологию. Но если и эти науки считать философскими, то какие же тогда не являются философскими?! Очевидно, дело в чем-то другом.

И из содержания данного доклада, и из последующих работ Корнилова по проблеме «психология и марксизм» становится ясно, что Корнилов переводит собственные психологические, в том числе и экспериментально-методические вопросы в спорах со своими оппонентами, прежде всего с Челпановым, сначала в область философских вопросов психологии, а затем и в область философии, чтобы именно там, как это ни парадоксально звучит, громить своих оппонентов. Все это становится понятным, если мы учтем, что Корнилов, конечно, вряд ли мог противопоставить Челпанову что-либо серьезное на собственно психологическом уровне. Напротив, на уровне философии Корнилов, заявляя себя приверженцем марксизма, достигал сразу две цели.

Во-первых, это позволяло ему уверенно «громить» Челпанова, который, как мы уже знаем, будучи по своему профессиональному образованию сторонником Вундта и

неокантианцем, не мог считать научной философию Гегеля, не говоря уже о Марксе и других представителях, как писал Челпанов до революции, «экономического материализма» [54, с. 17], [55, с. 25-27]. Во-вторых, заявляя себя как марксиста, Корнилов демонстрировал лояльность – не столько философскую, сколько идеологическую – к правящей коммунистической партии, советскому государству, Советской власти. Отсюда, кстати говоря, исходила тактика Челпанова: чтобы не спорить в лице Корнилова с правящим режимом, Челпанов, с одной стороны, доказывал, что взгляды Корнилова не являются истинно марксистскими, а с другой – что его, Челпанова, психология находится в полном соответствии с марксизмом.

Как же себе представлял Корнилов взаимоотношения психологии как философской дисциплины и марксизма как философского учения? Здесь Корнилову не надо было выдумывать что-либо новое, т.к. еще со школьной и студенческой скамьи он имел традиционное представление о том, что такое философия и как она соотносится с психологией. Корнилов понимал марксизм просто как еще одну, правда, самую правильную, самую истинную, научную и современную философскую систему. При этом соотношение философии как «царицы наук» и психологии как «служанки философии» Корнилов трактовал следующим образом: философия дает правила, принципы, законы, словом, готовит теорию, а психология должна этой теорией строго руководствоваться (не такую ли отжившую свое философию имел в виду Ф. Энгельс, когда писал, что классической философии приходит конец, и от нее остается только логика и общая теория познания?).

Другими словами, в силу своей неподготовленности Корнилов не понял, в чем же состоит принципиальное различие между современной (в частности, марксистской) и домарксистской, классической философией. Корнилов и саму марксистскую философию понимал не по-марксистски, вследствие чего у него применение марксизма в психологии (впрочем, так же как и в биологии, социологии и т.д.) заключается в том, что психология... подчиняется марксизму. Поэтому вся «ревизия» и «переоценка» заключается у Корнилова не в изменении отношений между философией и психологией, а в замене одной, не оправдавшей надежды и ожидания философской системы другой, более правильной и истинной. Дело, следовательно, вовсе не в том, что Корнилов использует (или пытается использовать) в психологии философию марксизма, сам по себе этот факт еще ни о чем не говорит. Дело все в том, что именно при этом понимал Корнилов под философией марксизма и под философией вообще, и в связи с этим под психологией как наукой.

Коротко говоря, Корнилов вовсе не против того, чтобы психология была и оставалась «служанкой философии». Корнилов против того, чтобы психология была служанкой старой, идеалистической, метафизической философии и за то, чтобы психология была служанкой новой, научной, материалистической, марксистской философии. Но поскольку роли психологии как «служанки философии» и философии как «царицы наук» (науки наук, сверхнауки) однозначно связаны, то позиция Корнилова, конечно же, при всем его декларируемом марксизме является шагом назад в процессе развития психологии как самостоятельной науки. Именно это подчеркивал Челпанов, когда характеризовал современную психологию как эмпирическую, т.е. независимую от философии науки.

Подчеркнем, что при таком («по Корнилову») понимании взаимоотношений психологии и философии страдает не только психология, в своей роли служанки оказывающаяся в довундтовских временах, но и философия, ибо марксизм, невольно поставленный в положение господина и учителя, тем самым упрощается, вульгаризируется и догматизируется. Так что результат взаимодействия психологии и философии зависит не только от уровня развития психологии как науки, но и от самого марксизма: образно говоря, дорос ли он сам до роли учителя науки, до того, чтобы стать философией наук?

Все это важно для того, чтобы понять реакцию Челпанова по этому вопросу, который был одним из ключевых в дискуссии.

Как же Челпанов отвечал на смену Корниловым (по сравнению с «Реактологией») позиций в вопросе о соотношении психологии и философии? Челпанов, имея в виду первое издание «Учения о реакциях человека» Корнилова, указывал, что «через несколько месяцев после выхода книги, в которой содержится запрет психологу заниматься философией, он (Корнилов. – С.Б.) на первом психоневрологическом съезде в январе 1923 г. заявил, что занятие философией для психолога является обязательным. Но это требование он предъявляет только другим, и именно, к психологам-немарксистам; для себя же это требование он считает совершенно необязательным, ибо за два года он не удосужился изучить философию Маркса и, будучи чистокровным бюхнерианцем, остается в наивном убеждении, что он марксист» [59, с. 23].

А.В. Петровский называет это утверждение Челпанова «голословным обвинением» и пишет, что «в подтверждение этого обвинения Челпанов не приводит ни одного факта. И это не случайно: в докладе на I съезде Корнилову в значительной степени удалось преодолеть наивно-материалистическую концепцию психики, защищаемую им в недавнем прошлом» [40, с. 58], [41, с. 92]. С нашей точки зрения, Челпанов, говоря о двух годах, имел в виду не 1921-1923 гг., как утверждает Петровский, а 1923-1925 гг. скорее всего, с января 1923 г., когда Корнилов выступил с докладом на первом съезде, до момента завершения Челпановым работы над книгой, предисловие к которой было написано в январе 1925 г. Следовательно, если Петровский (вслед за Тепловым) пишет о переходе Корнилова в январе 1923 г. с позиций наивного (вульгарного, механистического и т.п.) материализма на позиции марксизма, то Челпанов, напротив, не видит принципиальных изменений Корнилова не только в 1923 г., но и в течение 1924 года.

В этом плане показательным, что практически нигде Челпанов специально не анализирует доклад Корнилова на первом съезде, основное внимание при критике уделяя «Реактологии». Очевидно, для Челпанова этот доклад Корнилова был своего рода продолжением, дополнением к «Учению о реакциях», но никак не нечто такое, что противоположно реактологическим взглядам Корнилова образца 1921 г. Это означает, что в докладе 1923 г. Челпанов не увидел принципиально ничего нового у Корнилова, никакой «огромной теоретической работы» и т.п., и здесь оценки Корнилова Рубинштейном, Челпановым и даже авторами «Итогов...» 1931 г. неожиданно совпадают.

Впрочем, точка зрения Петровского является достаточно гибкой. Соглашаясь с оценками Теплова, Петровский все же признает, что «Корнилов приблизился к марксизму, но далеко еще не овладел им ... Ленинская теория отражения не была ему известна, диалектику он воспринял формально, с историческим материализмом был знаком бегло и главным образом в бухаринском изложении – все это, как мы увидим дальше, становится источником серьезных ошибок, допущенных видным представителем советской психологии в рассматриваемый нами период» [40, с. 58-59].

При реконструкции дискуссии между Корниловым и Челпановым мы уже имели возможность убедиться, насколько подобная критика в адрес Корнилова практически по всем пунктам совпадает с тем, что говорил в ходе дискуссии о взглядах Корнилова Челпанов. Однако отечественные исследователи стараются не подчеркивать этого совпадения оценок. Но в отношении «Реактологии» Корнилова (при оценке ее с точки зрения марксизма) Рубинштейн, Теплов, Петровский и другие авторы фактически соглашаются с Челпановым.

Челпанов в ходе полемики писал: «“Учение о реакциях” написано по интроспективному методу, принятому в Психологическом институте Московского университета. Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова. Может быть, в нескольких фразах, имеющих отношение к идее классовой борьбы» [59, с. 22].

Теплов в 1960 г. писал: «“Учение о реакциях человека” – свидетельство искреннего и горячего желания автора порвать с традиционной идеалистической психологией, но в то же время эта книга (несмотря на наличие в ней ценного экспериментального материала) говорит о неподготовленности Корнилова к решению тех больших теоретических и практических задач, которые он перед собой поставил» [51, с. 10-11]. Примерно в том же духе высказывается и Петровский: «Надо сказать, что книга Корнилова «Учение о реакциях» действительно давала возможность рассматривать автора как бюхнерианца...» [40, с. 58].

Продолжая эту естественную тенденцию к беспристрастным, объективным, конкретно-историческим оценкам, нам остается теперь, как мы видим по ходу нашего анализа, сделать еще один шаг: согласиться с челпановскими оценками взглядов Корнилова не только 1921, но и 1923 г., тем более что различие это, как нам становится все более отчетливо видно, оказывается чисто терминологическим.

Но Челпанов в ходе дискуссии не только подвергал критике взгляды Корнилова, но и стремился найти оптимальные пути разрешения проблемы «психология и марксизм».

В докладе на первом всероссийском психоневрологическом съезде 1923 г. Челпанов проблему взаимосвязи психологии и философии попытался разрешить следующим образом в третьем тезисе: «Психология может, а по мнению некоторых должна иметь философскую надстройку, а также философскую, физиологическую, биологическую и т.п. подстройку, но сама по себе психология не есть ни философия, ни биология, а есть самостоятельная наука, подобная физике, химии и т.д.» [59, с. 10]. Далее Челпанов дает определения вводимых им понятий «надстройка» и «подстройка»: «Есть философские и гносеологические понятия, которые нужно рассмотреть до изучения психологии. Таковы понятия «субстанции», «причинности» и т.п. Философское исследование этих понятий, предваряющее изучение психологии, я называю «подстройкой». Эта подстройка служит для того, чтобы построить эмпирическую психологию. Понятия «субстанции», «субъекта», «я» можно сделать эмпирическими понятиями; тогда их можно перенести в психологию, но не иначе. Эмпирическая психология дает материал для построения этики, эстетики и т.д. Обобщения эмпирической психологии могут служить для философских обобщений, для построения мировоззрения и т.п. Но это уже будет философской надстройкой над психологией и ни в коем случае не может входить в область эмпирической психологии. Она должна лежать вне ее области» [59, с. 11]. К концу 1924 г. Челпанов был вынужден в ходе полемики несколько видоизменить и уточнить свою точку зрения, о чем свидетельствуют его рассуждения в последней главе (статье) той же брошюры: «Есть ли психология наука философская? На этот вопрос нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно без того, чтобы не вызвать недоразумений. Но самый вопрос можно поставить иначе. Необходимо ли психологу изучение философии? По моему мнению, безусловно необходимо. Это и имели в виду немецкие ученые, когда настаивали на необходимости для психологии примыкать к кафедре философии, на каком бы факультете кафедра философии ни была» [59, с. 58].

Но Челпанов не только более глубоко и точно, чем Корнилов, видел проблему соотношения психологического и философского знания, но и дифференцированно подходил к вопросу о том, что же такое марксизм. В частности, Челпанов ясно различал понимание марксизма как идеологии (мировоззрения) и как философской системы. Отвечая на многочисленные упреки в том, что он заявляет себя марксистом, Челпанов писал: «Если бы на том основании, что современная научная психология находится в согласии с идеологией марксизма, я стал утверждать, что я марксист, то я допустил бы ту ошибку, которая в логике известна как ошибка «нераспределенного среднего термина». В самом деле, марксизм есть широкое мировоззрение, которое предполагает определенные философские, психологические, социологические, экономические, политические и т.п. воззрения. Меня можно было бы назвать «марксистом» только в том случае, если бы у меня было совпадение во всех этих частях мировоззрения Маркса, а раз совпадение имеет

место только в психологических воззрениях, то для обозначения меня марксистом нет никаких оснований» [59, с. 30-31].

Подводя итоги дискуссии между Корниловым и Челпановым по вопросу о соотношении психологии и философии, мы вынуждены заключить, что и здесь Корнилов не смог противопоставить что-либо серьезное и обоснованное тем взглядам Челпанова на психологию, философию и марксизм, которые были сформированы еще задолго до революции. Не обнаружили мы и принципиальных изменений взглядов Челпанова на проблему «психология и философия». Оставаясь на своих позициях, Челпанов лишь пытался найти общий язык, идя на уступки в сфере терминологии и не акцентируя внимания на неясностях и противоречиях в самом марксизме, т.е. в трудах Плеханова, Маркса, Энгельса, Ленина, Бухарина и т.д. Мы считаем это не «хитроумной тактикой борьбы», а проявлением стремления вести научную дискуссию по научным правилам, т.е. оставаясь в рамках чисто научного, предметно-логического аспекта и не выходя без нужды в метафизические и политические плоскости.

В заключение заметим, что спор между Корниловым и Челпановым по проблеме «психология и философия» все-таки исходным своим моментом имел различную трактовку у обеих сторон не столько философии или марксизма, сколько психологии, ее проблем и задач.

Материализм и идеализм в философии и психологии. Отдельного изучения заслуживает спор между Корниловым и Челпановым по вопросу о материализме и идеализме в психологии. Стоит проанализировать, насколько точны были обе стороны в постановке проблемы, использовании ключевых понятий, понимании точки зрения оппонента, убедительности своей аргументации. Вначале рассмотрим, насколько был точен Корнилов в вопросе о материализме вообще и его трактовке в психологии в частности при критике взглядов Челпанова.

Корнилов критикует в докладе «Современная психология и марксизм» Челпанова за «извращение учения материалистов», в качестве подтверждения напоминая читателю о книге Челпанова «Мозг и душа», имевшую, как известно, подзаголовок «Критика материализма и очерк современных учений о душе» [55].

Не упуская, таким образом, случая напомнить, что до революции Челпанов выступал (конечно же, говорили, что «боролся») против материализма, Корнилов пишет: «Критикуя материализм и выясняя, почему материализм пользуется популярностью, проф. Челпанов говорит, что это объясняется «простотой учения, при которой понятия вроде души, сознания, мысли совершенно упраздняются». Что понятие души устраняется с точки зрения материализма, это не подлежит никакому сомнению, но чтобы упразднилось понятие мысли, это можно объяснить только ничем иным, как стремлением в корне извратить учение материалистов» [18, с. 43].

Попробуем разобраться в этом споре. Действительно, именно так, как и сказано у Корнилова, Челпанов характеризовал материализм в работе «Мозг и душа», цитата приведена почти дословно [55, с. 17]. Не менее верно, что марксизм – это материализм, а не что-либо иное, и в нем признается реальность сознания, мысли и т.д. Выходит, Корнилов был прав, упрекая Челпанова в неправильной трактовке материализма вообще и марксизма в частности? Вся суть, как видим, заключается в понимании того, что такое материализм. Что же понимал под материализмом Челпанов в своей книге «Мозг и душа»?

В первой лекции «Что такое материализм?» Челпанов характеризует три основных учения «о природе души» [55, с. 22-23], которые являются монистическими, т.к. признают только одну субстанцию: это материализм, спиритуализм (идеализм) [55, с. 22] и спинозизм, он же психофизический монизм [55, с. 23]. При этом Челпанов не отрицает наличия множества переходных и промежуточных подходов. Он подчеркивает также, что эти три точки зрения являются метафизическими, а не эмпирическими; при эмпирическом (физиологическом или же собственно психологическом – частнонаучном, как мы сказали

бы сейчас) подходе можно ограничиться, не входя в область метафизики, лишь утверждением о параллельности психических и физических (физиологических) процессов, никак не объясняя эту параллельность (одновременность) их протекания.

Классификация философских направлений у Челпанова имеет чисто внешнее, терминологическое сходство с делением философов на материалистов и идеалистов в работе Энгельса [63], где говорится, что, решая «высший вопрос всей философии, вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе, ... о том, что является первичным: дух или природа, ... философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как они отвечали на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, ... составили идеалистический лагерь. Те же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма» [63, с. 283]. И далее Энгельс добавляет слова, которые показывают, что фактически им вводилось свое понимание материализма наряду с другими, традиционными пониманиями материализма, а также идеализма и всего основного вопроса философии: «Ничего другого первоначально и не означают выражения: идеализм и материализм, и только в этом смысле они здесь и употребляются. Ниже мы увидим, какая путаница возникает в тех случаях, когда им придают какое-либо другое значение» [63, с. 283].

У Челпанова мы не находим такой – с точки зрения развития, диалектики, истории – формулировки всего вопроса. Необходимо учитывать, что Челпанов, конечно, излагал общепринятую в то время классификацию, внося в нее свое понимание нюансов. Свои вариации в изложении основного вопроса философии мы находим, например, в уже не раз цитированной работе Ланге [33].

Для Челпанова вопрос заключается не в том, чтобы определить, что первично, а что вторично, а в том, чтобы «объяснить все сущее» [55, с. 22], указать «основной принцип вещей», т.е. понять, как устроен мир, что лежит в его основе. Соответственно понятия «материализм» и «идеализм» приобретают у Челпанова и Энгельса (Плеханова и т.д.) различный смысл.

Отметим, что хотя Челпанов цитирует [55, с. 24] только что приведенное нами определение материализма и идеализма по Энгельсу, он все же не выходит на принципиальное различие в самой постановке основного вопроса у себя и у Энгельса. Челпанов не принимает классификацию Плеханова и Энгельса не из принципиальных соображений, а скорее из соображений удобства, что видно из следующих слов Челпанова: «Если принять классификацию г. Бельтова (псевдоним Плеханова. – С.Б.), то мы не будем знать, к какой группе философов следует отнести Герберта Спенсера. Говорить в наше время, что существуют только две системы – материалистическая и спиритуалистическая – совершенно неправильно, и поэтому мы должны при классификации систем всегда помнить, что существует третья группа учений – это именно психофизический монизм» [55, с. 24].

Таким образом, Корнилов увидел «извращение» там, где на самом деле речь шла о материализме в другом, не менее (если не более) общепринятом, чем в гегелевской и марксистской традиции, смысле. Корнилов был бы прав, если исходить из того, что только в марксизме понимание материализма является истинным, а все остальные трактовки являются искажениями и извращениями. Впрочем, даже и здесь Корнилов идет вслед за Плехановым, который, встретившись с другой трактовкой материализма и основного вопроса философии, оценил в одной из своих работ понимание материализма не по Энгельсу как «нелепое» [40, с. 74]. Весьма показательная получается эволюция оценок другого понимания материализма, если идти от Энгельса через Плеханова к Корнилову: Энгельс пишет о «путанице», возникающей при неправильном соотношении (отождествлении) двух трактовок, Плеханов другую точку зрения оценивает как «нелепую», а Корнилов ведет речь уже об «извращении»; на этом, как мы знаем из нашей истории, процесс не закончился...

Челпанов с самого начала дискуссии ясно осознал терминологический аспект всего вопроса о значении марксизма для психологии. Основным приемом и защиты, и нападения для Челпанова стало четкое различие двух видов материализма – по Марксу и вульгарного. Челпанов доказывал, как мы не раз уже видели, что его психологические взгляды соответствуют марксизму, а воззрения Корнилова на психику являются вульгарно-материалистическими. Возвращаясь, вслед за Корниловым, к своим взглядам и оценкам, высказанным ранее в «Мозге и душе», Челпанов в работе «Психология и марксизм» писал: «Я отвергал материализм Бюхнера (а его отвергал и Маркс) и признавал материализм Спинозы (Маркса). Но до 1922 г. мы называли материализмом вульгарный (Бюхнера), а с 1922 г., по примеру Маркса и Энгельса, мы должны (по старой терминологии) и психофизический параллелизм называть материализмом, но должны в то же время решительно отличать этот материализм от материализма Бюхнера» [58, с. 30].

Как видим, две классификации (в философии и психологии) Челпанов попытался сопоставить между собой следующим образом: 1) идеализм в марксизме соответствует идеализму (спиритуализму) у Челпанова; 2) материализм Маркса (диалектический и т.п.) соответствует психофизическому монизму (спинозизму); 3) вульгарный, по Марксу, материализм, отрицающий реальность сознания и психики, соответствует просто материализму в прежней классификации Челпанова; 4) эмпирическая (а не философская, метафизическая и т.д.) точка зрения в марксизме на психику соответствует гипотезе (теории) психофизического (психофизиологического) параллелизма у Челпанова.

В этой связи приведем цитату из работы Выготского «Исторический смысл психологического кризиса», которая впервые была опубликована в 1982 г. [10], но писалась, скорее всего, в 1926-1927 гг.: так, В.В. Давыдов и Л.А. Радзиховский в статье [11] датировали рукопись Л.С. Выготского 1926 годом, а в более поздней биографии Л.С. Выготского говорится, что рукопись была закончена в 1927 г. [см. 9, с. 100]. В этой работе Выготский по поводу рассуждений Челпанова о смене терминологии высказался следующим образом: «Не так уж не прав Челпанов, когда говорит, что до 1922 г. он называл эту доктрину параллелизмом, а с 1922 г. – материализмом. Он был бы вполне прав, если бы его философия не была приноровлена к сезону несколько механически» [10, с. 368]. Но был ли у Челпанова другой способ исследовать проблему «психология и марксизм», оставаясь в рамках науки и официальной философии и идеологии?

Можно спорить с правомерностью подобного соотнесения в вопросе о классификации основных направлений точки зрения челпановской (наверное, точнее будет здесь говорить – вундтовской или даже традиционной) и марксистской философии, но нельзя не видеть самой попытки Челпанова соотнести и как-то согласовать две философские системы, найти точки соприкосновения между ними, установить общий язык. В целом Челпанов, насколько мы можем судить, достаточно успешно, в отличие от Корнилова, разводил философское и собственно психологическое понимание проблемы соотношения духа и тела. Впрочем, судя по фундаментальной работе Н.Н. Ланге [33], в то время, в конце XIX – начале XX века, различение философского и собственно психологического «языков», плоскостей анализа через различение метафизической (рациональной) и эмпирической психологии стало и было обычным правилом при теоретизировании в области философских вопросов психологии.

Насколько ясно Челпанов осознал несовпадение своих и марксистских взглядов в области философии, показывают его слова: «Я был идеалистом в философии и остаюсь таковым и в настоящее время. Но своего философского идеализма я в настоящее время не выявляю» [59, с. 30]. В то же время в области эмпирической взгляды Маркса (марксистов), по Челпанову, совпадают с точкой зрения эмпирической психологии: в обоих случаях признается реальность сознания, а больше ничего и не надо Челпанову как психологу. Ведь его критиковали прежде всего как психолога.

Если Корнилов, как и в других вопросах, лишь запутывает проблему соотношения психологии и марксизма, не различая философского и психологического языков и уровней

анализа, то Челпанов, помимо указания границы между философией и психологией как границы между метафизическим и эмпирическим подходами, идет в анализе дальше и глубже, стремясь соотнести язык марксизма и язык психологии: во-первых, сопоставляя их как два различных философских языка, во-вторых, соотнося марксизм и эмпирическую психологию как два частнонаучных, эмпирических языка. В последнем случае для профессионального подхода Челпанова очень характерно то, что он доказывает соответствие марксизма эмпирической психологии, а не наоборот – психологии марксизму, как это делал Корнилов. Это наглядно видно, например, при сравнении формы изложения и подачи материала в работах Челпанова [58] и Корнилова [18].

Если же рассматривать вопрос о динамике взглядов Корнилова на вопрос о материализме и идеализме в психологии, то прежде всего следует указать, что хотя в докладе «Современная психология и марксизм» Корнилов заявляет, что он стоит на точке зрения диалектического, а не вульгарного материализма, фактически его позиция состоит в вульгаризации марксизма: Корнилов отождествляет диалектический и вульгарный материализм, причем за счет низведения первого ко второму.

И только в статье о наивном и диалектическом материализме [26], т.е. в конце 1924 г., Корнилов стал на правильную точку зрения в этом вопросе, тем самым соглашаясь с Челпановым. Уже само название статьи «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека» говорит о многом. Мы здесь не затрагиваем вопрос, что, начиная с доклада на втором психоневрологическом съезде [18], Корнилов придерживается определения психологии как «науки о поведении», о чем у него не было речи в докладе на первом съезде.

Изучение статьи [26] показывает, что «наивный материализм» – это характеристика Корниловым главным образом своих собственных (домарксистских, реактологических, энергетических) взглядов, а «диалектический материализм» у Корнилова во всем совпадает с пониманием марксизма и его значения для психологии Челпановым. Правда, в самой статье Корнилов нигде не говорит открыто о радикальной смене своих взглядов. Но если судить со слов Челпанова, то Корнилов в сделанном 30 ноября 1924 г. докладе «О наивно-материалистических тенденциях в современной психологии» прямо заявил, что «отказывается от точки зрения наивного материализма, на которой он до сих пор стоял, и переходит к диалектическому материализму (этим термином он обозначает материализм Маркса)» [59, с. 3].

Челпанов писал эти слова предисловия в январе 1925 г. В связи с этим представляет интерес, как к тому времени Челпанов описывал эволюцию материалистических взглядов Корнилова. Это становится ясно из примечания Челпанова к только что приведенным словам: «Корнилов, начав с вульгарного материализма в первом издании «Учения о реакциях», постепенно стал отходить от него и уже в книжке «Современная психология и марксизм» (вышла в июне 1924 г.) отвергал как наивный материализм, так и рефлексологию. Но в сентябре того же года вышла книга Франкфурта «Рефлексология и марксизм», в которой защищается и наивный материализм, и рефлексология, с рекомендуемым предисловием Корнилова» [59, с. 3, прим.].

Говоря об эволюции взглядов Челпанова на проблему материализма в психологии, следует отметить, что в своей последней полемической работе «Спинозизм и материализм» Челпанов пришел к идее о «психофизическом материализме», видя в этом понятии разрешение проблемы. В предисловии Челпанов писал: «Мне неоднократно ставили в упрек, что я, пытаясь установить характер материализма Маркса, совершенно не касаюсь вопроса о диалектическом материализме. Делал я это потому, что, по моему мнению, разъяснение понятия диалектического материализма у Маркса совсем не дает ответа на вопрос о сущности марксистской психологии. Нужно дать себе ясный отчет о существенном различии между двумя видами материализма: диалектическим и психофизическим. Диалектический материализм относится ко всей действительности, а

психофизический материализм только к некоторой вырезке действительности – именно к психической области» [61, с. 4].

Резюмируя в конце брошюры свои основные мысли как обычно в виде тезисов, Челпанов еще более четко выражает ту же мысль: «При определении места психологии в системе марксизма следует пользоваться не понятием диалектического материализма, а понятием психофизического материализма, так как закон диалектического развития, будучи универсальным законом, не указывает специфических признаков, присущих психической области» [61, с. 45]. Насколько закономерным было движение мысли Челпанова в направлении особого, психологического материализма (речь идет не о содержании этого понятия, а именно о направлении, которое оно характеризует) показывают рассуждения Выготского.

В работе «Исторический смысл психологического кризиса» Выготский пишет: «Непосредственное приложение теории диалектического материализма к вопросам естествознания, и, в частности, к группе наук биологических или к психологии, невозможно, как невозможно непосредственно приложить ее к истории и социологии. У нас думают, что проблема «психология и марксизм» сводится к тому, чтобы создать отвечающую марксизму психологию, но на деле она гораздо сложнее. Так же как история, социология нуждается в посредующей особой теории исторического материализма, выясняющей конкретное значение для данной группы явлений абстрактных законов диалектического материализма. Так точно нужна еще не созданная, но неизбежная теория биологического материализма, психологического материализма как посредующая наука, выясняющая конкретное применение абстрактных положений диалектического материализма к данной области явлений».

И далее у Выготского следуют слова, которые почти буквально совпадают с приведенными выше словами Челпанова. А именно, Выготский заключает: «Диалектика охватывает природу, мышление, историю – она есть самая общая, предельно универсальная наука; теория психологического материализма или диалектика психологии и есть то, что я называю общей психологией» [10, с. 419-420]. Однако парадоксально здесь то, что Выготский все это говорит в противовес ... Челпанову! Позицию последнего Выготский характеризует как «путь Челпанова» (почему не Корнилова?), который приведет «к попытке отрицать все исторические тенденции развития психологии, к терминологической революции, – короче, к грубому искажению и марксизма, и психологии. Это и есть путь Челпанова. Не навязывать природе диалектические принципы, а находить их в ней – формула Энгельса [62, с. 384] здесь сменяется обратной: в психологию вводятся принципы диалектики извне. Путь марксистов должен быть иным» [10, с. 419]. После этого следуют слова о психологическом материализме. Думается, было бы слишком просто да и неверно по существу объяснять этот парадокс – приписывание Челпанову взглядов Корнилова – случайной оговоркой Выготского. Скорее всего, в такой форме Выготский выражал тезис о том, что при всех своих идеологических разногласиях с Челпановым Корнилов фактически оставался, осознавал ли он это или не осознавал, выразителем взглядов своего бывшего учителя.

В целом по существу спора между Корниловым и Челпановым о материализме и идеализме мы можем сказать, что позиция Челпанова была более правильной и продуктивной, чем позиция Корнилова, ибо позволяла вести диалог, уточнять и развивать позиции спорящих сторон, учитывая как терминологический, так и эмпирический аспекты проблемы.

Марксистская философия и методы психологии. В докладе «Современная психология и марксизм» Корнилов обосновывает свое понимание вопроса о соотношении (значимости) субъективного и объективного методов в психологии с помощью марксизма. Приоритет объективного метода, по мысли Корнилова, вытекает из материалистической позиции в психологии: «Материалистическое понимание психики, ставя психологию в ряды естественно-научных дисциплин, определяет и методы психологии. Бытие

определяет сознание, объект определяет субъект, и с этой точки зрения, если психика есть свойство органической материи, то естественно применить к изучению психики в первую очередь и раньше всего те методы, при помощи которых изучается это бытие, т.е. методы объективного и экспериментального наблюдения» [18, с. 45].

При этом Корнилов особо подчеркивает, что метод интроспекции им не отвергается полностью: «Вся суть опять-таки заключается не в элиминировании этого самонаблюдения, а лишь в регулировании и контролировании его при помощи объективного и экспериментального метода» [18, с. 46]. Отсюда становится ясно, что для Корнилова идея сочетания субъективного и объективного методов «автоматически» следовала из более общей идеи марксистской психологии (реактологии) как синтезе субъективной и объективной психологии и соответственно из понимания предмета психологии (реакции) как синтеза субъективной (психическое переживание) и объективной (физиологическая реакция) сторон «реакции».

Насколько была нова и оригинальна для самого Корнилова эта идея сочетания («синтеза») субъективного и объективного методов в работе психолога?

Полтора годами ранее ту же мысль Корнилов формулировал, вовсе обходясь без марксизма: «Там, где между этими субъективными и объективными данными возникает хотя бы малейшая шероховатость, не говоря уже об открытой разноречивости, ни одной секунды не может быть сомнения в том, что столь чреватые ошибочностью своих показаний данные самонаблюдения должны всегда отступить на задний план перед объективной стороной эксперимента. Задача, которую психологу приходится выполнять при этом, является почти аналогичной той, которую выполняет врач при постановке диагноза болезни. Подобно тому, как последний стремится согласовать и поставить в тесную связь субъективные показания больного с объективными признаками болезни, перенося, однако, центр тяжести всецело на объективные данные и лишь под контролем их ставя тот или иной диагноз болезни, подобно этому и в экспериментально-психологических исследованиях нам приходится согласовывать данные самонаблюдения с объективными оценками, контролируя при помощи последних первые» [17, с. 45].

Оказывается, там, где в 1921 г. для доказательства мысли было достаточно аналогии психолога с врачом, в 1923 г. Корнилову понадобилось привлекать ни больше ни меньше как материалистическое разрешение основного вопроса философии! Вполне естественно, что у Челпанова мы нигде не находим ответа на эту, с позволения сказать, аргументацию и из-за того, что сама мысль о приоритете объективных методов и показателей была банальной уже в то время (для психологов самых различных школ и направлений), и из-за того, что марксизм при этом оказывается не при чем.

Челпанов свое отношение к методу и марксизму, которые применял Корнилов в «Учении о реакциях», выражал вполне определенно: «“Учение о реакциях” написано по интроспективному методу ... Вследствие этого внимательный читатель совершенно не в состоянии уловить, в чем, собственно, состоит марксизм в психологии, по пониманию Корнилова» [59, с. 22]. За подтверждением этих оценок Челпановым сущности (методологической и методической) книги Корнилова далеко ходить не приходится. В предисловии к первому изданию «Реактологии» Корнилов писал: «В смысле методики экспериментально-психологического исследования я считаю себя последователем школ Вундта и Титченера, с их ограничением данных самонаблюдения при помощи объективной стороны эксперимента» [17, с. 8]. Сравнив в эксперименте методики Аха и Вундта, Корнилов в четвертой главе приходит к выводу: «Все это заставляет меня отвергнуть технику, принятую Н. Ахом, и предпочесть ей технику, принятую Вундтом и Титченером» [17, с. 33].

В следующей главе Корнилов также однозначно высказывает свое мнение: «Я полагаю, что в этом столкновении двух экспериментально-психологических школ школа Вундта и Титченера занимает более крепкую позицию, нежели Вюрцбургская школа» [17,

с. 46]. Кроме того, в книге Корнилова мы можем найти и несколько фраз, имеющих, как пишет Челпанов, «отношение к идее классовой борьбы» [59, с. 22].

Говоря о педагогическом значении реактологии, Корнилов увязывает свой принцип однополюсной траты энергии с принципом гармоничного воспитания личности, поясняя при этом: «При классовом делении общества, где одни готовились по преимуществу к занятию физическим трудом, а другие – к занятию трудом умственным, воспитание никогда не было, да и не могло быть гармоничным: оно было классовым, односторонним и дисгармоничным. И только с происшедшим социально-экономическим переворотом, уничтожающим классовое деление общества, этот принцип (гармоничности физического и психического развития ребенка, синтеза физической работы и умственного труда – 17, с. 157. – С.Б.) получит все данные для своей реализации» [17, с. 158].

Так что и здесь нам приходится согласиться с Челпановым, что в вопросе о методах Корнилов в докладе на первом психоневрологическом съезде не сказал ничего нового ни по отношению к тому, что уже было традиционным в психологии в то время, ни даже по отношению к тому, что говорил Корнилов по этому вопросу в 1921 г. и в других своих более ранних работах (обходясь без марксизма).

С нашей точки зрения, Корнилов пытался в неубедительной форме придать методическому вопросу о том, какие данные являются более достоверными и точными, принципиальный, методологический смысл. Но уже примера Корнилова с врачом достаточно, чтобы понять это.

В самом деле, разве для врача объективные данные всегда имеют преимущество перед данными самонаблюдения и самоотчета больного? Очевидно, соотношение тех или иных данных по объективности и достоверности является ситуативным. Думается, дело здесь в том, что Корнилов не различает нюансов в использовании понятий «субъективное» и «объективное», трактуя «объективное» то как относящееся к области физиологии нервной системы и поведения всего организма, то как характеристику нашего познания (объективное, значит, точное, достоверное знание в отличие от знания субъективного, т.е. случайного, неточного). Корнилов не чувствует границу между психологией и ее научными, эмпирическими и экспериментальными понятиями, с одной стороны, и философией – с другой. Впрочем, Корнилов здесь снова не оригинален, идя в своей критике субъективного метода в психологии вслед за Бехтеревым.

Отечественные историки психологии советского периода при изложении спора между Корниловым и Челпановым становятся, как и во многих других случаях, безоговорочно на сторону Корнилова. Так, например, Теплов по интересующему нас вопросу в 1960 г. писал: «Очень важен, конечно, вопрос о методе психологии. Основной смысл ответа на этот вопрос, который давал Корнилов, правилен и не утратил своего значения и в настоящее время» [51, с. 17]. Смирнов, как и в других случаях, излагает мысль Корнилова без каких-либо комментариев [47, с. 137], что мы должны понимать как признание правоты в рассуждениях Корнилова. У других авторов (Будиловой, Петровского) этот вопрос не рассматривается.

Социальная психология и марксизм. Корнилов в докладе «Современная психология и марксизм» критикует эмпирическую психологию за то, что она является не социальной, а индивидуальной, индивидуалистической.

Останавливаясь (вкратце) в конце доклада на социологической стороне марксизма, т.е. теории исторического материализма, Корнилов пытается поставить и разрешить проблему социальности психики и психологии, исходя из марксистских постулатов. Корнилов пишет: «В теории диалектического материализма мы имели дело с основной формулой марксизма – бытие определяет сознание. Это основное положение в применении к теории исторического материализма говорит о том, что экономическими и социально-экономическими факторами определяется общественная психология того или иного класса. И лишь на этом фоне классовой психологии нам становится более понятной и та индивидуальная психология, психология личности, которой по преимуществу

занимается современная психология. Вот почему полная система современной психологии не должна замыкаться в узкие рамки только индивидуальной психологии, а должна включить в себя прежде всего социальную психологию» [18, с. 50]. О том, насколько оригинальными были подобные идеи, можно судить по словам Блонского, сказанным двумя годами ранее: «Традиционная общая психология была наука о человеке как индивидууме. Но поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни. Поэтому научная психология есть та психология, которая раньше называлась социальной психологией и в качестве таковой влачила самое жалкое существование. Мы же должны поступать наоборот: исходить именно из социальной психологии и от нее идти к психологии того или иного индивидуума. Поведение индивидуума есть функция поведения окружающего его общества» [3, с. 12].

Вопрос о социальной психологии, безусловно, важен для понимания всей дискуссии между Корниловым и Челпановым, поэтому есть смысл тщательно оценить позиции каждой из сторон.

Советские историки – исследователи истории отечественной психологии – при изложении и оценке взглядов сторон однозначно становились на точку зрения Корнилова. Так, Теплов только что процитированные нами рассуждения Корнилова не подвергает никакой критике, предваряя их словами: «В разбираемом сборнике статей Корнилов многократно касался вопроса об общественной природе психики, сознания человека» [51, с. 17-18]. И далее Теплов критикует за теорию двух факторов, биологического и социального, о которых Корнилов пишет в другой статье сборника [23, с. 75].

Также без комментариев излагает позицию Корнилова и Петровский: «Корнилов считал необходимым, чтобы система современной психологии не замыкалась в узкие рамки только индивидуальной психологии, а включала в себя и социальную психологию, основывающуюся на теории исторического материализма» [40, с. 55], [41, с. 90].

Более подробно Петровский рассматривает вопрос о социальной психологии в параграфе «Поиски в области социальной психологии» [40, с. 167-175]. Оценивая период 20-х годов в целом, Петровский замечает: «Попытка построения марксистской социальной психологии в 20-е годы не привела к успеху прежде всего потому, что реальную разработку науки заменяли декларации» [40, с. 174].

Показательно то, что Петровский указывает прямо на неоригинальность процитированной нами выше точки зрения Корнилова: «Старая психология была индивидуалистической, следовательно, новая психология должна быть психологией социальной, общественной – эта идея постулируется всеми руководствами по психологии, начиная с книги Бехтерева «Общие основания рефлексологии», изданной в 1918 г., кончая «Учебником психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма» Корнилова» [40, с. 174].

В связи с этим Петровский высказывается по поводу позиции Челпанова: «Г.И. Челпанов, который воспринимался советскими психологами как противник диалектического материализма (и был таковым), ратовал за создание «марксистской» социальной психологии, стремясь, как мы могли видеть, отвлечь внимание от перестройки эмпирической психологии на основах марксизма. Эта тактика Челпанова не могла не вызвать сопротивления со стороны прогрессивных сил в психологии, что имело своим побочным результатом ослабление внимания к социальной психологии как самостоятельной отрасли науки» [40, с. 175].

Ту же позицию мы обнаруживаем и у Будиловой – по вопросу о социальной психологии идет резкая критика взглядов и Корнилова, и Челпанова. В частности, Будилова показывает почти текстуальное совпадение взглядов Корнилова и Блонского [6, с. 79]. Будилова также рассматривает постановку вопроса о социальной психологии Челпановым в плане более общего вопроса об общей (эмпирической) психологии: «Защита идеализма под флагом разделения психологии на экспериментальную, якобы нейтральную, а по существу идеалистическую науку, и на социальную, подчиненную

марксистской методологии, была разоблачена как один из стратегических ходов идеалистического лагеря. Челпанову не удалась его попытка, он потерпел неудачу» [6, с. 80].

Характерно, что, указывая на работы В.А. Артемова [1], Б.В. Беляева [2] и рассуждения самого К.Н. Корнилова о социальной психологии, Е.А. Будилова вынуждена отметить, что «противостояние Челпанову заключало отказ от признания особенностей социальной психологии, требующих не только определения ее предмета в системе марксистской психологической науки, так же как и путей ее развития, но и создания соответствующих предмету методов исследования» [6, с. 81].

А.А. Смирнов излагает точку зрения Корнилова, подчеркивая ее совпадение с точкой зрения Блонского [47, с. 137]. Изложив точку зрения Челпанова, Смирнов указывает: «Нельзя возражать против того, что социальная психология является лишь одной из отраслей психологической науки и не покрывает собой ее целиком. Однако отсюда не следует, что марксизм должен быть основой только социальной психологии, а не всей психологической науки, причем общей психологии в первую очередь. Между тем именно ее Челпанов имел в виду «оградить» от марксизма. «Уступая» марксизму социальную психологию, он ценой этого старался сохранить за идеализмом всю прежнюю, индивидуальную (т.е. фактически всю общую) психологию. Такая позиция не получила общественной поддержки, и Челпанов вынужден был сложить оружие, прекратить борьбу» [47, с. 140].

Таким образом, указанные выше исследователи хотя и признают в целом верным и марксистским тезис Корнилова о социальной психологии, но интерпретацию этого тезиса самим Корниловым фактически отвергают. В то же время позиция Челпанова оценивается как уловка, тактический или даже стратегический ход с целью спасти свою эмпирическую, идеалистическую психологию. Реконструкции дискуссии, рассмотрения взглядов Корнилова и Челпанова в сопоставлении опять не получается, хотя вывод о том, кто победил в этом споре, делается однозначный.

А как же сам Челпанов реагировал на критику эмпирической психологии как индивидуальной и индивидуалистической?

Челпанов не оставил без ответа упрек Корнилова, брошенный на первом всероссийском психоневрологическом съезде в адрес «современной эмпирической психологии» (т.е. в адрес Челпанова прежде всего), в том, что она замыкается в «узкие рамки только индивидуальной психологии».

Показывая положение социальной психологии в системе современного психологического знания, Челпанов в брошюре «Социальная психология или “условные рефлексы”?» писал: «В особенности заслуживает внимания колоссальная работа в области коллективной психологии, совершенная Вундтом. Он подразделяет психологию на индивидуальную и коллективную, которую он называет *Völkerpsychologie*. «Так как индивидуальная психология имеет своим предметом связь душевных процессов в единичном сознании, то она пользуется абстракцией... Область психологических исследований, относящихся к тем процессам, которые связаны с психическими общениями, мы назовем коллективной психологией (*Völkerpsychologie*)... Индивидуальная психология только взятая вместе с коллективной образует целое психологии», т.е. душевная жизнь человека может быть вполне понята только в том случае, если будет рассмотрена и ее социальная сторона. Из этого можно видеть, до какой степени ложно информировал русских читателей проф. Корнилов, когда он сообщал, что то направление психологии, к которому принадлежит Вундт, грешит тем, что рассматривает человека абстрактно и совершенно игнорирует социальную сторону душевной жизни человека. Очевидно, для Корнилова десять огромных томов коллективной психологии, написанных Вундтом, совершенно недостаточно для того, чтобы признать, что психология Вундта считала необходимым дополнить экспериментально-психологическое изучение человека, имеющее индивидуальный характер, изучением коллективной психологии» [60, с. 8].

Этого ответа Челпанова, как нам представляется, совершенно достаточно, чтобы считать спор между Корниловым и Челпановым по поводу социальной психологии исчерпанным. Однако заслуживает внимания, как Челпанов обосновывал и развивал свое собственное понимание вопроса о социальной психологии в контексте более общего вопроса о социальной психологии в контексте более общего вопроса «психология и марксизм». Выше, при анализе отечественных работ по истории психологии, мы уже видели, какое большое значение придают исследователи этому вопросу.

Из предыдущего изложения нам уже известно, что Челпанов доказывал, что эмпирическая психология не противоречит требованиям марксистской философии. Но если в своих основных постулатах эмпирическая психология соответствует марксизму, то не означает ли это, что марксизм не находит в психологии вообще никакого применения, не имеет никакого значения? Челпанов на этот вопрос отвечал отрицательно, сферой приложения марксизма в психологии считая социальную психологию. Об этом Челпанов писал уже в своей первой полемической работе «Психология и марксизм», которая была издана в 1924 г., но была написана по следам устных дискуссий 1922 г.

В восьмом тезисе брошюры, который мы приводим целиком, Челпанов писал: «Специально марксистская психология есть психология социальная, изучающая генезис «идеологических форм» по специально марксистскому методу, заключающемуся в изучении происхождения указанных форм в зависимости от изменений социального хозяйства. Такая психология в мировой литературе имеется только в зачаточной форме. В России ее совсем нет. Задача научно-исследовательских психологических институтов организовать именно такие психологические исследования. Они будут представлять собой марксистскую психологию в собственном смысле слова. Эмпирическая же и экспериментальная психология марксистской стать не может, как не может стать марксистской минералогия, химия, физика и т.п.» [58, с. 26-27].

Любопытно сопоставить этот тезис Челпанова с рассуждениями Выготского по поводу учебника психологии Корнилова [29]. Подчеркивая мысль о необходимости создания специальной теории («общей психологии», «методологии психологии») в психологии – того, что сейчас можно назвать «теорией среднего уровня», Выготский писал: «К. Маркс назвал “Капитал” критикой политической экономии. Вот такую критику психологи хотят перепрыгнуть ныне. “Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма”, в сущности, должно звучать так же, как “Учебник минералогии, изложенной с точки зрения формальной логики”. Ведь это само собой разумеющаяся вещь – рассуждать логически не есть особенность данного учебника или всей минералогии. Ведь диалектика не есть логика, даже шире. Или: “Учебник социологии с точки зрения диалектического материализма” вместо “исторического”. Надо создать теорию психологического материализма, и нельзя еще создавать учебники диалектической психологии» [10, с. 421].

Вряд ли упоминание минералогии и у Челпанова, и у Выготского следует считать случайным. Скорее всего, апелляция к минералогии связана с фигурой академика (1919) А.Е. Ферсмана (1883-1945) – выдающегося отечественного ученого, геохимика и минералога, директора Минералогического музея при Академии наук (1919-1930), вместе с академиками П.П. Лазаревым и В.А. Стекловым с самого начала плодотворно сотрудничавшего с Советской властью после Октябрьской революции [16].

Насколько естественной была позиция Челпанова и Выготского по отношению к идее «марксистской психологии» показывает цитата из работы современного автора, французского философа-марксиста Л. Сэва. В книге, изданной во Франции в начале 60-х годов, Л. Сэв писал: «То, что марксизм должен иметь – и давно уже имеет, о чем свидетельствуют выдающиеся труды, на которые мы выше ссылались (Труды А. Валлона и Р. Заззо – С.Б.) – марксистскую позицию в психологии, это очевидно. Но что он должен иметь под угрозой несостоятельности психологию марксизма (а почему не химию или

астрономию марксизма?), можно утверждать, лишь имея о философии, истории и самой психологии идеалистическое представление» [48, с. 362]. Яснее не скажешь.

Челпанов в подтверждение своего тезиса далее в брошюре ссылается, демонстрируя изрядную эрудицию, на работу Энгельса о Людвиге Фейербахе, на тезисы Маркса о Фейербахе, на работу Маркса и Энгельса «Святое семейство...», на «Нищету философии» и «Капитал» Маркса, на работу Плеханова «Монистическое понимание истории». Развивая свою точку зрения на соотношение психологии (общей) и марксизма, психологии теоретической и прикладной, Челпанов в докладе на первом психоневрологическом съезде в шестом тезисе писал: «Научная разработка эмпирической психологии имеет огромное культурное значение, потому что именно на ней базируются все виды прикладной психологии и все новые отрасли психотехники. Эмпирическая психология служит основой для построения социальной психологии, психологии хозяйства, педагогической психологии и т.д.» [59, с. 17].

В этой же брошюре в параграфе «Положение вопроса об отношении научной психологии к философии марксизма» [59, с. 19-31] Челпанов, ссылаясь на доклад Рейснера [46], отмечал: «Правильно описывает и Рейснер марксистскую психологию, когда центр тяжести в реформе психологии переносит на социальную психологию...» [59, с. 27].

Цитаты из работ Маркса и Вундта, которые Челпанов берет в качестве эпиграфа к своей работе [60, с. 1], показывают, что он мог пользоваться методом цитирования намного тоньше и убедительнее своих оппонентов: он приводит две цитаты, явно совпадающие между собой не только по общему смыслу, но и по используемым их авторами понятиям. Справедливости ради необходимо уточнить, что два высказывания, которые Челпанов объединил в одну цитату и приписал К. Марксу, на самом деле взяты из двух работ. Первое высказывание у Челпанова выглядит следующим образом: «Так как Фейербах рассматривает людей не в их данной общественной связи, ... то... он... остается при абстракции человека». Это значительно сокращенная цитата из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология», где критикуется понимание человека у Л. Фейербаха [см. 36, с. 44].

Кроме того, Челпанов цитирует слова Маркса, также не указывая источника: «Только в обществе человек обнаруживает свою истинную природу. Силу его природы надо изучать не на отдельных личностях, но на целом обществе». В оригинале (очевидно, в другом переводе) это место выглядит несколько по-иному [см. 37, с. 146]. Подчеркнем, что если продолжить эту мысль Маркса и Энгельса далее, то становится ясно, что, утверждая такую точку зрения на человека и общество, Маркс и Энгельс были не оригинальны, прямо указывая: «Эти и им подобные положения можно найти почти дословно даже у самых старых французских материалистов. Здесь не место входить в их оценку» [37, с. 146].

Эти высказывания Маркса и Энгельса Челпанов на первой странице брошюры ставит рядом с цитатой из «Логики» Вундта. Разумеется, при внимательном взгляде в высказываниях Маркса и Вундта можно обнаружить существенные различия. Но тем не менее из их сопоставления становится очевидно для читателя (к чему, собственно, и стремился Челпанов), что трактовка человека как социального существа в научном плане уже для Вундта не была откровением. Челпанов ссылается на «Психологию народов» и «Логик» Вундта (на немецком языке). Корнилов в свое время мог ознакомиться с точкой зрения Вундта на социальную психологию если не из этих работ, то хотя бы из [8].

Далее Челпанов в первой главе, красноречиво названной «Необходимость организации исследований по социальной психологии», пишет: «Огромные социальные проблемы, выдвигаемые жизнью, потребуют изучения социальной психологии... На основании моих предшествующих сочинений вопрос о месте психологии в системе Маркса получает решение, которое я могу формулировать в следующих трех тезисах:

1. Современная научная психология остается без изменений и по методу и по содержанию.

2. На основе научной психологии заново строится специально-марксистская психология, именно социальная психология по марксистскому методу.

3. Заново строится прикладная психология, представляющая приложение научной психологии к марксистской социологии» [60, с. 4].

Завершает главу Челпанов словами: «Символом реформы психологии при новой идеологии должно являться не устройство собачников для изучения условных рефлексов, как это делается в современных психологических учреждениях, а организация работ по изучению социальной психологии» [60, с. 10]. На первый взгляд, из этих слов можно сделать вывод, что Челпанов выступает против изучения психики, поведения и высшей нервной деятельности с помощью метода условных рефлексов Павлова. Однако это не так. Челпанов имел в виду совсем другое, о чем свидетельствуют его слова: «Учение об условных рефлексах, учение о внутренних секрциях, фрейдовское учение о сексуальных ощущениях, как выясняющие индивидуальные причины человеческого поведения, никакого отношения к марксизму не имеют. Это есть дело прежней индивидуальной психологии. Я ни в малейшей степени не отрицаю важного научного значения учения об условных рефлексах, эндокринологии и пр. для психологии, но утверждаю, что они совершенно не нужны для специально марксистской психологии, которая является социальной психологией и которая идет не на смену прежней индивидуальной психологии, а должна работать наряду с нею. Поэтому реформа психологии должна была бы состоять в организации изучения социальной психологии. Только этот вид психологии может являться характерным для марксистской идеологии» [60, с. 7].

Коротко указав основные моменты в развитии идей социальной психологии в XIX веке [60, с. 7-9], Челпанов прямо ставит вопрос о необходимости организации в стране «специального Института социальной психологии» [60, с. 9].

В завершение второй главы Челпанов делает вывод, апеллируя к обрисованной им в главе тенденции развития психологии в XVIII и XIX веках: «Психология в эпоху Великой французской революции сделалась физиологической, потому что в этом заключались итоги научной мысли XVIII века. Физиологизм служил оппозицией религиозной метафизике XVIII века. Чтобы понять задачу психологии текущего XX-го века, мы должны подвести итоги научной мысли XIX века. Что нового в психологии выдвинул XIX век? По моему мнению, идею коллективной психологии. Было понято, что природа человека может быть полностью изучена только в социальной жизни. С того момента, как будет осознано, что именно социальная психология есть «свое слово» XX века, тотчас кризис в психологии разрешится. Для нас делается ясным, что нужно делать и чего не нужно делать. Не нужно заботиться о введении физиологизма в психологию, ибо это уже превосходно сделали больше чем за 100 лет до нас психологи эпохи Французской революции. Нужно организовать в широком масштабе изучение коллективной психологии» [60, с. 28].

Точку зрения Челпанова на вопрос о марксистской психологии дополнительно проясняет оценка им книги Л. Джемсона «Очерки психологии» [12]. Челпанов пишет: «Книжка Джемсона, как я сказал, правильно решает вопрос о марксистской психологии. Именно, английские социалисты думают, что при реформе психологии в духе марксизма все отделы прежней эмпирической психологии остаются и по содержанию, и по методу без изменения, но только к ним присоединяется социальная психология в духе марксовской философии и применение психологии к марксистской социологии. И то и другое присоединение базируется на прежней психологии. Если в психологии Джемсона выделить все то, что имеет отношение к марксистской социологии и к историческому материализму, то останется самая общепринятая психология, как ее теперь пишут американские психологи. Это есть то решение, на котором я настаиваю с 1922 г. и которое я формулировал в восьмом тезисе, в книжке «Психология и марксизм» [61, с. 38].

Непосредственное ознакомление с содержанием книги Л. Джемсона подтверждает точку зрения Челпанова. Так, в авторском предисловии к «Очеркам психологии» Л. Джемсона сказано: «Эта книга, таким образом, является первой попыткой изложить (но не «отбросить» и т.п.! – С.Б.) в пролетарском освещении основные факты и теории современной психологии, совершенно избегая при этом извращений буржуазной идеологии» [12, с. XIII].

Таким образом, и в вопросе о превращении эмпирической психологии из индивидуальной науки в науку социальную Корнилов, образно выражаясь, «ломился в открытые ворота», в лучшем случае ставя в виде марксистских те цели и задачи, над которыми уже шла работа в мировой психологической науке.

Заканчивая на этом рассмотрение философских и методологических проблем в дискуссии между Корниловым и Челпановым, мы должны, по сути, лишь повторить тот вывод, к которому мы пришли ранее: в своих марксистских изысканиях Корнилову не удалось убедительно сформировать свою собственную («марксистскую») позицию по обсуждаемым вопросам, вследствие чего факт победы Челпанова в дискуссии с Корниловым о значении марксизма для психологии мы можем считать эмпирически подтвержденным, так как мы установили, что Корнилову в ходе дискуссии не удалось отстоять свои позиции: от ряда своих исходных марксистских идей Корнилов отказался вообще и никогда к ним уже не возвращался позже (таков, например, тезис о материальности психики); по большинству же других спорных вопросов Корнилов фактически был вынужден перейти на позиции своего оппонента.

Такой исход дискуссии между Корниловым и Челпановым во многом делает понятной дальнейшую судьбу не только марксистской психологии (реактологии) Корнилова, но и, как нам думается, судьбу всех последующих попыток построения марксистской психологии в нашей стране.

Резюмируя все вышесказанное, следует сказать, что выяснение вопроса о происхождении марксистской психологии заставило нас непосредственно обратиться к самому началу – к двадцатым годам в истории отечественной психологии, т.е. к периоду становления советской психологии как марксистской науки. Именно в это время в нашей стране происходила широкомасштабная общенаучная дискуссия о значении марксизма для психологии, о возможности и необходимости построения особой науки – марксистской психологии. Одним из основных элементов этой «большой» дискуссии была дискуссия между двумя психологами – представителем эмпирической психологии Челпановым и его бывшим учеником Корниловым.

При проведении историко-научной реконструкции дискуссии между Корниловым и Челпановым в качестве отправной точки мы взяли доклад Корнилова «Современная психология и марксизм», впервые прозвучавший на первом съезде по психоневрологии в 1923 г., проследив в ходе последовавшего спора с Челпановым судьбу высказанных в докладе идей. Таковыми оказались следующие утверждения Корнилова: марксистское (монистическое и материалистическое) понимание психики заключается в утверждении ее материальности, в понимании психики как вида физической энергии; психика материальна, следовательно, пространственна; гипотезы параллелизма и взаимодействия должны быть отброшены, и разрешение психофизической проблемы следует видеть в понимании психики как свойства высокоорганизованной материи. При этом Корнилов исходил из того, что психология является философской дисциплиной, а марксизм представляет собой философию, «внутринаучное мировоззрение». Марксистскую психологию Корнилов характеризовал как материалистическую науку, а эмпирическую психологию (и вообще и в частности у Челпанова) – как идеалистическую и метафизическую. В методическом плане Корнилов настаивал на том, что с точки зрения марксизма необходимо признать приоритет объективных методов в психологии над субъективными. В конечном счете эмпирическую психологию Корнилов определял как индивидуальную и индивидуалистическую, призывая к развитию с точки зрения

исторического материализма (марксистской социологии) социальной (классовой) психологии.

Взятые в совокупности, эти утверждения представляют собой не что иное, как предложенный Корниловым в первой половине двадцатых годов вариант концепции марксистской (советской) психологии.

Результаты, полученные в ходе историко-научной реконструкции и теоретического анализа дискуссии между Корниловым и Челпановым, позволяют нам прийти к выводу о том, что ни по одному из выдвинутых в начале дискуссии утверждений (а, следовательно, и по проблеме «психология и марксизм» в целом) Корнилов не сумел сказать чего-либо нового, убедительного и оригинального по сравнению со своими взглядами, ранее (в свой «домарксистский период», т.е. до 1922 г.) высказанными в «Учении о реакциях». Некоторые несущественные изменения и дополнения, сделанные Корниловым, касались только терминологии (материализм вместо энергетизма и т.д.).

В плане эволюции взглядов Корнилова следует особо выделить его статью «Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека», позволяющую говорить об объективном совпадении позиций Корнилова и Челпанова. Доклад, который затем лег в основу этой статьи, был сделан Корниловым в ноябре 1924 г. в ходе устных дебатов с Челпановым. Содержание этого доклада позволило Челпанову утверждать, имея в виду свою дискуссию с Корниловым, что «психологические вопросы, которые последние два года у нас в России были спорными, утратили свой спорный характер». Челпанова нельзя было опровергнуть или только обойти – его можно было только перерасти.

Проанализировав исходные марксистские идеи Корнилова, мы не нашли в докладе «Современная психология и марксизм» никакого марксизма, кроме уверений Корнилова в том, что он является марксистом. В этом пункте наш анализ лишь подтвердил слова Челпанова, сказанные до появления доклада и статьи Корнилова о наивном и диалектическом материализме, что за два года (1921-1923) Корнилов «не удосужился изучить философию Маркса и, будучи чистокровным бюхнерианцем, остается в наивном убеждении, что он марксист». Приходится признать, что Челпанов был полностью прав, выступая с критикой такого марксизма и такой психологии, с точки зрения которых выступал в ходе дискуссии Корнилов.

В целом для взглядов Корнилова в ходе дискуссии были характерны следующие черты: невысокий научный уровень в понимании проблемы «психология и марксизм» как в плане психологии, так и в плане марксизма и философии вообще; неустойчивость, противоречивость и необоснованность взглядов практически по всем вопросам дискуссии; неявный отказ в ходе дискуссии от своих исходных представлений и переход на позиции, фактически совпадающие с челпановскими. Корнилову не удалось отстоять в полемике с Челпановым предложенный вариант марксистской психологии.

Для взглядов Челпанова, которые он отстаивал в ходе дискуссии, были характерны следующие черты: анализ марксизма с точки зрения психологии, а не психологии с точки зрения марксизма; оценка марксистских идей в том виде, как они конкретно представлены в работах Маркса, Энгельса, Плеханова, Бухарина, Ленина и т.д., а также у сторонников марксизма в психологии, Корнилова в первую очередь; ясное различие двух плоскостей анализа – эмпирической (собственно психологической) и метафизической (философской); утверждение о независимости психологии как самостоятельной эмпирической науки от какой бы то ни было философии или идеологии; стремление к нахождению точек соприкосновения и взаимопонимания психологии и марксизма в области философских, теоретических и прикладных проблем, имеющих как в психологии, так и в марксизме; признание возможности и необходимости применения и разработки марксизма в качестве особого, марксистского метода в области социальной психологии.

Помимо прочего, это означает, что приоритет в деле реальной, содержательной разработки проблемы «психология и марксизм» (а не в выдвигании декларативных

заявлений и лозунгов) следует признать за Челпановым, а не Корниловым. Своим примером Корнилов показал, как не надо строить марксистскую психологию: марксистская психология в принципе не может появиться из марксизма готовой и во всеоружии, как Афина Паллада из головы Зевса. Но Челпанов показал не только это, но и то, почему не надо строить марксистскую психологию как особую науку.

В целом реконструкция дискуссии между Корниловым и Челпановым вскрывает наиболее существенные стороны процесса возникновения и разработки концепции марксистской психологии в отечественной психологической науке двадцатых годов: отсутствие у сторонников марксизма в психологии сложившейся позиции по актуальным для того времени теоретическим, методологическим и философским вопросам психологии; теоретическая необоснованность и несостоятельность претензий марксизма в деле разрешения актуальных психологических проблем; утверждение марксистских идей в психологии с помощью вненаучных и ненаучных аргументов и мер административного, организационного, идеологического и политического характера.

Выявленная нами картина позволяет лучше понять дальнейшую судьбу марксистской психологии (реактологии) Корнилова, а также судьбу марксистской психологии в целом в нашей стране. Кроме того, в настоящее время дискуссия между Корниловым и Челпановым имеет не только историческое значение. Это не только ценный экспонат в музее истории, который нельзя использовать по назначению и трогать руками. Если мы хотим глубоко разобраться с наиболее существенными, «вечными» вопросами психологии – о сущности психики, о методах психологии, о месте психологии в системе наук и о том, как все вопросы соотносятся с марксизмом, то нам никак нельзя обходить идеи и оценки, высказанные в свое время не только Выготским, Рубинштейном, Леонтьевым, но и Челпановым. В этой связи следует подчеркнуть, что дискуссия между Корниловым и Челпановым в той или иной форме послужила своего рода точкой отсчета, дала исходный «строительный материал» для последующих разработок марксистских идей в рамках концепций Выготского, Рубинштейна и Леонтьева.

Для понимания явлений, подобных дискуссии между Корниловым и Челпановым, для изучения всего вопроса о том, как и почему психология в Советской России должна была в двадцатые годы стать (и стала) марксистской, требуется глубокое проникновение как во внутреннюю, так и во внешнюю историю науки. Думается, что дальнейшее всестороннее изучение марксистской психологии «по Корнилову» и всей дискуссии о значении марксизма, проходившей в советской психологии в 20-30-е годы, т.е. всего комплекса проблем, который мы обозначили как «проблема марксистской (советской) психологии», позволит не только разобраться с различными парадоксами, которыми полна история отечественной науки, но и всесторонне осмыслить источники, смысл и значение идеи о построении марксистской психологии – идеи, красной нитью проходящей через всю историю советской психологии.

1. *Артемов В.А.* Введение в социальную психологию. М.: Госиздат, 1927.
2. *Беляев Б.В.* Проблема коллектива и его экспериментально-психологического изучения // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 179-214.
3. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии. М.: Госиздат, 1921. 96 с.
4. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии // Избранные психологические произведения. М.: Просвещение, 1964. С. 31-131.
5. *Блонский П.П.* Марксизм как метод решения педагогических проблем // *Блонский П.П.* Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2-х томах. Т. 1 / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 181-186.
6. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.

7. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. С приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма». М.-Пг., б/г. 390 с.
8. *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1912. 132 с.
9. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996. 424 с.
10. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291-436.
11. *Давыдов В.В., Радзиховский Л.А.* Теория Л.С. Выготского и деятельностный подход в психологии // *Вопросы психологии.* 1980. № 6. С. 48-59; 1981. № 1. С. 67-80.
12. *Джемсон Л.* Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. М.-Л.: Госиздат, 1925. 164 с.
13. *Залманзон А.* В защиту объективного направления в психологии // *Вестник Коммунистической Академии.* 1926. № 18. С. 189-202.
14. *Иванов-Смоленский А.Г.* Естествознание и наука о поведении человека. Учение об условных рефлексах и психология. М.: Госиздат, 1929. 136 с.
15. Из переписки Г.И. Челпанова и А.М. Щербины (публикация Р.Л. Золотницкой) // *Психологический журнал.* 1991. Т. 12. № 5. С. 86-92.
16. *Колчинский Э.И., Кольцов А.В.* 200-летний юбилей РАН и политика // *Науковедение.* 2001. № 1. С. 25-31.
17. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М.: Госиздат, б/г (1921). 228 с.
18. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм // *Под знаменем марксизма.* 1923. № 1. С. 41-50.
19. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм: Автореф. доклада // *Известия.* 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.
20. *Корнилов К.Н.* Психология и рефлексология // *Под знаменем марксизма.* 1923. № 4-5. С. 86-98.
21. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // *Под знаменем марксизма.* 1923. № 4-5. С. 98-114.
22. *Корнилов К.Н.* Наивно-материалистические тенденции в современной психологии: Тезисы доклада // Фонд Г.И. Челпанова в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 326. П. 41. Ед. хр. 29. б/д.
23. *Корнилов К.Н.* Основные течения в современной психологии // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. С. 61-75.
24. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. 107 с.
25. *Корнилов К.Н.* Путь современной психологии // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. С. 76-90.
26. *Корнилов К.Н.* Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. С. 91-106.
27. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // *Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова.* Л.: Госиздат, 1925. С. 9-24.
28. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм проф. Челпанова // *Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова.* Л.: Госиздат, 1925. С. 231-242.
29. *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л.: Госиздат, 1926. 164 с.

30. *Корнилов К.Н.* Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 3-15.
31. *Корнилов К.Н.* К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44-77.
32. *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. 160 с.
33. *Ланге Н.Н.* Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М. Шимкевича. М., 1914 (1922). Т. VIII. 312 с.
34. *Ленин В.И.* Карл Маркс. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 43-93.
35. *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40-48.
36. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология: Соч. Т. 3. С. 7-544.
37. *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство: Соч. Т. 2. С. 3-230.
38. О журнале «Под знаменем марксизма». Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. С. 264-265. (Первоисточник: Правда. 1931. 26 января. № 25.)
39. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. 5-е изд. Л.: Ленмедиздат, 1932. 508 с.
40. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
41. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М.: Педагогика, 1984. 272 с.
42. *Плеханов Г.В.* Основные вопросы марксизма // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 124-196.
43. *Плеханов Г.В.* Предисловие к книге А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 614-638.
44. *Плеханов Г.В.* Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Избранные философские произв.: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 67-88.
45. Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К. Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1926. 252 с.
46. *Рейснер М.А.* Проблемы психологии в теории исторического материализма (Доклад т. Рейснера, прочитанный 8 февраля 1923 г.) // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 3. С. 210-255.
47. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
48. *Сэв Л.* Современная французская философия: исторический очерк от 1789 г. до наших дней / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1968. 391 с.
49. *Таланкин А.А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24-43.
50. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет: стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 г. в Доме Союзов в Москве. М.: Правда, 1947. 32 с.
51. *Теплов Б.М.* Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности / Под ред. Е.И. Игнатьева. М.: Учпедгиз, 1960. С. 8-20.
52. *Франкфурт Ю.В.* Г.В. Плеханов о психофизиологической проблеме // Под знаменем марксизма. 1926. № 6.

53. *Цыпленкова Л.М.* Психологические воззрения и научная деятельность К.Н. Корнилова: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1970. 234 с.
54. *Челпанов Г.И.* Введение в философию. 7-е изд. М.-Пг.-Харьков, 1918. 550 с.
55. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. М.-Пг.-Харьков: Издание Т-ва «В.В. Думнов – наследн. Бр. Салаевых», 1918. 319 с.
56. *Челпанов Г.И.* Учебник психологии. 16-е изд. М.-Пг.-Харьков: Издание Т-ва «В.В. Думнов – наследн. Бр. Салаевых», 1918. 224 с.
57. *Челпанов Г.И.* Введение в экспериментальную психологию. 3-е изд. М.: Госиздат, 1924. 294 с.
58. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. 2-е изд. М.: Русский книжник, 1925. 30 с.
59. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М.: Русский книжник, 1926. 59 с.
60. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или «условные рефлексy»? М.-Л.: Издание автора, 1926. 38 с.
61. *Челпанов Г.И.* Спинозизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии. М.: Издание автора, 1927. 47 с.
62. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 339-626.
63. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии: Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 269-317.

ОЧЕРК 3

О работе К.Н. Корнилова «Диалектический метод в психологии»

Проблема метода, понимаемого в широком, философском смысле, а именно, с точки зрения марксистской философии, впервые была поставлена Корниловым в докладе «Современная психология и марксизм».

Делая первую попытку «применить марксизм к области психологии» [25, с. 41] и ставя вопрос о том, во что «должна превратиться психология под влиянием марксизма» [25, с. 42], Корнилов, помимо переосмысления с точки зрения марксизма «самого объекта психологии» [25, с. 42], затрагивал также проблему современной психологии, «требующую разрешения и могущую найти такое разрешение в марксизме, которая касается выяснения принципов, которым подчиняется течение психических процессов» [25, с. 49]. Марксистская психология должна подойти к разрешению этой проблемы «с точки зрения того диалектического метода, который оказался столь плодотворным в применении как к процессу течения общественной жизни, так и вообще биологического развития. Поскольку же психические процессы являются лишь частным видом общебиологических процессов, постольку и основные принципы течения психической жизни могут быть вскрыты именно на этом пути применения метода диалектического материализма к области психологии» [25, с. 49-50]. Далее Корнилов указывал: «Я не даю разрешения этой проблемы сейчас, ибо это требует специального исследования, но едва ли может быть сомнение в том, что основной метод марксизма окажется плодотворным и в разрешении этой основной проблемы современной психологии» [25, с. 49-50].

Более конкретно подойти к проблеме применения диалектики в психологии Корнилов попытался в докладе «Диалектический метод в психологии», с которым он выступил на втором Всесоюзном съезде по психоневрологии в Ленинграде в январе 1924 г., т.е. спустя год после первого психоневрологического съезда. Перечисляя четыре принципа диалектического метода, Корнилов к каждому из них привел ряд примеров-

иллюстраций из различных областей и направлений психологии. Согласно Корнилову диалектический метод включает в себя следующие четыре принципа: 1) принцип непрерывной изменчивости всего сущего [26, с. 107]; 2) принцип всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности [26, с. 107]; 3) принцип скачкообразного развития процессов, с переходом от количественных определений к качественным [26, с. 108]; 4) принцип прогрессивного развития, триада Гегеля (тезис – антитезис – синтез) [26, с. 111].

Такое понимание диалектического метода, в рамках марксизма традиционно представленного в виде трех законов диалектики, вызывает ряд вопросов. В частности, каково происхождение этих принципов? Взял ли их Корнилов в готовом виде или же они были его собственной интерпретацией диалектического метода? На каких источниках основывался Корнилов, из каких представлений о диалектике и диалектическом методе он исходил?

Мы знаем, что критика в адрес Корнилова с точки зрения диалектичности его варианта марксистской психологии (реактологии) шла (особенно после 1931 года) по линии оценки его теоретических взглядов как далеких от истинно марксистских ввиду их механистического и эклектического, т.е. в конечном счете не диалектического или даже антидиалектического характера. Но чем была обусловлена эта механистичность представлений Корнилова о диалектике? Насколько в упрощенном понимании диалектики (и марксизма в целом) следует винить самого Корнилова? Не были ли его представления о марксизме и диалектике типичными для того времени? В нашем исследовании мы исходили из того, что разрешение вопроса о четырех принципах позволит нам увидеть общие пути и механизмы проникновения марксизма в советскую психологию в начальный период ее становления.

Вначале обратимся к историографии вопроса. В трудах по истории советской психологии вопрос о принципах диалектического метода «по Корнилову» непосредственно не ставится. Так, Рубинштейн в «Основах психологии» хотя и раскрывает в отдельном параграфе требования и элементы диалектики [41, с. 69-70], в главе «Советская психология» ограничивается указанием на дискуссионный характер идеи Корнилова о марксистской психологии как синтезе эмпирической и поведенческой психологии [41, с. 36].

Пять лет спустя в первом издании «Основ общей психологии» Рубинштейн отмечал, что «Корнилов выдвинул в 1923-1924 гг. лозунг построения марксистской психологии на основе диалектического материализма. Однако дальше чисто декларативного провозглашения принципов диалектического материализма Корнилову пойти не удалось» [42, с. 69]. Во втором издании этой книги Рубинштейн в параграфе, посвященном истории советской психологии, вообще отказывает Корнилову в какой-либо диалектике: «Под лозунгом марксистской психологии Корнилов фактически в своей реактологии создал эклектическую механистическую концепцию, ничего общего с марксизмом не имеющую» [43, с. 83], [44, т. 1, с. 99].

В работах Смирнова вопрос о диалектических принципах также не обсуждается. В статье [45] Смирнов в контексте рассмотрения проблемы развития психики упоминает (без каких-либо комментариев), что Корнилов «в качестве первого положения, характеризующего диалектический метод, называет “принцип непрерывной изменчивости всего сущего”» [45, с. 16]. В другой юбилейной статье Смирнов пишет, как это ни парадоксально, о законах (как это принято в марксистской традиции), а не о принципах диалектического метода у Корнилова: «Впервые именно в выступлениях Корнилова указывалось на значимость законов материалистической диалектики в психологии» [46, с. 14]. Ту же картину мы обнаруживаем и в монографии Смирнова: «Раскрывая диалектико-материалистическое учение о психике, Корнилов особое внимание уделил характеристике законов диалектики в психической жизни человека, приводя, как он полагал, конкретные примеры действия этих законов» [47, 145]. Далее Смирнов кратко излагает примеры, которые приводит Корнилов к закону перехода количества в качество и скачкообразности

развития [47, с. 145-146], единства и борьбы (взаимопроникновения) противоположностей [47, с. 146], отрицания отрицания [47, с. 146].

Тот факт, что здесь никакого упоминания о четырех принципах нет, объясняется просто: Смирнов цитирует не доклад Корнилова на втором съезде, а статью «Психология с точки зрения диалектического материализма», вышедшую в США в 1930 году на английском языке [68], где Корнилов действительно пишет уже не о принципах, а о законах. Естественно, при таком подходе вопрос о первоначальных представлениях Корнилова о диалектическом методе Смирновым обходится, генезис и динамика взглядов Корнилова по этому вопросу не фиксируется и не изучается.

У Теплова мы находим, пожалуй, наиболее конкретную оценку представлений Корнилова о диалектических принципах. Перечисляя эти принципы (правда, почему-то не указывая последний, четвертый принцип – принцип прогрессивного развития), Теплов указывает на их недостаточность, не ставя, однако, вопроса об источниках этих представлений: «В своем докладе на ленинградском съезде 1924 г. Корнилов попытался на материале экспериментальной психологии доказать то значение, которое могут иметь в психологическом исследовании основные принципы диалектики: «принцип непрерывной изменчивости», «принцип всеобщей связи явлений», «принцип скачкообразности развития». Принятия только этих положений было еще недостаточно для построения подлинно марксистской науки о психике. Да и не все эти положения, как показала дальнейшая работа, были правильно поняты и до конца освоены в то время» [52, с. 12].

Следует добавить, что в обширной статье [53], посвященной анализу сборника Корнилова «Современная психология и марксизм», Теплов вообще не касается статьи Корнилова «Диалектический метод в психологии», словно ее там нет вовсе.

А.Н. Леонтьев, говоря о первых шагах советской психологии, в своих работах касается проблемы понимания диалектики Корниловым в самом общем виде: «Первые попытки строить марксистскую психологию ограничивались утверждением лишь наиболее общих принципов материалистического понимания психики» [29, с. 357]. «Только в начале 20-х годов учеными нашей страны было впервые выдвинуто требование сознательно строить психологию на основе марксизма ... Первоначально задача создания психологии понималась как задача критики идеалистических философских взглядов, господствовавших в психологии, и внесения в нее некоторых положений марксистской диалектики» [28, с. 18].

А.В. Петровский, говоря о докладе Корнилова на втором съезде по психоневрологии, дословно приводит диалектические принципы «по Корнилову», но также не сопровождает их какими-либо комментариями: «Последовательно рассматривая основные положения диалектического метода (принцип непрерывной изменчивости всего сущего, принцип всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности, принцип скачкообразного развития, с переходом от количественных изменений к качественным, принцип прогрессивного развития), Корнилов стремился показать, что в сфере психологии им подчиняются конкретные явления, факты, законы, что они находят полное применение в психологическом исследовании» [36, с. 63].

У Ярошевского в «Психологии в XX столетии» только говорится, что Корнилов «неизменно подчеркивал важность диалектического развития. Но в его реактологии роль этого принципа ограничивалась общим подходом к психофизической проблеме» [64, с. 335].

В другой работе Ярошевский упоминает философские принципы марксизма в советской психологии того периода лишь в самой общей форме: «Представляя цельную и разветвленную систему идей, марксизм, синтезировав достижения философской и научной мысли предшествующего периода, выработал ряд методологических принципов, придавших принципиально новую направленность исследованиям человека и его психической деятельности» [63, с. 248]. «Правда, потребовалась упорная критическая и созидательная работа, чтобы реализовать в конкретном исследовании психических

процессов и личности человека это стимулированное потребностями социально-культурного развития молодой республики стремление переориентировать научную психологию на философские принципы марксизма» [63, с. 259], [64, с. 331]. В работе [65] вопрос о Корнилове как марксисте заслоняется вопросом о Корнилове как реактологе, в связи с чем Ярошевский пишет лишь об идее Корнилова осуществить синтез субъективной и объективной психологии и о реактологии как конкретной реализации этой идеи синтеза [65, с. 93]. При этом Ярошевский указывает, что в вопросе о конкретных путях осуществления марксистской реформы в психологии «с Корниловым разошлось большинство психологов» [65, с. 93]. В качестве ученых, считавших «марксистскую методологию перспективной в плане поисков выхода психологии из кризиса», но выбравших иной, по сравнению с Корниловым, путь, Ярошевский указывает Блонского и Выготского [65, с. 93]. О том же Ярошевский пишет и в двух других учебных пособиях [66, с. 119-120], [67, с. 369-370].

Эта же точка зрения содержится и в двухтомной работе Петровского и Ярошевского [38, т. 1, с. 214]; аналогично в работе [37] Петровский и Ярошевский также пишут лишь о «принципе диалектического единства» как одном из «стержневых начал» марксистской диалектики [37, с. 137] и о попытке Корнилова примирить с помощью своей реактологии (и «под эгидой диалектического материализма») антитезы субъективного и объективного, индивидуального и социального, телесного и актов сознания [37, с. 136-137]. Указывая на низкую продуктивность корниловской идеи «единства», авторы в то же время отмечают, что «при всей ограниченности методологических ресурсов реактология Корнилова открыла путь к новым контактам психологии с марксизмом» [37, с. 137].

В книге Е.Е. Соколовой «Тринадцать диалогов о психологии» при обсуждении взглядов Корнилова вопрос о диалектических принципах не затрагивается, и в конечном все сводится к ироничной оценке Выготским попытки Корнилова создать учебник психологии «с точки зрения диалектического материализма» [см. 48, с. 401].

В книге В.П. Зинченко и Е.Б. Моргунова, как и во многих других современных источниках, основное ударение делается на собственно реактологических идеях Корнилова: «Идеалист Челпанов ведь писал не только о душе. Он издал первый в нашей стране учебник экспериментальной психологии. Он научил Корнилова, сменившего его на посту директора института, измерять время реакции человека, а тот решил, что в этом вся психология, и попытался создать свое учение о ней, назвав его реактологией. Не вина Челпанова, что Корнилов не усвоил уроков о душе» [23, с. 80].

Не рассматривается вопрос о диалектических принципах и в других современных работах по истории, так или иначе касающихся 20-х годов (см. [22], [33], [39], [40], [67] и др.).

Таким образом, никто из рассмотренных авторов, касаясь доклада Корнилова на втором съезде, не ставит вопроса по поводу четырех принципов диалектического метода. Создается впечатление, что психологи этот вопрос считают чисто философским. Но не ставится в них и более общий вопрос – о механизмах ассимиляции советской психологией марксистских идей. Исследователи фактически не затрагивают вопрос о Корнилове как марксисте и о влиянии его уровня марксистской компетентности на его общетеоретические взгляды. Но, может быть, все дело в том, что вопрос о принципах давно уже нашел свое разрешение в 20-е и 30-е годы и поэтому современные авторы не считают нужным его затрагивать? За ответом вначале обратимся к научным публикациям, либо в целом посвященным второму съезду по психоневрологии, либо непосредственно содержащим анализ доклада Корнилова.

В обзорных статьях, посвященных второму съезду по психоневрологии, в лучшем случае содержится более-менее подробный пересказ содержания доклада Корнилова «Диалектический метод в психологии» и приводятся некоторые мысли, высказанные Корниловым в прениях на съезде.

Таковы статьи И.А. Арямова [5], М.Я. Басова [6], А.П. Болтунова³ [10], Г. Даяна [18], А.Л. Шнирманна [59]. Оценку представлений К.Н. Корнилова о диалектике содержат статьи В.М. Бехтерева и А.В. Дубровского [8], В.Я. Струминского [51], М.Я. Басова [7] и Л.С. Выготского [13]. Рассмотрим эти работы более подробно.

В статье Арямова⁴ [5] четыре диалектических принципа вообще не упоминаются. Басов [6] просто указывает, что «в первом докладе докладчик имел целью доказать, что четыре основных принципа диалектического метода (изменчивость всего существующего, всеобщая связь или закономерность существующего, скачкообразность развития и прогрессивность развития) всецело приложимы в области психологии, что он иллюстрировал соответствующими примерами» [6, с. 47].

Ненамного определеннее выразился по поводу доклада Корнилова Выготский. В статье, подводящей итог десятилетнего развития советской психологии, Выготский высоко оценил шаг, предпринятый Корниловым: «На втором Всероссийском съезде по психоневрологии в 1924 году в Ленинграде были Корниловым сформулированы основные принципы марксистской психологии, на основе которых началась теоретическая и экспериментальная разработка отдельных психологических проблем» [13, с. 38].

В более поздней статье [14] Выготский меняет тональность, резко критикуя Корнилова именно за понимание диалектического метода как совокупности принципов. Выготский пишет: «Стоит только на мгновение представить себе, что мы должны были бы применять диалектический метод к конкретному историческому или экономическому исследованию, пользуясь только общими, абстрактными положениями теории диалектического материализма (принцип скачкообразности, в развитии, принцип перехода количества в качество и т.д.) без той системы конкретных понятий, которую дает исторический материализм (развитие производительных сил, теория базиса и надстройки, классовая структура общества и т.д.), для того, чтобы представить себе, что еще предстоит сделать психологии, чтобы стать марксистской наукой» [14, с. 106-107].

Обратим внимание, что в данном высказывании Выготский не сводит философию марксизма к диалектическому материализму, стремясь проследить значение для психологии и исторического материализма; другие составные части марксизма при этом не упоминаются.

В более цельном виде – не только как философия, но и как наука – понимается марксизм Выготским в работе «Исторический смысл психологического кризиса», где, в частности, говорится: «Стоит только представить себе, что Маркс оперировал бы общими принципами и категориями диалектики, вроде количества-качества, триады, всеобщей связи, узла, скачка и т.п. – без абстрактных и исторических категорий стоимости, класса, товара, капитала, ренты, производительной силы, базиса, надстройки и т.п., чтобы увидеть

---

³ Болтунов Александр Павлович (1883-1942) – российский (дореволюционного и советского периодов) психолог, специалист в области психологии труда и психотехники. В 1909 г. окончил философский факультет Берлинского университета, затем преподавал в учебных заведениях Москвы, Самары, Краснодара. Профессор с 1917 г., с 1936 г. – доктор наук. Профессор Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена (1925-1936), в это же время заведовал школьно-психотехнической лабораторией этого института, с 1932 г. – научный консультант по психологии при Институте гигиены труда и профессиональных заболеваний, с 1936 г. – при Ленингр. индустриальном институте. Основные работы в 20-30-е гг.: Трудовая школа в психологическом освещении, 1926; Система профессиональной консультации в общеобразовательной школе, 1932; Помощь семье в выборе профессий, 1935 и др. [см. 24, с. 350], [32, с. 219].

⁴ Арямов Иван Антонович (1884-1958) – советский психолог, доктор педагогических наук, профессор. В 20-е годы – педолог (книга И.А. Арямова «Основы педологии» вышла в 1927-1930 гг. в четырех изданиях). В 1912 окончил естественное отделение физико-математического факультета, в 1914 – медицинский факультет Московского университета. Педагогическую деятельность начал в 1899 учителем сельской начальной школы в Пензенской губернии. С 1914 вел научно-педагогическую и медицинскую работу. В 1938-1957 – профессор и заведующий кафедрой психологии областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Член КПСС с 1945. Разрабатывал вопросы педагогической и детской возрастной психологии, а также школьной гигиены [см. 34, т. 1, ст. 131].

всю чудовищную нелепость предположения, будто можно непосредственно, минуя «Капитал», создать любую марксистскую науку. Психологии нужен свой «Капитал» – свои понятия класса, базиса, ценности и т.д., – в которых она могла бы выразить, описать и изучить свой объект, а открывать в статистике забывания оттенков серого цвета у Лемана подтверждение закона скачков – значит ни на йоту не изменить ни диалектики, ни психологии» [15, с. 420].

Таким образом, если Корнилов в «диалектизации» психологии двигался вслед за Ф. Энгельсом, идя по аналогии с тем, что делал Энгельс в области философии, Выготский, достаточно быстро пройдя этот этап, вышел на понимание марксизма уже не столько как философии, сколько как науки. Это выразилось в том, что Выготский пробовал (или, во всяком случае, выдвигал требование) превратить психологию в науку по аналогии с тем, что сделал Маркс в области политической экономии. Этого уровня понимания марксизма Корнилов не достиг ни к 1931 году, ни позже.

К пониманию Корниловым марксизма и его значения для психологии вполне можно отнести слова, сказанные Басовым в середине 20-х годов: «Аналогично тому, как Маркс и Энгельс сумели из-под идеалистической и мистической оболочки гегелевской философии извлечь рациональное зерно материалистической диалектики и, таким образом, перевернуть всю эту философию с головы на ноги, так и современная материалистическая психология во многих случаях должна поступать в отношении к своему прошлому. Нам однажды уже пришлось высказывать ту же мысль, и здесь мы можем повторить ранее сказанное: “Не в смысле полного подобия, а лишь в виде некоторой аналогии можно сказать, что операция, которую проделал Маркс с идеалистической философией Гегеля, должна служить для каждого психолога-материалиста прообразом его собственной задачи по отношению ко всему положительному, что может содержать в себе субъективная наука о сознании”» [7, с. 232].

Даян [18] лишь кратко пересказывает содержание доклада Корнилова наряду с другими материалами съезда.

Таким же образом поступает и рефлексолог Шнирман: в обзорной статье он вкратце пересказывает содержание доклада Корнилова, вслед за автором перечисляя четыре диалектических принципа и приводя некоторые примеры и иллюстрации к ним [59]⁵.

Дубровский в статье «Материя и дух» [20], будучи сторонником рефлексологии Бехтерева, начисто отрицает попытку Корнилова создать марксистскую психологию: «Не надо забывать, что ввести диалектический метод в психологию – все равно, что сказать, что Гегель, введя диалектику в свою идеалистическую философию, дал материалистическую философию. Как нельзя создать строго монистическую систему, совмещающая материализм с идеализмом, так нельзя и в психологию, в основе которой лежит метод интроспекции, самонаблюдения, вводить диалектический материализм. В противном случае получится не марксистская наука о человеческой личности, а винегрет» [20, с. 25].

В статье, написанной совместно с Бехтеревым спустя два года, сформулированные Корниловым принципы Дубровский не только не ставит под сомнение, но и прямо использует их в интересах своей науки: «Из вышеизложенного ясно, что метод диалектического материализма вполне применим к рефлексологии. Принципы диалектики: 1) принцип непрерывной изменчивости всего существующего, 2) принцип всеобщей связи явлений, 3) принцип скачкообразности развития процессов с переходом от количества к качеству и 4) принцип прогрессивного развития вполне приложимы к

---

⁵ Шнирман Александр Львович (1899-1960) – советский психолог, рефлексолог и педагог. Занимался вопросами психологии, рефлексологии, психиатрии и педагогики. В 1923-1933 гг. работал в Ленинградском институте по изучению мозга, затем – на кафедре психологии в Институте им. А.И. Герцена. Доцент. Член КПСС с 1937 г. В 20-30-е годы публиковал работы по вопросам рефлексологии. В последующем занимался вопросами психологии коллектива, формирования личности в коллективе и психологии воспитания [см. 60].

рефлексологии и вскрывают основные законы течения соотносительной деятельности человека» [8, с. 86].

Наибольшее значение из всех статей, посвященных в частности или целиком докладу Корнилова, имеет обширная работа Струминского [51]. Ее общий объем составляет свыше семидесяти страниц. В этой целой статье докладу Корнилова о диалектическом методе Струминский посвящает целую главу под названием «Диалектический метод в “марксистской психологии”» [51, с. 174-183]⁶. Но и в этой работе, несмотря на ее критичность и детальность, мы не находим постановки вопроса о происхождении четырех принципов. Струминский тщательно анализирует примеры-иллюстрации к каждому из принципов, указывает на ряд порочных моментов в подходе Корнилова, но не более того.

Так, по поводу примеров Корнилова Струминский замечает, что «такие иллюстрации еще не представляют применения диалектики к психологии. Они являются скорее вульгаризацией диалектики, конструированием психической действительности по упрощенным схематическим формулам, придумыванием диалектики для психологии вместо того, чтобы открывать ее в самой этой психологии» [51, с. 176]. Затем Струминский бросает еще один общий упрек в адрес Корнилова, отмечая, что «ссылка на диалектический метод превратилась в употреблении проф. Корнилова в какой-то талисман, с помощью которого неясное должно сделаться ясным, вернее, – казаться таковым» [51, с. 181].

Это означает, что Струминский, как и упомянутые выше авторы, оценивает четыре диалектических принципа Корнилова как не требующие обоснования и объяснения, не ставит вопрос об их обоснованности, происхождении и т.д. При всей своей критичности и «введливости» Струминский в основном критикует Корнилова за качество примеров и иллюстраций к четырем принципам, лишь в самой общей форме указывая на качество понимания Корниловым самой диалектики: диалектический метод Корнилова представляет собой набор «упрощенных схематических формул».

Таким образом, мы видим, что ни в одной из работ 20-х годов – в посвященных второму съезду по психоневрологии статьях Арямова [5], Басова [6], Даяна [18], Дубровского [20] и Шнирмана [59], а также в статьях Выготского [13] и Струминского [51], непосредственно касающейся доклада Корнилова о диалектическом методе, – вопрос о происхождении четырех диалектических принципов у Корнилова не ставится.

Ни у кого из авторов мы не обнаруживаем указания и критики источников представлений Корнилова о марксизме. Все авторы так или иначе оценивают лишь то, насколько правильно прикладывает эти принципы Корнилов к области психологии. Но, может быть, в статьях советских философов и ученых – представителей других наук мы найдем упоминания об этих принципах и даже их оценку?

В 20-е годы о диалектике и марксизме говорили, писали и спорили не только психологи, но и философы, политики, биологи и т.д. В работах тех лет философы и представители естественных наук, анализируя популярную тогда проблему связи диалектики с различными науками (в частности, с естественными науками – об этом шел многолетний спор между «механистами» и «диалектиками»), упоминают и пресловутые четыре принципа в том или ином виде, оценивают суть такого подхода к диалектике, когда ученые или философы пытаются свести диалектику к схематическому набору того

---

⁶ Струминский Василий Яковлевич (1880-1967) – теоретик и историк педагогики, член-корр. АПН РСФСР (1945). Преподавал в духовных и светских учебных заведениях, вел научную деятельность в Программно-методическом институте (1932-1937), НИИ школ Наркомпроса РСФСР (1938-1944), Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР (1944-1967). В 20-е годы разрабатывал проблемы теории единой трудовой школы II ступени. В 1923 г. опубликовал книгу «Психология», в 1926 г. в статье «Марксизм в современной психологии» выступил с острой критикой марксистской психологии К.Н. Корнилова. Затем занимался историей педагогики [см. 35, с. 409-410].

или иного количества принципов, правил, сторон, предпосылок, требований, положений и т.д.

Не претендуя на полноту обзора данной литературы, ниже мы в хронологическом порядке рассмотрим несколько наиболее типичных работ, дающих представление об уровне и направленности теоретической работы тех лет.

Б.Э. Быховский вполне определенно заявлял: «Ленин широко пользовался в своих работах, в обобщениях и предвидениях диалектическим методом, никогда не опускаясь до «догматической», вульгарной диалектики, «конструирующей» действительность по упрощенным схематичным формулам («количество переходит в качество», «отрицание отрицания», «тезис – антитезис – синтезис»), он искал имманентную диалектику действительности» [12, с. 247]⁷. По-видимому, Струминский в приведенной выше цитате воспользовался этими словами, вполне в духе того времени и уровня научности, не указав автора. Это было типично для того времени, ведь и сам Корнилов, расчлняя диалектический метод на четыре принципа, не указал автора или источник такого толкования диалектики.

В статье Д. Гульбе «Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма» проблемы, возникающие при сравнительном анализе теорий Дарвина и Де-Фриза, рассматриваются через призму «основных положений» диалектики: все течет, все изменяется, явление следует рассматривать не изолированно, а в тесной связи [17, с. 160] и т.д., что, по существу, совпадает с корниловской схемой. Вероятнее всего, такое совпадение говорит не о том, что для Гульбе изложение диалектики Корниловым явилось образцом для подражания, а о том, что представления о диалектике у них обоих имеют один и тот же общий источник.

В нашем обзоре нельзя обойти стороной глубокие и точные мысли И.К. Луппола⁸, пример которого показывает, что в 20-е годы среди советских философов-марксистов были не только пришедшие с фронтов гражданской войны «люди в кожаных тужурках», но и ученые, искренно, сознательно и на высоком уровне научности работавшие в рамках марксистской философии (кстати, в упомянутом выше сборнике «Общественные науки СССР» Луппол был автором статьи о философии).

«Прежде чем применять диалектику, надо ее хорошо изучить» – к этим словам можно свести мысль Луппола, высказанную в рецензии на книгу Трахтенберга «Беседы с учителем по историческому материализму». Луппол писал: «Говорить о диалектике, будучи недостаточно знакомым (или не желая выявлять этого знакомства) с Гегелем – тоже как будто не пристало. Мировой процесс, связь явлений, переход в противоположность, триада, ведь не исчерпывают, вопреки утверждению автора (О. Трахтенберга. – С.Б.) на с. 38, сущности диалектики. Это только те элементы или стороны диалектики, о которых черным по белому писали основоположники марксизма. Между тем, все богатство диалектического метода, которым они пользовались, богатство, элементы которого не поддаются практикующейся у нас теперь нумерации их, ускользнуло от внимания О. Трахтенберга» [30, с. 302].

Эти слова Луппола бьют Корнилову не в бровь, а в глаз. Кстати говоря, по мнению Челпанова, основная причина неудачи корниловского варианта марксистской психологии заключается именно в незнании марксизма: «Очевидно, Корнилов никогда не имел случая

---

⁷ Быховский Бернад Эммануилович (1901-1980) – российский философ, доктор философских наук (1941), профессор (1929). Член КПСС с 1920 г. С 1923 г. вел педагогическую и научную работу в области диалектического материализма, истории западноевропейской философии и современной зарубежной философии. Автор одного из первых советских учебников диалектического материализма («Очерк философии диалектического материализма», 1930). Лауреат Государственной премии СССР (1944) за участие в создании «Истории философии» (1940-1943) [см. 56, с. 118-119].

⁸ Луппол Иван Капитонович (1896-1943) – российский философ советского периода, академик АН СССР (1939), директор Института мировой литературы им. М. Горького (1935-1940). Труды по истории философии, эстетики и литературы. Репрессирован; реабилитирован посмертно [см. 2, с. 578-579].

ознакомиться с сочинениями Маркса. Это видно не только из того, что он нигде не цитирует Маркса, но и из того, что он под видом материализма Маркса предлагает материализм Бюхнера» [128, с. 21].

В статье «Диалектика диалектики...» [31] Луппол еще более определенно высказывается против схематизации (пусть даже и с педагогическими целями) диалектики: «Диалектику нужно изучать. В самом деле, если диалектика Маркса есть поставленная на ноги диалектика Гегеля, то нельзя в наши дни ограничиваться тем, что буквами написано у Маркса и Энгельса. В своих произведениях Маркс и Энгельс черным по белому писали, – так что слепым было видно, – о многих, но не обо всех диалектических категориях. Эти их высказывания в наши дни в целях педагогических (вот она, «школьная философия») пронумеровываются, прошнуровываются и, мы бы сказали, замораживаются. Первое – все движется, второе – все в связи, третье – количество переходит в качество, четвертое – отрицание отрицает отрицание и т.д. Так и хочется спросить: а почему сие важно в-пятых? То бишь: а какая пятая заповедь диалектики? Все это есть самое дурное третигование диалектики Маркса» [31, с. 42].

Косвенную критику постановки Корниловым проблемы диалектического метода в психологии мы находим и в статье В. Егоршина «К вопросу о политике марксизма в области естествознания» [21]. В. Егоршин пишет, что есть целый ряд естественников, которые «предлагают некритически перенять отдельные элементы современного естествознания, пусть лучшие элементы, но такие, которые выросли вне сознательного приложения диалектического материализма. Задача марксизма в области естествознания, по их мнению, будет закончена, когда мы все успехи, уже достигнутые современным естествознанием, изложим при помощи марксистской терминологии. «Вот здесь – скачок, здесь – переход количества в качество», – а все в общем это было известно задолго до всякого марксизма. Недаром один старый профессор, когда он услышал такое упрощенное изложение метода диалектики, воскликнул: «Да ведь мы в таком случае всегда были диалектиками!» [21, с. 124].

Под «естественником» здесь можно понимать Корнилова и целый ряд аналогично мысливших в то время ученых, а слова старого профессора вполне могли быть сказаны Челпановым. Л. Грэхэм [см. 16, с. 167], ссылаясь на работу П.К. Анохина о И.П. Павлове [4], пишет о том, что когда Анохин, будучи одним из учеников Павлова, однажды попытался показать Павлову глубоко диалектический характер его учения об условных рефлексах, убедительно подтверждающего истинность принципа единства и борьбы противоположностей, Павлов, по словам Анохина, воскликнул: «Вот и оказывается, что я диалектик!» [см. 4, с. 352].

В то время весь смысл постановки на марксистские рельсы науки вообще и психологии в частности сводить к смене терминологии, но не содержания и принципов мог не только «целый ряд ученых-естественников», но и «сам старый профессор».

Так, например, в работе «Психология или рефлексология?» Челпанов в диалогической форме раскрывает свои взгляды на перестройку в психологии и в своих взглядах. Отвечая своим оппонентам, Челпанов пишет: «Ответ на последнее возражение: «Если Вы утверждаете, что современная научная психология стоит на той же точке зрения, на какой стоит психология Маркса, то Вы должны быть материалистом. Как же это примирить с тем, что Вы прежде всегда критиковали материализм во всех видах?» На что я могу сказать: Здесь есть очень серьезное терминологическое недоразумение. Я критиковал только вульгарный материализм, психофизический же параллелизм, на котором базируется марксизм, мы не называли материализмом. Теперь, при перемене терминологии, мы нашу точку зрения психофизического параллелизма, лежащего в основе психологии, должны называть материализмом, ничего, однако, не изменяя в наших взглядах» [58, с. 31].

Сущности и эволюции философских и марксистских взглядов Корнилова нельзя понять не зная общей картины многолетней дискуссии между «механистами», с одной

стороны, и «диалектиками»-деборинцами – с другой, не учитывая того места, которое вольно или невольно занял Корнилов в этом споре. Положение Корнилова (а он явно тяготел к редакции журнала «Под знаменем марксизма», где главным редактором до 1931 г. был Деборин) в этом споре позволяет понять и происхождение четырех принципов диалектики, и пути проникновения марксизма в психологию в то время.

В частности, один из наиболее активных сторонников «механической диалектики» Скворцов-Степанов⁹, подводя в 1928 г. итоги затянувшейся дискуссии о марксистской диалектике, писал: «Поразительная свистопляска разыгрывается на нашем идеологическом фронте. Вот, например, проф. Г. Челпанов (Проф. Г. Челпанов. Психология и марксизм. Второе (!) изд. М., 1925). С радостным изумлением он открывает, что всегда, с самого начала своей профессорской деятельности, был марксистом в психологии. И он пишет свои тезисы, которые «доказывают» это цитатами из Маркса и Энгельса, явным образом заимствованными из литературы деборинцев» [50, с. 48].

Достается от Скворцова-Степанова и Корнилову, причем именно за работу «Диалектический метод в психологии». Скворцов-Степанов пишет: «Но почему же в таком случае должен остаться неиспользованным проф. Корнилов, который как был, так и остался талантливым представителем идеалистической психологии? В разросшемся деборинском хозяйстве всякая вещь пригодится, в особенности когда ее можно направить против «механистических материалистов». И проф. Корнилов назидательно рассказывает нам, что такое марксистский метод в применении к психологии. Надо ли удивляться всему этому?» [50, с. 48].

Таким образом, Корнилов оказался втянутым не только в научный спор (с Челпановым – с одной стороны, с Бехтеревым – с другой), но и в спор философский. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что в те времена спор нередко приобретал идеологическую окраску, далеко не всегда необходимую и адекватную. Приведем лишь один штрих, характеризующий обстановку на «философском фронте» тех лет. В сборнике «Механистическое естествознание и диалектический материализм» Боричевский, один из участников дискуссии, говорит: «Смею думать, что т. А.К. Тимирязев¹⁰ и здесь дает нам поучительный пример. Общеизвестно, что наш почтенный физик сохраняет неизменно строгое научное беспристрастие до тех пор, пока не произнесено одно небезызвестное имя: Эйнштейн. Здесь приговор тов. Тимирязева

---

⁹ Скворцов-Степанов Иван Иванович (наст. фам. – Скворцов) (1870-1928) – российский государственный и партийный деятель, историк, экономист, революционер. В революционном движении с 1891 г. Неоднократно был арестован и сослан. В первом составе Советского правительства был наркомом финансов. В 1919-1925 гг. – зам. председателя редколлегии Госиздата, в 1925-1927 гг. – отв. ред. газеты «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», с 1927 г. зам. отв. ред. газеты «Правда», одновременно с 1926 г. – директор Института В.И. Ленина при ЦК ВКП(б). В 1926-1928 гг. – отв. ред. газеты «Ленинградская правда», вел активную борьбу против троцкизма и «новой оппозиции». Был членом Президиума Коммунистической академии, членом Главной редакции первого издания Большой Советской энциклопедии.

¹⁰ Тимирязев Аркадий Клементьевич (1880-1955) – российский (советского периода) физик, исследовавший также философские проблемы естествознания. Окончил в 1909 математическое отделение физико-математического факультета Московского университета, после Октябрьской революции – профессор физики в МГУ, Коммунистическом университете, действительный член, а затем член Президиума Коммунистической академии. Организатор и руководитель кафедры истории физики МГУ, которую возглавлял до 1955. С 1931 – член редакционной коллегии журнала «Под знаменем марксизма». Активный участник философской дискуссии 20-х гг., один из лидеров «механицистов» («индуктивистов») в вопросах взаимоотношения философии и естествознания). А.К. Тимирязев выступал с критикой слабых сторон представителей «деборинского» («дедуктивистского») направления. Известен как непримиримый критик идеалистических систем и идеализма в естествознании. Апелляция к марксизму таких физиков, как А.К. Тимирязев, в споре по физическим вопросам со своими же коллегами-физиками, защищавшими теорию относительности, способствовала формированию представления об ответственности марксистской философии за гонения на теорию относительности. Подробности, связанные с отношением А.К. Тимирязева к теории относительности Эйнштейна, можно найти в статье А.В. Андреева [3]. Основные сочинения: Естествознание и диалектический материализм (Сб.). М., 1925; Введение в теоретическую физику. М.-Л., 1933; Классики русской физики – Ломоносов, Столетов, Лебедев. М., 1949 [см. 2, с. 967].

неумолим: расстрелять немедленно, без права апелляции во ВЦИК (А.К. Тимирязев с места: «Я вовсе не предлагаю расстреливать Эйнштейна». – Смех)» [49, с. 53].

Столь же многозначительны (в свете дальнейших событий в нашей науке) и слова А.К. Тимирязева из этой книги: «Я слышал в беседах (в печати еще, правда, не видел) нападки на тов. Степанова за то, что он, соглашаясь с мнением многих биологов, не придает того исключительного значения «мутациям», какие придавал им Де-Фриз и, таким образом, не делает будто различия между буржуазным учением о постепенном развитии и революционном марксизмом! (Тов. Степанов с места: «Да, действительно!»)» [49, с. 18-19].

Идеологизация научной проблемы налицо. С этих позиций упоминание в своем докладе Корниловым мутационной теории Де-Фриза, как подтверждающей правильность диалектического метода, выглядит не случайным и довольно ответственным шагом.

В качестве еще одного «философского документа» той эпохи приведем выдержку из статьи Франкфурта «Учение В.М. Бехтерева и марксизм» [57]. В седьмом параграфе статьи, озаглавленном «Рефлексология и диалектический материализм», Франкфурт пишет: «Прежде всего несколько слов о понимании Бехтеревым диалектического метода в рефлексологии. Перечисляя в статье «Диалектический материализм и рефлексология» указанные им ранее в «Общих основах рефлексологии человека» те пять путей, с помощью которых достигает своих целей, он добавляет, что наряду с приведенными методами рефлексология включает и метод диалектического материализма» (с. 86). Тут Бехтерев допускает ту же ошибку, которую, как это указал т. Луппол, допустил и Корнилов. Применить диалектический материализм как метод в рефлексологии не значит ввести его как особый отдельный метод наряду с указанными методами, а пронизать последние диалектикой, сделать их диалектически-материалистическими» [57, с. 77-78].

По-видимому, именно такого рода критика в итоге повлияла на общую позицию Корнилова. В 1926 году вышло в свет первое издание его «Учебника психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма», где во второй главе «Методы психологии» говорится, что «в науке о реакциях человека в настоящее время применяются следующие основные методы: а) метод объективного простого и экспериментального наблюдения; б) сравнительно-генетический метод; в) диалектический метод; г) метод самонаблюдения и словесного отчета; д) метод тестов и е) метод анкет» [27, с. 18].

Далее Корнилов раскрывает диалектический метод через те же четыре принципа – непрерывной изменчивости, всеобщей связи явлений, прогрессивного развития и скачкообразности в развитии процессов, порой почти дословно повторяя положения и примеры из своего доклада на втором съезде по психоневрологии [см. 27, с. 24-26]. Однако в последующих изданиях этого учебника диалектический метод упоминается уже не как отдельный наряду с другими методами психологии, а в полном соответствии с замечанием Франкфурта как «пронизывающий» другие методы психологии.

Следовательно, было бы ошибкой считать, что трактовка Корниловым диалектического метода была нейтрально или положительно встречена марксистами-философами, представителями других наук. Содержание этой критики является, с нашей точки зрения, еще одним подтверждением того, что автором «четырёх принципов» был сам Корнилов. В то же время определенные трудности, неувязки и ошибки при решении Корниловым проблемы применения диалектического метода в психологии следует относить, конечно, не только к самому Корнилову (его философский и общенаучный уровень, мотивация действий и т.д.), но и понять их как носящие объективный, независимый от личности Корнилова характер, прежде всего имея в виду положение дел в области марксистской идеологии и марксистской философии в нашей стране в середине 20-х годов.

Какими же источниками руководствовался Корнилов, формулируя четыре принципа диалектического метода? Почему, в частности, при написании доклада, т.е. в конце 1923 – начале 1924 года Корнилов не воспользовался тем пониманием диалектики, которое мы

встречаем у Гегеля, Маркса, Энгельса или Ленина? Как известно, Энгельс в «Диалектике природы» в главе «Диалектика» прямо указывает, что законы диалектики сводятся к трем: перехода количества в качество и обратно, взаимного проникновения противоположностей и отрицания отрицания [62, с. 384].

При ответе на вопрос о первоисточниках, которыми мог воспользоваться Корнилов, многое проясняет знание времени их публикаций. В частности, с указанной работой Энгельса дело обстоит просто: «Диалектика природы» была впервые опубликована на немецком языке вместе с параллельным русским переводом во второй книге выходившего под редакцией Рязанова «Архива Маркса и Энгельса» только в 1925 году, т.е. спустя год или полтора после выступления Корнилова с докладом «Современная психология и марксизм». По той же причине Корнилов не мог в 1923 – начале 1924 года воспользоваться «Философскими тетрадями» Ленина. Большинство фрагментов, входящих в них, были опубликованы лишь в «Ленинских сборниках» за 1929-1930 гг., а заметка «К вопросу о диалектике», впоследствии вошедшая в «Философские тетради» Ленина, впервые была напечатана в журнале «Большевик» только в 1925 г.

Тем не менее у Корнилова была реальная возможность взять более-менее полную характеристику материалистической диалектики и диалектического метода из других первоисточников. Мы имеем в виду такие работы Ленина, как «Карл Маркс», «Еще раз о профсоюзах...», «Три источника и три составных части марксизма», имевшихся в наличии в начале 20-х годов. Кроме того, из классиков Корнилов мог воспользоваться работами Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Основные вопросы марксизма», «Критика наших критиков», работами Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах...» и др. Подчеркнем, что ни в одной из этих работ мы не находим понимания диалектического метода как состоящего из четырех принципов или такой группировки материала при изложении диалектики, которая позволяла бы свести ее к ним.

Все это заставляет предполагать, что Корнилов при формулировке четырех принципов исходил не из трудов Гегеля, Маркса, Энгельса, Ленина или Плеханова, а из работ рангом ниже. Корнилов получал свое представление о марксистской диалектике не из первых, а из вторых или даже третьих рук, что, впрочем, согласуется с уровнем представлений большинства других советских психологов о марксизме в 1917-1923 гг. О каких же работах здесь может конкретно идти речь? В свете вышеизложенного мы выделили из всей многочисленной научной и философской литературы того периода, посвященной проблемам марксистской философии, три работы – Адоратского [1], Бухарина [11] и Деборина [19].

Адоратский¹¹ в своем пособии «для студентов и кружков повышенного типа» по интересующему нас вопросу писал: «При изучении метода диалектического материализма надо обратить внимание на следующие пункты: 1. Различие между логикой формальной и диалектической; различие между диалектикой и метафизикой; различие между диалектикой и эклектикой; различие между диалектикой и эволюцией. 2. Два основных принципа диалектики: движение и всеобщая связь. 3. Борьба противоположностей. Переход в противоположность. Противоречия неразрывно связаны. 4. Отрицание отрицания. 5. Переход количества в качество. 6. Чтобы быть последовательной, диалектика должна быть материалистической» [1, с. 12].

Затем Адоратский излагал «основные правила диалектического мышления»: «1. Изучать действительность во всей ее полноте. Стараться принять во внимание все. Изучать подробно и детально. Помнить о всеобщей связи. 2. Изучать в движении. Обращать внимание, как происходит диалектическое движение и совершается переход. Искать противоречия, следить за борьбой. 3. Помнить, что нет отвлеченной истины, что

---

¹¹ Адоратский Владимир Викторович (1878-1945) – российский (советского периода) политический деятель, историк, академик АН СССР (1932), известный своими трудами по истории марксизма. Участник революции 1905-1907 (Казань), с 1920 г. – один из руководителей Центрального архивного управления, в 1931-1939 гг. – директор Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ).

истина конкретна. Как можно меньше схем, как можно больше положительной работы мысли. 4. Не разрывать теорию и практику. Не только познавать, но и переделывать окружающее. Основательное познание без практики невозможно. Не только наблюдать и созерцать борьбу, но и принимать в ней участие» [1, с. 13].

В этой работе Адоратского обращают на себя внимание два момента. Во-первых, Адоратский непосредственно говорит о принципах диалектики, но указывает всего два принципа, а не четыре, как у Корнилова. Далее он пишет о трех законах диалектической логики, не называя их, однако, законами. Почему бы в таком случае их для удобства изложения и дальнейшего использования не объединить вместе с двумя принципами и не назвать все их принципами? Тогда принцип движения у Адоратского оказывается принципом непрерывной изменчивости у Корнилова; принцип всеобщей связи – принципом всеобщей связи явлений, всеобщей закономерности; два принципа у Адоратского – борьбы противоположностей и отрицания отрицания – одним принципом прогрессивного развития, «известной триадой Гегеля», по Корнилову, а принцип перехода количества в качество – принципом скачкообразного развития процессов, с переходом от количественных определений к качественным.

С целью уточнения и дальнейшей детализации вывода об основном источнике представлений Корнилова о диалектическом методе мы обратились к работе Бухарина¹², который по интересующему нас вопросу писал: «Диалектический метод, диалектический способ рассматривать все сущее требует рассмотрения всех явлений, во-первых, в их неразрывной связи, во-вторых, в их движении» [11, с. 67]. Налицо, таким образом, два принципа диалектики по Адоратскому. В связи с этим можно предположить, что Бухарин при изложении элементов диалектики руководствовался непосредственно «Программой...» Адоратского. Далее, описывая диалектический характер движения как непрерывный процесс нарушения и восстановления равновесия, Бухарин переходит к «известной триаде Гегеля»: «Гегель заметил такой характер движения и выразил его в следующей форме: первоначальное состояние равновесия он назвал тезисом, нарушение равновесия – антитезисом, т.е. противоположением, восстановление равновесия на новой основе – синтезисом (объединяющим положением, в котором примиряются противоречия). Этот-то характер движения всего сущего, укладывающийся в трехчленную формулу («триаду»), он и назвал диалектическим» [11, с. 76].

Логике изложения Бухариным диалектики соответствует и четвертый принцип у Корнилова. В книге Бухарина параграф, идущий за рассуждениями о триаде, называется «Теория скачкообразных изменений и теория революционных изменений в общественных науках» [11, с. 81]. Дополнительным подтверждением того, что Корнилов руководствовался книгой Бухарина, служит тот факт, что в своем докладе Корнилов характеризует скачкообразность развития процессов как «принцип» и почти дословно повторяет формулировку Бухарина, вместо принципа называя скачкообразность «теорией». Мы имеем в виду то место, где Корнилов пишет: «В области психологии теория перехода количественных определений в качественные имеет первостепенное значение при разрешении многих проблем» [26, с. 113]. Трактовка Корниловым в докладе мутационной теории Де-Фриза также, «по Бухарину», является еще одним подтверждающим фактором.

Судя по вышеизложенному материалу, влияние работ Адоратского и Бухарина на формирование у Корнилова представлений о диалектическом методе обнаруживается достаточно наглядно.

---

¹² Бухарин Николай Иванович (1888-1938) – российский политический деятель, философ, социолог, экономист, академик АН СССР (1928), участник революции 1905-1907 и Октябрьской революции 1917. Член ЦК партии в 1917-1934. Член Политбюро ЦК в 1924-1929. В 1918-1929 редактор газеты «Правда», в 1934-1937 редактор «Известий». Труды по философии и политэкономии. Репрессирован; реабилитирован посмертно.

Теперь проанализируем, какое воздействие на Корнилова мог оказать Деборин, прежде всего – книгой «Введение в философию диалектического материализма» [19]. Эта книга (первым изданием вышедшая еще до революции с предисловием Плеханова) представляет сборник статей, посвященных проблемам диалектического материализма. Книга, написанная «тяжелым» философским языком, для Корнилова, судя по всему, оказалась слишком сложной. Характерно, что Блонский в 1917 г. свою рецензию на эту работу Деборина без обиняков начал словами: «Самое ценное в рецензируемой книге – предисловие Плеханова» [9, с. 413]. В конце рецензии Блонский делает вывод: «Словом, мы имеем не введение в диалектический материализм, но случайный набор шаблонных, скучных и многословных очерков... Никакого удовлетворительного введения ни в материализм, ни в диалектику, ни, тем более, в диалектический материализм книга Деборина не дает» [9, с. 415].

Такие высказывания во многом делают понятным, почему Блонский в марксистской дискуссии не пошел ни по «пути Корнилова», ни рядом с Корниловым.

Из книги Деборина Корнилов смог взять лишь два положения – оценку теории мутаций и определение диалектики. Действительно, Деборин в книге оценивает теорию мутаций Де-Фриза как вполне диалектическую: «Учение о превращении элементов, о переходе «количества в качества» путем скачков представляет, наряду с теорией мутаций (т.е. скачкообразного развития видов) в биологии, блестящее подтверждение правильности и истинности диалектического материализма» [19, с. 237]. В другом месте Деборин прямо противопоставляет диалектической теории мутаций метафизическую теорию Дарвина: «Кому, например, неизвестно, что теория эволюции (возьмем хотя бы учение Дарвина о происхождении видов) исходит именно из понятия постепенности изменений? Между тем как диалектика настаивает на необходимости признания скачков в процессе развития» [19, с. 323].

Есть смысл сравнить и определения диалектики у Деборина и Корнилова. В своем докладе Корнилов пишет: «Вот почему Энгельс был глубоко прав, когда, давая определение диалектическому методу, он определил его как «весьма общий и потому широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления» [26, с. 107]. Корнилов здесь не указывает, откуда он цитирует слова Энгельса. Поиск соответствующего определения диалектики в работах Энгельса оказывается безуспешным, выражение «общий и широко действующий» при характеристике диалектики у Энгельса не встречается.

Очевидно, это выражение взято Корниловым из книги Деборина. Скорее всего, Корнилов использовал то место в книге Деборина, когда, споря с Юшкевичем, Деборин пишет: «Диалектика есть «наука об общих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления», и поскольку все процессы обнимаются «схемой» отрицания, то она выражает общую формулу процесса развития и есть «общий и широко действующий закон» [19, с. 323-324].

Следовательно, Корнилов ошибается, приписывая Энгельсу определение диалектики, которое тот на самом деле давал лишь закону отрицания отрицания. Действительно, у Энгельса в «Анти-Дюринге» говорится: «Итак, что такое отрицание отрицания? Весьма общий и именно потому весьма широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления» ... «Диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [61, с. 145].

Корнилов, как мы видим, вслед за Дебориным из этих двух высказываний сделал одно. В итоге получилась формулировка: диалектика – это весьма общий и потому широко действующий и важный закон развития природы, истории и мышления. Дело не в том, насколько такая синтетическая формулировка верна – важно то, что она показывает конкретные пути и механизмы процесса усвоения марксизма советской психологией в самом начале ее исторического развития.

Но если содержание принципов диалектического метода Корнилов мог взять у Адоратского или Бухарина, то в качестве непосредственного образца увязки этих принципов с данными конкретной науки Корнилов мог использовать статью А.К. Тимирязева «Диалектический метод и современное естествознание». Статья Тимирязева первоначально была опубликована в апреле 1923 года (т.е. более чем за полгода до второго съезда по психоневрологии) в журнале «Под знаменем марксизма» [54], а затем в сборнике работ Тимирязева «Естествознание и диалектический материализм» [55]. Для подтверждения тезиса о наличии такого «канала» проникновения марксизма в психологию приведем слова Тимирязева об элементах диалектики, которые прямо перекликаются с соответствующими местами доклада Корнилова. Тимирязев пишет: «Когда приходится говорить о применении диалектического метода в естествознании, часто указывают, что об основной предпосылке диалектического метода, что «все течет, все изменяется», говорить не приходится, т.к. это знает всякий, даже не изучавший вплотную естественных наук» [55, с. 141]. «Что касается второй предпосылки диалектического метода, о том, что все явления стоят в связи друг с другом, то и о ней многие товарищи говорят, что в области естествознания она представляет собой положение до того очевидное, что не стоит на ней останавливать внимание» [55, с. 144]. «Теперь переходим к вопросу о триаде. Это один из спорных вопросов в области естествознания. Известен спор Плеханова с Михайловским» [55, с. 150]. «Теперь перехожу к последней части моего доклада, в которой позволю себе задать несколько вопросов. Это о переходе количества в качество и скачках» [55, с. 154]. Этих цитат, думается, достаточно, чтобы сделать однозначный вывод о подражании Корнилова Тимирязеву.

Итак, работы Адоратского, Бухарина, Деборина и Тимирязева – таковы источники представлений о диалектическом методе, содержащихся в докладе Корнилова [26] на втором психоневрологическом съезде в январе 1924 г.

Выяснение вопроса об источниках происхождения представлений Корнилова о диалектическом методе позволяет нам понять последующую судьбу высказанных Корниловым диалектических идей. В своей трактовке диалектического метода Корнилов опирался не на незыблемые, общепризнанные авторитеты и труды, поскольку таковых не было. Была разногласица, были самые различные мнения, точки зрения и варианты интерпретации высказываний «классиков». Для того чтобы добраться до истинного понимания сути проблемы, требовались большие интеллектуальные усилия, высокая философская культура, по крайней мере склонность к теоретическому мышлению. Этими качествами, насколько мы понимаем, Корнилов не обладал. Корнилов опирался на представления о марксизме и диалектике на суждения и мнения из вторых или даже из третьих рук. Когда же в последующем теоретическая и идеологическая «мода» изменилась, Корнилова оказалось очень легко упрекать в искажении, извращении, незнании марксизма и т.д. Эти обвинения только усиливаются тем, что Корнилов в статье о диалектическом методе во многих случаях не указывает на источники своих представлений о марксизме. Немаловажно и то, что, опираясь на определенные первоисточники, Корнилов конструировал свое понимание диалектического метода, во многом отходя от исходных текстов, вследствие чего невозможно уловить, где кончается использование Корниловым первоисточников и где начинается его собственная интерпретация.

Знание того, как Корнилов пришел к формулировке четырех принципов диалектического метода, позволяет лучше понять дальнейшую судьбу его диалектических и реактологических идей. Здание оказалось возведено на слишком ненадежном фундаменте, чтобы долго простоять. Весь вопрос, следовательно, заключался в том, как быстро будет развенчано понимание Корниловым диалектического метода и его значения для психологии. Очевидно, такая критика могла идти с двух сторон. С марксистских философских позиций можно было упрекать Корнилова за неправильную (искаженную,

неполную и т.п.) исходную трактовку диалектического метода; в научном плане не менее обоснованно можно было критиковать Корнилова за неубедительность использованных примеров, отсутствие реальных результатов предложенной «диалектизации» психологии, ошибочность конечных выводов и т.д., акцентируя, таким образом, все внимание на собственно психологических взглядах Корнилова.

Изучая и оценивая конкретные пути ассимиляции идей марксизма в советской психологии 20-х годов, выясняя, сам ли Корнилов сформулировал четыре принципа диалектического метода или же он их взял в готовом виде, мы лишний раз убеждаемся еще и в том, что дело было не только (и не столько) в Корнилове, его интеллектуальных возможностях, его психологической и философской эрудиции. Уровень развития, распространения и понимания марксизма в СССР в то время, необходимость усвоения марксистских идей десятками тысяч людей, ранее никак не сталкивавшихся с марксизмом (Корнилова, без сомнения, следует отнести к их числу) – все это неизбежно приводило к упрощению всего марксизма, его огрублению и вульгаризации при попытках понять и применить на практике в качестве «революционного учения». В то же время в докладе Корнилова следует видеть не только ошибки и недостатки, его следует оценивать как один из первых шагов в постановке вопроса о диалектическом методе в психологии – вопроса, который с той поры стал одним из традиционных для советской психологии. Немаловажно, наконец, и то, что представление о Корнилове-диалектике может быть по многим позициям перенесено в целом на Корнилова-марксиста.

1. *Адоратский В.В.* Программа по основным вопросам марксизма: Пособие для студентов и для кружков повышенного типа. 2-е изд., доп. М., 1922. 152 с.
2. *Алексеев П.В.* Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. / Ведущий автор, составитель и главный редактор – П.В. Алексеев. М.: Академический проект, 2002. 1152 с.
3. *Андреев А.В.* Альтернативная физика в СССР: двадцатые – сороковые годы // Физика XIX-XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах: Физика XX в. М.: «Янус-К», 1997. С. 241-263.
4. *Анохин П.К.* Иван Петрович Павлов: жизнь, деятельность и научная школа. М.-Л., 1949.
5. *Арямов И.* Второй всесоюзный съезд по психоневрологии в Ленинграде // На путях к новой школе. 1924. № 2. С. 99-102.
6. *Басов М.Я.* К итогам Всероссийского Съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии 3-10 января 1924 г. в Ленинграде // Просвещенец. Л., 1924. № 2. С. 43-50.
7. *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. М., 1975. 432 с.
8. *Бехтерев В.М. Бехтерев В.М., Дубровский А.В.* Диалектический материализм и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 69-94.
9. *Блонский П.П.* Рецензия на кн.: *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма. Пг., 1916 // Мысль и слово. Философский ежегодник, издаваемый под редакцией Г.Г. Шпета. М., 1917. С. 413-415.
10. *Болтунов А.П.* Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) в Петрограде с 3-го по 10-е января 1924 г. // Педагогическая мысль. 1924. № 1. С. 100-101.
11. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.-Пг., б/г. 390 с.
12. *Быховский Б.Э.* Материализм и диалектика в творчестве В.И. Ленина // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 240-255.

13. *Выготский Л.С.* Психологическая наука // *Общественные науки СССР. 1917-1927: Сб. статей / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола.* М.: Работник просвещения, 1928. С. 25-46.
14. *Выготский Л.С.* Генетические корни мышления и речи // *Естествознание и марксизм.* 1929. № 1. С. 106-134.
15. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // *Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291-436.*
16. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
17. *Гульбе Д.* Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма // *Под знаменем марксизма.* 1924. № 8-9. С. 157-166.
18. *Даян Г.* Второй психоневрологический съезд (некоторые итоги) // *Красная новь.* 1924. № 2 (19). С. 155-166; № 3. (20). С. 223-238.
19. *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма (с предисловием Г.В. Плеханова). М.: Госиздат, 1922. 376 с.
20. *Дубровский А.В.* Материя и дух (Впечатления о Всесоюзном съезде по рефлексологии, психологии, педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии) // *Просвещенец.* Л., 1924. № 3-4. С. 23-27.
21. *Егоришин В.* К вопросу о политике марксизма в области естествознания // *Под знаменем марксизма.* 1926. № 7-8. С. 123-134.
22. *Ждан А.Н.* История психологии: от Античности до наших дней: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 576 с.
23. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. Изд. 2-е, уточненное и доп. М.: Тривола, 1994. 304 с.
24. История советской психологии труда. Тексты (20-30-е годы XX века). Под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 360 с.
25. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм // *Под знаменем марксизма.* 1923. № 1. С. 41-50.
26. *Корнилов К.Н.* Диалектический метод в психологии // *Под знаменем марксизма.* 1924. № 1. С. 107-113.
27. *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л.: Госиздат, 1926. 164 с.
28. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
29. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981. 584 с.
30. *Луппол И.К.* Рецензия // *Под знаменем марксизма.* 1924. № 8-9. С. 301-303.
31. *Луппол И.К.* Диалектика диалектики, или казус, приключившийся с философией марксизма в СССР в лето от Октябрьской революции восьмое // *Воинствующий материалист.* Кн. 4. М., 1925. С. 39-47.
32. *Мальцева А.* К биографическому изучению и к характеристике работ ленинградских психологов, погибших в 1941-1943 гг. // *Проблемы психологии / Под ред. Б.Г. Ананьева.* Л., 1948. С. 217-220.
33. *Марцинковская Т.Д.* История психологии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 4-е изд., стереотипн. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 544 с.
34. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред. И.А. Каиров и Ф.Н. Петров: В 4 т. М.: Советская Энциклопедия, 1964-1968. Т. 1. 1964. 832 ст.; Т. 2. 1965. 912 ст.; Т. 3. 1966. 880 ст.; Т. 4. 1968. 912 ст.
35. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редколл.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 528 с.
36. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967. 367 с.

37. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии: Учебное пособие для высшей школы. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 448 с.
38. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. В 2 т. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 416 с.
39. *Петровский А.В.* Психология в России: XX век. М.: Изд-во УРАО, 2000. 312 с.
40. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории (Колл. авт.: К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, Б.Н. Тугайбаева) / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.
41. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений. Допущено Наркомпросом РСФСР. М.: Учпедгиз, 1935. 496 с.
42. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940. 596 с.
43. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
44. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2-х т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 488 с. Т. 2. 328 с.
45. *Смирнов А.А.* Советская психология за 40 лет // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 9-56.
46. *Смирнов А.А.* К 50-летию советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 5. С. 13-37.
47. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
48. *Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии. Хрестоматия с комментарием по курсу «Введение в психологию». М.: Смысл, 1995. 653 с.
49. *Степанов И.И., Тимирязев А.К., Левин и др.* Механистическое естествознание и диалектический материализм: Дискуссия о книжке Степанова «Современное естествознание и исторический материализм» в Совете НИТ'а 8 февраля 1925 г. Вологда: Северный печатник, 1925. 83 с.
50. *Степанов И.И.* Диалектический материализм и деборинская школа. М.-Л.: Госиздат, 1928. 164 с.
51. *Струминский В.Я.* Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 3. С. 207-233; № 4-5. С. 140-184.
52. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет: стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 г. в Доме Союзов в Москве. М.: Правда, 1947. 32 с.
53. *Теплов Б.М.* Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности / Под ред. Е.И. Игнатьева. М.: Учпедгиз, 1960. С. 8-20.
54. *Тимирязев А.К.* Диалектический метод и современное естествознание // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 115-132.
55. *Тимирязев А.К.* Естествознание и диалектический материализм: Сб. статей. М., 1925. 331 с.
56. *Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина.* М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
57. *Франкфурт Ю.В.* Учение В.М. Бехтерева и марксизм // Под знаменем марксизма. 1928. № 6. С. 48-79. (Рецензия на работы В.М. Бехтерева: 1) Объективное изучение личности. Вып. 1. 1923; 2) Психология, рефлексология и марксизм; 3) Диалектический материализм и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8.)
58. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М.: Русский книжник, 1926. 59 с.
59. *Шнирман А.Л.* Рефлексологическая секция Всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-го Всероссийского съезда по

- психоневрологии 3-10 января 1924 г.) // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы / Под общ. ред. акад. В.М. Бехтерева. М.-Л., 1925.
60. Шнирман А.Л. [Некролог] // Вопросы психологии. 1960. № 1. С. 188-189.
61. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 20.
62. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 339-626.
63. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1971. 368 с.
64. *Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
65. *Ярошевский М.Г.* Введение в историю психологии. М., 1994. 110 с.
66. *Ярошевский М.Г.* Краткий курс истории психологии: Учебное пособие. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 144 с.
67. *Ярошевский М.Г.* История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 1996. 416 с.
68. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press; London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. P. 243-278.

ОЧЕРК 4 **«Теория новой биологии» Енчмена в контексте истории советской психологии**

В данном очерке речь пойдет о судьбе и творчестве Эммануила Семеновича Енчмена (1891-1966) – «члена ВКП(б), автора «теории новой биологии» – своеобразного утопического проекта реорганизации общества на основе открытых Енчменом «новых» принципов» [17, ст. 524]. В отечественной историографической литературе теория Енчмена традиционно рассматривается как одна из крайних форм проявления вульгаризаторских и редуccionистских тенденций в советской психологии 20-х годов. Так, в работах Е.А. Будиловой [5, с. 23] и А.А. Смирнова [36, с. 138] указывается на антипсихологизм, позитивизм и механицизм взглядов Енчмена. В.С. Мерлин¹³ характеризовал Енчмена как «одного из многих» (!), в 20-е годы «вульгаризировавших учение И.П. Павлова» [26, с. 12]. В наиболее развернутом виде тезис о Енчмене-редуccionисте представлен в монографии А.В. Петровского [31, с. 109-111], где, в частности, подчеркивается, что «теория новой биологии» Енчмена «в преувеличенной, гротескной форме выявила многие типичные черты рефлексологического, или вульгарно-физиологического, течения поведенческой психологии» [31, с. 109]; Енчмен в своей теории доводил «до логического конца претензии рефлексологов на преобразование

---

¹³ Мерлин Владимир Соломонович (1898-1982) – отечественный (советского периода) психолог. Ученик М.Я. Басова. В 1940 г. защитил кандидатскую, в 1950 г. – докторскую диссертацию. Работал в различных высших учебных заведениях Ленинграда, Саратова, Свердловска и Казани. С 1954 г. работал в Пермском педагогическом институте, (до 1979 г. как заведующий, затем – профессор кафедры психологии). Начав свою профессиональную деятельность в качестве психофизиолога, занимался проблемой связи волевого действия и условнорефлекторных механизмов, затем – проблемами дифференциальной психофизиологии. Изучая нейро- и психодинамические особенности индивидуальности человека, разработал концепцию интегральной индивидуальности, в которой понятие индивидуального стиля деятельности занимает ключевое место, выступая опосредующим звеном между разноуровневыми свойствами личности [см. 22, с. 204].

общественной жизни на основе открытых им «законов» человеческого поведения» [31, с. 110] и в действительности преподносил «карикатуру на учение Павлова» [31, с. 111].

Противоположная точка зрения содержится в статье американского исследователя Джорджа Виндхолца «Эммануил Енчмен – советский бихевиорист и общность “духа времени”» [46]. Рассматривая теоретические взгляды Енчмена в контексте социально-политической атмосферы 20-х годов и приводя при этом множество ранее неизвестных сведений из биографии Енчмена, полученных в ходе изучения первоисточников и обширных архивных изысканий, Виндхолц характеризует Енчмена как творца оригинальной версии бихевиоризма, а партийную критику, в одночасье сокрушившую теорию Енчмена – как пример деструктивного воздействия государства и государственной идеологии на науку. В этой связи стоит вспомнить, что еще в 1929 г. В.П. Протопопов (представитель рефлексологической школы В.М. Бехтерева), отвергая адресованные рефлексологам упреки К.Н. Корнилова в агностицизме в воззрениях на психику, писал, что «отождествление воззрений на психику Енчмена с воззрениями Павлова и Бехтерева совершенно фактически не обосновано; скорее уже можно в этом отношении сблизить с Енчменом Уотсона» [34, с. 94].

Виндхолц приходит к выводу о том, что «в то время как инспирированный Уотсоном бихевиоризм мог свободно развиваться в Америке, достигнув своего апогея в 30-е и 40-е годы в необихевиористских парадигмах К.Л. Халла и Б.Ф. Скиннера, бихевиоризм Енчмена увял в Советском Союзе под мертвым грузом тоталитарного режима с его контролем за свободным выражением» [46, с. 531]. В отечественной (не только советской, но и постсоветской и современной) историографии оценка насильственного и скорого конца «теории новой биологии» является, естественно, прямо противоположной. Поэтому предпринятое исследование феномена Енчмена во многом явилось следствием обнаруженного принципиального несовпадения между точками зрения на его сущность в советской историографии (А.В. Петровский и др.) и у Дж. Виндхолца.

Кем же был Енчмен на самом деле – малограмотным, но агрессивным и честолюбивым дельцом от науки (вроде Лысенко в биологии, только не столь удачливым в плане карьеры) или же творцом оригинальной научной теории, оказавшимся жертвой господствующих в тоталитарном государстве разрушительных сил? Поставив перед собой задачу по определению сущности феномена Енчмена и его значения в контексте истории советской психологии, сначала рассмотрим основные вехи биографии Енчмена, главным образом основываясь на упомянутой статье Дж. Виндхолца [46].

Жизненный путь и теоретические воззрения Енчмена. Родился Эммануил Семенович Енчмен в 1891 г. в еврейской семье в Тбилиси. После окончания гимназии он в 1910-1914 гг. обучался в Психоневрологическом институте в Санкт-Петербурге, где специализировался в области биологии [46, с. 518]. Еще будучи студентом, Енчмен задумал написать книгу «Новая эволюционная теория», но фактически ему удалось в 1913 г. написать только одну главу из этой книги – статью «Психология перед судом возрождающегося позитивизма». Впрочем, эта работа так никогда и не была опубликована. У Бухарина, многократно цитирующего в «Енчмениаде» эту работу Енчмена, можно найти указание, что источником ему служит машинописный текст статьи [7, с. 129], [10, с. 192]. Дж. Виндхолц, опираясь на архивные материалы, отмечает, что в этой статье Енчмен критикует вундтовскую методологию и отстаивает тезис об изучении человеческого поведения с помощью объективного метода, используемого в естественных науках [46, с. 521]. Как видим, уже в самом начале своей научной биографии Енчмен испытывал интерес к психологическим проблемам.

В 1914 г. Енчмен был призван в армию, что, очевидно, заставило его отложить творческие изыскания до лучших времен. В 1917 г. Енчмен присоединился к Красной Армии в Закавказье [43, с. 519]. По-видимому, в это время Енчмен стал членом партии большевиков. По окончании гражданской войны Енчмен, оставаясь партийным функционером, занимался, судя по всему, преподавательской и научной деятельностью.

Так, имя Енчмена упоминается при изложении событий, связанных с судьбой Павлова в начале 20-х годов [19], [46, с. 519-520].

В конце 1919 г. Енчмен возобновил разработку собственной теории, названной им «теория новой биологии». Эта теория содержится в двух его работах, опубликованных в 1920 г. [14] и 1923 г. [15]. Обе брошюры вышли, что примечательно, с коммунистическим лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на обложках, тем самым заявляя о себе как о партийных изданиях.

Первая брошюра [14] после выхода в свет не вызвала какой-либо реакции, поскольку она была опубликована в 1920 г., еще во время гражданской войны, к тому же местом издания был Пятигорск, а не Петроград или Москва. Вторая работа [15], опубликованная в Петрограде в 1923 г., когда уже шли яростные сражения на «идеологическом фронте», тут же попала под массированный огонь большевистской критики, в связи с чем вспомнили и первую работу. В результате «теория новой биологии» была полностью раскритикована и фактически запрещена. В течение последующей жизни Енчмен стремился отстаивать и развивать свои взгляды, но никакой возможности публиковаться у него не было.

В начале Великой Отечественной войны Енчмен был призван в Красную Армию, но в 1942 г. был демобилизован по состоянию здоровья. В январе 1943 г. Енчмен был назначен на должность старшего научного сотрудника биологической секции АН СССР, а в октябре 1948 г. он был переведен в биофизическую секцию Физиологического института им. Павлова [46, с. 520].

П.В. Алексеев сообщает, что одно время Енчмен даже работал «помощником физиолога Л.А. Орбели» [18, с. 317]. В 50-60-е гг. Енчмен, обращаясь с письмами в ЦК КПСС и АН СССР, пытался добиться разрешения на публикацию своих новых работ, но безуспешно [46, с. 520-521]. Остается только удивляться, что, если не считать запрета на публикации, Енчмен, дожив до брежневских времен, не подвергался, как отмечает Виндхолц, каким-либо репрессиям.

Впрочем, здесь все не так просто. П.В. Алексеев в статье о Енчмене пишет: «В середине 60-х гг. мне удалось разыскать Енчмена. Был я у него «в гостях» несколько раз и имею его книги с дарственными надписями. О многом удалось с ним поговорить. Он был словоохотлив, особенно, когда вопрос касался неопубликованных его новых книг, его «мытарств» по издательствам, его встреч с академиками и проч., но свою биографию он обходил стороной. Я понял лишь, что в его жизни была то ли Чукотка, то ли Колыма» [18, с. 317].

В 1965 г., незадолго до своей кончины, Енчмен с горечью констатировал, что за прошедшие годы было издано более шестисот (!?) статей, чтобы показать, что его представления были антимарксистскими, в то время как ему не давали даже возможности хотя бы одного возражения [46, с. 526].

О некоторых других интересных деталях биографии Енчмена и оценках «енчмениады» можно узнать из уже упомянутой статьи В. Есакова [19] и работ А.В. Петровского [32], [33, с. 221-224].

Переходя к изложению теоретических воззрений Енчмена, следует сказать, что теория Енчмена, содержащаяся в работах «Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» [14] и «Теория новой биологии и марксизм» [15] – это, во-первых, широкомасштабная критика имевшихся в то время в философии, физиологии, рефлексологии, социологии, психологии и других науках представлений о психике, сознании, личности, обществе и идеологии; во-вторых, это учение о пятнадцати анализаторах.

В первой брошюре [14] пятнадцать изобретенных Енчменом «анализаторов» излагаются в виде восемнадцати тезисов. Во второй брошюре [15] с позиций «теории новой биологии» рассматривается только одна проблема – «великий», «вечный» дуализм пространственного и непространственного.

Достаточно цельное представление о содержании этих работ, давно уже ставших библиографической редкостью, современный читатель может получить, ознакомившись «Енчмениадой» Бухарина [7], [9], [10], статьей Виндхолца [46] и с материалами хрестоматии «На переломе» [16].

В хрестоматии содержатся обширные выдержки из обеих брошюр Енчмена под общим, данным составителем хрестоматии, названием «Наука и философия – эксплуататорская выдумка» [16, с. 224-226, 226-231] и в сокращенном виде приводится статья Бухарина «Енчмениада» [16, с. 232-243]. Стоит также обратить внимание на весьма информативные примечания составителя к этим работам [16, с. 508-509] и на биографическую справку о Енчмене [16, с. 517] (в которой, что характерно, в датах жизни приводится только год рождения).

Отправной точкой для Енчмена является классовый подход, т.е. представление о том, что в обществе существуют классы – эксплуататоров и эксплуатируемых. Эксплуататоры с целью сохранения и упрочения своего господства осуществляют обман в сфере идеологии, чем и объясняется философская болтовня, вздор «эксплуататорских агентов», таких, как, например, Гоббс, Локк, Беркли, Юм, Мах [15, с. 79], а также «сумасшедший бред» о материи и духе [15, с. 45]. Для преодоления этой эксплуатации и обмана необходима пролетарская революция с целью установления диктатуры пролетариата. Дальнейшее осуществление пролетарской революции заключается в реализации – на основе учения Карла Маркса, этого «величайшего ненавистника и разоблачителя всякого эксплуататорского обмана» [15, с. 68] и «буржуазной лжи» [15, с. 79] – революционных идей и установление диктатуры пролетариата в сфере идеологии путем вскрытия, разоблачения тайны «величайшего обмана эксплуататорских классов» [15, с. 45]. Рабочий класс в ходе революции разоблачает «перед всем миром» весь философский эксплуататорский обман и не останавливается «перед решительным, полным уничтожением этого обмана во всем мире» [15, с. 77]. В связи с этим Енчмен пишет о революционной теории Карла Маркса – этого «величайшего ненавистника и разоблачителя всякого эксплуататорского обмана» [15, с. 68], «великого ненавистника буржуазной лжи» [15, с. 79].

Необходимой составной частью всей революции, по Енчмену, является всеобщая революция (взрыв, органические катаклизмы, органические перерождения) во всех отдельных личностях («организмах») в ходе внедрения в сознание людей пятнадцати «анализаторов» – сформулированных Енчменом принципов, понятий и правил мышления. Это такие анализаторы, как «анализатор пространственного», т.е. способность организма различать во всей сумме явлений своего опыта пространственные (материальные, объективные) явления [14, с. 16], анализаторы «непространственного», «взаимно-физической зависимости», [14, с. 17], «психофизической зависимости» (невозможность какого бы то ни было влияния пространственных явлений на непространственные явления) и «взаимно-психической зависимости», как невозможность какого бы то ни было влияния непространственных явлений на непространственные [14, с. 18], анализаторы «структуры» и «двигательных реакций структур» [14, с. 19], «органических структур» и «органических реакций» [14, с. 20], «образования цепей, сочетаний рефлексов» [14, с. 46], «образования в организме анализаторов» [14, с. 47], «стенического отбора в организме цепей рефлексов и анализаторов», согласно которому все вообще реакции в организме бывают или стеничны (радостны) или астеничны (нерадостны) [14, с. 48], «естественного отбора цепей рефлексов и анализаторов» [14, с. 49], анализаторы «коэффициентов раздражителей, как точное определение силы и продолжительности действия раздражителей» и «коэффициентов цепей рефлексов в анализаторов» (точное определение единиц измерения прочности, консервативности цепей рефлексов) [14, с. 50].

Для управления делом перевоспитания масс и управления ими Енчмен предлагал ввести специальные «физиологические паспорта», в которые бы вносился периодически измеряемый «коэффициент стенизма (радостности)». Данный коэффициент служил бы

главным критерием, на основе которого человек получал бы свою долю общественного продукта. Для проведения в жизнь своего плана по введению в организмы пятнадцати анализаторов Енчмен намеревался создать Революционно-Научный Совет Мировой Коммуны – с собой во главе.

Все эти меры Енчмена несут на себе отпечаток своего времени (эпохи гражданской войны и военного коммунизма): идею мировой революции (правда, у большевиков был Коминтерн, а не Революционно-Научный Совет Мировой Коммуны), идею о распределении в зависимости от социального положения (то, что в период «военного коммунизма» и гражданской войны нашло вполне материальное выражение в «классовом пайке»).

В качестве панацеи от всех бед Енчмен на первый план выдвигает науку, что можно было бы квалифицировать как сциентизм и позитивизм (вспомним о статье Енчмена «Психология перед судом нарождающегося позитивизма»), если бы фактически у Енчмена под наукой не понималась научная лишь по форме («биология», «анализаторы», «коэффициенты»), но по сути своей квазирелигиозная доктрина, предназначенная для спасения человечества. Об этом наглядно свидетельствуют многостраничные рассуждения Енчмена о Моисее, Иисусе Христе, сущности религии и «всеобщей радости», изложенные на языке «теории новой биологии».

Также бросается в глаза аскетичность Енчмена в выборе и использовании понятий, которых у него очень мало. Его основные понятия: «организм» (а не личность, лицо, индивидуальность, персона и т.п.), «анализатор» (а не «понятие», «принцип», «правило», закон, постулат, аксиома и т.п.), «структура» и еще несколько. Себя Енчмен величает в посвященной восемнадцати тезисам брошюре не просто «я», «мы» или «автор», а исключительно «автор теории новой биологии».

Дело в том, что введение понятий производится у Енчмена не путем сужения и уточнения их смысла, а, напротив, путем расширения. Так, «организмом» Енчмен называет то, что обычно называют «личностью», «лицом», «человеком». Можно сказать, что у Енчмена классовый подход к словам, понятиям, терминам, теориям. Его задача – на основе классового подхода отделить зерна от плевел, отбросить все лишнее и неправильное.

То, что другие большевики делали по отношению к людям, определяя, свой или чужой, трудящийся или буржуй, друг или враг, каковы убеждения (отношение к революции, к партии большевиков и т.п.), Енчмен делал по отношению к словам, теориям, наукам.

Стиль, язык, сам подход, мировоззрение Енчмена напоминают то, что мы видим в фантастическом романе-антиутопии «Мы» Е.И. Замятина или у Андрея Платонова в «Чевенгуре» и «Котловане»¹⁴. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что понятийный анализ у Енчмена проводится (по заверениям самого Енчмена) по образцу и аналогии с «методом критики Марксом в “Капитале” фразеологических особенностей теоретических работ Адама Смита и Д. Рикардо» [15, с. 72]¹⁵.

Таким образом, Енчмен, в отличие от многих советских марксистов 20-х годов, за образец и за основу (пусть хотя бы и в критике, а не в конструктивной части) берет не

---

¹⁴ Замятин Евгений Иванович (1884-1937) – российский писатель, с 1932 г. за границей. В романе-антиутопии «Мы», впервые опубликованном за рубежом в 1924 г. на английском языке (в России – в 1988 г.) в гротескной форме описано тоталитарное общество будущего. Платонов (наст. фам. Климентов) Андрей Платонович (1899-1951) – отечественный (советского периода) писатель. В романах «Чевенгур» (опубликован в 1972, в России – 1988), повести «Котлован» (опубликована в 1969) и «Ювенильное море» (опубликована в 1979; в России обе – впервые в 1987) выразил неприятие насильно навязываемых форм социалистического переустройства жизни.

¹⁵ Впрочем, возможны и другие параллели при оценке теории Енчмена. Так, с точки зрения авторов коллективной монографии «Социология в России», «В западной общественной мысли нечто похожее можно найти в инженерно-поведенческой утопии Б. Скиннера «Уолден-2» [39, с. 22].

философию Маркса, а научную составляющую марксизма – политэкономии, «Капитал» Маркса.

Относительно психологии и ее проблем теоретические взгляды Енчмена нашли свое выражение в тезисе о непосредственной (интроспективной) данности человеку только собственной психики. Обратной стороной этого тезиса у Енчмена было утверждение о непознаваемости психики другого человека. Принципиальная позиция Енчмена по отношению к психологии состояла в том, что в своей теории он недвусмысленно проводил линию на полный отказ от психологии, редуцируя ее к физиологии (точнее, к своей «теории новой биологии»). Разумеется, эту позицию уже в то время нельзя было назвать ни новой, ни оригинальной.

Рассмотрение обеих работ Енчмена как единого целого не снимает задачи сравнительного анализа этих работ. При внимательном рассмотрении между первой и второй работами Енчмена обнаруживается существенная разница, свидетельствующая о том, что для Енчмена оставалось по-прежнему главным и неизменным, а что потребовало изменения, модификации. Прежде всего следует отметить, что во второй работе Енчмен отказался от своих «анализаторов». В работе «Теория новой биологии и марксизм» речь идет не о восемнадцати тезисах или пятнадцати анализаторах, а фактически только об одном «анализаторе», выраженном в одном тезисе: «Непространственные явления не существуют, и поэтому не существуют и реакции (суждения) по их поводу». Таким образом, от пропаганды многих идей Енчмен перешел к агитации одной идеи. Разумеется, с педагогической точки зрения, при работе с массами, в студенческой и рабочей аудитории (среди рабфаковцев) (особенно учитывая низкий исходный уровень грамотности этой аудитории) агитация должна быть по форме более понятной и доступной для аудитории, не создающей дополнительных трудностей при усвоении материала.

Второй важный момент заключается в объеме обеих брошюр: объем первой – 55 страниц, объем второй – 82 страниц. Учитывая, что в первой работе освящаются 18 тезисов и 15 анализаторов, а во второй – только один «анализатор» (постулат, суждение, утверждение) в двух-трех тезисах-пояснениях, разница оказывается, действительно, существенной.

Как была опубликована эта работа? Как вообще стала возможной публикация такой работы? В выходных данных второй работы (на второй странице обложки) указано: «Набор и печатание книги выполнены вечерними и ночными работами студентов Рабфака Петербургского Государственного Университета» [15]. По-видимому, Енчмен вел занятия среди студентов-рабфаковцев в Петрограде, в университете, и с достаточно большой степенью вероятности можно предположить, что среди них оказалось несколько человек (или даже один), работающих в типографии. Увлеченные идеями Енчмена, они дали согласие на подготовку рукописи к печати – добровольную (т.е. бесплатную) работу по подготовке рукописи к печати (набор, правка, печать). Разрешение от Главлита была также получено, по-видимому, без особых хлопот в силу ясно выраженной классовой (пролетарской) позиции автора. Большую (если не сказать – огромную, главную) роль в факте публикации играло и то, что Енчмен был большевиком – членом ВКП(б). Неслучайно, как уже отмечалось выше, на обеих брошюрах на обложках в надзаголовке стоит: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Хотя Енчменом цитируется, упоминается и оценивается достаточно широкий круг авторов (Н.К. Крупская [15, с. 59-60], А. Луначарский [15, с. 60], М.Н. Покровский [15, с. 61], К.А. Тимирязев [15, с. 61], Н.И. Бухарин [15, с. 62-66], Е.В. Де-Роберти [15, с. 66-67], В.Н. Сарабьянов [15, с. 67-68], Г.В. Плеханов, Ф. Энгельс, К. Маркс, В.И. Ленин, Демокрит [15, с. 71-75], Б. Горев [15, с. 73], Р. Декарт [15, с. 76-77], А.М. Деборин [15, с. 79], Д.Б. Рязанов [15, с. 79] и др.), в целом современную ему советскую марксистскую философию (идеологию) в итоге Енчмен оценивает как «сплошное, сплоченное “наступление буржуазной идеологии” на революцию» [15, с. 80-81].

Рассматривая вторую брошюру как «Введение», в ближайшем будущем Енчмен планировал издать еще три главы в виде отдельного «второго выпуска». Енчмен воображает, что в «большом энциклопедическом словаре» далекого коммунистического будущего будет рассказываться о том, как «передовые революционные рабочие, – простые рабочие в блузах, – сначала России, а затем всего мира, вооруженные теорией новой биологии и ее разоблачениями, решительно двинулись на завоевание и уничтожение считавшихся до того «священными» таких специальных орудий эксплуататорского обмана, как кафедры по философии и психологии буржуазных или социалистических университетов и академий» [15, с. 80].

В разных местах работы Енчмен говорит также о «втором томе», «второй части первого тома». Создается впечатление, что одна из основных проблем Енчмена заключается в том, что ему все время не хватает места. Он мог бы много еще чего сказать, написать, но объем книги ограничен, времени совершенно нет! Поэтому он много пишет о том, о чем он хотел бы написать и о чем он еще будет писать. Однако этой возможности он был вскоре лишен по причинам, вполне явственно обнаруживаемым в последовавшей критике в адрес брошюры «Теория новой биологии и марксизм» со стороны Н.И. Бухарина, В. Коппа и других критиков-марксистов.

Критика «теории новой биологии» в 1920-е годы. Из обширной марксистской критики 20-х годов прежде всего следует отметить большую работу Н.И. Бухарина «Енчмениада» [7], [10], рецензии И. Вайнштейна [11] и Н. Карева¹⁶ [21] и сборник «Очередное извращение марксизма» [27] со статьями «Марксизм дыбом» С. Гириниса [27, с. 53-91], «Неслыханные открытия» В. Коппа [27, с. 17-52], «Непроизводительный труд» Л. Ческиса [27, с. 11-16] и «Хлестаковщина или наивность?» В.Н. Сарабьянова¹⁷ [27, с. 92-139]. Характерно, что Сарабьянов, в конце статьи отвечая на поставленный в заголовке вопрос, приходит к выводу: «Енчмен такой же марксист, какой Хлестаков – ревизор» [27, с. 139], тем самым лишний раз подтверждая сказанные еще в 1918 г. слова Бердяева о том, что «сцены из Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России» [20, с. 60]. Заметим, что аналогичных взглядов придерживался и Вернадский. Ф.Ф. Перченков в статье о судьбе Академии наук, оказавшейся под прессом в годы сталинского «великого перелома», пишет: «Необузданное самодурство власти – привычная норма. В новой социальной пирамиде пробиваются вверх не лучшие, культ мозолистых рук служит прикрытием для них. “И откуда вы выбираете гоголевски-щедринских типов!” – скажет вскоре Вернадский Г.М. Кржижановскому» [30, с. 167].

Енчмену была посвящена отдельная статья в первом издании Большой Советской Энциклопедии [17]. Большое внимание теории Енчмена уделили Г. Баммель [2], А.Ф. Самойлов [35] и А.М. Деборин [12, с. 360-362]. Бухарин в статье «Енчмениада» доказывает, что Енчмен – не марксист. Но признал бы, например, А.И. Введенский Енчмена за своего? Вряд ли. В отличие от других критиков, Бухарин цитирует, помимо двух, еще и третью работу Енчмена, имевшуюся только в машинописном виде –

---

¹⁶ Карев Николай Афанасьевич (1901-1936) – российский (советского периода) философ. В 20-х гг. активно занимался преподавательской и исследовательской работой в 1-м Московском государственном университете, Институте Красной профессуры и Институте философии. В 1924 был одним из основателей Общества воинствующих материалистов (с 1928 – заместитель председателя правления Общества). Был активным участником философских и идеологических дискуссий 20-х гг. Автор статей по проблемам материалистической философии и диалектики, критике тектологии, эмпиризма, позитивизма и др. В 1933 г. был исключен из ВКП(б) как один «из организаторов конференции контрреволюционной организации из правых оппортунистов» и арестован, в 1936 г. был расстрелян.

¹⁷ Сарабьянов Владимир Николаевич (1886-1952) – российский (советского периода) философ, историк и экономист. В революционном движении (до 1918 – меньшевик), с 1930 член ВКП(б). Окончил юридический факультет Московского университета по экономическому и гражданскому отделениям (1911). В 1918-1923 работал экономистом, в 1922-1930 – в «Правде», с 1930 – на преподавательской работе. Активно участвовал в философских дискуссиях 1920-1930-х гг. Основные труды посвящены проблемам диалектического и исторического материализма, истории марксистской философии, атеизма, экономики.

«Психология перед судом возрождающегося позитивизма». Бухарин пишет: «Это – маска, под которой Енчмен протаскивает старый буржуазный хлам» [10, с. 206]. Но почему бы не сказать и наоборот: все это – философствование о непространственности психики – маска, под которой Енчмен протаскивает марксизм?! Для самого Енчмена марксизм, буржуазная философия, современная рефлексология, а также современная революционная идеология – всего лишь компоненты, строительный материала его теории. Именно под маской всего этого – под маской философии, марксизма, рефлексологии, идеологии – Енчмен протаскивает свою теорию (фактически – содержание своего сознания). Поэтому Бухарин прав: суть Енчмена в том, что он индивидуалист. Чтобы быть марксистом, Енчмен заявляет себя сторонником идей Маркса; чтобы быть своим среди ученых – пользуется словами из теории Павлова; в области религии – текстами и сюжетами из Библии и т.п. И везде он пытается провести свои идеи. Но есть ли у него это свое? Что у него есть в результате своего, кроме стремления, попытки сотворить великий синтез или, наоборот, доказать, что в то, что у него есть (то, что было ему дано сразу и целиком, как откровение) входят как составные части входят марксизм, христианство, биология?

Енчмен назвал свою теорию «теория новой биологии», но точно также, с таким же правом он мог бы назвать ее и теорией новой философии, новой религии, нового марксизма, новой идеологии и т.п. Все эти элементы представлены на равных, и в этом суть. Театр, представление, шоу масок – вот что такое по существу, писания Енчмена. Но при этом не следует забывать и о том, что во всякой революции, как известно, имеются две тенденции – разрушительная и созидательная. Это относится в полной мере и к революции 20-х годов в области культуры (идеологии, науки, философии и т.д.). У Енчмена, конечно, присутствуют обе тенденции, но вторая (созидательная, творческая) – в минимальной степени. Прежде всего Енчмен является ярко выраженной персонификацией разрушительной тенденции революционной деятельности в области философии, науки и культуры и, в частности, в психологии.

Поэтому неслучайно, что во всех работах советских партийных критиков-марксистов – естественно, отстаивавших позиции ортодоксального, т.е. официального, общепризнанного марксизма (впрочем, тогда еще только складывающегося в качестве не только партийной, но и государственной идеологии) – подчеркивается неоригинальность (вплоть до плагиата), нелепость и вульгарность взглядов Енчмена, но в то же время указывается на чрезвычайную опасность этих взглядов.

Так, Бухарин в речи на пятом всемирном конгрессе Коминтерна (июнь 1924 г.) даже счел нужным подчеркнуть интернациональный характер опасности, исходящей из теории Енчмена [8]. В. Копп¹⁸ считал, что внимание к творениям Енчмена следует объяснять главным образом силой «великого интереса, проявляемого нашим студенчеством к вопросам психологии в освещении школы Павлова. Бросаясь направо и налево терминами «рефлекс», «реакция», «анализатор», Енчмен придал себе вид провозвестника нового учения, преподнеся в действительности его изуродованную карикатуру» [27, с. 44]. В Большой Советской Энциклопедии сообщается, что Енчмен «на короткое время сгруппировал вокруг своей «теории» некоторые элементы учащейся молодежи, поддавшиеся мелкобуржуазным влияниям, в частности – троцкистских идей об исключительной роли молодежи. Тогда же (1924) «енчмениада» была разгромлена». Сущность взглядов Енчмена при этом определяется в статье как «вульгарно-механистический материализм, сочетающий плохо переваренные идеи рефлексологической школы Павлова со взглядами кантианцев, махистов и пр.». [17, ст. 525].

---

¹⁸ Копп Виктор Леонтьевич (1880-1930) – российский революционер, партийный и государственный деятель, в 1919-1921 представитель РСФСР в Германии, в 1923-1925 член коллегии Народного комиссариата иностранных дел, с апреля 1925 полпред СССР в Японии, в 1927-1930 полпред в Швеции [см. 13, с. 452-453].

В 1926 г. авторы статьи о двух уклонах в марксистской философии (либо отрицание философии, либо превращение ее в самоцель) уже могли с полным основанием писать о Енчмене в прошедшем времени: «Первый уклон состоит в полном отрицании философии как самостоятельной научной дисциплины. Впервые эту точку зрения выдвинул достаточно крикливо и бестолково т. Минин... Пресловутый Енчмен оказался еще «решительнее» и предложил отказаться от всякой идеологии вообще. Енчменизм представил собой вырожденческие тенденции в марксистской теории и сводился к теоретическому обезоруживанию пролетариата. Объективно он выразил собой напор на партию мелкобуржуазной стихии, питающей чисто животную органическую ненависть к ясной и четкой пролетарской идеологии» [29, с. 265-266].

Деборин, ретроспективно оценивая итоги «енчмениады», в 1927 г. писал: «Мы уделили столько места Енчмену не потому, чтобы его взгляды сами по себе заслуживали особого внимания. На всей его работе лежит печать дилетантизма, ужасающей путаницы и невежества. У современного читателя, мы уверены, «идеи» Енчмена способны вызвать только гомерический смех. Но в свое время они своим «радикализмом», теоретическим нигилизмом увлекли часть учащейся молодежи. В некоторых наших вузах образовались специальные кружки тэ-энбистов, в которых усердно изучались писания новоявленного пророка. Не будет преувеличением сказать, что енчменизм угрожал самым основам марксизма. Это обстоятельство и заставило революционных марксистов, в том числе и т. Бухарина, выступить с резкой отповедью Енчмена. Тов. Бухарин в своей прекрасной работе «Енчмениада» вскрыл социальные корни енчменизма и показал его теоретическую несостоятельность. Тов. Бухарин показал, что енчменизм ничего общего не имеет с марксизмом» [12, с. 361]. Обращают на себя внимание и слова Деборина о том, что енчменизм «ныне почти забыт», но «отдельные элементы енчменизма не изжиты по сей день», в том числе и в психологии [12, с. 362].

Очевидно, что негативное отношение партийных критиков к теории Енчмена прежде всего заключалось в ее мимикрии под настоящий (ортодоксальный, революционный) марксизм. Действительно, даже сейчас при сопоставлении работ Енчмена и его критиков 20-х годов нам порой бывает очень трудно понять, где кончаются взгляды Енчмена и где начинаются взгляды представителей ортодоксального марксизма. Общие черты у Енчмена и его марксистских критиков видны в том, что свою позицию партийные критики-марксисты не определяют в каких-либо определенных рамках (философии, биологии, психологии, физиологии или идеологии) и не проводят ясного разграничения областей компетенции по обсуждаемым вопросам (о соотношении субъективного и объективного бытия, сущности психики). Все эти позиции для критиков-марксистов слиты в одну позицию – позицию коммуниста, большевика и марксиста. Но то же самое мы видим и в «теории новой биологии» Енчмена, которая является сразу всем: наукой, философией, руководством к действию.

Немаловажно и то, что Енчмен был членом партии большевиков, и поэтому с его взглядами и теорией самим большевикам было намного труднее бороться, чем с противниками «по ту сторону баррикады». В то же время слушателям и читателям работ Енчмена было гораздо легче доверять ему, верить в то, что его взгляды и теория являются марксистскими, отвечают духу и букве большевизма. Енчмен, несомненно, обладал не только определенным литературным даром, но и даром пропагандиста, организатора и проповедника, он знал рабочую и студенческую аудиторию, мог заражать ее своими идеями. Нельзя не отметить наличия у Енчмена деловых, организационных качеств, благодаря которым он сумел издать две свои работы в непростых условиях начала 20-х годов. Все эти обстоятельства способствовали тому, что работы Енчмена и содержащиеся в них идеи действительно могли ввести в заблуждение неподготовленных читателей и слушателей из числа «партийного молодняка», которые увлеклись взглядами Енчмена, считая его теорию составной частью партийного мировоззрения и дальнейшим развитием марксистской теории.

Изучение работ критиков Енчмена позволяет также получить представление о том, как отвечали в то время большевики-марксисты на важные философские и психологические вопросы: о соотношении духа и материи, психики и мозга, о сущности психики и сознания, предмете и методах психологии. При этом, что характерно, обнаруживаются разногласия – и порой очень сильные – во взглядах между самими критиками по вопросам изложения и интерпретации марксистских идей. Так, опровергая формулировку Енчмена «сначала – материальное и никогда – духовное», Сарабьянов отстаивает материалистический тезис «сначала материальное, а затем – духовное» [27, с. 127]. Однако С. Гиринис в статье, опубликованной в том же (!) сборнике, отказывается признать в качестве марксистской не только формулу «сначала духовное, а потом материальное», но и формулу «сначала материальное, а потом духовное» – в силу того, что последняя «есть только искаженное отображение действительности в кривом зеркале» теории Енчмена [27, с. 60]. Единственной правильной формулой марксизма, по С. Гиринису, является монизм (единство) материального и духовного, бытия и сознания [27, с. 61]. И таких примеров несовпадения и разночтений можно найти в работах критиков Енчмена немало.

Сарабьянов, как бы извиняясь за разногласия в стане марксистов и в собственных воззрениях, очень хорошо обрисовывает общее положение дел в советской марксистской литературе первой половины 20-х годов: «В современной же марксистской литературе, в отличие ее от классической, можно встретить много неудачных и неверных выражений и даже построений. Объяснение этому найти совсем не трудно: с одной стороны, мы торопимся, мы не вынашиваем работ, как это делали Маркс, Плеханов, и даже Энгельс (мы в месячный срок выполняем задание в несколько печатных листов). С другой стороны, обращаясь к очень неподготовленной аудитории, мы популяризуем и сплошь да рядом неудачно, а когда приходится объяснять очень трудные места (например, психофизический параллелизм в спинозовском смысле слова), мы невольно допускаем ошибочные шаги, например, от неверного к верному, но трудно поддающемуся популярному изложению, мы перекидываем мостик отчасти верный, отчасти ложный. Вот почему, опираясь на теперешнюю популярную литературу, нельзя разносить марксизма в целом» [27, с. 118-119, прим.]. Пожалуй, эти слова мог бы сказать и Енчмен, будь у него та же степень критичности, что и у Сарабьянова.

Нельзя не обратить внимание и на то, что очень часто те решения обсуждаемых проблем, которые критики Енчмена квалифицируют как самые новые и марксистские, при внимательном изучении оказываются с точки зрения психологии на самом деле либо уже ставшими общепризнанными постулатами (например, ясное различие в вопросе о сущности психики метафизического, философского подхода и подхода собственно научного, эмпирического, экспериментального), либо уже устаревшими и преодоленными к тому времени в психологии (в частности, сведение психофизической проблемы только к психофизиологической проблематике).

В целом же все марксистские критики сближали взгляды Енчмена с теорией Павлова (исходя из терминологии Енчмена: анализаторы, организм, пространственные явления) и подчеркивали немарксистский и антимарксистский характер взглядов Енчмена.

Как видим, основная критика в 20-е годы и после шла вовсе не по линии вычленения психологических проблем во взглядах Енчмена. Критиковались его философские, идеологические, марксистские взгляды. Исключение представляет только статья Корнилова [24], а уже в наше время, в 1988-1989 гг., – статья Петровского [32]. Если, как мы убедились, уже в 20-е годы взгляды Енчмена были достаточно подробно и широко проанализированы с партийных, идеологических позиций, то иная картина открывается в плане того, как теория Енчмена была встречена научным сообществом. Из всей научной литературы 20-х годов специально посвящена теории Енчмена пожалуй, только одна работа – статья Корнилова [24]. Отдельные краткие упоминания о Енчмене встречаются в ряде психологических работах того времени – у Корнилова [25], Струминского [40],

Франкфурта [41], Челпанова [42], Чучмарева [43] и др. Как же оценивали советские психологи 20-х годов теорию Енчмена?

Оценки Корнилова, в то время психолога-марксиста номер один в советской психологии (в виду занимаемого им поста директора Института психологии в Москве), являются двойственными. В принципиальном, методологическом плане Корнилов оценил работы Енчмена как «чрезвычайно ценные искания и построения», – прежде всего ввиду проведенного в них принципа монизма, близкого Корнилову в те годы [3], [4]. Это же отмечал в 1923 г. и другой новоявленный психолог-марксист – Струминский¹⁹: «С особой и настойчивой последовательностью подходит к вопросу об абсолютной пространственности всего, что имеет отношение к живому существу, и о несуществовании непространственных явлений Енчмен в своей оригинальной работе («Теория новой биологии и марксизм», вып. 1, Пбг., 1923 г.). Вероятно, именно в этой настойчивой последовательности и заключается причина, почему положения автора вызвали отрицательное отношение к себе даже в некоторых марксистских кругах, несмотря на их полное соответствие духу марксистской идеологии. Так живучи еще пережитки старого мировоззрения в нашу эпоху» [40, с. 406]. В другом месте своей работы Струминский еще раз подчеркивает: «Дуалистическая исходная точка зрения является непревзойденной даже в современной литературе марксизма. Именно поэтому необходимо считать очень характерной и показательной для современности работу Енчмена, пытающуюся устранить дуализм в самом его корне» [40, с. 407].

В то же время Корнилов при всем своем положительном отношении к общему (монистическому) подходу, содержащемуся в «теории новой биологии», резко критикует Енчмена за то, что тот не нашел возможности, оставаясь монистом и материалистом, признать реальность и значимость психических процессов. Отвлекаясь «от многих странностей изложения автора теории новой биологии» [24, с. 33], Корнилов основное внимание уделил анализу трактовки Енчменом психических (субъективных, непространственных) явлений. Для Корнилова как психолога было важно подчеркнуть, что Енчмену «не удалось ликвидировать психические процессы, а удалось лишь их изолировать от всякого познания, закапсулировав в самонаблюдении воспринимающего их субъекта» [24, с. 47], поэтому в психологии Енчмен – агностик и дуалист.

Причиной непоследовательности и противоречивости в суждениях и выводах у Енчмена, как и у Павлова и Бехтерева, считает Корнилов, «является только одно – это боязнь включить в число научных объектов то, что мы называем психическими состояниями». Енчмен «всю стройность» своей монистической системы «нарушил не чем иным, как стремлением отделаться все от тех же «субъективных» «непространственных» явлений, закапсулировав их в непознаваемый, но данный в самонаблюдении объект» [24, с. 51].

Енчмен, как правильно подчеркивает Корнилов, совершенно по-своему трактует понятие «анализатор». Но это значит, что Енчмена ни в коей мере нельзя считать физиологом, рефлексологом, «павловцем» только за используемые им понятия «анализатор», «реакция» и «организм». Важна трактовка, важен смысл, вкладываемый Енчменом в эти понятия. Согласимся, что Енчмен – не сторонник, не представитель учения Павлова. Но точно также Енчмена нельзя считать и марксистом, так как Енчмен вкладывает совсем другой, свой смысл в понятие «пролетариат», «эксплуататоры», «революция» и т.д. Поэтому Енчмена нельзя считать марксистом. По той же логике (через

---

¹⁹ Струминский Василий Яковлевич (1880-1967) – теоретик и историк педагогики, член-корр. АПН РСФСР (1945). Преподавал в духовных и светских учебных заведениях, вел научную деятельность в Программно-методическом институте (1932-1937), НИИ школ Наркомпроса РСФСР (1938-1944), Институте теории и истории педагогики АПН РСФСР (1944-1967). В 20-е годы разрабатывал проблемы теории единой трудовой школы II ступени. В 1923 г. опубликовал книгу «Психология», в 1926 г. в статье «Марксизм в современной психологии» выступил с острой критикой марксистской психологии К.Н. Корнилова. Затем занимался историей педагогики [см. 28, с. 409-410].

выяснение смысла и значения используемых им понятий) Енчмен, говоря о религии, Христе и т.п., не является теологом. Точно также Енчмен – не философ-идеалист (хотя он говорит о том, что не знает, одушевлены ли другие люди) и не вульгарный материалист (хотя и говорит о том, что все существующее протяженно, пространственно).

В этом плане весьма показательным, что Корнилов неоднократно обращает внимание на противоречивость и даже абсурдность используемой Енчменом психологической терминологии. Так, часто встречающееся у Енчмена выражения «непространственные явления, наблюдаемые в себе самом» и «непространственные явления опыта» Корнилов оценивает как «абсурдные сочетания понятий». К тому же трактовка Енчменом понятия «анализатор» «резко отличается от понимания анализатора Павловым, поскольку под понятие анализатора Э. Енчмен подводит и то, что обычно именуется логическим мышлением, т.е. образованием понятий, суждений, умозаключений и т.п.» [24, с. 35], что не мешает, однако, Енчмену «трактовать анализаторы как явление чисто пространственное, в частности органическое, т.е. физиологическое» [24, с. 35-36].

Ценность проведенного Корниловым анализа теории Енчмена заключается в демонстрации ненаучности и абсурдности целого ряда используемых Енчменом понятий и выражений. Подчеркнем, что эти понятия и выражения в теории Енчмена являются стержневыми, чем фактически сводится на нет отмеченное Корниловым и Струминским все позитивное и правильное в теории Енчмена.

Кроме того, вывод Корнилова о признании Енчменом некоего «полусуществования психических явлений» вполне приложим, с нашей точки зрения, и ко всем другим проблемам, так или иначе рассматриваемым Енчменом. Действительно, такую же половинчатую, двойственную позицию Енчмен занимает практически везде – по отношению к марксизму, науке, философии, психологии, биологии и т.д.

Франкфурт в 1927 г. однозначно негативно высказался о Енчмене: «Марксисты-психологи считают, что отрицание внутренних переживаний или эклектические путанные сомнения в вопросе об их признании и необходимости их изучать есть недостаток, ошибка объективистов. Эта ошибка, этот недостаток объективистов и послужили исходной точкой енчменизма, «теории новой биологии», чуждой лишенной всего богатого фактического материала, имеющегося в учениях Бехтерева и Павлова, но возведшей в принцип путаное, ошибочное отрицание объективистами субъективного и представляющей собой карикатуру на учение наших объективистов рефлексологов и пасквиль на марксизм, для чего достаточно прочесть «Енчмениаду» Бухарина. Впрочем, такие «откровения» не новы, ибо еще Плеханову пришлось по сходному поводу отчитать Шулятикова» [41, с. 176]. Очевидно, эта однозначность во многом объясняется тем, что к 1927 г. все точки над «i» в отношении Енчмена были уже расставлены.

Для психофизиолога З.И. Чучмарева²⁰, также опирающегося в своей работе при оценке взглядов Енчмена на выводы Бухарина, было важно подчеркнуть, что Енчмен «не мог найти у марксистов доводов в пользу отрицания психики и науки о ней», что аргументация Енчмена «против психофизиологии за полную замену ее рефлексологией может найти опору только в идеалистических источниках» (у Введенского, Пирсона, Риккерта и др.) [43, с. 130]. С точки зрения Чучмарева, «отрицание психики и ее познаваемости (т.е. отрицание психофизиологии) необходимо приводит не только к вульгарному материализму, но и к прямым заимствованиям идеалистических взглядов» [43, с. 130].

При изучении вопроса об отношении советских психологов 20-х годов к теории Енчмена наиболее показательной является точка зрения Челпанова, который считал нужным

---

²⁰ Чучмарев Захарий Иванович (? – 1961) – российский (советского периода) психолог и психофизиолог, доктор биологических наук, профессор. Область научных интересов – психофизиология, психология труда, проблемы утомления, развития мышления. Преподавал психологию в вузах, в 1945-1960 состоял профессором кафедры психологии Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской (см. [44]).

в работе «Психология или рефлексология?» уделить теории Енчмена всего несколько строк: «Ярким представителем этого же направления, объективно-рефлексологического, является Енчмен. По моему мнению его бесспорная заслуга заключается в том, что он в очень отчетливой форме выразил сущность объективно-рефлексологического направления. Он решительно отверг реальность сознания и психического. «Для нас», говорит он, слова «знание», «познание» обозначают собой только физиологические реакции без всякого участия психики, т.е. без всякого участия не пространственных явлений» [15, с. 24]. Обсуждая формулу «сначала материальное, а потом духовное», он говорит: «нашей собственной формулой может быть только: «сначала материальное и никогда духовное» [15, с. 56]. Такое доведение до абсурда является очень полезным, потому что дает возможность легче вскрыть ошибку. Во всяком случае за ним та большая заслуга, что он осуществил мечту психологов, стоящих на точке зрения вульгарного материализма» [42, с. 25].

Таким образом, и психологи, и партийные критики 20-х годов при всей разнице в подходах были единодушны в оценке взглядов Енчмена, указывая на то, что в научном плане «теория новой биологии» не заслуживает серьезного внимания ввиду своей необоснованности и ненаучности, в лучшем случае являясь лишь эклектическим повторением чужих идей.

Сущность феномена Енчмена. Хотя Енчмен не был психологом и его теорию нельзя считать чисто психологической, изучение имевшего место в первой половине 20-х годов феномена Енчмена в настоящее время представляет определенный интерес для историка психологии прежде всего потому, что в теории Енчмена большое место занимали психологические проблемы – о сущности психики и сознания и методах их изучения, о соотношении субъективной (интроспективной) и объективной (рефлексология) психологий, о практическом и прикладном значении разрешения теоретических проблем психологии, о соотношении психологии и марксизма, психологии и философии вообще, психологии и идеологии.

При чтении и анализе работ Енчмена невозможно не впасть в иронический тон. То же чувство возникает и при ознакомлении с тем, что собой представляли в научном плане такие деятели сталинской эпохи, как Г.М. Бошьян, О.Б. Лепешинская, Т.Д. Лысенко, И.И. Презент и им подобные [37], [38], [45]. Но деятельность этих людей часто оборачивалась трагедией для настоящих ученых. Однако в случае с Енчменом этого не произошло – по-видимому, потому, что в партии нашлись люди (Бухарин и другие), которые дали ему отпор. Напротив, в случае с Лысенко (и иже с ним) в партии не нашлось специалистов по сельскому хозяйству, генетике, растениеводству и селекции, которые могли бы правильно оценить Лысенко.

Но гораздо более важным обстоятельством, заставляющим нас обратиться к изучению феномена Енчмена и его места в истории советской психологии 20-х годов, является то, что помимо Енчмена еще была целая «енчмениада» – реакция на идеи (брошюры) Енчмена, и именно она нас удивила и продолжает удивлять. С самого начала складывается впечатление, что Енчмен со своими необычными по форме и нелепыми по содержанию идеями оказался, тем воробьем, из которого большевики были готовы стрелять из пушки – и стреляли, учитывая кампанию критики и невозможность Енчмена что-либо опубликовать в ответ. Можно сказать, что также как о Е. Дюринге марксисты знали только по «Анти-Дюрингу» Энгельса, так и о Енчмене после 1988 г. в нашей психологии знают только по «Енчмениаде» Бухарина. Конечно, надо знать статьи и книги критиков, но все-таки с идеями тех, кого критикуют, в первую очередь надо знакомиться по первоисточникам, не так ли?

По своему происхождению и основным идеям (классовый поход, необходимость пролетарской революции) теория Енчмена была, безусловно, марксистской. Другое дело, что марксистскую доктрину Енчмен трактовал совершенно по-своему, начиная от исходных терминов и понятий и кончая конкретными мероприятиями в ходе

революционных преобразований. Будучи в значительной степени порождением самого марксизма, теория Енчмена заключала в себе мощную, не останавливающуюся ни перед чем и не перед какими-либо авторитетами деструктивную тенденцию, направленную в том числе и против самого марксизма во всех его обликах (как науки, философии, партийной и государственной идеологии, мировоззрения), а, значит, и против партии.

Разумеется, у Енчмена можно обнаружить и творческую, созидательную тенденцию, но прежде всего он является ярко выраженной персонификацией разрушительной тенденции в самом марксизме как революционном учении и руководстве к действию. И именно в этой деструктивной тенденции заключалась главная опасность теории Енчмена для правящей большевистской партии. О сущности подхода Енчмена хорошо высказался Сарабьянов: «Енчмен все рушит, начиная с марксизма, как он представлен Марксом, Энгельсом, Плехановым, Лениным, и кончая биологией» [27, с. 104].

Не из-за того большевики так ополчились на Енчмена, что в его теории формулируются лозунги о ликвидации психологии, логики и других наук. Это не самое главное в теории Енчмена. Все дело заключается в том, что теория Енчмена – это атака прежде всего на сам марксизм, на партию. Енчмен прямо писал о том, что марксизм скоро выйдет «на широкую дорогу теории новой биологии» и что современные кафедры философии и психологии не только буржуазных, но и социалистических (!) университетов и академий являются «специальными орудиями» эксплуататорского обмана [15, с. 80].

В деле воздействия на рабочую аудиторию Енчмен, будучи сам плоть от плоти марксистом и членом партии, выступал как конкурент другим марксистам, всей партии большевиков. Поэтому следует не только учитывать, наряду с научной, идеологическую составляющую взглядов Енчмена, но и признать последнюю в качестве определяющей сущности «теории новой биологии» и всего феномена Енчмена.

Отсюда становится ясной принципиальная недостаточность отмеченных выше точек зрения на феномен Енчмена. В «теории новой биологии» Енчмена можно обнаружить, как это делает Виндхолц, ряд идей, очень близких к идеям бихевиоризма Уотсона и Скиннера, а также, добавим, Бехтерева и Павлова (отношение к сознанию и методу интроспекции, рассмотрение поведения как совокупности рефлексов), но все эти идеи были Енчменом вульгаризованы и идеологизированы, что существенно уменьшило их позитивное, научное значение. Преобладающее значение в «теории новой биологии» имела разрушительная, а не созидательная тенденция – по отношению к науке, философии (в том числе и марксизму) и идеологии (в том числе и марксистской). В отечественной историографии (Е.А. Будилова, А.В. Петровский, А.А. Смирнов) эта разрушительная тенденция, присущая взглядам Енчмена, верно отмечается и выносится на первый план, но оценивается как исходящая исключительно из сферы науки – бихевиоризма, рефлексологии, физиологии, биологии.

Можно согласиться с партийными критиками 20-х годов относительно того, что Енчмена нельзя считать правильным, ортодоксальным марксистом, так как марксизм и марксистскую терминологию он трактует совершенно по-своему. Но тогда по этой же логике Енчмена точно также нельзя считать и выразителем идей школ Бехтерева или Павлова. Сущность феномена Енчмена заключается в том, что это была попытка невежественного и бесцеремонного вмешательства в жизнь науки, причем идеологическая составляющая (марксистское учение, атмосфера войн и революций, большевистская партийная идеология) у Енчмена оказалась сильнее, чем научная составляющая «духа времени» (теории Дарвина, Павлова, позитивизм), к которой апеллирует Виндхолц [46]. Слишком многое пришлось бы разрушить в науке, чтобы утвердить теорию Енчмена (думается, и американскому бихевиоризму тогда не поздоровилось бы). Отличие нашей позиции от позиции Виндхолца состоит в том, что, определяя, как и Виндхолц, феномен Енчмена как проявление деструктивного воздействия идеологии на науку и не отрицая всего того, что сделали советские критики-марксисты по отношению Енчмену, мы все же рассматриваем Енчмена не в качестве объекта, жертвы, а в качестве *субъекта*

деструктивного воздействия на психологию со стороны марксистской идеологии. Очевидно, вся сложность оценки феномена Енчмена заключается в том, что автору «теории новой биологии» удалось парадоксальным образом совместить обе ипостаси – и объекта, и субъекта деструктивного воздействия на науку, но без помощи марксистской (идеологической, партийной) составляющей «теория новой биологии» никогда не смогла бы дорасти до «феномена Енчмена», т.е. до одного из значимых символов того, что стоящая во главе государства партия большевиков пыталась делать с наукой (и, если смотреть шире, культурой и всем обществом). И в этом все дело.

Разрабатываемая и предлагаемая Енчменом «теория новой биологии» – это не просто новая теория (как он сам подчеркивает) и даже не сверхнаука (комплексная, синтетическая наука, объединяющая в себе целый ряд наук), а нечто большее, гораздо большее. «Теория новой биологии» – это теория, которая является *всем*, поскольку это одновременно наука и совокупность наук (биология, психология, логика), философия, идеология, революционная теория, теория познания, мировоззрение и религия. Фактически «теория новой биологии» – это идеология в самом широком (предельном широком) смысле и масштабе. Но разработкой такой идеологии и занимались как раз большевики в то время, именно в 20-е годы. Поэтому теория Енчмена оказалась конкурирующей. Как могла отнестись к теории Енчмена, к его попытке создать новую идеологию партия большевиков? В принципе были возможны несколько вариантов.

Отношение власти тоталитарного государства к какой-либо теории (Павлова, Енчмена, Марра, педологической, Эйнштейна, Сахарова, Королева и т.п.), по сути своей являясь идеологическим (т.е. исходя из вопроса о том, как эта теория вписывается в существующую идеологию) складывается, с нашей точки зрения, из четырех аспектов: чисто *теоретического* (содержательного), *личного*, *практического* (утилитарного) и *идеологического* (в узком, политическом) смысле.

1. *Теоретический аспект* – это отношение к самой теории исключительно как к теории – к ее содержанию (законам, правилам, закономерностям, предмету, объекту, методам) и форме (понятиям, терминам, категориям). В этом случае теория может быть оценена как понятная или непонятная, правильная или неправильная, новая или старая и т.п. Естественно, основной показатель здесь – насколько теория может быть понятной, доступной по своей сути и в деталях. В частности, теория может быть отвергнута, если она является слишком «заумной», выраженной непонятно, на языке религии, идеалистической философии и т.п.

2. *Личный* (личностный) аспект – это отношение власти к автору теории, ответ на вопрос о том, что он из себя представляет как человек, легко ли с ним работать, общаться, является ли автор послушным или скандалистом, конформистом или нонконформистом, своим или чужим, другом или врагом.

3. *Практический* (утилитарный) аспект – отношение к теории с точки зрения ее практического использования (естественно, здесь и сейчас или, в крайнем случае, в ближайшем будущем). Так, теория Курчатова (или Сахарова) могла быть абсолютно непонятной, автор эти теории неприемлемым как личность, но на основе его теории создается атомная или водородная бомба, что заставляет принять эту теорию и терпеть ее автора.

4. Собственно *идеологический* (политический аспект) – определение чисто идеологического значения теории. Так, например, теория Лысенко могла не работать в области науки, теории и общественной практики, но со своими лозунгами и обещаниями сказочных урожаев, народным академиком, народным движением «мичуринцев», народными лабораториями и открытиями, сделанными «в гуще народа», «простыми советскими людьми» и т.п. она очень удачно вписывалась в качестве элемента в систему сталинской идеологии, то есть *работала* и приносила весомые плоды в области идеологии.

С этой точки зрения Енчмен со своей теорией проигрывал по всем позициям. Вся совокупность представлений Енчмена состоит из блоков, плохо устроенных сами по себе и к тому же плохо стыкующихся друг с другом: в философии – солипсизм, тезис о непознаваемости психики другого человека (А.И. Введенский и т.п.); в науке – отказ от психологии, редукция ее к физиологии («теории новой биологии»); в идеологии – революция в науке (в философии, вообще в сфере познания) как следствие и продолжение революции в обществе, социальной: пролетариат должен завоевать не только социум, но и культуру, сферу познания, идеологию (мало победить врага физически, надо победить его и идеологически; мало уничтожить враждебную идеологию, надо взамен ее выставить более сильную, более совершенную). Но, похоже, как и в других случаях, когда налицо не система, а эклектика (причем на низком, дилетантском уровне), вряд ли признали бы Енчмена за «своего» и Введенский, и Павлов, и сами марксисты (что они и сделали).

Соответственно, можно выделить несколько «ликов» Енчмена: 1) критик марксизма, 2) апологет марксизма, 3) позитивист и сциентист, выступающий против философии и идеологии вообще, 4) идеолог (выступающий против науки вообще, а не только наук о духе). Но кто же он на самом деле? Какой «лик» у него был главным, ведущим? Таковым был у него еще не названный нами пятый лик Енчмена. Действительно, что самое главное для Енчмена во всех его размышлениях? Самое главное для Енчмена – это борьба, война с эксплуататорским обманом (разоблачение его, замена его истинной теорией и т.п.). Идеал Енчмена – отсутствие обмана, т.е. (высоко) нравственное, моральное общество. А это означает, что сфера деятельности Енчмена – не наука, философия, религия и даже не идеология, а этика, мораль, нравственность.

Характерно, что в справочнике «Философы России» И.И. Презент (одиозная личность, сыгравшая большую роль в философском и идеологическом обосновании учения Лысенко) в самом начале статьи определяется как «политизирующий “биолог”» [1, с. 780] – причем, обратим внимание, слово биолог поставлено в кавычки. Очевидно, примерно также – двойственно и с негативным оттенком, в кавычках – можно характеризовать и Енчмена: идеологизирующий «биолог», «биологизирующий большевик», «философствующий идеолог» и т.п. Типаж по сути один и тот же, разница только в специализации (биология, философия, психология и т.д.).

Во взглядах Енчмена следует различать две стороны: во-первых, то, что он предлагал в принципе, вообще, как идеал, конечную цель и, во-вторых, то, что он предлагал вполне конкретно, «заземляя» свои общие цели, задачи и рассуждения – также, как Корнилов мог в общем выступать с требованием создания марксистской психологии, а конкретно предлагать в качестве марксистской психологии свою реактологию. С этой точки зрения следует сказать, что максимально к идеалу «по Енчмену» советская наука (психология, педагогика, физиология) приблизилась, по-видимому, в 1950-1952 гг. – в виде «павловской психологии».

Оценивая Енчмена и его теорию в целом, можно подобрать два рода цитат из его работ. В первой группе цитат Енчмен перед нами предстает как человек странный, больной, некомпетентный, смешной, недалекий и т.д. Но во второй группе цитат Енчмен может быть показан как глубокий критик, в том числе и марксизма (!), оригинальный мыслитель, творец оригинальной теории. В частности, именно из этих цитат можно увидеть, что Енчмен предлагал и создавал то, что потом (правда, без него) фактически получилось в нашей науке (психологии, физиологии, педагогике): как это не парадоксально, но та теория, которую предлагал Енчмен, была действительно построена в нашей стране в советское время. Только эта наука называлась не «теорией новой биологии», а «советской психологией». Точнее, это был более-менее согласованный и взаимосвязанный комплекс наук, куда входили прежде всего педагогика, психология и биология (физиология ВНД). Это была наука если не полностью по Енчмену, то, наверняка, в духе Енчмена, по рецептам Енчмена.

В чем же, исходя из вышеизложенного, заключается «феномен Енчмена» и какое значение для отечественной психологии он имел?

Историко-психологический анализ позволяет сделать вывод о том, что по своему происхождению, содержанию и направленности «теория новой биологии» является не столько научным или философским, сколько идеологическим феноменом, лежащим, таким образом, за пределами (по ту сторону) науки и философии. Феномен Енчмена заслуживает изучения в контексте изучения истории советской психологии – прежде всего потому, что психологическая составляющая в его теоретических построениях играла весьма существенную роль. Но квалификация «теории новой биологии» Енчмена прежде всего как идеологического феномена не означает, однако, что теория Енчмена не стремилась оказать и не оказала никакого влияния на науку (биологию, психологию, рефлексологию).

В контексте истории советской психологии 20-х годов феномен Енчмена, раскрывающий механизмы и движущие силы взаимодействия науки и государства, следует расценивать как одно из проявлений внешнего, *деструктивного* по своей сути воздействия на психологическую науку (с целью ее подчинения путем идеологизации и вульгаризации) со стороны государственной (марксистской, большевистской, партийной) идеологии в рамках тоталитарного государства. Понять сущность, генезис и значение феномена Енчмена можно, только учитывая не только научную составляющую (позитивистские идеи, рефлексорная теория, дарвинизм и т.п.), но и идеологическую (марксистскую, большевистскую, партийную) составляющую взглядов Енчмена.

По своим источникам феномен Енчмена является прямым следствием государственной политики, проводимой в то время в СССР с целью утверждения марксизма в качестве *господствующей* партийной и государственной идеологии. В своей теории Енчмен противопоставил себя не только буржуазной и идеалистической философии и науке, но и марксизму и всей государственной (большевистской, партийной) идеологии. Поэтому попытка Енчмена по утверждению «теории новой биологии» с помощью разрушительных тенденций в области науки, философии и идеологии не удалась из-за резкой критики со стороны большевиков и принятых ими жестких мер запретительного характера.

В эмпирическом плане феномен Енчмена наглядно демонстрирует ряд важных качеств и закономерностей, присущих советской психологии 20-х годов (революционный настрой, сочетание созидательного и деструктивного начал, языков науки и идеологии, вульгаризаторские тенденции), которые можно обнаружить и у других ученых и партийных деятелей того периода, но не всегда в столь ярко выраженной, доведенной до крайности форме.

1. *Алексеев П.В.* Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. / Ведущий автор, составитель и главный редактор – П.В. Алексеев. М.: Академический проект, 2002. 1152 с.
2. *Баммель Г.* На философском фронте после Октября. М.-Л.: Госиздат, 1929.
3. *Богданчиков С.А.* Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123-131.
4. *Богданчиков С.А.* Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. 232 с.
5. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.
6. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. С приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма». М.-Пг., б/г. 390 с.

7. *Бухарин Н.И.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // *Бухарин Н.И.* Атака: Сборник теоретических статей. М.-Пг.: Госиздат, б/г (1924). С. 128-170.
8. *Бухарин Н.И.* Речь на пятом Всемирном конгрессе Коминтерна // *Правда.* 1924. № 145. 29 июня 1924. С. 3.
9. *Бухарин Н.И.* Опасность перерождения (В связи с «теорией» Енчмена) // *Борьба за кадры. Речи и статьи.* М.-Л.: Госиздат, 1926.
10. *Бухарин Н.И.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // *Академик Н.И. Бухарин.* Методология и планирование науки и техники. Избранные труды. М., 1989. С. 191-224.
11. *Вайнштейн И.* Рец. на кн. Э. Енчмена «Теория новой биологии и марксизм» // *Под знаменем марксизма.* 1923. № 4-5. С. 285-293.
12. *Деборин А.М.* Октябрьская революция и диалектический материализм // *Деборин А.М.* Философия и марксизм. 3-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 348-363.
13. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 832 с. (Первоисточник: Деятели СССР и революционного движения России // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40. М., 1926. Т. 41. М., 1927-1929.)
14. *Енчмен Э.С.* Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (проект организации Революционно-Научного Совета Республики и введения системы физиологических паспортов). Пятигорск: Издание Ин. К. О. Северо-Кавказского Революционного Комитета, 1920. 55 с.
15. *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Петербург: Типография рабочего ф-та Петербургского гос. ун-та «Наука и труд», 1923. 82 с.
16. *Енчмен Э.С.* Наука и философия – эксплуататорская выдумка // *На переломе: Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение /* Под ред. П.В. Алексеева. Москва: Политиздат, 1990. С. 224-231.
17. Енчмен Эммануил Семенович [биографическая справка] // *Большая Советская Энциклопедия.* Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1932. Ст. 524-525.
18. Енчмен Эммануил Семенович [биографическая справка] // *Алексеев П.В.* Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2002. С. 316-317.
19. *Есаков В.Д.* ... И академик Павлов остался в России // *Наука и жизнь.* 1989. № 9. С. 78-85; № 10. С. 116-123.
20. Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1990. 298 с.
21. *Карев Н.А.* Рец. на кн. Н. Бухарина «Енчмениада. К вопросу об идеологическом вырождении» // *Большевик.* 1924. № 1. С. 148-150.
22. *Кондаков И.М.* Психология. Иллюстрированный словарь. СПб.: «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК», 2003. 512 с.
23. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // *Под знаменем марксизма.* 1923. № 4-5. С. 98-114.
24. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. 2-е, доп. изд. Л.: Госиздат, 1925. С. 33-51.
25. *Корнилов К.Н.* Современное состояние психологии в СССР // *Под знаменем марксизма.* 1927. № 10-11. С. 195-217.
26. *Мерлин В.С.* Психологические воззрения М.Я. Басова // *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975. С. 5-25.
27. Очередное извращение марксизма. О «теории» Енчмена: Сб. статей / Под ред. С. Гириниса. М.: Новая Москва, 1924. 139 с.
28. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редколл.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 528 с.

29. *Перельман Ф., Рубановский Л., Великанов И.* Два уклона в марксистской философии // Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. № 2. Вологда: Северный печатник, 1926. С. 265-300.
30. *Перченко Ф.Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 163-235.
31. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
32. *Петровский А.В.* Обездушивание науки, или продолжение Енчмениады // Наука и жизнь. 1989. № 11. С. 110-115; № 12. С. 100-105.
33. *Петровский А.В.* Записки психолога. М.: Изд-во УРАО, 2001. 464 с.
34. *Протопопов В.П.* Психология, рефлексология и учение о поведении. Харьков: Научная мысль, 1929. 115 с.
35. *Самойлов А.Ф.* Детская болезнь «левизны» в материализме. Л.: Госиздат, 1925.
36. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
37. *Сойфер В.Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.
38. *Сойфер В.Н.* Красная биология: Псевдонаука в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 264 с.
39. Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. 696 с.
40. *Струминский В.Я.* Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып. 1. Введение к изучению психологии. Оренбург: Киргиз. госуд. изд-во, 1923. 412 с.
41. *Франкфурт Ю.В.* К борьбе за марксистскую психологию // Красная Новь. 1927. № 10. С. 169-196.
42. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М.: Русский книжник, 1926. 59 с.
43. *Чучмарев З.И.* Природа и пределы методики условных рефлексов // Под знаменем марксизма. 1928. № 4. С. 129-163.
44. Чучмарев З.И. [Некролог] // Вопросы психологии. 1961. № 5. С. 191.
45. *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. 875 с.
46. *Windholz G.* Emmanuil S. Enchmen – a soviet behaviorist and the commonality of Zeitgeist // The Psychological Record. 1995. V. 45. P. 517-533.

ОЧЕРК 5

А.Р. Лурия о психоанализе

Деятельность одного из выдающихся отечественных психологов XX столетия Александра Романовича Лурия (1902-1977) как теоретика общей психологии и одного из творцов советской психологии все еще остается малоизученной. Данный очерк, представляющий собой значительно увеличенный (в 3,5 раза) вариант опубликованной в 2002 г. статьи в журнале «Вопросы психологии» [5], посвящен начальному («до-нейропсихологическому») периоду биографии А.Р. Лурия, т.е. 1920-1930-м годам. В эти десятилетия происходило формирование общепсихологических воззрений Лурия, и одной из важных составляющих этого процесса (наряду с культурно-исторической теорией Выготского и другими отечественными и зарубежными психологическими теориями) был психоанализ. Цель данного очерка – показать место и значение

психоаналитических идей в научной биографии Лурия на основе анализа содержащих психоаналитическую тематику работ Лурия 1920-1930-х годов.

В 1920-30-е годы происходило формирование Лурия как психолога-экспериментатора, теоретика и практика, складывалось его научное мировоззрение, расширялось и углублялось понимание предмета, методов, задач и проблем психологии. Это были годы выработки у Лурия индивидуального научного стиля и языка, своеобразных, только ему присущих особенностей в постановке и проведении лабораторных, прикладных и теоретических исследований. Но прежде всего становление Лурия, во многом совпадая с тем, что происходило в это время в судьбах других советских психологов – его ровесников и коллег, неизбежно несло на себе отпечаток ряда особенностей, присущих процессу становления *всей* советской психологии. Для самого Лурия 20-30-е годы были временем профессионального самоопределения в психологии. В этот период у Лурия был и внутренний, и внешний выбор, его внимание не было заострено на чем-то одном, в его развитии присутствовал элемент неоднозначности. То, что в последующем Лурия стал нейропсихологом, вовсе не следовало с очевидностью из его научной деятельности на протяжении 20-30-х годов.

Эмпирическая область исследований Лурия в 20-30-е годы была на удивление широка и разнообразна (если не сказать – эклектична): дети, преступники, нервно- и душевнобольные, московские студенты, крестьяне Средней Азии... Столь же впечатляющим был диапазон *теоретических* изысканий молодого ученого. Даже самое поверхностное ознакомление с работами Лурия начального периода позволяет обнаружить в них целый ряд самостоятельных, значительных по широте и глубине разработки направлений, областей и тем: в 20-30-е годы Лурия не только разрабатывал вместе с Выготским культурно-историческую теорию, но и проводил самостоятельные теоретические и экспериментальные исследования в области психоанализа, бихевиоризма, рефлексологии, гештальтпсихологии, эйдетики, медицинской, судебной и детской психологии. При этом, Лурия, конечно, как и другие советские психологи, много внимания уделял и общим, теоретическим проблемам психологии, отдавая – в чем-то по форме, а в чем-то и по существу – неизбежную дань марксизму как господствующей государственной идеологии.

Своей разноплановостью, полифонией и мозаичностью, стремлением объять необъятное Лурия, как и Выготский, олицетворял одну из существенных особенностей становящейся советской психологии – ее *многообразие*. Но, к сожалению, и в этом отношении Лурия до конца разделил участь, выпавшую на долю всей советской психологии: уже к середине 30-х годов не столько внутренние устремления и предпочтения самого Лурия, сколько суровые внешние обстоятельства свели изначально широкий спектр возможных вариантов его развития до минимума.

В исследовании начального периода творческой биографии Лурия можно выделить два вопроса принципиального характера. Во-первых, каковы место, роль и значение начального периода для последующих этапов научной биографии Лурия? В общем ясно, что свой вклад в становление нейропсихологической концепции в той или иной мере внесли *все* изучавшиеся Лурия на протяжении 20-30-х годов направления, подходы и теории в психологии и в смежных с ней областях знания. Но какова была роль, конкретная величина вклада каждой из составляющих? Во-вторых, было ли внутреннее единство, некое теоретическое «ядро» в разноплановой по форме и содержанию деятельности Лурия в 20-30-е годы – то, что заставляло его (и позволяло ему) переходить из одной области науки в другую, работать сразу в нескольких областях, выходить на уровень широких теоретических обобщений и т.д.? Можно ли, другими словами, говорить о формировании (или даже о наличии) у Лурия уже в эти годы определенной *общепсихологической* концепции?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, как нам уже приходилось подчеркивать ранее [4], изучить – по отдельности и во взаимосвязи – все те теоретические

направления и эмпирические области, с которыми имел дело Лурия в начальный период своей научной биографии. В данном случае мы рассмотрим только одну сторону затронутой проблемы – вопрос о том, что из себя представляла и какое имела значение *психоаналитическая составляющая* в научном творчестве Лурия 20-30-х годов. Этот выбор во многом был обусловлен тем, что свои первые шаги в психологии Лурия делал именно в области психоанализа.

Психоаналитическая карьера А.Р. Лурия. В психоаналитической карьере Лурия можно выделить три больших периода, во многом отражающих общие особенности истории психоанализа в нашей стране. *В первый период* (на протяжении первой половины 20-х годов) Лурия изучает психоанализ в теории и даже пытается применять его на практике, в целом высоко оценивая его как новое и современное направление в психологии, позволяющее преодолеть кризис в психологии. В эти годы психоанализ для Лурия находится по эту сторону стены, разделяющей новую и старую психологию. Даваемые в работах Лурия этого периода очень высокие позитивные оценки психоанализа сочетаются с принципиальной критикой, но критика эта еще не является уничтожающей или полностью отрицающей сам предмет, она незначительна по силе и объему и в целом является достаточно компетентной, взвешенной и продуктивной.

Второй период (вторая половина 20-х годов – 30-е годы, вплоть до 1940 г.) характеризуется отсутствием у Лурия какой-либо практической деятельности в области психоанализа и резкой критикой всего психоанализа с общепсихологических (марксистских, по своей сути) позиций. К концу этого периода Лурия полностью теряет (точнее, вынужден потерять) интерес к психоанализу. По работам этого периода хорошо видно, как психоанализ для Лурия постепенно оказывается по ту сторону стены, разделяющей старую (идеалистическую, буржуазную) и новую (материалистическую, марксистскую, советскую) психологию. В этот период Лурия уже определяет психологию как науку о поведении (хотя само поведение трактует предельно широко, что позволяет в науку о поведении включать элементы не только рефлексологии и бихевиоризма, но гештальтпсихологии и психоанализа). *В третий период* (после 1940 г.) отмечается полное отсутствие работ, посвященных вопросам психоанализа; только в автобиографии, написанной уже на склоне лет, Лурия вспоминает о своих психоаналитических увлечениях 20-х годов.

А.Р. Лурия с 1918 г. учился в Казанском университете на юридическом факультете, который потом был преобразован в факультет общественных наук. В 1921 г. Лурия закончил ФОН (факультет общественных наук) Казанского университета и перешел в конце 1921 г. на медицинский факультет, где учился до 1923 г. Е.Д. Хомская пишет, что «отец убеждал его начать заниматься медициной и он закончил два курса медицинского факультета Казанского университета, одновременно участь и в Педагогическом институте (тогда можно было одновременно учиться в разных учебных заведениях)» [47, с. 16]. В этот период Лурия познакомился «с ранними работами психоаналитической школы» [29, с. 10] – работами Фрейда, Юнга, Адлера.

В автобиографии Лурия пишет об этом периоде: «Многие из идей Фрейда казались мне умозрительными и довольно фантастическими, но изучение эмоциональных конфликтов и комплексов методом ассоциаций казалось многообещающим. Я решил, что оно может сочетать строго детерминистическое объяснение конкретного индивидуального поведения с объяснением происхождения сложных человеческих потребностей с точки зрения естествознания. Мне казалось, что психоанализ сможет послужить основой научной, реальной психологии, которая поможет преодолеть различия между номотетическими и идеографическими подходами. ... Типичным было и то увлечение, с которым я занялся психоаналитическими исследованиями. Прежде всего я организовал маленький психоаналитический кружок. Я даже заказал почтовую бумагу со штампом «Казанская психоаналитическая ассоциация», напечатанными на русском и немецком языках. Затем я отправил информацию об организации этой группы самому

Фрейд и был поражен и обрадован, получив ответное письмо, начинавшееся с обращения «Дорогой господин президент». Фрейд сообщал, что он рад был узнать, что в таком отдаленном восточном русском городе, как Казань, организовался психоаналитический кружок. Это письмо, написанное готическим немецким шрифтом, и другое, санкционирующее русский перевод одной из его небольших книг, находятся в моем архиве. На ранних этапах работы кружка мы занимались обследованием пациентов Казанской психиатрической клиники, представлявшей собой часть медицинского факультета Казанского университета. Интересно, что одна из пациенток этой клиники оказалась внучкой Федора Достоевского. Хотя я заполнял целые тетради ее «свободными ассоциациями», я был не в состоянии выполнить свой план и использовать эти материалы для обнаружения «конкретной реальности потока идей». ... Позднее я опубликовал несколько статей, основанных на идеях психоанализа, и даже составил план книги об объективном подходе к психоанализу, которая никогда не была напечатана. В конце концов я убедился, что ошибочно считать человеческое поведение продуктом «глубин» сознания, игнорируя его социальные «высоты» [29, с. 10-12].

Говоря в целом о начальном периоде своего научного становления (годы обучения в Казанском университете, до переезда в Москву в 1922 г.), Лурия писал: «Весь этот период моей жизни был периодом наивного поиска своего пути в психологии. Однако пятьдесят лет спустя я чувствую, что этот период моей жизни имел большое значение для дальнейшего моего становления как психолога. Хотя, казалось бы, в последующие годы я работал над совершенно другими проблемами, но основные, центральные темы моих первых исследований остались прежними» [29, с. 14].

Е.Д. Хомская отмечает: «Увлечшись психологией, в поисках «живой», «жизненной» психологии, он обращается к трудам З. Фрейда и организует в 1922 г. психоаналитический кружок. Как председатель этого кружка он пишет письмо З. Фрейду, в котором уведомляет его об организации кружка и просит разрешения авторизировать перевод одной из его книг. Вскоре Александр Романович получил ответ с любезным разрешением на авторизацию. Это письмо до сих пор хранится в архивах А.Р. Лурия. Помимо обсуждений работ З. Фрейда, споров и выяснения собственных позиций члены психоаналитического кружка занимались обследованием пациентов Казанской психиатрической клиники, представлявшей собой часть медицинского факультета Казанского университета. На заседаниях психоаналитического кружка проводились разборы больных (с невротическими, психическими расстройствами), делались доклады. На одном заседании А.Р. Лурия сделал доклад «К психоанализу костюма», где анализировались «бессознательные» мотивы по З. Фрейду, проявляющиеся в костюме. ... Вскоре Александр Романович написал и издал в Казани небольшим тиражом другую свою юношескую книгу: «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии», представляющую собой обзор работ по психоанализу. Несколько позже она вышла вторым изданием в Москве уже большим тиражом. Попытка А.Р. Лурия применять методы психоанализа в психиатрической клинике не дали определенных результатов. А.Р. Лурия приходит к выводу об ошибочности концепции З. Фрейда, о неправильности его объяснений человеческого поведения лишь «глубинами сознания» и игнорирования социального опыта» [47, с. 15-16]. «В конце 1921 г. А.Р. Лурия переезжает в Москву». ... «В 1922 г. началась перестройка научной работы Института психологии». ... «С осени 1923 г. А.Р. Лурия становится сотрудником Института психологии» [47, с. 19].

Таким образом, деятельность Лурия в качестве практикующего психоаналитика не только носила любительский и ученический характер, но и была весьма непродолжительной. Последнее не удивительно. В первые годы Советской власти психоанализ в нашей стране получил бурное развитие, будучи официально признанным и одобренным на самом высоком государственном уровне, что нашло свое выражение в появлении на советской почве фрейдомарксистских идей, открытии в Москве Государственного Психоаналитического Института, многочисленных переводах и

публикациях книг З. Фрейда и его последователей и т.д. Этот процесс шел по нарастающей примерно до середины 20-х годов. В 1925 г. у Выготского и Лурия еще были все основания констатировать: «У нас в России фрейдизм пользуется исключительным вниманием не только в научных кругах, но и у широкого читателя. В последнее время почти все работы Фрейда переведены на русский язык и выпущены в свет. На наших глазах в России начинает складываться новое и оригинальное течение в психоанализе, которое пытается осуществить синтез фрейдизма и марксизма при помощи учения об условных рефлексах и развернуть систему «рефлексологического фрейдизма» в духе диалектического материализма. Этот перевод Фрейда на язык Павлова, попытка объективно расшифровать темную «глубинную психологию» представляет собой живое свидетельство величайшей жизненности этого учения и его неисчерпаемых научных возможностей» [8, с. 29].

Но, как известно (см. [38], [39], [40], [45], [46], [52], [53] и др.), вскоре, уже к концу 20-х годов психоанализ в СССР фактически перестал существовать. Поэтому о психоаналитической карьере Лурия на протяжении 20-30-х годов можно говорить с определенной долей условности, имея в виду не столько практическую деятельность Лурия в качестве психоаналитика, сколько его работы, в которых непосредственно или в контексте других вопросов рассматриваются вопросы психоанализа. И хотя тему «Лурия и психоанализ» в настоящее время нельзя отнести к разряду запрещенных или забытых страниц истории психологии, о психоаналитических работах Лурия и о его взглядах на психоанализ, судя по нашей литературе, известно очень мало. Впрочем, виной тому в определенной степени сам Лурия: в автобиографии [29] он с изрядной долей иронии и как о чем-то не очень важном вспоминает о своем увлечении психоанализом в 20-е годы.

Немного мы можем узнать о психоаналитическом прошлом Лурия из работ по истории отечественной психологии, где рассматривается период становления советской психологии [12], [43], [44], [46]; в этих работах, также как и в работе Выготского [7] упоминается только одна статья Лурия – «Психоанализ как система монистической психологии» [19]. Аналогичная картина обнаруживается и в изданиях хрестоматийного плана: эта же статья Лурия повторно опубликована в книге В.М. Лейбина [31], а в более поздней «Антологии российского психоанализа» В.И. Овчаренко и В.М. Лейбина [39] к ней добавлена еще одна статья А.Р. Лурия – «К психоанализу костюма» [32].

Основным источником сведений и оценок относительно психоаналитической составляющей биографии Лурия остаются его воспоминания [29], его научная биография, написанная Хомской [47], а также работа Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» [7].

Характерно, что в материалах состоявшейся в 1997 г. в Москве первой международной конференции памяти Лурия [41], [42], как и в ранее вышедшем сборнике статей памяти Лурия [30], в статье Хомской «А.Р. Лурия и психологическая наука» [48] период 20-30-х годов в биографии ученого рассматривается либо только как подготовительная ступень для последующего, нейропсихологического этапа, либо в контексте вопросов о соотношении школ Выготского и Рубинштейна и о месте и роли Лурия в разработке культурно-исторического и деятельностного подходов. Нам представляется, что за всем этим стоит взгляд на 20-30-е годы научной биографии Лурия как не имеющие серьезного самостоятельного теоретического значения (по-видимому, за этим стоит более общий тезис, выражающийся в принципиальной недооценке самостоятельного значения периода 20-30-х годов в истории отечественной психологии в целом).

О кардинальном изменении ситуации в лучшую сторону в последние несколько лет в вопросе о психоаналитических взглядах Лурия свидетельствуют материалы посвященного А.Р. Лурия четвертого номера журнала «Вопросы психологии» за 2002 г. [1], [2], [5], [10], [11], [13], [14], [15], [16], [36], [37], [49], [50], а также выход в свет работы

А.Р. Лурия «Природа человеческих конфликтов» [34] и сборника его ранних работ «Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии» [35].

Исходя из вышесказанного, свою задачу мы видим в том, чтобы, составив по возможности исчерпывающий список психоаналитических работ Лурия 20-30-х годов, на основе их изучения раскрыть содержание психоаналитических воззрений Лурия, показать их в динамике и развитии, чтобы, в конечном счете, оценить их роль, место и значение в научной биографии Лурия.

О каких же психоаналитических работах Лурия должна идти речь? При изучении работ Лурия, опубликованных в период 1923-1940 г.г. на русском языке, непосредственно к психоаналитической тематике относятся пять работ: «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии» [17], «Психоанализ как система монистической психологии» [19], [33], предисловие (в соавторстве с Выготским) к книге З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» [18] и две статьи в первом издании Большой Советской Энциклопедии – «Влечение» (в соавторстве с И.Д. Сапиром²¹) [26] и «Психоанализ» [28].

Наряду с этим среди работ Лурия 1921-1940 г.г. можно указать по крайней мере еще пять статей, в которых тема психоанализа достаточно значимо представлена в контексте обсуждения более общих вопросов [20], [22], [23], [24], [25].

Исходя из сформулированной задачи, все эти работы мы рассмотрим в хронологическом порядке.

За пределами нашего анализа на данном этапе исследования остались психоаналитические работы Лурия, опубликованные в 20-30-е годы на иностранных языках: в 1922-1926 г.г. Лурия опубликовал за рубежом семь небольших заметок (отчетов), посвященных работе казанского психоаналитического кружка [54], Русского психоаналитического общества (РПСАО) [55] и общему положению психоанализа в СССР [56], [57].

Психоанализ в работах А.Р. Лурия 1923-1925 годов. Первой работой Лурия по психоанализу является его работа *«Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии»*, изданная в 1923 г. в Казани [17]. Эта небольшая, карманного формата книга представляет собой общий обзор психоаналитических работ начала 20-х годов, где Лурия, помимо изложения материала, высказывает свои оценки и делает обобщающие выводы. В предисловии, написанном в Казани в мае 1923 г., Лурия подчеркивает, что в данной работе основные принципы психоанализа он «хотел бы связать с главными тенденциями современной общепсихологической мысли», показав, «какое место психоанализ занимает теперь в науке о нервно-психической жизни личности» [17, с. 3]. Изложение материала при этом основывалось «главным образом на новой немецкой и американской психологической и психоаналитической литературе 1920-1922 г.г.» [17, с. 3]. В предисловии также указывается, что «материал предлагаемой книжки был использован для ряда докладов в Казанском Психоаналитическом Кружке» [17, с. 3].

В этой работе Лурия исходит из того, что психология находится в кризисе из-за ее «мозаичности», т.е. из-за того, что она изучает лишь отдельные элементы душевной жизни. Как следствие, психология не отвечает потребностям практики и прикладных дисциплин – психотехники, психотерапии, педагогики. Психоанализ оценивается юным Лурия как вариант и один из путей преодоления этого кризиса [17, с. 5]. Что же конкретно понимает Лурия под кризисом? Создается впечатление, что под кризисом имеется в виду некая граница, своего рода «берлинская стена», делящая и всю современную психологию и историю психологии на старую и новую. В то же время следует подчеркнуть, что если и можно говорить о каких-то «берлинских стенах» в этой работе Лурия, то только между старой и новой психологией, что удивительно, так как в остальных случаях никаких стен

---

²¹ Сапир Исая Давидович (1897-1937) – отечественный (советский) психиатр и психоневролог (см. [6, с. 464], [9, с. 29]).

нет – между русской (дореволюционной) и современной (советской, марксистской), между отечественной и зарубежной, рефлексологией и психоанализом и т.д.

Констатируя, что новая эпоха в развитии психологии, в отличие от старой экспериментальной, мозаичной психологии, прежде всего будет эпохой изучения «цельной человеческой личности», Лурия отмечает, что эта тенденция в России выражается у Павлова, Бехтерева, Лазурского, Корнилова, а за рубежом – в бихевиоризме и учениях Фрейда, Адлера, Юнга и др. [17, с. 6]. В самом психоанализе, который «за последние годы психоанализ из гонимой психологической школы стал классическим психологическим учением» [17, с. 7], есть ряд направлений, но все они объединены благодаря принципу изучения (душевной жизни) цельной человеческой личности. Более того, передовые направления и психологической, и психоаналитической мысли «заговорили общим языком и встретились на родственных принципиальных предпосылках» [17, с. 9]. С точки зрения Лурия, современная психология – это новая, принципиально иная психология по сравнению с психологией прежней, старой и мозаичной, и сближение современной психологии и психоанализа вовсе не случайно, т.к. и в новой психологии, и в психоанализе можно обнаружить общие принципы – «целостной, биологической психологии, динамического изучения и понимания человеческого поведения» [17, с. 10].

В отличие от старой психологии, психика в психоанализе изучается и понимается не как нечто пассивное, а как проявляющееся через отношение, влечение или отвращение: каждое психическое явление имеет «жизненную ценность, смысл» [17, с. 18]. Теоретическая сущность новой психологии, по Фрейду – это метапсихология [17, с. 18], изучающая личное отношение (активность), смысл, влечения; это «динамическая точка зрения» [17, с. 16], состоящая в изучении влечений, бессознательного и т.п.

Рассматривая, в частности, вопрос о применении исходных принципов психоанализа в изучении мышления, Лурия говорит о двух, с точки зрения психоанализа, пороках традиционной психологии мышления – *логистичности* и *мозаичности*, т.к. изучению подвергаются элементы мышления, не связанные с личностью (в целом), ее стремлениями и эмоциями, что не дает единого, целостного потока мысли [17, с. 19]. В противовес этому для «новой психоаналитической теории мышления», с точки зрения Лурия, характерны: «1) ее личностный характер, 2) изучение содержания мышления и заложенных глубоко в бессознательности его мотивов, и 3) динамическое объяснение развития тех или других интеллектуальных систем с точки зрения их индивидуальной жизненной ценности» [17, с. 20-21]. Таким образом, речь идет о влечениях, потребностях, о смысле и значении, о поведении и активности, т.е. фактически о том, что позже станет предметом и понятийным аппаратом в теориях деятельности А.Н. Леонтьева и С.Л. Рубинштейна.

При освещении вопроса о типах сексуальных влечений, подчеркивая, что «изучение типа сексуальной установки... во многих случаях является ключом к пониманию более сложных психических переживаний, до анализа которых не могла дойти старая психология» [17, с. 27], что «прообразом каждого влечения и всякой психической энергии Фрейд считает влечение сексуальное – одно из наиболее важных влечений личности» [17, с. 22], Лурия все-таки отмечает, что «половое влечение не всегда следует понимать грубо упрощенно» [17, с. 22]; «указанными типами сексуальных влечений не исчерпывается все многообразие мира человеческих потребностей и стремлений» [17, с. 27], так как есть другая группа потребностей – стремление к самосохранению и самоутверждению личности [17, с. 28].

Для Лурия важно подчеркнуть, что психоанализ механизмы влечений освещает «весьма близко» к учению об условных рефlekсах. «Рефлексологическая структура» [17, с. 31], по Лурия, в психоанализе видна в учении о цензуре, вытеснении и оживлении бессознательных «следов» (раздражение – реакция или торможение), о перенесении (переносе) как основном механизме неврозов. «По мнению Фрейда, влечение есть ощущение раздражения, но исходящего изнутри организма» [17, с. 31]. Удовлетворения

влечения Лурия характеризует как «рефлекс, направленный на то, чтобы реагировать на него (т.е. на влечение – С.Б.) повторением уже ранее бывшего состояния» [17, с. 31]; аналогично, невроз протекает по механизму рефлекса [17, с. 32]. Кроме этого, учение Фрейда о либидо Лурия сближает с учением «оригинального русского психолога» Л.И. Петражицкого «об аппульсивных и репульсивных эмоциях» [17, с. 23], прямо отождествляя аппульсивные эмоции по Петражицкому со связанными с либидо эмоциями по Фрейду.

В разделе «Приложение психоанализа к изучению жизни и личности» Лурия рассматривает два вопроса, посвященных психоаналитической характерологии и психоаналитическим учениям о культуре и обществе. Психоаналитическая характерология – это психоаналитическое «изучение конкретных личностей, их жизни и творчества» [17, с. 32] – Леонардо да Винчи, Данте, Р. Вагнера, Александра Македонского и др. Интересно отметить, что Лурия указывает также несколько психоаналитических работ, посвященных изучению личности русских писателей – Гоголя, Толстого, Достоевского; в том числе указывается и работа Н.Е. Осипова о Толстом, вышедшая в 1923 г. (правда, на немецком языке). Если до этого психологи (Штерн, Лазурский и др.) только описывали жизнь отдельных личностей, то психоанализ «задался целью вскрыть их внутренние мотивы, динамически объяснить жизнь и творчество человека» [17, с. 34], т.е. исследовать личность, учитывая условия раннего детства, семейного воспитания и т.д. При сравнении этой работы Лурия о психоанализе с тем, что пишет о психоанализе Выготский в работе «Исторический смысл психологического кризиса» (написанной, как известно, в 1926-1927 г.г.), можно прийти к выводу, что Выготский тоже отталкивался от констатации кризиса, но не придавал столь большое значение психоанализу как пути выхода из кризиса.

Как видим, работа Лурия «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии» несет на себе явные отпечатки того времени, когда она писалась: когда в СССР можно было создавать психоаналитические кружки, переписываться с самим Фрейдом, публиковать переводы работ Фрейда (издавалась целая серия книг по психоанализу – «Психоаналитическая библиотека» под редакцией И.Д. Ермакова), открывать государственный (!) психоаналитический институт, заниматься психоаналитической практикой и т.д. С точки зрения отражения в работе духа времени также показательным то, что Лурия при рассмотрении вопроса о механизмах психики (влечений и т.п.) фактически отождествляет подход Фрейда с подходами у Бехтерева и Павлова [17, с. 30 и далее]: именно в учении о механизмах влечений у Фрейда та же «рефлексологическая структура» [17, с. 31]. С нашей точки зрения, если бы Лурия столь же хорошо знал и классическую (эмпирическую) психологию, то он также мог бы говорить о сходстве, близости или даже тождестве учений Фрейда, Павлова или Бехтерева с классической психологией, т.к. у них все построено на механизме (принципе) ассоциации, идущем от Декарта.

В этой связи заслуживает внимания оценка данной работы Лурия Челпановым. В вышедшей в 1926 г. полемической брошюре «Психология или рефлексология?» Челпанов писал: «Следует упомянуть еще о типе психологов, которые все оставляют в прежнем виде и всю реформу психологии в духе марксизма видят только в том, чтобы вместо слова «психология» употреблять слово «рефлексология». К числу таких психологов относится Ал. Лурия (Ал. Лурия. «Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии». Каз. 1923). Будучи ассистентом Института экспериментальной психологии, он признает недостаточность «старой экспериментальной мозаичной психологии», думает ее заменить психоанализом, дополненным рефлексологией и реактологией. Цельную человеческую личность он надеется изучить при помощи слюнных рефлексов у собак, по методу Павлова. Что старую мозаичную психологию следует отвергать, это несомненно, но только не рефлексологу, ибо он по самому существу своего метода должен стоять на механической, т.е. мозаической точке зрения. Ал. Лурия написал «психологию внушения»

со всеми показаниями самонаблюдения, но чтобы не потерять как-нибудь облика марксиста, вместо «психология» внушения, написал «рефлексология» внушения. По Лурия, очевидно, для того, чтобы сделаться марксистом, нужно только назваться «рефлексологом», а затем все оставить в прежнем виде» [51, с. 25-26].

По большому счету работу Лурия можно оценить как теоретически наивную: ведь в итоге перед читателем открывается почти идиллическая картина всеобщего, образно говоря, братания на всех фронтах: и внутри самого психоанализа, и между психологией и психоанализом (вскоре эту методiku нахождения общих принципов Лурия в более явной и убедительной форме применит в статье «Психоанализ как система монистической психологии»). Но разве тогда не было критики в адрес психоанализа – и со стороны «старой» психологии, и внутри самого психоанализа? Работу Лурия можно рассматривать и как своего рода пропаганду психоанализа: это скорее ознакомительный, «рекламный», чем критический обзор.

Тем не менее уже в этой работе Лурия отчетливо демонстрирует такие свои черты ученого, как эрудиция (знание и умелое толкование первоисточников), работа с обширным списком иностранных авторов (как будто не было революций, гражданской войны, новых государственных границ и идеологических запретов), стремление к синтезу, стремление к новому, стремление иметь дело с личностью, человеком в целом, использование психологии в интересах практики, жизни, конкретного человека.

Для понимания содержания и направленности статьи Лурия «*Психоанализ как система монистической психологии*» [19], мы должны учитывать то, что в ней Лурия во многом опирается на свою предыдущую работу о психоанализе. Лурия демонстрирует хорошее владение английским и немецким языками, знание иностранных первоисточников, приводя ссылки из американских журналов, из работ немецких психологов и психиатров – Пфистера, Бинсвангера, самого Фрейда. Однако в этой статье, в отличие от обзора 1923 г., Лурия уже показывает себя сторонником марксизма и марксистской психологии. Основная идея Лурия в статье состоит в том, что психоанализ гораздо больше соответствует марксизму, чем традиционная эмпирическая психология. Характерно, что при этом Лурия излагает идеи эмпирической психологии в очень сжатом виде, схематично, в виде тезисов для критики; напротив, идеи психоанализа излагаются очень подробно, в то время как критика их дается весьма схематично.

Обсуждение вопроса начинается с того, что, ссылаясь на труды Конта, Дарвина, Павлова, Эйнштейна и на научные достижения марксизма, Лурия пишет об «основной методологии эпохи» и «общем методологическом фундаменте эпохи» и выдвигает тезис: «Каждое научное достижение, к какой бы области оно не принадлежало, всегда вводит некоторые новые методологические принципы, равно обязательные для всех смежных наук» [19, с. 47]. При этом Лурия как психолог-марксист исходит из постулата о том, что методология марксизма (т.е. диалектический материализм) «теперь может считаться безусловно-обязательной для целого ряда смежных областей знания» [19, с. 47], в том числе и для психологии.

Любопытно сопоставить этот приводимый А.Р. Лурия список составных частей «общей методологии эпохи» с тем, что примерно в то же время писал П.П. Блонский, обсуждая сходную проблему: «Открытия Гельмгольца, Павлова и даже Дарвина далеко не полностью объясняют все многообразие человеческого поведения и, прежде всего, не дают ключа к основной зависимости этого поведения – зависимости его от состояния производительных сил общества в данный момент. Это делает только марксизм, и только марксистская психология есть психология, действительно исчерпывающая свой предмет. Разумеется, в свой состав она включает все открытия современной науки, и в этом смысле, но только в этом смысле, марксистская психология включает в себя открытия великих биологов и физиологов нашего времени» [3, с. VIII-IX].

Опираясь, далее, на работы Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Бухарина и Корнилова, Лурия формулирует два принципа (две предпосылки) марксизма, «теперь

обязательных для всех позитивных наук» [19, с. 48]: материалистический монизм и диалектический подход к явлениям. Эти принципы «развертываются в марксизме в ряд отдельных более частных методологических требований» [19, с. 50]. Применительно к психологии реализация марксистских принципов (материализм и диалектика) означает, что во-первых, психология должна изучать не человека вообще, а социального, классового человека; во-вторых, не принимать сложные социально-психологические явления (идеологические надстройки, т.е. мышление, сознание, вообще «психический аппарат») как данное, «не верить им на слово», вскрывать за ними их социально-классовую сущность [19, с. 50]. Данный частный принцип Лурия называет «аналитическим», тем самым подчеркивая «внутреннее родство» (по методу) между марксизмом и психоанализом [19, с. 50-51].

Лурия описывает недостатки эмпирической психологии: изучение сознания методом самонаблюдения; искусственная экспериментальная обстановка; описание, а не объяснение; разложение психических явлений на гипотетические «атомы» и «элементы»; отказ от изучения «цельного человека» [19, с. 54]. Психоанализ, указывает Лурия, стремится «сгладить недочеты» (идеализм, метафизику) традиционной психологии. Лурия пишет в статье, например, что «психоанализ резко отмежевывается от классической школьной психологии» [19, с. 63]. Кроме того, Лурия приходит к выводу, что основные принципы классической психологии «не соответствуют предпосылкам, выставляемым методологией диалектического материализма» [19, с. 54]. Поэтому «возникает вопрос о коренной переделке здания психологии с точки зрения научной методологии диалектического материализма. Так ставится вопрос о психологии и философией марксизма, и психоанализом» [19, с. 54-55].

Цель Лурия состоит в том, чтобы показать совпадение методологических принципов в психоанализе и марксизме, и Лурия показывает, что психоанализ целиком отвечает всем марксистским принципам (требованиям, предпосылкам) – таким как изучение цельной личности, монизм, изучение психики в ее динамике и социальности, аналитический подход [19, с. 55]. Как видим, то, что Корнилов делал по отношению к своей психологии (реактологии), Лурия делает по отношению к психоанализу.

Лурия достаточно подробно показывает, как в психоанализе по отношению к личности реализуются принципы целостности, монизма и т.д. [19, с. 58 и след.]. При изложении идей Фрейда Лурия использует вполне рефлексологические понятия – реакции, раздражение, раздражитель, возбуждение. Это дает основания Лурия в конце статьи, ссылаясь на работы Бехтерева и его последователей, утверждать о наличии «принципиальной близости подходов психоанализа и рефлексологии» [19, с. 79, прим.].

При всем своем положительном (если не сказать – восторженном) отношении к психоанализу Лурия все-таки отмечает, что психоанализ не является «точной философской системой» [19, с. 60]. Однако и «марксизм в период своего возникновения не имел своей законченной чисто психологической теории личности» [19, с. 56], хотя вопросы о личности – о мотивах ее поведения, интересах, «толкающих личность на создание той или иной идеологической системы» «были бесконечно близки основателям марксизма» [19, с. 56]. Для подтверждения этого Лурия приводит ряд цитат из работ Маркса и Энгельса [19, с. 56-57].

Еще одно столь же серьезное критическое замечание в адрес психоанализа содержится в самом конце статьи, где Лурия пишет: «Чтобы система психоанализа еще ближе подошла к требованиям, предъявляемым методологией диалектического материализма, ей нужно было развить во всей полноте динамику, диалектику психической жизни и сделать третий шаг по пути целостного подхода к организму – ввести его в систему социальных влияний» [19, с. 80]. В примечании Лурия добавляет: «Только этим последним мы перейдем в учении нервно-психической деятельности от механического материализма к диалектическому» [19, с. 80].

Отсутствие ясных формулировок в психоанализе Лурия вслед за самим Фрейдом объясняет тем, что психоанализ – это система не «философского, но опытного знания» [19, с. 66]. И все же, несмотря на недостатки, «психоанализ сделал серьезный шаг на пути создания монистической психологии» [19, с. 66]. Монизм психоанализа Лурия видит в «психической энергии». Далее речь идет о внешних и внутренних раздражителях и соответствующих реакциях [19, с. 62-63]. Внутренние раздражители – это влечения. При этом «явление влечения» рассматривается психоанализом в «строго монистическом аспекте» [19, с. 63]. Монизм психоанализа Лурия видит в том, что влечения (а также личность, психика, вообще предмет психологии) являются понятиями «пограничными между психическим и соматическим», т.е. понятиями биологическими [19, с. 65]. В основном психоанализ интересуется внутренними раздражителями, и его монизм заключается в утверждении тезиса о «зависимости психических функций от раздражений органического порядка» [19, с. 65].

Излагая основные идеи психоанализа, Лурия обнаруживает сходные тезисы у Фейербаха. Тем самым подчеркивая сходство психоанализа и других современных идей не столько с марксизмом, сколько с его материалистическими предшественниками – Фейербахом и французскими материалистами. Об этом Лурия пишет прямо, хотя, как нам представляется, это необязательно должно говорить пользу марксизма. Действительно, что было бы толку, если бы мы видели у Дарвина только то, что уже было у его предшественников – Ламарка, Линнея? Вообще Лурия многократно повторяет (вслед за Фрейдом), что психоанализ – психология органическая, так как психоанализ интересуется «биологической причинностью» [19, с. 72], изучает «органическую основу влечений» [19, с. 74]. Следовательно, Лурия положительно оценивает (как близкое марксизму, Фейербаху, как монизм и т.д.) то, что потом станут негативно оценивать как «биологизаторство» учения Фрейда. В частности, образование характера в онтогенезе по З. Фрейду, т.е. в зависимости от эrogenных зон, Лурия прямо отождествляет по механизму с теорией условных рефлексов, указывая, что «механизм образования таких черт характера и привычек вполне совпадает, таким образом, с механизмом образования условных рефлексов на примитивной, органической базе» [19, с. 78], так как в теории условных рефлексов также изучается зависимость формирования характера от органов [19, с. 78-79].

Раскрыв основные психоаналитические идеи, в конце статьи Лурия излагает сущность психоанализа следующим образом: «Так закладываются основы психологии, построенной на фундаменте материалистического монизма, рассматривающего явления психической жизни как один из видов органических явлений, не проводящей никакой принципиальной границы между процессами, происходящими в отдельных органах человеческого тела, и психическими реакциями на них» [19, с. 79].

В этой статье хорошо виден синтетический подход Лурия к различным теориям, универсализм («всеядность») его научного мышления: Лурия готов использовать любые теории, лишь бы они прошли проверку на научность, обоснованность, соответствие фактам – или хотя бы выступали в качестве продуктивного эвристического средства.

В 1925 г. вышел в свет русский перевод работы Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» с *предисловием, написанным А.Р. Лурия совместно Л.С. Выготским* [18] (далее это предисловие мы будем цитировать по современному изданию [8]). Работа Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» на языке оригинала вышла в 1920 г., поэтому следует признать достаточно оперативным ее выход на русском языке. Такое в нашей стране было возможно, о чем мы уже говорили выше, только в очень ограниченный период – в первой половине двадцатых годов. Спустя всего лишь пять и тем более – десять лет выход этой книги на русском языке и с таким хвалебным предисловием был уже невозможен в принципе.

Публикация на русском языке книги Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» послужила Выготскому и Лурия поводом для того, чтобы высказать свое

отношение не только к этой работе, но и к Фрейду и фрейдизму в целом. Статья начинается с высоких оценок в адрес Фрейда: он – один из «самых бесстрашных умов нашего века», «революционер» (в науке), переживший «годы глухого отъединения», но ныне получивший «мировое признание» [8, с. 29]. Авторы статьи подчеркивают, что работу Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» «правоверные психоаналитики» стараются обходить молчанием; широкий круг читателей за границей и России относится к этой книге «с настоящим предубеждением, которое необходимо разъяснить и рассеять» [8, с. 30]. Причину такого отношения к данной работе Фрейда Выготский и Лурия видят в том, что содержащиеся в ней «ошеломляющие и неожиданные» выводы противоречат не только «незыблемым научным истинам», но и ... «основным положениям, выдвинутым в свое время самим же Фрейдом» [8, с. 30].

В чем же именно авторы предисловия видят основную заслугу Фрейда и, соответственно, основную идею его работы? Дело здесь заключается в том, что ранее, до выхода в 1920 г. книги «По ту сторону принципа удовольствия», Фрейд исходил из традиционных биологических представлений, считая стремление к сохранению жизни (своей и своего рода) и приспособлению к среде основными проявлениями жизненного процесса. В соответствии с этим Фрейд выводил два основных принципа (психической жизни) – принцип удовольствия и принцип реальности [8, с. 30-31]. Однако «факты, добытые психоаналитическим исследованием», заставили Фрейда обратиться к тому, что происходит «по ту сторону принципа удовольствия» и сформулировать тезис о принципе влечения к смерти как «основном, первоначальном и всеобщем принципе органической жизни» [8, с. 31].

Лурия и Выготский приводят два возражения идее Фрейда о влечении к смерти. Во-первых, у Фрейда при обосновании своей идеи умозрительные рассуждения часто заменяют недостаточный фактический материал; поэтому, может быть, следует говорить не о метапсихологии, а метафизике Фрейда? Во-вторых, не отрицает ли тезис о влечении к смерти основы научной биологии, не означает ли он собой «упадочную философию нирваны и смерти»? Авторы предисловия считают, что оба эти возражения «несправедливы» [8, с. 32]. У Фрейда – спекуляция, но научная. Лурия и Выготский подчеркивают сложность поднимаемых вопросов, отсутствие однозначных ответов, гипотетичность фрейдовских построений; обо всем этом пишет в работе сам Фрейд. В общем, «открытия Галилея точно так же уводят нас по ту сторону очевидности, как и открытия психоанализа» [8, с. 33]. Немного ниже в статье говорится: «Открытие новой Америки – страны по ту сторону принципа удовольствия – составляет Колумбову заслугу Фрейда, хотя бы ему и не удалось составить точную географическую карту новой земли и колонизовать ее. Искание истин, в конце концов, увлекательнее, поучительнее, плодотворнее и нужнее, чем найденная и готовая истина» [8, с. 34].

Если обычно исследователи шли от биологии к психологии, то в книге Фрейда наблюдается «обратный ход» научной мысли: движение от психологии к биологии, «от анализа человеческой психики к универсальным законам органической жизни» [8, с. 33]. Поэтому основные термины Фрейда – влечение, стремление и т.д. – это характеристика не столько психических сил и не философские оценки, сколько отражение «общих тенденций органической клетки», отражение «химических и физиологических процессов в живой клетке», направленных на «энергетическое уравнивание» (со средой) [8, с. 33]. Поэтому влечение к смерти – это у Фрейда только гипотеза, но гипотеза научная. В дальнейшем (в работе «Я и Оно» и др.) на ее основе Фрейд развил свои мысли – об амбивалентности, инстинкте разрушения и т.д. Влечение к смерти консервативно, т.к. оно обусловлено предшествующим состоянием. Это означает ни меньше и ни больше (и в этом особая ценность идеи Фрейда), как окончательное расставание «со всякой телеологией в области психики и биологии» [8, с. 34]. По мысли Фрейда, многоклеточный организм нейтрализует влечение к смерти отдельной клетки, и точно также социальный

организм нейтрализует влечение к смерти (отдельного) человека, сублимирует их, превращая в «творческие импульсы социального человека» [8, с. 34].

Переходя к оценкам, авторы предисловия отмечают, что еще до выхода русского перевода книги Фрейда «в русских научных кругах началась оживленная дискуссия по задетым в ней вопросам», причем высказывалось мнение, что Фрейд вступил на путь, «далеко не совпадающий с путем современного материализма» [8, с. 34]. Выготский и Лурия выступают против этого мнения, показывая [8, с. 34-36] прежде всего биологическую составляющую в построениях Фрейда. Все построения Фрейда в этой книге, считают авторы предисловия, направлены на «построение общей биологии психической жизни» [8, с. 35], психика вводится Фрейдом в этой работе «в круг общебиологических явлений» [8, с. 35]. Тезис о влечении к смерти – это попытка Фрейда «отойти от чисто психологического понятия «влечение», вскрыть в нем его глубоко биологическую сторону» [8, с. 35]. «От чисто психологического подхода к принципам психической жизни и влечениям – к биологическому подходу к ним – вот путь этой книги, углубляющей прежние построения Фрейда» [8, с. 35].

Но если признать наличие влечения к смерти, этой консервативной «тенденции сохранения неорганического равновесия», то как же тогда объяснить историческое развитие человечества? Ответ Фрейда авторы предисловия оценивают как «в высокой степени интересный и глубоко материалистический»: «понуждают к прогрессу, к деятельности» внешние силы, или, как переводят авторы предисловия это на свой язык, «внешние условия материальной среды, в которой существует индивид» [8, с. 35].

Психология Фрейда, как считают авторы предисловия, социологична. По Фрейду, история человеческой психики складывается «из двух тенденций: консервативной – биологической и прогрессивной – социологической» [8, с. 36]. Из этих моментов складывается «диалектика организма», отсюда вытекает «спиральное» развитие человека. Поэтому книга Фрейда – это шаг вперед, а не назад на пути к построению «цельной монистической системы» [8, с. 36]. В связи с этим еще раз подчеркивается одна из основных мыслей самого Фрейда, который писал: «Мы можем исправить много наших ошибок, когда мы заместим наши психологические термины физиологическими и химическими» [8, с. 36].

В конце предисловия Выготский и Лурия пишут, что «буржуазная наука рождает материализм; роды эти часто бывают тяжелыми и затяжными; но надо только найти, где зреет в ее недрах материализм – найти, чтобы сохранить и использовать эти ростки» [8, с. 36], очевидно, перефразируя сказанные Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» слова о том, что буржуазная наука в муках рождает диалектический материализм.

Основное достоинство работы Фрейда для Выготского и Лурия заключается в ее эвристичности – и в плане выхода в новую область фактов («открытие новой Америки»), и в плане метода, т.е. путей и средств того, как это делалось («научная смелость» и т.д.). Пожалуй, это предисловие является одной из вершин позитивного отношения в Советской России к психоанализу.

Как видим, в данном предисловии доказательство того, что Фрейд – «свой», осуществлено более тонким и глубоким способом, чем в статье Лурия «Психоанализ как система материалистической психологии» [19]. Если в статье Лурия фактически доказывается соответствие психоанализа марксистской философии, то в данном предисловии доказывается соответствие психоанализа марксистской идеологии, куда входили составными элементами в середине двадцатых годов не только собственно марксистские и материалистические (философские, научные), но и рефлексологические и бихевиористские идеи.

Хотя в предисловии утверждается, что тезис Фрейда о влечении к смерти, как и фрейдизм вообще, соответствует «современному материализму», раскрывает «диалектику организма» и т.д., это утверждение здесь все же не главное и не единственное. Оно – лишь

одно из утверждений, позволяющих признать Фрейда своим. Более существенными здесь являются два утверждения, одинаковых, как показывают авторы предисловия, в психоанализе и в науке и философии (идеологии) в Советской России.

Первое утверждение Лурия состоит в следующем: Фрейд с его идеей влечения к смерти также, как наша наука (Павлов, Бехтерев и др.), идеология в целом, стремится найти биологические, физиологические и даже химические детерминанты психики. Фрейд – биологизатор, но мы – то же, поэтому Фрейд близок нам, интересен и нужен.

Согласно *второму* утверждению, идея Фрейда о консервативной биологии организма, которую можно и надо переделывать извне, также полностью совпадает с присущей марксистской идеологии (и особенно – в то время, в середине 20-х годов) идее о пластичности человеческой природы, о безграничных возможностях переделки человека путем изменения внешних, социальных условий.

Психоанализ в работах А.Р. Лурия 1926-1940 годов. В работах Лурия 1926-1940 годов тема психоанализа проходит на втором или даже на третьем плане. Тем не менее учитывать эти отдельные высказывания Лурия о психоанализе представляется важным и необходимым, т.к. позволяет проследить определенную динамику в отношении Лурия к психоанализу в этот период. Мы рассмотрим *восемь* статей Лурия: «Принципиальные вопросы современной психологии» [20], «Исследование объективных симптомов аффективных реакций (Опыт реактологического исследования массового аффекта)» (совместно с А.Н. Леонтьевым) [21], «О системе психологии поведения (Принципы ее построения)» [22], «Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций (Экспериментально-психологическое исследование)» [23], «Пути развития детского мышления» [24], словарная статья «Влечение» в первом издании БСЭ [26], «Экспериментальные конфликты у человека» [25] и «Кризис буржуазной психологии» [27].

Статья «*Принципиальные вопросы современной психологии*» [20] начинается с критики традиционной (классической, «школьной») психологии как неактуальной, отжившей свое и т.д. [20, с. 129]. Но в общем и в критике традиционной ассоциативной психологии, и в изложении основных идей гештальтпсихологии у Лурия ничего нового и оригинального не видно. В то время считалось хорошим тоном (особенно среди нового, молодого поколения психологов) всячески критиковать старую психологию и возносить новые направления за их актуальность, объективность, практическую направленность и прочие достоинства.

Лурия делит всю психологию на старую (идеалистическую и т.д.) и новую, практическую, подчеркивая, что предметом новой психологии, ориентирующейся на практические потребности жизни, является «поведение человека, живущего в вполне определенных условиях общества» [20, с. 129]. В качестве новых практических направлений Лурия упоминает психотехнику, медицинскую, педагогическую и криминальную психологии, психологию коллектива и «учение о поведении животных» [20, с. 129-130]. Но причислять Лурия к бихевиористам было бы большой ошибкой (также, как и большинство советских психологов в то время – Корнилова, Блонского, Выготского, Струминского и других), так как поведение как предмет новой психологии трактуется ими предельно широко, включая в себя, помимо бихевиоризма, психоанализ, гештальтпсихологию, а также марксистские представления о психике, сознании и т.д. Это, в частности, видно из высказываний Лурия о том, что «современные психологи в общем и целом все согласны с тем, что психология изучает поведение человека и его отношение к среде» [20, с. 130]. О том, насколько Лурия стремился синтезировать отечественную и зарубежную психологию, можно судить из его сказанных в заключение статьи слов о том, что «новая немецкая психология дает нам блестящие иллюстрации первой части этого положения; будем надеяться, что науке удастся со временем подтвердить на материале поведения человека правильность и второй части диалектической тезы» [20, с. 139].

Статья Лурия и Леонтьева «Исследование объективных симптомов аффективных реакций (Опыт реактологического исследования массового аффекта)» [21] была написана в 1924 году: хотя в выходных данных сборника стоит 1926 г., предисловие редактора (Корнилова) подписано 1 марта 1925 г., а в самой статье в конце указано: «Москва, май – ноябрь 1924 г.» [21, с. 98]. Впечатляет список цитированной литературы, занимающий более двух страниц убористого текста, где мы видим ссылки на литературу на русском, немецком и английском языках [21, с. 98-100]. Несмотря на реактологический язык, данная статья фактически посвящена экспериментальному изучению психоаналитических проблем, связанных с образованием и функционированием аффективных комплексов. В статье неоднократно указывается, что основной задачей является раскрытие механизмов аффективного поведения. Суть позиции авторов хорошо прослеживается в определении одного из центральных понятий статьи: «Аффект – результат адекватно неотреагированной реакции» [21, с. 97]. Подчеркнем, что понятию «отреагирование» Леонтьев и Лурия придают очень большое значение, причем только в самом конце статьи читатель узнает, что «отреагирование» – это же самое, что и «катарсис» у Брейера и Фрейда [21, с. 97-98].

Полученные с помощью сопряженной моторной методики экспериментальные данные позволяют авторам утверждать, что «скрытая борьба, происходящая в среде словесных реакций, открыто отражается на моторных реакциях испытуемого» [21, с. 87], что «нарушения моторных симптомов не только стоят в интимной связи с аффективными реакциями, но и отражают их существенные механизмы» [21, с. 92].

В частности, изучение статистики по вопросу о распределении моторных симптомов в зависимости от характера раздражителя (т.е. от того, какое слово предъявляется – индифферентное, критическое, посткритическое или сомнительное) показывает, что «моторные нарушения сопровождаются главным образом процессом аффективного реагирования» [21, с. 93]. Не менее важен вывод о том, что «в повторных опытах, следующих непосредственно за «отреагированием аффекта», число нарушенных моторных реакций резко падает, а характер моторных реакций приближается к норме» [21, с. 95].

Основное содержание статьи авторы резюмируют в заключительном разделе «Теоретические выводы» [21, с. 95-98], где, в частности, подчеркивают: «Моментом кардинальной важности» авторы считают то, что аффективное поведение характеризуется общим нарушением иннервации организма не только в отношении дыхания, пульса, расширения и сужения стенок сосудов и т.д.; особенно сказываются аффективные реакции и на всяких иных параллельно протекающих нервно-психических реакциях, нарушая последние в отношении их координации, формы и интенсивности» [21, с. 96].

В итоге Леонтьев и Лурия приходят к выводу, что полученные ими данные экспериментально подтверждают то, что «всегда делалось психоаналитической терапией, которая ставила себе целью, вскрыв основные аффективные травмы, заставить больного в тех или иных формах отреагировать их, растормозить заторможенную реакцию, чтобы сделать его здоровым» [21, с. 98].

В статье «О системе психологии поведения (Принципы ее построения)» [22] Лурия констатирует «господствующий кризис» в современной психологии и в связи с этим ставит задачу по построению системы психологии, что дало бы возможность «понять отдельные виды поведения человека с точки зрения определенного единого принципа» [22, с. 53]. Отсутствие такого принципа при изучении сложных психических процессов (мышления, эмоционального поведения) ведет – в частности, в рефлексологии (Арямов и др.) – к возврату к «мозаичной», как пишет Лурия, психологии, когда перечисляются отдельные психические процессы, но связи между ними не находятся, не включаются в единую систему. И в этой статье Лурия исходит из понимания психологии как науки о поведении. Цитируя американских авторов, Лурия указывает, что «все современные

психологи в общем и целом согласны с тем, что психология изучает человеческое поведение, иначе говоря – систему отношений организма к среде» [22, с. 54].

Основное содержание статьи составляют комментарии к составленной Лурия «схеме форм человеческого поведения» [22, с. 57-58], где поведение (реакции) рассматривается как функция от независимых переменных – раздражителей, ситуации, среды. Усложнение ситуации приводит, с точки зрения Лурия, к тому, что 1) увеличивается латентный период реакции, 2) меняется ее направление (изменение среды или же изменение своего организма, своего поведения), 3) изменяется структура, схема, качественная характеристика реакции. Комментируя схему, Лурия подчеркивает качественное своеобразие выделенных форм поведения и выступает против «примитивно-механистической» (редукционистской, как мы сказали бы сейчас) тенденции свести сложные формы человеческого поведения к простым элементам – рефлексам, идеям, ощущениям; в связи с этим Лурия не упускает случая напомнить о работах Вертгеймера и Келера, содержащих «блестящую критику» «старой ассоциативной психологии» [22, с. 64].

В заключение Лурия пишет, что «основная ошибка такой тенденции заключается в том, что эти авторы игнорируют диалектическое положение, указывающее что при количественном изменении условий мы можем получать новые качественно-своеобразные образования. А в этом диалектическом принципе и состоит сущность и характерная черта всех жизненных процессов, в особенности же процессов поведения» [22, с. 64].

В статье «Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций (Экспериментально-психологическое исследование)» [23] Лурия предложил свою методику исследования аффективных реакций. И в чисто теоретическом, и в чисто методическом плане Лурия опирался на достижения современной ему психологии, не забывая критиковать метод самонаблюдения [23, с. 53], [23, с. 66]. В статье можно увидеть такие исходные составляющие, психоанализ, юнговский ассоциативный эксперимент, реактологические идеи Корнилова и т.д. В то же время, зная последующую научную биографию Лурия, эту статью можно рассматривать как один из этапов на пути ученого к нейропсихологии. В статье Лурия дает свое понимание организма как совокупности «сопряженных сфер», как единство отдельных «систем внутриорганического равновесия», ссылаясь при этом уже не на Бухарина, а на Шеррингтона, упоминая также свою работу 1926 г., где поведение им рассматривается как механизм поддержания равновесия между организмом и средой (как внешней, так и внутренней). Лурия, ссылаясь на исследования афазии, на работы Корнилова и А. Адлера, на исследования взаимосвязи органов и их функций (внутренняя секреция, нервно-мышечное взаимодействие и т.п.), обращает внимание на взаимосвязь («интерреляцию») не только на уровне периферических процессов (в парных внутренних органах и т.п.), но и между «периферическими процессами и центральными моментами поведения» [23, с. 46-47]. Это означает, что «путем изучения определенной системы мы имеем возможность изучать и другую, не находящуюся под нашим непосредственным контролем, но сопряженную с ней систему» [23, с. 47].

Суть предлагаемой методики Лурия выражает следующим образом: «Сталкивая отдельные нормально протекающие процессы поведения между собой, мы сможем вызвать «конфликты», в которых скрытые внутренние процессы смогут сделаться резкими, «острыми», а лежащие в их основе механизмы – доступными для наблюдения» [23, с. 48].

Понятие «комплекс» Лурия почти во всех случаях в статье употребляет в кавычках, тем самым не принимая традиционной трактовки этого понятия. «Комплекс» Лурия определяет как задержанный, заторможенный аффект [23, с. 73, прим.]. Затем Лурия использует более приемлемый для него термин – «очаг» [23, с. 86]. Хотя Лурия часто пишет в статье и о гештальтах, используя соответствующие термины на немецком языке (Gestalt – форма, gestaltete – оформленные и т.д.), все-таки сторонником гештальтпсихологии его нельзя назвать. Скорее, как мы уже отмечали выше, Лурия

можно назвать, характеризуя его отношение к различным психологическим теориям, «всеядным».

Одно из центральных (если не центральное) понятий в статье (и в других работах Лурия второй половины двадцатых годов) – понятие «конфликт». Так, Лурия пишет о «конflikте возбуждающих и тормозящих импульсов» [23, с. 79], о «нормальном и нарушенном человеческом поведении» [23, с. 99]. По Лурия, расстояние между психоанализом и рефлексологией очень мало. Например, у Павлова речь идет о срывах и ошибке, а в психоанализе то же самое явление характеризуется как амбивалентность [23, с. 73]. В конце статьи Лурия еще раз демонстрирует свое понимание психологии как науки о поведении и подчеркивает значимость физиологической детерминации: «Мы уверены, что изучение моторики представляет собою богатейшую область науки о поведении человека и может служить путем к познанию тех механизмов высшей нервной деятельности, которые без нее оставались подчас недоступны» [23, с. 99]. В этих словах мы можем видеть не столько критику, сколько мягкое указание на недостаточность уж не в адрес эмпирической психологии, а в адрес рефлексологии и теории высшей нервной деятельности.

В работе Лурия *«Пути развития детского мышления»* [24] речь идет об экспериментах Келера, Пиаже, в статье делаются многочисленные ссылки на работы Липмана, Богена, Келера, Фабра, Вагнера, Вернера, Блонского, Выготского, Йенша, Клапареда, Пиаже, Штерна, Вертгеймера. Статья представляет собой изложение различных экспериментов, по форме являясь обзорной, насыщенной информацией работой на тему «Экспериментальные исследования детского мышления в современной психологии» (в основном – зарубежной). Для нас важно отметить, что в вопросе о трактовке игры в статье в завуалированном виде (в марксистской «оболочке») представлена одна из основных психоаналитических идей: Лурия пишет о том, что «игра в большей степени устраняет из обихода ребенка категорию необходимости», что игра ребенка находится «по ту сторону категории необходимости» и т.п. [24, с. 119]. Эти формулировки являются хорошим наглядным примером того, как Лурия переводит мысль с одного (научного, философского, идеологического) «языка» на другой: то, что в психоанализе называется «принципом реальности», у Лурия как психолога-марксиста обозначается «категорией необходимости».

Статья *«Влечение»* [26] опубликована в 1930 г. и занимает почти пять столбцов текста (что весьма показательно по сравнению со статьей Лурия «Психоанализ» [28], занимающей чуть меньше трех столбцов). В начале статьи дается определение влечения, излагается его понимание в «классической субъективной психологии» (у В. Вундта) и в «новой психологии» (в «новейших работах в области психологии»). Затем идут пункты: «физиологическая сторона влечений», «влечения с сравнительно-психологической точки зрения», «классификации влечений», «развитие влечений», «динамика влечений». Основное внимание в статье уделено трактовке влечения в психоанализе. Это видно и по содержанию статьи, и по приводимой в конце статьи литературе. В списке литературы Лурия указывает книги на русском языке (переводы) и на английском – работы Вундта, Торндайка, Мак-Даугалла, Brentano и Фрейда (пять книг). Влечение Лурия определяет как «один из важнейших видов поведения», как «активное состояние организма, вызванное каким-нибудь внутренним побуждением и направленное обычно на какой-нибудь объект» [26, ст. 610]. Обычно влечения проявляются в виде стремлений, причем эмоционально окрашенных.

Изложение истории вопроса Лурия начинает с рассмотрения концепции влечений в «классической субъективной психологии». В частности, Вундт характеризовал влечение как эмоциональное, неясное стремление, импульс, из которого впоследствии образуется «сознательное волевое действие» и воля. Влечение в субъективной психологии понимается как «чувство плюс двигательная тенденция» [26, ст. 611]. Вследствие этого эмоции и влечения у психологов-субъективистов «часто мало отличаются друг от друга»

[26, ст. 611]. В целом в субъективной психологии изучение влечения носило метафизический характер, т.к. не связывалось с лежащими в его основе «материальными физиологическими процессами» [26, ст. 611]. Иной подход к влечениям содержится в «новейших работах в области психологии», в «новой психологии» [26, ст. 611].

Здесь Лурия формулирует тезисы, ранее им уже выдвигавшиеся в других своих работах. Во-первых, Лурия рассматривает поведение как систему реакций на определенные раздражители, выделяя при этом наряду с внешними раздражениями также раздражения внутренние (идушие из внутренней среды организма). Во-вторых, Лурия при рассмотрении влечений стремится учесть не только биологическую, но и социальную детерминацию влечений и, более того, учесть обе детерминации во взаимодействии и единстве. Лурия подчеркивает, что «деятельность влечения всегда протекает в социально обусловленных формах», поэтому «разделение влечений на биологические и социальные неправильно; влечение есть эндогенный процесс, проявляющийся всегда в определенных социальных формах» [26, ст. 611].

Эти два принципа – (1) дифференциация внешних и внутренних раздражителей и (2) рассмотрение в единстве физиологической и социальной детерминации – весьма характерны для взглядов Лурия 20-х годов. Похоже, что с точки зрения Лурия именно эти принципы прежде всего характеризуют «новую психологию».

Первый принцип, очевидно, направлен против традиционной субъективной психологии, которая рассматривала психику как самодостаточную сущность, абстрагируясь при этом от физиологической детерминации. Второй принцип можно рассматривать как противоположность тезису о детерминации психики только внешними, социальными факторами, условиями, внешней средой, внешними объектами. Лурия хочет избежать односторонности в решении биосоциальной проблемы и потому фактически приходит к «теории (учета) двух факторов». В связи с этим подчеркнем, что «сопряженная моторная методика» Лурия есть ни что иное, как конкретно-методическая, экспериментальная реализация понимания предмета психологии как поведения, проявляющегося и в сфере сознания, и в сфере моторики.

При раскрытии физиологической стороны влечений Лурия подчеркивает, что все влечения в той или иной степени связаны с деятельностью желез внутренней секреции, вегетативной нервной системы и нейродинамическими процессами в полушариях мозга. В качестве примера – как мы понимаем, минимальной физиологической детерминации влечения – Лурия упоминает «квази-потребности» по К. Левину.

При рассмотрении влечений с сравнительно-психологической точки зрения Лурия пишет об их близости к таким врожденным формам поведения у животных, как инстинкты; примитивные, появляющиеся у человека с самого рождения формы влечений могут называться человеческими инстинктами. В связи с этим Лурия указывает, что «в английской и американской литературе понятие влечения выражается термином «instinct» [26, ст. 612].

Лурия весьма критически отзывается о ряде (редукционистских, биологизаторских, как мы сказали бы сейчас) классификаций влечений – в бихевиоризме, у Торндайка и Мак-Дауголла, – построенных на понимании влечения как инстинкта, т.е. примитивной, врожденной формы поведения, а человека в целом – как «зоологического» существа [26, ст. 612]. Еще более негативно Лурия отзывается о классификации влечений у Фрейда. Лурия приводит раннюю классификацию Фрейда (сексуальные влечения и влечения «Я») и более позднюю (влечение к жизни и влечение к смерти). Эти классификации (включая, по-видимому, не только психоанализ, но и американскую психологию) Лурия оценивает как «абстрактно-биологические» [26, ст. 613]. «Научно-материалистический подход», напротив, должен учитывать не только примитивные, но и сложные формы влечений, «возникших в конкретной социальной обстановке», например, влечения «к различным видам трудовой, организаторской, научной и т. п. деятельности» [26, ст. 613]. «Длительная неудовлетворенность таких влечений», подчеркивает Лурия, может

приводить, как и в случае с примитивными влечениями, к патологическим состояниям [26, ст. 613].

При рассмотрении вопроса о развитии влечений Лурия снова обращается к теории Фрейда (развитие полового влечения у детей, смена эрогенных зон, регрессия и т.д.), подчеркивая (как и выше, в вопросах об определении и классификациях) необоснованность сведения к примитивным формам (сексуальности) «большого количества сложнейших проявлений человеческой деятельности» [26, ст. 614].

И в вопросе о динамике влечений Лурия пишет о том, что «лучше других изучена динамика примитивных влечений в психоанализе» [26, ст. 614]. Далее Лурия указывает варианты трансформации «неприемлемых, с точки зрения социальных норм» [26, ст. 614], влечений – вытеснение и сублимацию. В связи с этим Лурия дает свое понимание проблемы влечений, в частности, пишет о соотношении примитивных (простых) и сложных (высших) влечений.

Лурия пишет: «Учение о сублимации отражает в себе все основные недостатки теории Фрейда. Не следует думать, что высшие социальные формы человеческой деятельности являются актуально связанными с примитивными влечениями и должны быть целиком сведены к ним. Сложные влечения могут возникать на базе простых, но, раз возникнув, они носят вполне самостоятельный характер; при этом следует иметь в виду, что всякое (а не только половое. Как на этом настаивает Фрейд) влечение при известных условиях может переключаться на другое влечение и что возникновение этих переключений обуславливается конкретной социально-исторической средой» [26, ст. 614-615].

В заключение Лурия отмечает: «Учение о влечениях представляет важную главу учения о внутренних биологических стимулах человеческого поведения и об их конкретных социальных формах. Дальнейшие исследования должны идти по линии уяснения материального субстрата источников влечений и законов их социального проявления» [26, с. 615].

Таким образом, при всем критическом отношении к психоанализу Лурия вынужден практически по всем аспектам вопроса о влечении (определение, виды, генезис, динамика) опираться на Фрейда. Лурия еще не готов противопоставить теории Фрейда свою теорию (научно-материалистическую, научно обоснованную и т.д.). Лурия пишет о том, как следует правильно понимать влечения, но только на уровне исходных принципов: надо учитывать не только примитивные, но и сложные формы влечений, изучать детерминацию влечений как со стороны физиологической, так и социальной и т.д. Поэтому вся критика Лурия по большому счету является довольно абстрактной.

Как и в других работах, у Лурия психоанализ представлен только работами Фрейда (за исключением нескольких ссылок на ассоциативные эксперименты Юнга), и ни о каких разногласиях и разночтениях внутри психоанализа речи не идет, что в любом случае может быть объяснено очень большим для Лурия авторитетом Фрейда как теоретика и оригинального, творческого мыслителя. Кроме того, внимание Лурия к вопросу иерархии влечений (примитивные, высшие, простые, сложные) можно оценить как следствие совместно с Выготским и Леонтьевым осуществляемой программы построения культурно-исторической психологии: достаточно вспомнить проблему соотношения (особенно – в генезисе) низших и высших психических функций.

Статья *«Экспериментальные конфликты у человека»* [25] – это очень большая по объему работа Лурия, занимающая сорок страниц текста. В начале статьи Лурия дает свое понимание аффекта как поведения, дезорганизация (нарушение приспособительной функции) которого носит острый, но кратковременный характер; в случае более глубокой, длительной и затяжной дезорганизации следует говорить о неврозе. Лурия ставит вопросы об исследовании – в искусственных, экспериментальных условиях – условий возникновения и механизмов дезорганизации поведения человека [25, с. 97], ссылаясь на свои работы по данной проблеме, опубликованные в 1926-1929 годах. Лурия использует

новое понятие «комплексные реакции», когда пишет об изучении им ранее «аффективных и комплексных реакций» [25, с. 98]. Причины аффекта Лурия видит в том, что «нейродинамический процесс оказывается заторможенным», что он не может быть естественным образом «отреагирован» [25, с. 98-99]. В трактовке причин конфликта (сильный раздражитель, большие препятствия реализации тенденций индивида, столкновение противоположных тенденций) Лурия ссылается на работы К. Левина 1926 и 1929 годов [25, с. 99]. Речь идет об экспериментальных конфликтах, не достигающих по своей силе аффекта, но приводящих к нарушению (дезорганизации) поведения, а именно, об «интеллектуальных конфликтах» [25, с. 100], дающих, как подчеркивает Лурия, «возможность выяснить интересующие нас механизмы в наиболее чистом виде» [25, с. 100].

Особого внимания заслуживают слова Лурия о том, что «все (! – С.Б.) излагаемые опыты находят свою мощную поддержку в физиологических исследованиях академика Павлова, посвященных «сшибкам», столкновениям рефлексов и наблюдению тех специфических нарушенных состояний нервной системы, которые из этого возникают» [25, с. 100, прим.]. Лурия подчеркивает, что он ставит аналогичную проблему, но только на человеческом материале, что требует применения иных методов [25, с. 100, сноска].

Все это достаточно далеко у Лурия как от психоанализа, так и от марксизма. Если Лурия считает необходимым сослаться на кого-то для «поддержки», то, как это мы видим в данной статье, только на Павлова. У Лурия в статье периодически появляются по ходу дела специфические термины, не получающие дальнейшего уточнения (или далее вообще не упоминаемые) – такие, как «конфликт второй степени» [25, с. 115], «обратная установка» [25, с. 117], различие «речевых реакций» и «комплексных реакций» [25, с. 126] и т.д. В выводе по результатам Лурия пишет о «тенденциях» – например, о «конflikте тенденций» [25, с. 116], – в частности, при упоминании экспериментов К. Левина. Характерны и слова Лурия о том, что «при разыгрывающемся конфликте установок мы можем наблюдать появление в той или иной степени тех признаков нарушения правильного течения ассоциативных процессов, которые в классических работах принято считать симптомами «комплексов»» [25, с. 122].

Вывод Лурия: те нарушения, которые получились у него в экспериментах, наблюдались им ранее – у преступников и «при искусственных аффектах» [25, с. 137]. Другими словами, искусственно созданные в эксперименте нарушения – это своего рода «модель» [25, с. 137] естественных аффективных и комплексных реакций.

В статье «Кризис буржуазной психологии» [27] Лурия пишет о том, что «советская психология стоит сейчас перед новой эпохой величайшего исторического значения», что необходимы «пересмотр всего наследства буржуазной психологии» и «перестройка всего здания психологической науки на основе марксистско-ленинской теории» – для того, чтобы вывести психологию из «глубочайшего кризиса» [27, с. 63].

В данной статье Лурия, специально не оговаривая и не обосновывая, исходит из представления о двух психологиях – советской и буржуазной, принципиально противоположных друг другу. Еще пару лет назад и тем более в начале и в середине двадцатых годов такого – идеологического и по форме, и по содержанию – тезиса вообще не было. Противопоставлялись друг другу психологии объективная и субъективная, материалистическая и идеалистическая, психология как наука о сознании и как наука о поведении, марксистская и не марксистская и т.д. Однако при всей своей критичности тезис о двух психологиях, противоположных друг другу – советской и буржуазной, – далек от полного и однозначного отрицания «с порога» всей буржуазной психологии. Советскую психологию Лурия упрекает не только «в некритическом усвоении ряда буржуазных психологических теорий» [27, с. 63], но и в том, что некритическое отношение к ним «препятствовало тому, чтобы, преодолевая их, брать из них то истинное, проходить мимо чего было бы непросительным легкомыслием» [27, с. 64].

Основной критический тезис Лурия формулируется следующим образом: «Из глубин биологии нельзя вывести сознания современного человека иначе, как сведя его к элементарным физиологическим процессам (механицизм) или обратившись к нераскрытым до конца силам духа (идеализм)» [27, с. 65]. Из этих слов можно сделать вывод, что Лурия видел различные (крайние) подходы в психологии, но сводил их к одной позиции, противоположной марксистской. Суть этого «основного расхождения марксизма со всеми буржуазными школами в психологии» [27, с. 66] заключается, по Лурия, в том, что марксизм (и вслед за ним – марксистская психология) идет от сознания (личности) вовне, наружу – в общество, в общественные отношения. Напротив, буржуазная психология идет (при попытке понять сознание, личность, психику) вглубь, внутрь – будь то глубины духа и сознания или биологические (физиологические, наследственные) детерминанты. Следовательно, для Лурия при поиске детерминант предмета психологии важно не столько содержание (биологическое ли оно или духовное), сколько, так сказать, направление: сверху вниз (от социума к психике) или же снизу вверх (от биологии к психике).

Указывая на таких ученых, как Штерн, Фрейд, Шпрангер, Вертгеймер и Крюгер и их школы, Лурия пишет, что «в решении вопроса о том, как складывается живая человеческая личность, что является основным ее двигателем и где нужно искать определяющие мотивы ее поведения, все буржуазные психологические школы обнаружили полное единство», а именно, «ни в одной из этих школ исторический процесс, объективно существующий и независимый от человека, не был привлечен к решению проблемы человеческой психики». Напротив, «внимание ученых было решительно направлено в сторону от социального поведения личности к ее примитивным корням, от сознательных систем регуляции – к бессознательному, от общественного человека – к глубинной биологической личности» [27, с. 70].

Затем Лурия переходит к критическому анализу взглядов Фрейда [27, с. 70-73]. С точки зрения Лурия, подход Фрейда к проблеме личности прямо противоположен историческому, т.к. истоки причин («двигателей») человеческого поведения Фрейд видит «в далекой предыстории, быть может – в тайниках биологии личности», в связи с чем «изменения, вносимые общественной жизнью в психику человека, в общем однозначны во все исторические эпохи и сводятся к чисто негативным функциям сдержки, вытеснения, цензуры исконных, биологических сил, проявляющихся во влечениях человека» [27, с. 70].

Характеризуя точку зрения З. Фрейда в целом как «антиисторическую» [27, с. 72], Лурия в тоже время не может полностью отрицать у Фрейда наличие попыток постижения социальной (или исторической – эти два аспекта у Лурия слиты) сущности человека. Это проявляется, например, в том, что Лурия пишет, что психоанализ «почти» не подходил к вопросу о построении социального «я» человека; что в «огромной доле» своих работ Фрейд уходил от социальной (стороны) личности вглубь бессознательных влечений [27, с. 71].

Но дело не только в том, что «поступки общественного человека объяснялись не из общественных условий, действующих на исторически сложившуюся психику, а из глубинных и универсальных мотивов, сложившихся независимо от всякой истории и общественной практики человека» [27, с. 71]. Дело еще в том, что «действие этих влечений, сдерживаемых общественными условиями, оказалось в принципе одинаковым у каждой человеческой личности». Специфические закономерности поведения, речи, мышления и другие психологические особенности, присущие человеку в силу принадлежности к определенной исторической формации и определенному общественному классу, оказываются за пределами психологического анализа. Содержащиеся в «метапсихологии» Фрейда построения являются внеисторическими, построенными по одной и той же схеме «в самых неодинаковых ситуациях», «устойчивыми» и «совсем не богатыми по своему содержанию» [27, с. 71].

Это очень сильный, принципиально важный критический тезис. Но насколько обоснованно навязывать Фрейду задачу по созданию – в духе марксизма – теории конкретно-исторической личности или даже психологической теории истории? Ведь точно также, наверное, можно обнаружить то, чего нет в марксизме, но есть в психоанализе! А доказывать, что марксизм и психоанализ – это разные теории и подходы (по предмету, методу, задачам и т.д.), означает доказывать очевидное. Как бы то ни было, упрек в абстрактности, в неконкретном подходе к человеческой индивидуальности, ранее бросаемый им в адрес традиционной (старой, эмпирической, идеалистической и т.д.) психологии, Лурия теперь бросает и в адрес психоанализа. Это тем более важно, что в своих первых работах, посвященных психоанализу (в частности, в статье о психоанализе в сборнике «Психология и марксизм»), Лурия особо выделял и высоко оценивал психоанализ именно за его стремление понимать, учитывать цельную, конкретную личность, индивидуальность человека – движущие силы человеческого поведения, особенности структуры и работы сознания и т.д.

Лурия считает, что «физиологический фундамент фрейдовской системы» построен на таких понятиях, как «возбуждение и его распространение, напряжение и его отток» [27, с. 72], что аналогично попыткам сближения психоанализа с физиологией высшей нервной деятельности (с ее понятиями возбуждения, торможения, иррадиации, борьбы доминант и т.д.).

Конкретно из работ советских авторов Лурия упоминает свою статью, опубликованную в 1926 г. в «Психоаналитическом журнале», а также на работы доктора И.А. Перепеля и профессора А.Б. Залкинда [27, с. 72]. В связи с этим Лурия подвергает свои прежние взгляды на психоанализ резкой критике и переоценке. Он пишет: «В частности, и автор этих строк в своих ранних работах разделял ту мысль, что психоанализ является монистической системой, позволяющей проследить в элементарных влечениях реальные истоки и закономерности психики. Эта мысль, по существу несовместимая с построением марксистской психологии, руководила целым рядом работ автора, и нужен был ряд лет, чтобы враждебная марксизму сущность этих биологизаторских тенденций психоанализа была им полностью осознана» [27, с. 72, прим.]. Данное примечание является значимым свидетельством для понимания эволюции психоаналитических воззрений Лурия.

Лурия не может не признать особого положения теории Фрейда в европейской психологии: психоанализ не признавался «значительным большинством европейских психологов» и т.д. [27, с. 73]. В то же время труды ведущих буржуазных психологов сомкнулись с теорией З. Фрейда «методологически», разделяя его идею «чисто биологического анализа личности» [27, с. 73]. Тем самым Лурия, может быть, неожиданно и незаметно для самого себя, делает теорию Фрейда ключевой, используя ее как своеобразную меру для характеристики и оценки всей остальной буржуазной психологии. Разница только в том, что если раньше, в середине двадцатых годов, Лурия главенствующее и лидирующее место психоанализа оценивал как позитивное явление, то теперь картина осталась той же самой, только оценки психоанализа стали негативными. Поэтому можно сказать, что в этом плане Лурия так и остался психоаналитиком, рассматривая все остальные теории через призму психоанализа.

В качестве примера биологизаторских теорий личности Лурия указывает на гормическую психологию Мак-Даугала и концепцию французского невролога М. Монакова [27, с. 73-78]. Затем Лурия рассматривает «современную немецкую психологию», а именно, лейпцигскую школу «психологии развития» (Ф. Крюгер, Х. Фолькельт, Х. Вернер). Лурия подчеркивает, что эта школа стремится провести «генетический анализ целостных психологических процессов, показать их в развитии» [27, с. 79]. Однако к этим задачам лейпцигская школа подходит иначе, чем в советской психологии: «сложные психологические процессы она считает результатом длительной самостоятельной эволюции психики, продуктом внутренних, имманентных ей законов».

Представители этой школы рассматривают вопрос о «первичных, диффузных формах психологических процессов, генетически прослеживая отдельные явления психической жизни» [27, с. 80]. Лурия подчеркивает, что «лейпцигские психологи с ужасом отвергли бы всякое методологическое родство как с Фрейдом, так и с англо-американскими виталистами; однако глубокая методологическая общность этих систем не оставляет никаких сомнений» [27, с. 81].

Итак, Лурия проводит методологический анализ, что позволяет ему приходиться к широким обобщениям. При всей априорности оценок картина, которую рисует Лурия, довольно любопытна. Оказывается, вся современная буржуазная психология проникнута стремлением изучать глубинные, бессознательные, биологические, примитивные, исходные компоненты личности. Становится понятной сверхзадача Лурия: проанализировать всю современную (мировую, т.е. и зарубежную, и отечественную) психологию на предмет того, не изучается ли уже кем-то психика с помощью исторического подхода. Исходно Лурия утверждает, что вся буржуазная (впрочем, по ходу обсуждения вопроса становится ясно, что и вся советская, в лице Корнилова) психология является биологизаторской. Тем самым Лурия удивительным образом не замечает социальной и исторической составляющих в теориях Вундта, Фрейда и т.д.

В заключительной части статьи Лурия подчеркивает, что выделенные в анализе характеристики нескольких буржуазных психологических систем с полным основанием могут быть отнесены и к другим направлениям – таким, как персонализм В. Штерна, генетическая концепция Карла и Шарлотты Бюлер и т.д. Все эти направления, обращаясь к глубинным (первичным, конечным) «двигателям психологического развития», тем самым «переходят к построению сложных метафизических систем, фактически отрезающих все пути действительного научного исследования» [27, с. 84]. Эти слова еще раз говорят о глубинной приверженности Лурия эмпирическому исследованию, о его недоверии к различным теоретическим конструкциям в науке, оторванным от эмпирии. Если считать область научной теории высотой, то в этом смысле можно сказать, что Лурия стремился, как Атлант, не отрываться от земли, от фактов.

Обобщая результаты проделанного анализа, Лурия еще раз указывает, что неумение видеть сущность человека в окружающей его исторической обстановке и расценивать все основные высшие психологические функции как «результат всемирно-исторического процесса» не может не привести «к полному банкротству буржуазных психологических теорий» [27, с. 85]. Лурия подчеркивает, что «вся буржуазная психология, несмотря на ее кажущийся (! – С.Б.) расцвет, находится сейчас в положении тягчайшего внутреннего кризиса» [27, с. 85].

В представлениях о причинах и содержании кризиса в психологии Лурия опирается на Выготского. Это видно по содержанию излагаемых Лурия мыслей, известных нам сейчас по работе Выготского «Исторический смысл психологического кризиса». С точки зрения Лурия отсутствие исторического подхода к личности (поведению, сознанию) в буржуазной психологии выражается в неумении (нежелании) преодолеть «противопоставление «естественного человека» «внешней» социальной среде». Буржуазная психология «оказалась не в состоянии понять, что противоречие между биологическими механизмами и общественным формированием личности есть диалектическое противоречие – противоречие, снимающееся в процессе реального развития личности» [27, с. 86]. Именно поэтому буржуазная психология оказалась расщепленной на две науки – естественнонаучную (объясняющую) и описывающую (понимающую), что «уже много лет сознается как симптом глубочайшего кризиса» [27, с. 86]. В примечании к этим словам Лурия прямо пишет: «Подробно на этом кризисе останавливается Л.С. Выготский в ряде своих работ» [27, с. 86, прим.].

Завершает свою статью Лурия словами о необходимости «коренной перестройки» психологии. «Система знаний об исторически сложившихся законах психики человека», подчеркивает Лурия, «может быть создана лишь на базе диалектического материализма»

[27, с. 88]. Интересно видеть, как Лурия удается совместить два тезиса о буржуазной психологии – во-первых, как единой по своей сути и в то же время как распавшейся на два взаимно несовместимых, противоположных друг другу направления, во-вторых. Впрочем, также в духе своего времени, требовавшего диалектического и классового подходов к действительности, Лурия в начале статьи характеризует буржуазную психологию как биологизаторскую и механистическую по своей сути, а в конце статьи – как идеалистическую и метафизическую.

Для понимания содержания статьи Лурия «Психоанализ» [28] существенно важно учитывать время ее публикации (1940 г.) и, соответственно, время ее написания (по-видимому, 1938-1939 гг.). Год публикации следует учитывать и при изучении соотношения в работе позитивной (беспристрастной, безоценочной) и критической частей, а в последней – оценок глобальных и частных, обоснованных и голословных, научных, философских и идеологических и т.п. Следует обратить внимание и на общий объем статьи – чуть меньше трех колонок текста. Для сравнения укажем, что статья Уотсона «Бихевиоризм» занимает во много раз больше места, да и ранее (в 1930 г.) опубликованная в БСЭ статья Лурия «Влечение» [26] занимает почти пять столбцов. Статья «Психоанализ» является самой последней в цикле психоаналитических работ Лурия и потому ее можно считать в определенном смысле итоговой и обобщающей.

Психоанализ Лурия определяет в статье как «метод лечения невротиков» и как «теорию строения человеческой психики и бессознательных процессов» [28, ст. 507]. Терапевтический эффект психоаналитического метода связан с изживанием, «отреагированием» обнаруженных (и осознанных больным) вытесненных комплексов [28, ст. 508]. Для понимания содержащейся в статье оценки психоанализа важно то, как он рассматривается Лурия в сравнении с остальной, в частности, эмпирической психологией. Лурия пишет: «В противоположность современной ему психологии, формально изучавшей отдельные «психические функции», психоанализ всегда пытается исследовать конкретную личность, изучив ее движущие мотивы и конкретное содержание ее психической жизни» [28, с. 508]. Отсюда видно, что Лурия, как и в своих самых первых психоаналитических работах, рассматривает психоанализ в оппозиции к традиционной психологии по следующим линиям: вместо изучения формального – конкретное, вместо изучения отдельных функций – изучение личности, вместо изучения психических функций – изучение мотивов. Этот взгляд на психоанализ у Лурия оставался неизменным на всем протяжении его дальнейшей научной биографии. В частности, почти теми же словами Лурия характеризует психоанализ, вспоминая двадцатые годы в своей книге «Этапы пройденного пути» [29].

Лурия подчеркивает, что «в основе психической жизни, по теории психоанализа, лежат влечения» [28, ст. 508] якобы носящие «всегда органический характер»; основными из них являются влечения к самосохранению (влечения «Я») и направленные на объекты внешнего мира. Из последних «наиболее существенными» являются влечения половые, т.е. либидо. Лурия излагает взгляды З. Фрейда на происхождение невротиков (удовольствие, получаемое от различных эрогенных зон, смена этих зон), подчеркивая, что в невротиках часто имеет место возвращение к «примитивным формам полового влечения» [28, ст. 508]. Вытекающие из влечений действия могут наталкиваться на ряд социальных, моральных и других запретов, вследствие чего влечения могут оказаться вытесненными, образуя «бессознательный аффективный комплекс», оказывающий влияние на поведение личности» [28, ст. 510]. Аффективный комплекс может находить свое выражение в сновидениях, оговорках, ошибочных действиях и т.п., сублимироваться в процессах творчества и приводить к истерическим симптомам, – таким, как истерические страхи, навязчивые идеи, параличи. Лурия подчеркивает, что «значительная часть бессознательных комплексов носит, по данным психоанализа, сексуальный характер» [28, ст. 509]. Не забывает Лурия упомянуть и об Эдиповом комплексе, подчеркнув, что, по

мнению Фрейда, «больной «переносит» на врача те чувства, которые он в детстве испытывал к родителям» [28, ст. 509].

Последние абзацы статьи содержат критику основных идей психоанализа. С точки зрения Лурия, «научное значение психоанализа сводится к введению метода исследования бессознательных, вытесненных влечений человека и их роли в построении психической жизни» [28, ст. 510]. Теорию, построенную на данных, полученных с помощью этого метода, Лурия оценивает как «ложную» (очевидно, с точки зрения марксизма), «биологизирующую» сознание человека: в психоанализе психика человека и его потребности не являются «продуктом общественно-исторического развития»; отношение к действительности рассматривается в психоанализе не как «отражение реальности», а «как изживание влечений, независимых от общественных факторов» [28, ст. 509]; наконец, общество в целом трактуется в психоанализе «не как созидающее новые формы психической жизни, а как отрицательная сила, подавляющая основные влечения человека» [28, ст. 509]. Тем самым система психоанализа, «несмотря на внесенный ею в психологию и психопатологию фактический материал, по существу смыкается с наиболее враждебными марксизму мистическими течениями, уходящими от научного анализа объективной действительности» [28, ст. 509]. В заключение Лурия высказывает критические замечания и в адрес метода психоанализа: «Как лечебный метод, помогающий человеку осознать и «отреагировать» вытесненные аффективные комплексы, психоанализ бесспорно имеет серьезное значение в терапии психоневрозов; однако, будучи чрезвычайно длительным по времени и фиксируя внимание больного на интимных переживаниях, он несет на себе все отрицательные стороны всей теории Фрейда» [28, ст. 509-510].

Таким образом, в генезисе общепсихологических взглядов А.Р. Лурия на протяжении 20-30-х годов психоанализ был одним из важных факторов, детерминант и источников развития – наряду с марксизмом, гештальтпсихологией, бихевиоризмом, эмпирической психологией, рефлексологией, реактологией и т.п. Бурное развитие психоанализа в то время, о чем свидетельствует, как указывает Лурия, 1260 посвященных психоанализу работ за 1914-1919 гг., [17, с. 14, прим.], естественно, не могло не найти свое отражение и в дореволюционной России, а затем и в СССР, и сам Лурия был одним из значимых и ярких проявлений этого процесса. Но никогда, даже в пору своего самого страстного увлечения психоанализом, Лурия не был «чистым» психоаналитиком. Параллельно и одновременно (и, очевидно, с той же страстностью и продуктивностью) Лурия занимался другими эмпирическими и экспериментальными проблемами, используя совершенно другие теории, методы и подходы. Для Лурия психоанализ был фактически лишь одной из составляющих, одним из многих исходных «полуфабрикатов», которые он использовал для построения своих общепсихологических воззрений.

Выготский писал о психоаналитических статьях Лурия середины 20-х годов: «Ни один психоаналитический журнал, конечно, не напечатал бы статей Лурия и Фридмана» [7, с. 331]. Эту критику Выготским Лурия-психоаналитика можно полностью перенести на Лурия – интерпретатора гештальтпсихологии. Но то же самое можно сказать и о толковании Лурия поведения как предмета психологии: ни один настоящий бихевиористский журнал не опубликовал бы статью Лурия об этом. Такое положение дел можно оценивать как поверхностность, эклектизм, конъюнктурность и т.д. «Всеядность», конъюнктура и идеологическое приспособленчество, безусловно, присутствуют в работах Лурия 20-х годов, и Выготский здесь прав, отмечая это. Но он не прав, не замечая тенденции к выработке у Лурия своего подхода в психологии, собственной точки зрения – на психоанализ, марксизм, гештальтпсихологию, бихевиоризм. Отмеченные черты Лурия можно, с нашей точки зрения, оценивать как попытку выработать свою собственную точку зрения, свой подход, в который вошли бы в переплавленном виде самые различные идеи – бихевиористские, гештальтистские, психоаналитические, марксистские и т.д. Кроме того, в такой расширенной трактовке поведения как предмета психологии –

трактовке, вмещающей в себя самые различные (бихевиористские, рефлексологические, гештальтпсихологические и другие) представления – можно видеть контуры будущего деятельностного подхода, в котором сознание является внутренней деятельностью, а поведение – внешней деятельностью.

С нашей точки зрения, следует говорить о большой значимости психоаналитической составляющей в системе теоретических взглядов Лурия для его последующей теоретической и практической деятельности в области нейропсихологии. Неслучайно у Лурия мы находим сравнение с работой следователя сначала деятельности психоаналитика, а затем – нейропсихолога. В определенном смысле нейропсихологию можно рассматривать как реализацию главной идеи Фрейда а также и самого Лурия – подвести материалистическое (физиологическое) обоснование под психику, найти конкретные физиологические, мозговые механизмы и участки, ответственные за то или иное нарушение, «сбой» в работе психики.

Тенденция рассмотрения начального периода научной биографии Лурия как не имеющего самостоятельного теоретического значения (как в контексте биографии самого ученого, так и в контексте всей истории отечественной психологии советского периода) должна быть преодолена. Для этого требуется специальное рассмотрение вопроса о собственной общепсихологической теории Лурия, складывавшейся у него в 20-30-е годы, в связи с чем вопрос о значении психоаналитической составляющей для этой теории, рассмотренный здесь в первом приближении, приобретает дополнительную актуальность.

1. *Асмолов А.Г.* Полифония личности А.Р. Лурия и гамбургский счет в психологии // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 21-24.
2. *Ахутина Т.В.* Здоровьесберегающие технологии: нейропсихологический подход // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 101-111.
3. *Блонский П.П.* Предисловие редактора // *Джемсон Л.* Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. М.: Госиздат, 1924. С. VII-XII.
4. *Богданчиков С.А.* К вопросу о генезисе общепсихологических взглядов А.Р. Лурия // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Тезисы докладов (Москва, 24-26 сентября 1997 г.) / Под ред. Е.Д. Хомской, Ж.М. Глозман, Д. Таппера. М., 1997. С. 14.
5. *Богданчиков С.А.* А.Р. Лурия и психоанализ // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 84-93.
6. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
7. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291-436.
8. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Предисловие к русскому переводу работы «По ту сторону принципа удовольствия» // *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1989. С. 29-36.
9. *Выготский Л.С.* Письма к ученикам и соратникам // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 3-40.
10. *Глозман Ж.М.* Культурно-исторический подход как основа нейропсихологии XXI века // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 62-68.
11. *Ждан А.Н.* Уроки А.Р. Лурия // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 77-84.
12. *Ждан А.Н.* История психологии: от Античности до наших дней: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 576 с.
13. *Корсакова Н.К., Прахт Н.Ю.* О принципе динамичности в концепции А.Р. Лурия (модель нормального старения) // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 96-100.

14. *Котик-Фридгут Б.С.* Системно-динамическая концепция А.Р. Лурия и нейропсихология сегодня // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 68-76.
15. *Коул М.* Размышления над портретом А.Р. Лурия // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 25-43.
16. *Леонтьев А.А.* А.Р. Лурия у истоков советской психолингвистики // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 93-95.
17. *Лурия А.Р.* Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Обзор. Казань: Красный Печатник, 1923. 51 с.
18. *Лурия А.Р.* Предисловие к кн.: *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М.: Современные проблемы. 1925. С. 3-16. (Совместно с Л.С. Выготским)
19. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм. Сб. статей сотрудников Московского Института Экспериментальной Психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 47-80.
20. *Лурия А.Р.* Принципиальные вопросы современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 129-139.
21. *Лурия А.Р., Леонтьев А.Н.* Исследование объективных симптомов аффективных реакций (Опыт реактологического исследования массового аффекта) // Проблемы современной психологии: Сборник статей сотрудников Московского государственного института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1926. С. 47-100.
22. *Лурия А.Р.* О системе психологии поведения (принципы ее построения) // Психология. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 53-65.
23. *Лурия А.Р.* Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций // Ученые записки. Т. III / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1928. С. 45-99.
24. *Лурия А.Р.* Пути развития детского мышления // Естествознание и марксизм. 1929. № 2. С. 97-130.
25. *Лурия А.Р.* Экспериментальные конфликты у человека // Проблемы современной психологии. Том VI / Под ред. К.Н. Корнилова. М.: Госиздат, 1930. С. 97-137.
26. *Лурия А.Р., Сапир И.* Влечение // Большая Советская Энциклопедия. Т. 11. М., 1930. Ст. 610-615.
27. *Лурия А.Р.* Кризис буржуазной психологии // Психология. 1932. № 1-2. С. 63-88.
28. *Лурия А.Р.* Психоанализ // Большая Советская Энциклопедия. М., 1940. Т. 47. Ст. 507-510.
29. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 184 с.
30. А.Р. Лурия и современная психология (Сборник статей памяти А.Р. Лурия) / Под ред. Е.Д. Хомской, Л.С. Цветковой, Б.В. Зейгарник. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 256 с.
31. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль / Сост. и автор вступительной статьи В.М. Лейбин. М.: Республика, 1994. С. 168-194.
32. *Лурия А.Р.* К психоанализу костюма // *Овчаренко В.И., Лейбин В.М.* Антология российского психоанализа: В 2 т. Т. 1. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. С. 212-223.
33. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Овчаренко В.И., Лейбин В.М. Антология российского психоанализа: В 2 т. Т. 1. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. С. 427-452.
34. *Лурия А.Р.* Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / Под общ. ред. В.И. Белопольского. М.: «Когито-Центр», 2002. 527 с.

35. *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. М.: Смысл, 2003. 431 с.
36. *Марцинковская Т.Д.* Путь А.Р. Лурия к культурно-исторической психологии // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 44-49.
37. *Микадзе Ю.В.* Дифференциальная нейропсихология детского возраста // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 111-119.
38. *Овчаренко В.И.* Психоаналитический глоссарий. Мн.: Выш. шк., 1994. 307 с.
39. *Овчаренко В.И., Лейбин В.М.* Антология российского психоанализа: В 2 т. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. Т. 1. 848 с. Т. 2. 864 с.
40. *Овчаренко В.И.* Российские психоаналитики. М.: Академический Проект, 2000. 432 с.
41. I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Тезисы докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Ж.М. Глозман, Д. Таппера: Москва, 24-26 сентября 1997 г. М.: Изд-во «Российское психологическое общество», 1997. 144 с.
42. I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Сборник докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М.: Изд-во «Российское психологическое общество», 1998. 368 с.
43. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М.: Педагогика, 1984. 272 с.
44. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. В 2 т. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 416 с.
45. *Пружинина А.А., Пружинин Б.И.* Из истории отечественного психоанализа (Историко-методологический очерк) // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 87-108.
46. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории (Колл. авт.: К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, Б.Н. Тугайбаева) / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.
47. *Хомская Е.Д.* Александр Романович Лурия. Научная биография. М.: Воениздат, 1992. 216 с.
48. *Хомская Е.Д.* А.Р. Лурия и психологическая наука // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 39-48.
49. *Хомская Е.Д.* Нейропсихология эмоций: гипотезы и факты // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 50-62.
50. *Цветкова Л.С.* К вопросу о природе афазии и учении о факторе // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 120-131.
51. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М.: Русский книжник, 1926. 59 с.
52. *Эткинд А.М.* Расцвет и крах педологического движения (от психоанализа к «новому массовому человеку») // Философские исследования. 1993. № 3. С. 224-251.
53. *Эткинд А.М.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993. 463 с.
54. *Luria A.R.* Kasaner Psychoanalytische Vereinigung // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1922. № 8. S. 523-525; 1923. № 9. S. 114-117.
55. *Luria A.R.* Russische Psychoanalytische Vereinigung // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1924. № 10. S. 113-115; 1925. № 11. S. 136-137; 1926. № 12. S. 125-126, 266-267.
56. *Luria A.R.* Die Psychoanalyse in Rußland // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1925. № 11. S. 395-398.
57. *Luria A.R.* Die moderne russische Psychologie und die Psychoanalyse // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1926. № 12. S. 40-53.

ОЧЕРК 6

Теоретические проблемы психологии в ранних работах И.В. Страхова

Доктор психологических наук, профессор Иван Владимирович Страхов (1905-1985) принадлежит к тому поколению российских психологов, научная биография которых практически полностью совпала с советским периодом в истории нашей страны, т.е. с временем существования СССР. Ровесниками И.В. Страхова, рожденными в 1905 г., а также несколькими годами раньше или позже были такие известные советские психологи, как Б.Г. Ананьев (1907-1972), Л.И. Божович (1908-1981), П.Я. Гальперин (1902-1988), А.В. Запорожец (1905-1981), П.И. Зинченко (1903-1969), А.Н. Леонтьев (1903-1979), А.Р. Лурия (1902-1977), Н.А. Менчинская (1905-1984), К.К. Платонов (1906-1984), Д.Б. Эльконин (1904-1984).

Судьбы и социальные характеры ученых этого поколения, в чем-то, безусловно, значительно разнясь, во многом были сходными. Сходство это определялось, во-первых, тем, что принадлежащие к этому поколению ученые в юношеские и молодые годы прошли суровую школу идейной закалки: их мировоззрение, характер и философские взгляды формировались под воздействием и в контексте государственной марксистской идеологии, в ходе не прекращавшейся в стране борьбы на «идеологическом фронте». Во-вторых, это были ученые, родившиеся в начале двадцатого века и потому получившие психологическое образование уже в советский период, в двадцатые годы. Юность этого поколения была в то же время юностью новой, советской психологии. Еще больше подчеркивая это историческое сходство и переплетение индивидуальных судеб ученых и судьбы всей науки, мы можем сейчас, в конце XX века, то же самое сказать и о молодости, зрелости и старости этого поколения, ибо вместе с ним завершился и весь советский период истории нашей психологии... В-третьих, представители этого поколения не только формировались как ученые в контексте советской психологии. Одновременно они выступали (уже в двадцатые годы и, тем более, в последующие десятилетия) и в качестве творцов новой психологии.

И.В. Страхов, в тридцать лет ставший профессором, а в тридцать шесть – доктором наук, по праву занимает достойное место в когорте столь славных имен. Весом и разнообразен его вклад в дело развития психологической науки в нашей стране. Библиография трудов ученого включает в себя около двухсот наименований, из них более сорока – это отдельные издания. Кроме того, под редакцией профессора Страхова вышло в свет свыше пятидесяти различных сборников и коллективных монографий (подробный список работ И.В. Страхова содержится во втором издании его работы «Л.Н. Толстой как психолог» [см. 66, с. 365-378]).

И все-таки по «гамбургскому счету», существующему в науке, дело, конечно, не в дате рождения, не в общности социокультурного контекста личностного развития, не в степенях и званиях и даже не в количестве публикаций. В конечном счете все определяется реальными достижениями в профессиональной деятельности – тем, что коротко обозначается как «вклад в науку». Для оценки вклада профессора Страхова в развитие отечественной психологической науки есть смысл обратиться к основным вехам его биографии. В этом контексте мы рассмотрим наиболее важные работы Страхова и ведущие направления его исследований. При этом наибольшее внимание мы, естественно, уделим, как сказано в заголовке, 20-30-м годам в научной биографии Страхова. Стремясь к созданию целостного портрета ученого, мы также укажем наиболее значимые, с нашей точки зрения, черты научного мировоззрения Страхова. Результаты наших многолетних исследований научной биографии и творческого наследия Страхова ранее частично уже были представлены в ряде публикаций (см. [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [14], [15]). При этом мы в значительной мере опирались на материалы домашнего

архива ученого, любезно предоставленные в наше распоряжение его сыном, профессором В.И. Страховым, за что пользуемся случаем выразить ему большую признательность.

Вехи научной биографии профессора И.В. Страхова. Родился Иван Владимирович Страхов 6 (19 по новому стилю) сентября 1905 г. в селе Ильинское Даниловского района Ярославской области, в семье сельского священника. Разумеется, последнее обстоятельство в дальнейшем, уже в годы Советской власти, не могло не сказаться отрицательно на биографии Страхова. «Недостатки» в социальном происхождении будущему ученому с самого начала своей взрослой жизни и профессиональной карьеры приходилось компенсировать своими способностями, упорным трудом и неиссякаемой тягой к знаниям.

В 1921-1923 гг. Страхов учился в Ярославле в первой Советской имени Н.И. Пирогова школе 2-й ступени. В 1923 г. он поступил в Ярославский педагогический институт и в 1927 г. окончил его по лингвистическому отделению. На старших курсах (в 1925-1927 гг.) он совмещал учебу с практической деятельностью, работая учителем в школах взрослых в Ярославле, где его учениками были в основном красноармейцы. Насколько мы можем судить, уже в студенческие годы Страхов испытывал повышенный интерес к психологии. Подтверждением этому служит его дипломная («квалификационная», как тогда говорилось) работа на тему «Опыты построения марксистской психологии в России».

Об этом же свидетельствует и его самая первая публикация – заметка «Работа в школе ликвидации неграмотности». Работа впервые вышла в 1926 г. в журнале Ярославского губернского отдела народного образования [29] и была повторно издана с комментариями и примечаниями в 1998 г. [7].

И по форме, и по содержанию это обычная для подобного рода изданий заметка, в которой психолог с научной точки зрения дает практические рекомендации по решению актуальной проблемы (обучение грамоте взрослых), советуя изучать учащихся «не только со стороны их познаний, но и с чисто психологической стороны», для чего предлагается разработанная и применявшаяся самим автором (в школе взрослых, где учениками были в основном красноармейцы) анкета для определения наиболее значимых для процесса обучения черт характера – интеллектуальных, эмоциональных и волевых. Пожалуй, необычно в этой работе лишь то, что ее автору в ту пору шел всего двадцать второй год. Эта публикация во многом символизирует всю дальнейшую профессиональную и творческую деятельность Страхова, неразрывно связанную с решением психолого-педагогических проблем.

После окончания Ярославского педагогического института Страхов в 1927-1930 гг. учился в аспирантуре в московском Институте экспериментальной психологии по специальности «общая и экспериментальная психология». Одновременно в 1929-1930 гг. он работал ассистентом на кафедре психологии в московском Индустриально-педагогическом институте им. К. Либкнехта. Пять теоретических статей Страхова [30]-[34], вышедших в Москве в 1929-1930 гг., в совокупности представляют собой полноценное научное исследование. В этих статьях Страхов на основе изучения обширного материала осуществил квалифицированный критический анализ ряда актуальных методологических проблем: теоретического метода в психологии, соотношения описательной и объяснительной психологии, значения марксизма для психологии, а также *проблемы типов*, которая затем стала центральной в его научном творчестве.

Практически все ранние работы Страхова были своего рода «зародышами» его дальнейших теоретических исследований и направлений профессиональной деятельности. Так, статья «Работа в школе ликвидации неграмотности» затем нашла продолжение и развитие в области педагогической психологии; статья «Психология и литературоведение» – в области психологии литературного творчества: в работе «Толстой как психолог» (Вклад Страхова в разработку проблем психологии литературного

творчества подробно освещен во вступительной статье ко второму изданию его работы «Л.Н. Толстой как психолог» [9]), в работах о психологии литературного творчества Гончарова, И.С. Тургенева, К. Федина и других.

Завершив учебу в аспирантуре («с правом представления диссертации», что означало, на языке того времени, отсутствие требования в итоге обязательно подготовить и защитить диссертационную работу), Страхов в 1931-1934 гг. работал заведующим кафедрой психологии Иркутского педагогического института. По воспоминаниям В.И. Страхова (сына И.В. Страхова), «столь отдаленным назначением он был “обязан” своему социальному происхождению» [27, с. 6].

Затем И.В. Страхов в 1934-1937 гг. заведовал кафедрой психологии в Гомельском пединституте, где в 1935 г. он стал профессором. Во время работы в Гомеле Страхов опубликовал статьи [35], [36], [37], посвященные практическим вопросам педагогической психологии (все три статьи вышли на белорусском языке). В статье «Об умственной работе учителя» [35] Страхов пишет о том, как с помощью психологических знаний учитель может способствовать повышению эффективности своей профессиональной деятельности. В статье «Как изучать ученика» [36] Страхов подробно останавливается на *педагогическом наблюдении* – прежде всего в виду «технической простоты и эффективности» этого метода. В статье «О профориентационной работе в школе» [37] говорится о том, каким образом учитель и весь педагогический коллектив в стенах школы могут способствовать правильному выбору учеником своей будущей профессии. Судя по этим работам, к середине тридцатых годов Страхов накопил солидный запас теоретических знаний и практический опыт и сложился как специалист в области педагогической психологии.

В 1937 г. Страхов переехал в Саратов. В Саратовском педагогическом институте в 1940 г. он организовал кафедру психологии, которой затем руководил в течение последующих тридцати пяти лет. Здесь же, в Саратове, Страхов приступил к написанию докторской диссертации.

Бесспорно, подготовка и защита докторской диссертации – один из самых значимых эпизодов в жизни любого ученого. Учитывая это обстоятельство и основную направленность нашего предисловия, рассмотрим более подробно историю создания докторской диссертации Страхова, а также структуру и содержание работы. Начать следует с того, что в 1937 г. было издано постановление СНК СССР «Об ученых степенях и званиях». Это послужило для Страхова одним из внешних стимулов, побудивших его приступить к работе над докторской диссертацией. Уже в конце 1940 г. работа была завершена.

Защита диссертации проходила 14 апреля 1941 г. в Московском государственном педагогическом институте. В качестве оппонентов выступали Добрынин, Корнилов и Рыбников. В итоге Ученый совет единодушно проголосовал за присвоение Страхову ученой степени доктора педагогических наук (по психологии). 13 июня 1942 г. диссертация была утверждена Высшей аттестационной комиссией (ВАК) Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Письмо об этом, пришедшее из Томска, куда был эвакуирован ВАК в связи с войной, Страхов получил в июле 1942 г.

Содержащаяся в письме выписка из протокола заседания ВАК (с короткой формулировкой: «Утвердить Страхова Ивана Владимировича в ученой степени доктора педагогических наук») и сейчас бережно хранится в домашнем архиве Страхова вместе с другими документами и материалами. По поводу самого факта защиты хотелось бы подчеркнуть, что к началу сороковых годы докторов психологических наук (точнее, докторов педагогических наук, защищавшихся по специальности «психология») в СССР можно было в буквальном смысле пересчитать по пальцам. Мы не ошибемся, если скажем, что, защитив диссертацию, Страхов вошел в первую десятку психологов – докторов наук в нашей стране.

В годы Великой Отечественной войны Страхов вел преподавательскую деятельность в различных вузах Саратова, а также в Ленинградском университете, который в то время был эвакуирован в Саратов.

Сотрудничество в течение нескольких лет с ленинградскими коллегами в научном плане нашло свое отражение в ряде работ Страхова [39]-[40], [42]-[43], [45]-[46], вышедших в издательстве Ленинградского университета в 1945-1946 гг. и содержащих психологический анализ творчества Толстого и Чехова. Публикация этих работ стала возможной благодаря тому, что и в тяжелые годы войны ученый не прекращал интенсивной творческой деятельности.

В последующие годы И.В. Страхов вел преподавательскую деятельность в Саратовском пединституте, в Саратовском государственном университете им. Н.Г. Чернышевского, в политехническом институте и других вузах Саратова. В опубликованном в 1955 г. отчете [51] Страхов отмечает, что за десять послевоенных лет на кафедре психологии Саратовского пединститута изучались вопросы психологии товарищества и дружбы детей и подростков, психологии характера и темперамента, а также вопросы психологии литературного творчества (в произведениях Толстого, Чернышевского и Чехова).

Одной из важных вех в творческой биографии Страхова был 1947 г., когда «Ученых записках» Саратовского педагогического института была опубликована его монография «Толстой как психолог» [48], [66]. Работа эта писалась в годы войны, о чем живописно пишет в своих воспоминаниях об отце профессор В.И. Страхов (в то время подросток): «В годы войны, когда вся семья (четыре человека), отапливаясь «буржуйкой», жила в одной комнате без коммунального тепла и часто без электричества, И.В. Страхов при свете коптилки, в пальто и шапке – имеется в виду, естественно, зимняя пора – писал свою монографию «Л.Н. Толстой как психолог», которая затем вошла в анналы отечественной психологии» [27, с. 9].

В конце пятидесятых годов исследования И.В. Страхова в области психологии литературного творчества высоко оценил М.В. Соколов, из работ саратовских психологов упомянув также работы В.М. Беляевой, В.М. Вершининой и В.И. Страхова [см. 24, с. 623-624].

Но в наибольшей степени интересы Страхова в этой области совпадали, пожалуй, с интересами Теплова, о чем можно судить по «Заметкам психолога при чтении художественной литературы», сделанным Тепловым в 1946-1947 гг. [69]. Не случайно и то, что Теплов в докладе на состоявшейся в Закавказье в 1960 г. конференции психологов счел нужным особо подчеркнуть: «Серьезного внимания заслуживает проблема отношения психологии к художественной литературе (в известной мере к искусству вообще). Едва ли можно серьезно полагать, что художественная литература – «человековедение», по известному определению Горького, – не имела никакого влияния на развитие психологической мысли. Историкам психологии следовало бы в первую очередь рассеять распространенное среди психологов пренебрежительное отношение к литературе как источнику психологических знаний. До сего времени работы, подобные монографии И.В. Страхова «Л.Н. Толстой как психолог» (1947), остаются одиночными и никак не оцененными» [68, с. 11].

Особое значение эти слова приобретают с точки зрения того, как доклад Б.М. Теплова был оценен уже значительно позже О.М. Тутунджяном: «Манифестом истории психологии мы считаем доклад, прочитанный в Ереване (1960) Б.М. Тепловым, одним из основателей советской психологии, – “О некоторых общих вопросах разработки истории психологии” [68]. В нем содержится целая программа разработки ряда исходных задач и принципов научного изучения прошлого нашей науки и ее значения для современности» [70, с. 109].

В опубликованном в 1958 г. обзоре [52], охватывающем семнадцатилетний период существования кафедры, И.В. Страхов выделил, как и в 1955 г., три основных

взаимосвязанных тематических цикла: вопросы психологии литературного творчества, психологии темперамента и характера и вопросы детской и педагогической психологии.

К началу шестидесятых годов все большее значение в научной работе коллектива кафедры стали приобретать вопросы психологии педагогического такта, внимания, мышления, темперамента и характера. В отчете о научной деятельности Саратовского отделения Общества психологов [63] Страхов указал четыре основные темы научной работы руководимого им отделения: психология педагогического такта, внимания, творчества и педагогической работы в вузах.

С общими итогами работы кафедры психологии Саратовского пединститута за сорок лет ее существования можно познакомиться по составленному самим Страховым в 1981 г. аннотированному указателю научно-исследовательской работы кафедры [64], а также по его статье, помещенной в 1982 г. в журнале «Вопросы психологии» [65].

Эти две публикации в определенной мере можно рассматривать и как подведение И.В. Страховым итогов своей деятельности в качестве заведующего кафедрой психологии, организатора и лидера саратовской психологической школы на всем протяжении ее существования.

Ранние работы И.В. Страхова. И.В. Страхов известен прежде всего своими работами по психологии внимания, темперамента, характера, литературного творчества и педагогического такта. Но очень известно о научном творчестве Страхова в 20-30-е годы, хотя именно в этот период он сформировался как ученый. Парадоксально, но факт: и в работах самого Страхова, и в литературе о нем [23, т. 4, с. 182], [23, т. 4, с. 162] в качестве самой ранней работы упоминается ... его докторская диссертация 1940 г. [38]! Восполняя этот существенный пробел в научной биографии Страхова, непосредственно обратимся к начальному периоду его научной биографии – к 20-30-м годам. Всего в этот период Страховым было опубликовано десять работ [29] – [38], начиная с заметки на психологическую тему, опубликованной в 1926 г. в журнале Ярославского отдела народного образования [29] и кончая докторской диссертацией [38], защищенной в Институте психологии в Москве в апреле 1941 г.

Изучение пяти «московских» статей Страхова, вышедших в свет в 1929-1930 гг., позволяет нам увидеть Страхова с совершенно другой, неожиданной стороны – как ярко выраженного психолога-теоретика. Это тем более важно, что в последующие десятилетия эта сторона его научного творчества в «чистом виде» уже нигде не проявлялась.

В статье «Психология и литературоведение» [31] Страхов рассматривает проблемы психологии литературного творчества, попутно затрагивая вопросы, связанные с пониманием психики, использованием понятийного аппарата психологии, обоснованностью различных типологий в психологии и т.д. Для нас в этой статье показательны не только то, что еще очень молодой психолог ставит серьезные теоретические проблемы, но и то, что достаточно много места в статье занимает критическое рассмотрение наиболее распространенных в то время в советской психологии подходов к проблеме «психология и литературоведение». И для последующих работ Страхова будет характерно стремление самостоятельно разобраться в какой-либо сложной проблеме, сформулировать свою точку зрения, далеко не всегда совпадающую с общепринятой.

Следующие четыре статьи Страхова [30], [32], [34], [33] можно с полным правом оценивать как его высшее научное достижение в период 20-30-х годов. В этих статьях, которые содержательно воспринимаются как части одной солидной теоретической работы (общим объемом свыше ста страниц) сразу же бросаются в глаза широта рассматриваемого материала и сложность поднимаемых проблем.

В статье – обзоре «Проблема изучения типов в психологии» [30] Страхов анализирует различные подходы к проблеме типов, т.е. «построения, известные под разными именами: характерологии, учения о типах, классификации личностей и т.д.» [30, с. 105]. Автор стремится к исчерпывающему изложению различных теорий и точек

зрения. В связи с этим в статье рассматриваются концепции Бехтерева, Бэна, Дильтея, Кречмера, Лазурского, Рибо, Шпрангера, Юнга... Трудно назвать известного психолога, чью фамилию не упомянул бы Страхов. В соответствии с жанром работы в ней минимум оценочных суждений и критики. Классифицируя различные теории, Страхов объединяет их в четыре большие группы, в каждой из групп выделяются основные понятия, объекты и методы изучения. Логическая ясность в исследовании и изложении материала, исчерпывающий охват проблемы с точки зрения фактологии и методологии, стремление все разложить «по полочкам» эти черты индивидуального творческого почерка Страхова уже здесь проявляются в полной мере.

В опубликованной в следующем номере журнала «Психология» статье «Эйдетика» [32] Страхов продолжил систематическое исследование психологических теорий в связи с проблемой типа. Он излагает основные положения эйдетики, показывает, в чем заключается этот феномен, анализирует эксперименты по изучению эйдетизма, описывает выделяемые в эйдетике психофизические типы (базедовидный и тетаноидный), раскрывает общепсихологическое и педагогическое значение эйдетических исследований, очерчивает историю вопроса, не забывает привести «физиологическое объяснение эйдетики» [32, с. 193]. Подчеркнем, что в то время Страхов был далеко не одинок в своем интересе к эйдетике: в 20-30-е годы вопросами эйдетики интересовались Блонский, Выготский, Лурия и другие советские психологи (подробно вопросы, касающиеся отношения советских психологов к эйдетике и судьбы эйдетики в СССР, освещены в [11], [13]).

В работе широко цитируются В. Йенш, Э. Р. Йенш, О. Кро, Т. Рикель. Вся статья и в настоящее время может служить информативным источником при изучении истории и основных идей эйдетической школы. В общем Страхов это направление оценивает высоко, что видно из всего содержания и тона статьи, а также из его вывода о том, что «методологический смысл эйдетических исследований Йенша и его последователей сводится к преодолению механистического трактования проблемы памяти» [32, с. 296].

В конце работы, отдавая неизбежную дань своему времени (времени «великого перелома» и разгромных дискуссий на различных участках «идеологического фронта»), Страхов указывает на прагматические тенденции во взглядах Йенша, обнаруживает у него эволюционистские (в духе А. Бергсона) предпосылки и даже «мотивы неокантианства» [32, с. 297].

Статья «Психология и литературоведение» и оба обзора свидетельствуют о несомненной глубокой личной заинтересованности Страхова психологией, причем ее самыми абстрактными, методологическими проблемами, о начитанности автора, его педантичности и скрупулезности, желании разобраться в главном и существенном, не упуская из виду деталей. Ясно прослеживается тенденция освоить идеи современной зарубежной психологии – путем их сближения с аналогичными идеями в советской психологии [32, с. 296-297]. Вскоре такое «некритическое» отношение к зарубежным теориям (даже в статьях обзорного характера) стало невозможным.

О существенном смещении акцентов, свидетельствующем о дальнейшей конкретизации и уточнении Страховым своего собственного теоретического подхода, можно судить уже по названиям его статей «Против формализма в психологии» [34] и «О методе психологии в связи с проблемой типа» [33], в которых наряду с изложением теоретического материала мы находим развернутую критику и попытки сформулировать собственную точку зрения.

Проблема типов по-прежнему остается в поле зрения Страхова, но уже в качестве фона. Теперь основным предметом исследования оказывается проблема «двойственного логического строя» [34, с. 146] психологии, т. е. соотношения описательной и объяснительной психологий, противопоставляемых друг другу в плане метода. Метод Страхов трактует как сугубо теоретический; различные экспериментальные методы и методики являются конкретным выражением исходного теоретического метода [33, с. 89].

При рассмотрении проблемы Страхов исходит из работ Гуссерля и Дильтея, раскрывая основные положения концепций этих авторов в характерной для себя манере – подробно и тщательно, с многочисленными ссылками и цитатами.

Обе психологии различаются по «способу образования понятий», каждая из них дает совершенно особую действительность [33, с. 93]. Как неоднократно подчеркивает Страхов, они не дополняют друг друга, не дают в сумме органической связи и единства [34, с. 179]. Тем более не решает проблему каждая из психологий, возведенная в систему. Невозможна координация двух психологий и на уровне фактических результатов: представляется «совершенно непонятным, каким образом могут быть сопоставлены, например, типы Дильтея или Шпрангера с типами, выдвигаемыми в рефлексологии» [34, с. 178]. Не принимает Страхов и одного из традиционных пониманий связи двух психологий между собой: «Обе конструкции психологии, и описательная и объяснительная, одинаково неправильны и принципиально, и в своей внутренней связи, которая понимается как последовательность одна за другой» [34, с. 173].

Попытку по «координированию и уравниванию» двух психологий, предпринятую Йеншем в 1927 г., Страхов оценивает как эклектическую и потому безнадежную [33, с. 93]. Да, соглашается Страхов, «исследование может быть начато «с различных концов, но результаты должны сойтись и заполнить промежуточные звенья» [34, с. 178].

Специфика подхода Страхова к проблеме состоит в том, что источники наличия двух психологий и, соответственно, двух полярных методов в психологии он видит во внешних детерминантах: двойственность психологии является «логической», т.е. заключена в логике, в учении о понятии. Поэтому неслучайно Страхов сближает эту проблему с противоположностью номинализма и реализма в философии [33, с. 93]. Поскольку двойственность навязана психологии извне, постольку надо преодолеть исходные постулаты – антиномии: общезначимого и индивидуального, реального и идеального и т.д. Создается впечатление, что если в обзорных статьях Страхов с головой погрузился в необъятный теоретический материал, то здесь, в поисках механизмов детерминации двух психологий, Страхова слишком заинтересовывает внешний аспект детерминации, в результате чего он в ряде своих рассуждений оказывается не на позиции психолога-теоретика, а на позиции философа или логика, рассматривающего проблему метода с точки зрения своей дисциплины. Впрочем, было бы ошибкой думать, что Страхов вовсе избегает рассмотрения проблемы изнутри, на конкретном материале современной ему психологии. Деление психологии на описательную и объяснительную является для Страхова исходным теоретическим фактом и основой для дальнейшего теоретического анализа. В связи с этим несомненный интерес представляет то, как Страхов оценивает «удельный вес» каждой из двух психологий в ряду «виднейших психологических систем современности» [34, с. 156].

Все современные психологические теории («построения», «конструкции») Страхов относит либо к естественнонаучным, либо «проявляющим тенденции феноменологического метода», либо занимающим промежуточное положение [34, с. 169], причем в плане метода Страхов трактует описательную психологию как феноменалистическую, а объяснительную – как эпифеноменалистическую [34, с. 178].

Оценивая взгляды Вундта и его последователей, Страхов констатирует, что «естественнонаучный характер эмпирической психологии совершенно очевиден» [34, с. 156]. Более того, имея в виду бихевиоризм, рефлексологию Бехтерева и учение Павлова об условных рефлексах, Страхов считает, что к «тому же ряду течений относятся и те направления так называемой объективной психологии, которые сами родились вследствие отталкивания от эмпирической психологии» [34, с. 158]. Объясняется это тем, что «все предметные и проблемные сдвиги не изменили самого строя эмпирической психологии, так как отталкивание от нее шло в направлении недостаточно методологически осознанном, а именно – все основные логические орудия были сохранены, хотя даны в другом содержании» [34, с. 159]. К описательной психологии Страхов относит

понимающую психологию Шпрангера, видя в ней продолжение идей Дильтея о психологии как «основополагающей науке о духе» [34, с. 161]. «Логически близкой» к описательной психологии являются гештальтпсихология В. Келера. Тенденции описательной психологии Страхов отмечает и в психоанализе [34, с. 168]. Эйдетическая теория Йенша занимает «промежуточное положение между обоими способами исследования через посредство слияния структурного, типологического и экспериментального исследования» [34, с. 168].

Можно ставить под сомнение понимание Страховым проблемы соотношения описательной и объяснительной психологии, критерии и результаты выдвигаемой им классификации психологических теорий. Однако при этом мы должны хорошо чувствовать всю глубину (а это большая глубина) затрагиваемых Страховым вопросов и оригинальность его подхода, представленного здесь в самом начале своего формирования. Отметим, что различение теоретической и эмпирической психологии (как и различение теоретического и эмпирического знания вообще) – задача трудная сама по себе. Но еще более трудным является следующий шаг – различение внутри теоретической психологии ее предмета и метода. И если у Страхова мы видим более-менее ясно очерченную область теоретической психологии и проблему ее метода, то вопрос о теоретическом предмете у него фактически оказывается «поглощенным» вопросом о методе.

Наша оценка качеств Страхова как психолога-теоретика во многом зависит от того, насколько обоснованно он осуществлял свою критику и в какой мере способствовал разрешению проблемы. Эти вопросы в данном случае самым непосредственным образом связаны с вопросом о Страхове как психологе-марксисте. Доказывать, что Страхов был психологом-марксистом – значит ломиться в открытую дверь: он не мог не быть таковым. Марксистская проблематика интересовала Страхова еще в студенческие годы: его дипломная («квалификационная», как тогда было принято выражаться) работа 1927 г. называлась «Опыты построения марксистской психологии в России».

Не представляет особого труда показать, что уже начиная со статьи «Психология и литературоведение» [31] Страхов являлся убежденным сторонником и проводником марксистских идей, в соответствии с духом которых он стремился к созданию особой марксистской психологии и критиковал все остальные, немарксистские теории – как зарубежные, так и отечественные, как традиционные, так и самые современные.

Так, в статье «Против формализма в психологии» Страхов в самом начале пишет, что свою задачу он видит в том, чтобы критически рассмотреть психологические теории «с точки зрения психологии, разрабатываемой в духе диалектического материализма» [34, с. 145]. В другой статье Страхов призывает усвоить мысль «о необходимости теоретической разработки диалектики в ее отношении к конкретным проблемам психологии и к самой конструкции психологии как науки» [33, с. 118-119]. Необходима, подчеркивает Страхов, «обширная работа по определению психологической систематики, которая являлась бы формой конкретного воплощения диалектического метода в психологии» [33, 119].

Из марксистских установок естественным образом следует критика Страховым различных теорий зарубежной психологии за содержащийся в них формально-логический подход, идеализм, механицизм, антиисторизм и т.д. и т.п. Характерное высказывание Страхова о принципиальных пороках эйдетики [32, с. 297] мы уже цитировали выше.

Вместе с тем в той статье об эйдетике Страхов указывает «ряд особенностей эйдетических исследований, являющихся формально созвучными с подобными же тенденциями в психологии, разрабатываемой с точки зрения диалектического материализма» [32, с. 296-297].

Налицо, таким образом, тенденция не раскритиковать эйдетику с позиций марксизма, а, напротив, ассимилировать ее. Такое понимание критической функции марксизма вообще было типичным для двадцатых годов, когда созвучные марксизму идеи обнаруживались в психоанализе, бихевиоризме, педологии, персонализме, рефлексологии

и т.д. Это давало право прививать или продолжать развивать эти теории, направления и отрасли на советской почве, формально оставаясь в рамках официальной марксистской идеологии.

Более жесткую политику Страхов проводит в своих статьях [34], [33], но это не меняет его исходной установки на усвоение. Разумеется, критику Страховым концепций Гуссерля, Дильтея, Зомбарта, Шпрангера и многих других зарубежных психологов, философов и социологов в наше время вряд ли можно признать основательной, ибо проводится она путем их прямого сопоставления с теми или иными положениями в марксизме, и все несовпадающее и непохожее тут же признается ошибочным, неправильным, порочным или односторонним.

Но все же Страхов знал, что он критиковал. В его критике, содержащей множество цитат, основывающейся на знании первоисточников (в том числе и на языке оригинала – на немецком), в самой его попытке выявить логику и детерминанты различных теорий, провести их прямое сопоставление с идеями Маркса содержится, как нам кажется, огромный позитивный смысл. Этот смысл заключается в том, что подавляющее большинство работ, которые излагает и анализирует Страхов, до этого были еще недостаточно глубоко изучены и ассимилированы в русской дореволюционной и советской психологии двадцатых годов. Поэтому как частное проявление естественной общенаучной тенденции следует оценивать стремление Страхова (с поправкой на его критичность, обусловленную влиянием марксистской «р-р-революционной» идеологии, а так же возрастом и индивидуальными особенностями характера) установить прерванное войнами и революциями идейные связи, войти в русло мировой психологии.

Требуется своего уточнения и вопрос о том, как использовал Страхов марксизм в качестве конструктивного и эвристического средства.

Даже утверждая особую ценность и безусловную правоту марксистских идей, фактически Страхов стремится не просто повторить уже известное, а развить и по-своему выразить или применить те или иные марксистские идеи, пересекающиеся с психологией. В этом смысле он, конечно, ни в коей мере не был ортодоксальным марксистом. Его никак нельзя упрекнуть, как и Выготского, в том, что он готов был довольствоваться малым, «скроив на скорую руку пару цитат» из работ классиков марксизма.

И дело здесь не только в личных качествах Страхова, но и в том, что точки зрения диалектического материализма в нашей психологии тогда попросту не было. Вследствие этого Страхов был вынужден, как и другие советские психологи в то время, на свой страх и риск формулировать и решать проблемы, находящиеся на стыке психологии и марксизма. Опереться в этом деле было особенно не на что да и не на кого, тем более если мы учтем присущее Страхову стремление на все иметь собственную точку зрения.

Поэтому в критической части Страхов дает суровые оценки марксистским «заходам» других советских психологов [30, с. 123-124], [31, с. 10, 22], [34, 170-171]. В этой связи, перефразируя известное изречение, можно сказать, что самыми суровыми критиками марксизма – и в психологии, и вообще – в конечном счете оказываются сами марксисты.

В то же время Страхов в позитивной части своих рассуждений не столько высказывает или развивает, сколько пытается хотя бы в первом приближении сформировать марксистскую точку зрения в психологии.

В этом плане показательна общая логика Страхова при обсуждении двойственного логического строя психологии. Разделение психологии на описательную и объяснительную является, как неоднократно подчеркивает Страхов, следствием применения формальной, а не диалектической логики. Но, несмотря на все старания, на занимающие много страниц рассуждения об историческом подходе в психологии, о диалектических отношениях между описанием и объяснением, дедукцией и индукцией и прочими антиномиями, Страхову не удается сходу справиться с поставленной перед собой задачей – с помощью марксизма разрешить проблему двух психологий. Не помогает

Страхову в этом деле и его добросовестная попытка теоретически разработать понятие «общественный класс».

Еще в обзоре «Проблема изучения типов в психологии» Страхов выделяет особую, четвертую группу теорий, – «основы которой заложены в философии марксизма» [30, с. 117], что подкрепляется соответствующими цитатами из работ Маркса и Плеханова. В других теориях основными являются понятия темперамента, характера, конституции, типа поведения и т.п.; в марксистской теории таковым является понятие общественного класса [30, с. 121].

Приведя ленинское определение класса, далее Страхов пишет: «Это определение носит социологический характер, и потому не содержит в себе психологических признаков. Поэтому мы должны поставить вопрос о психологическом содержании класса» [30, с. 122]. В 1930 г. Страхов не боится дать свое собственное, психологическое определение класса [33, с. 99]. Вскоре у советских психологов осталась возможность заниматься психологией, пожалуй, только школьного класса.

То, что дальше Страхов, вместо того, чтобы развивать психологическую теорию класса, снова возвращается к исходной проблеме типа, ни в коей мере не является случайностью или логической ошибкой. «Полное единство всех планов индивидуума» [33, с. 101] находит свое выражение все-таки не в понятии «класс» (так утверждал бы Страхов-марксист), а в понятии «тип» (так утверждает Страхов-психолог). Детальная разработка проблемы типа (не «класса»!) явилась бы, с точки зрения Страхова, «систематическим завершением всей психологии и составляла бы закон образования субъекта...» [33, с. 101].

Подоплека страховских рассуждений о классовой психологии ясна: вначале надо рассмотреть и решить более общую проблему типа, а затем уже на этой (психологической) основе приступить к разработке проблемы общественного класса.

На этом примере хорошо видно, что Страхов был сначала психологом, а потом уже марксистом. Вначале он выдвигал психологическую проблему, а затем пытался ее решить с помощью марксизма, и в этом все дело.

Таким образом, для Страхова, судя по его работам 1929-1930-го годов, характерны такие черты, как огромный интерес к теоретическим, философским и методологическим проблемам психологии, самостоятельная разработка самых сложных и актуальных проблем (теоретического метода, соотношения описательной и объяснительной психологий, психологии и марксизма и др.), высокая степень критичности в сочетании с самым тщательным усвоением и осмыслением предмета критики – зарубежных психологических теорий.

Однако именно в силу этих черт (не будем забывать, что их обладателю в 1930 г. было только 25 лет!), которые в нормально функционирующем научном сообществе могут оцениваться только как позитивные, работы Страхова 20-30-х годов в последующие десятилетия советской истории не вспоминались и не указывались ни самим Страховым, ни в литературе о нем: это было и не нужно, и опасно. Теоретический потенциал ученого остался невостребованным. Можно только предполагать, каких высот достиг бы Страхов, если бы он имел нормальные условия для дальнейшего творческого развития своих идей в области теоретической психологии.

Обобщающий вывод о том, что выявленные особенности научной биографии Страхова в значительной мере характеризуют судьбу всей нашей психологии периода, напрашивается сам собой.

Докторская диссертация И.В. Страхова. В диссертации Страхова «Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией» [38] (см. также современное, в двух томах издание диссертации [67]) нашли отражение результаты многолетних исследований Страхова в области общей и детской характерологии. Эмпирическими источниками для Страхова были длительные наблюдения за отдельными школьниками и за целыми школьными классами, беседы с

учащимися, наблюдения учителей, содержание дневников школьников и их сочинений о любви и дружбе. Всего им было собрано и проанализировано девятьсот восемь сочинений, а также пятнадцать подростковых дневников. И сегодня диссертация впечатляет обилием фактических данных (в настоящее время представляющих огромный познавательный интерес и в социокультурном плане, как одна из сторон жизни ушедшей эпохи), тщательностью и глубиной анализа. Коснемся некоторых ключевых аспектов работы. При этом стоит обратить внимание на то, что обширное «Резюме» в конце третьей части можно рассматривать как относительно самостоятельную работу, своего рода автореферат диссертации, в котором Страхов в обобщенном и систематизированном виде выразил основные идеи своего исследования.

В первую очередь необходимо дать слово самому ребенку, школьнику – так можно выразить сущность позиции Страхова в эмпирическом плане, исходя из того, как много места в диссертации занимают обширные цитаты из сочинений и дневников школьников. Как бы мы к этому сейчас не относились, но в умозрительности и безосновательном теоретизировании Страхова обвинить никак нельзя. В то же время было бы ошибкой считать, что у Страхова нет своего терминологического аппарата. Введение и использование этого аппарата искусно вплетено в комментарии обширных цитат из сочинений и дневников школьников. Здесь мы встречаемся с целым комплексом понятий: «сознательность», «формы коллективности», «полнота», «содержательность» и «направленность» дружеских связей, «внешнее и внутреннее в дружеских отношениях», «аффективно-эмоциональная возбудимость», «индивидуальный темперамент», «конкретный индивидуальный темперамент», «аффицирующее влияние», «симпатическая привязанность», «детская характерология», «характерологическое изучение классовых коллективов» и т.д. Кроме того, Страхов по-своему толкует такие значимые в психологии понятия, как «темперамент», «характер», «личность», «дружба», «любовь», «товарищество», «интеллект», «рефлексия» и т.п.

Еще одна своеобразная черта индивидуального творческого стиля Страхова – обилие в диссертации самых различных классификаций: направленности в дружбе, видов дружбы, любви, классовых коллективов и т.д. Однако это не бесплодная и абстрактная «игра в бисер» по-научному. Во всех этих многочисленных построениях, прослеживается, как нам представляется, стремление Страхова даже при самых широких обобщениях ни в коей мере не потерять живого человека в его конкретности и индивидуальности.

Оригинальность общего подхода Страхова обнаруживается и в методическом плане, а именно, в трактовке метода наблюдения. Страхов по своей сути является Наблюдателем, – как в области эмпирии, так и в области теории. Характерны в этом плане, например, слова ученого о том, что для того, чтобы понять развитие чувства любви у подростков в школьном детстве, «необходимо прежде всего накопить материал» для характеристики этого чувства. Читатель может сам убедиться, что на протяжении всей диссертации Страхов настойчиво подчеркивает значение психолого-педагогического наблюдения, противопоставляя его не только эксперименту, но и наблюдению «простому», т.е. не систематизирующему и ненаучному, а также наблюдению «формальному» и «схематизированному» (здесь можно вспомнить и одну из гомельских статей, где речь идет о педагогическом наблюдении).

Но новизна диссертационного исследования Страхова заключается не только (и не столько) в эмпирическом, терминологическом или методическом аспектах. Все это – лишь необходимые элементы и внешние формы проявления определенной теоретической концепции (необходимость которой подразумевается самим жанром докторской диссертации). В диссертации мы видим попытку очертить контуры психологической системы, в которой ключевой является проблема характера, а в качестве основных понятий выступают понятия «характер», «темперамент» и «эмоции» («чувства»). Свой общепсихологический подход Страхов нигде не определяет в нескольких словах, однако неслучайно в отдельных местах работы он пишет о «функциональном анализе»,

«функциональном психологическом анализе» или подчеркивает необходимость построения особой «конкретной и содержательной психологической теории характеров» и «детской характерологии». С нашей точки зрения, за всем этим реально стоит – и это стоит подчеркнуть особо – выдвинутая Страховым оригинальная общепсихологическая или, говоря предельно точно, общехарактерологическая концепция. По словам же самого Страхова, его диссертация представляет собой «опыт историко-критического и положительного теоретического исследования общих вопросов характерологии» и связанных с этим «вопросов методического порядка».

В целом, как нам представляется, о значении диссертации можно судить, имея в виду две ее основные линии исследования. В теоретическом плане это, во-первых, общая теория индивидуальности, данная в тесной увязке с теориями темперамента, характера, личности и физиологическими аспектами темперамента, а также с проблемами детской характерологии и «микрохарактерологии»; во-вторых, это исследование социально-психологических явлений и закономерностей в детском коллективе (товарищества, дружбы и любви). Соответственно, в эмпирическом плане диссертация посвящена рассмотрению, с одной стороны, индивидуальной психологии эмоций и эмоциональных компонентов характера, а с другой – их социально-психологическим аспектам (в контексте феноменов дружбы, коллективизма и т.д.). В совокупности обе эти стороны представляют собой органическое целое, это две стороны одной медали, т.к., по Страхову, именно в дружбе, любви и других «формах общественного поведения» проявляется характер человека в его эмоциональных компонентах; связующим звеном здесь в эмпирическом плане выступает «чувство коллективности».

Таким образом, в своей работе Страхов пытается свести в одно целое индивидуально-психологический и социально-психологический подходы в изучении характерологических особенностей школьника. Насколько это ему удалось? Нам представляется, что говорить о наличии в диссертации единого синтетического подхода, особой «социально-психологической теории характера» означало бы выдавать желаемое за действительное; но то, что Страховым был сделан большой шаг в этом направлении, является несомненным, и именно этим в значительной степени определяется теоретическое значение всего диссертационного исследования.

Более конкретно особенности теоретического подхода Страхова можно проследить на примере проблемы темперамента. Сопоставляя понятия «темперамент», «характер» и «личность», Страхов стремится к ясному различению свойств темперамента, черт характера и качеств личности. В трактовке Страховым проблемы темперамента также существенно его стремление к выделению не только общего, но и сугубо индивидуального в темпераменте отдельного человека. Поэтому неслучайно в диссертации используются выражения «индивидуальный темперамент» и «конкретный индивидуальный темперамент». Кроме того, Страхов указывает на специфику темперамента в зависимости от возраста (по-своему проявляется темперамент у взрослых, подростков, дошкольников), на различия проявления темперамента у животных и человека. Наряду с этим во всей работе ясно видно, что и в методическом, и в теоретическом плане для Страхова как психолога всегда важно различать внешнее выражение и внутреннее содержание темперамента.

Выступая против чрезмерно расширенного толкования темперамента, Страхов при разработке единого учения о темпераменте выделяет две взаимосвязанные, но не совпадающие друг с другом стороны – исследование физиологических основ и психологических качеств темперамента. При этом Страхов стремится как можно более четко развести физиологическую трактовку темперамента (иногда даже говоря о «физиологическом темпераменте») и трактовку чисто психологическую. Исходя из понимания темперамента как «индивидуального своеобразия психической деятельности человека в ее аффективно-динамических особенностях», Страхов неоднократно подчеркивает в работе, что его интересует прежде всего «психологическая теория

темпераментов». В связи с этим показательно, что в диссертации очень мало (даже по нынешним меркам) говорится о типах высшей нервной деятельности по Павлову. Скорее всего, именно из-за такого «неуважительного» отношения Страхова к физиологическим аспектам темперамента публикация материалов диссертации, посвященных проблемам темперамента и характера, в последующие годы, проходившие, как известно, под лозунгом «павловской психологии», оказалась практически невозможной – в отличие от материалов о дружбе школьников, частично опубликованных вскоре после войны [44].

Серьезной информацией к размышлениям для современного психолога-теоретика или практика является также то, что Страхов в вопросе классификации темпераментов выступил против традиционных «отвлеченных схем» и на основе полученных фактов предложил различать не четыре, как обычно, а *восемь темпераментов*. С точки зрения Страхова, «в каждом из основных четырех типов темпераментов выделяются, по крайней мере, две основных формы – сильное и резкое выражение основных типологических признаков темперамента и более мягкая форма, с преобладающими признаками этого же типа, но в более умеренной степени выражения». Поэтому «правильнее было бы принять за основу не четверное деление основных типов, а деление восьмеричное» – хотя, добавляет с сожалением Страхов, «в языке отсутствуют соответствующие терминологические обозначения для такого более подробного деления».

На примере изучения темперамента можно также убедиться, насколько естественно и продуктивно Страхов совмещает в своем исследовании индивидуально-психологический и социально-психологический подходы. В частности, в ходе длительных наблюдений на уроках и во внеурочное время, а также анализируя дневники школьников и их сочинения на темы о дружбе, товариществе и любви, Страхов исследует проявления темперамента не только у отдельных учеников, но и на уровне дружеских компаний и целых школьных классов. Так, в диссертации анализируются данные относительно того, сколько учеников из всего класса относятся к тому или иному типу темперамента (надо сказать, это один из немногих случаев обращения Страхова к математическим подсчетам) и как это сказывается на учебной деятельности школьников, на их взаимоотношениях друг с другом. Это и означает, что феномены товарищества, дружбы и любви Страхов рассматривает как определенную систему социальных отношений, в которых находят свое проявление индивидуальные особенности характера и темперамента школьников.

Впрочем, у нас есть не меньше оснований утверждать, что в своей работе Страхов на эмпирическом и теоретическом уровне глубоко проанализировал вопросы товарищества, дружбы и любви в школьном возрасте, взятые, так сказать, «сами по себе», т.е. в чисто социально-психологическом плане. В частности, выделенная Страховым триада «товарищество – дружба – любовь» и в настоящее время может использоваться в качестве значимой дополнительной линии анализа личности, деятельности и общения наряду с привычной для нас триадой «игра – учение – труд». Продуктивное с научной и практической точек зрения пересечение этих линий в работе Страхова можно видеть, например, в используемом им понятии «дружба-игра». Несомненно, материалы исследований Страховым психологии подростковой и юношеской дружбы и любви и полученные им выводы и сегодня представляют большой интерес для педагогов-практиков, а также для специалистов в области возрастной и школьной психологии.

Диссертация Страхова может служить примером сознательного противопоставления взглядов ученого различным «абстрактно-формализованным» теориям, количественным измерениям, массовым анкетам, тестам и т.п. В том, что такая трактовка характерологических проблем у Страхова была не столько конъюнктурной (о методологических и методических последствиях для нашей психологии постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях...» забывать не следует), сколько отражала его собственную точку зрения, нас убеждает и диссертация Страхова, и все его последующее научное творчество.

Основные черты научного мировоззрения И.В. Страхова. Говоря о научном мировоззрении Страхова, следует исходить из того, что все имеющиеся в настоящее время работы, посвященные Страхову, можно разделить на две большие группы. Во-первых, это биографические справки в словарях и короткие сообщения в периодических изданиях, где в общих чертах излагается биография ученого, перечисляются его наиболее важные работы, указываются основные направления и тематика его исследований [17], [20], [23, т. 4]. Во-вторых, это статьи, содержащие анализ отдельных работ или отдельных проблемных областей научно-исследовательской деятельности Страхова [1], [16], [18], [19], [25], [26], [71], [72]. Но до сих пор все еще нет ни одной работы, в которой была бы предпринята попытка охарактеризовать Страхова как ученого-психолога в целом, т.е. эксплицировать индивидуальные особенности его творческого стиля, проанализировать и обобщить его взгляды по наиболее существенным, принципиальным вопросам психологии. Нижеследующее изложение – наша попытка в определенной мере восполнить этот пробел.

При характеристике основных черт научного мировоззрения Страхова прежде всего следует отметить его широкую эрудицию, компетентность и научную добросовестность в излагаемых им вопросах, о чем мы можем судить по широте охвата и количеству упоминаемой, цитируемой и анализируемой им литературы. Любая работа Страхова – это всегда результат досконального изучения объекта, будь то эмоциональные компоненты в характере младшего школьника, произведения Толстого или психологические аспекты педагогического такта. В тесной связи с этим следует рассматривать особенности критической составляющей в работах Страхова. Страхов всегда хорошо ориентировался в том, что говорили по излагаемому им вопросу другие авторы, и всегда имел свою собственную точку зрения на их работы и высказываемые в них суждения и оценки. Однако мы практически нигде не находим у Страхова развернутой критической части исследования. Его оппозиция к другим точкам зрения, с которыми он не согласен, почти всегда носит неявный характер. По-видимому, уже в начале своей научной карьеры Страхов стал руководствоваться принципом: «Не суди, и не судим будешь» (что, было, насколько мы сейчас понимаем, во многом обусловлено внешними, социальными причинами). Только сопоставив взгляды Страхова по основным вопросам психологии с взглядами других (советских и зарубежных) психологов, его предшественников и современников, мы можем во всей полноте понять самобытность и значимость его собственных психологических взглядов.

Далее, для научного творчества Страхова характерны большое разнообразие и широта научных интересов. Действительно, на протяжении почти шестидесяти лет Страховым исследовался широкий спектр проблем – психологии научного и художественного творчества, внутренней речи, характерологии, психологии младших школьников и подростков, психологии и педагогики внимания, психологии дружбы, психологии учителя, педагогического общения, педагогического такта, психологии и педагогики высшей школы. В то же время – и это стоит подчеркнуть особо, – несмотря на столь широкие и разнообразные интересы, Страхову в своей творческой деятельности (и в качестве самостоятельного исследователя, и в качестве лидера научной школы) удавалось сохранять преемственность в изучении, взаимосвязь и единство всех этих областей – главным образом, как нам думается, благодаря своим неизменным пристрастиям в трактовке вопроса о предмете психологии.

Мы имеем в виду то обстоятельство, что если исходить, как это было принято в традиционной эмпирической психологии конца XIX – начала XX века, на которой, наряду с изучением современных направлений, во многом воспитывался и формировался Страхов в 20-30-е годы, из деления всей психики на интеллект, чувства и волю, то для Страхова на протяжении всей его научной биографии главным объектом изучения следует признать сферу чувств. Особый интерес к эмоциональной сфере мы видим во всех областях научного творчества Страхова – при изучении им характера младшего школьника,

художественного творчества, внимания, темперамента и т.д. Чувства, эмоции (к тому же – в своих индивидуальных проявлениях) для Страхова как исследователя-практика и педагога высшей школы были не менее важны (наверное, все-таки точнее будет сказать – «более важны»), чем образы восприятия, представления памяти, продукты мышления, цели и мотивы деятельности и т.д.

Еще одна не менее важная особенность научного мировоззрения Страхова, характеризующая его трактовку предмета психологии, обнаруживается при решении им проблемы соотношения внешнего и внутреннего. Возьмем на себя смелость выдвинуть тезис о том, что Страхову при решении этой проблемы удалось избежать крайностей и найти верный путь между Сциллой поведения и Харибдой сознания, гармонично сочетая в своих исследованиях интерес как к внешней, объективной (поведение, деятельность, поступки человека), так и к внутренней, субъективной (сознание, эмоционально-волевая сфера) сторонам человеческой психики. Так, например, при создании психологических характеристик школьников Страхов исходил не только из результатов наблюдения за их поведением на уроках и во внеурочное время, но и из бесед с ними, из изучения содержания их дневниковых записей и сочинений на свободные темы. Аналогично в монографии о творчестве Толстого Страхов анализирует не только художественные произведения писателя, но и его дневники, а также привлекает другие сведения о биографии Толстого – воспоминания современников, работы литературоведческого плана и т.д.

Более того, в отличие от присущего деятельностному подходу постулата о превосходстве и первичности внешнего над внутренним в процессе интериоризации (внутренняя деятельность есть результат «вращения» деятельности, исходно данной во внешнем плане), в работах Страхова ясно прослеживается противоположный тезис – о примате внутреннего над внешним в формировании и функционировании психики. Другими словами, Страхов интересовал не столько процесс интериоризации, сколько процесс экстериоризации, т.е. закономерности и условия выражения человеческой сущности вовне.

Немаловажное значение в системе психологических взглядов Страхова имеет также решение проблемы соотношения общего и индивидуального в человеческой психике (что в свое время, как мы знаем, выразилось в философии в противопоставлении номотетического и идеографического, обобщающего и индивидуализирующего подходов). Страхов всем своим творчеством отстаивает изучение человеческой личности не вообще, а как живой индивидуальности, в ее неповторимости и уникальности. Отсюда основные положения его общепсихологической концепции и идеи о «детской характерологии» и «микрохарактерологии», отсюда его критика в адрес схематизма и формализма.

Изучение трактовки Страховым проблем практического плана, связанных с использованием методов психологии, приводит нас, во-первых, к выводу о широком спектре применяемых Страховым методов и, во-вторых, к выводу о том, что основным эмпирическим методом для ученого был, как мы уже отмечали выше, метод наблюдения. При этом наблюдение для Страхова, как это хорошо видно по его многочисленным описаниям, подразумевает не столько беспристрастное, «холодное» созерцание, сколько понимание, вчувствование и сопереживание, т.е. как можно более полное, всестороннее постижение индивидуальных особенностей объекта наблюдения – живой и неповторимой человеческой личности (школьника, учителя, писателя).

Так, например, и докторская диссертация, и монография Страхова о Толстом – это скрупулезное перечисление результатов пристального наблюдения над объектом. Порой читать эти работы так же непросто, как и вникать в детальное описание самой обычной, хорошо знакомой всем вещи или картины: стола, обстановки в комнате, городской улицы, привычного пейзажа. Но разве психика – наша психика, психика других людей – чаще всего не представляет для всех нас именно такую, хорошо знакомую, привычную вещь?

Дар наблюдения и анализа вещей близких и привычных является не менее ценным, чем внимание ко всему яркому, новому и необычному, чем стремление к поиску неизвестного в дальних и неизведанных краях. Можно сказать, что этим даром неиссякаемого интереса к тому, что лежит рядом, перед нами и дается нам как бы само собой, непосредственно, Страхов был наделен сполна. Изучение научного наследия Страхова показывает, что метод наблюдения рано сбрасывать со счетов, ибо еще далеко не все его возможности раскрыты и реализованы в психологической науке.

Но Страхов не был бы самобытным психологом-мыслителем, если бы он ограничил свою задачу только фиксацией результатов, полученных в ходе наблюдения. С особой значимостью для Страхова метода наблюдения тесно связано его стремление к максимально продуманному и эмпирически обоснованному упорядочению, классификации собранного материала.

Профессор В.И. Страхов, характеризуя особенности научной деятельности своего отца, в этой связи подчеркивает: «И.В. Страхов при исследовании любой проблематики (а он вел исследовательскую работу во многих направлениях) был крайне озабочен сбором «натурального» материала – живых и непосредственных фактов реальной актуализации интересовавшей его любой психической функции. Будь то изучение внутренней речи в творчестве Л.Н. Толстого, исследование психологического аспекта педагогического такта, учительской типологии, психологии сновидений и многого другого, – всегда его предварительная работа была ориентирована на накопление большого объема объективных фактов, в их множественности и вариативности» [28, с. 4].

От длительного, скрупулезного и всестороннего наблюдения (в силу таковых качеств приближающегося к методу «естественного эксперимента» Лазурского) через непосредственно вытекающую из материалов наблюдения классификацию к логически и эмпирически обоснованным обобщениям и выводам – таков цикл движения, присущий исследовательской мысли Страхова. Это находит свое выражение в том, что любая формулируемая и отстаиваемая в работах Страхова научная идея начинается с наблюдения и потому может быть в любой момент отслежена в своем генезисе и проверена на истинность. С этим стремлением Страхова к упорядочиванию тесно связано его резко негативное отношение к различного рода гипотетическим построениям, абстрактным и формальным (т.е. эмпирически недостаточно обоснованным) классификациям, закономерностям и схемам, о чем мы можем судить уже по первым теоретическим работам ученого [30]-[34].

Специально следует отметить нелюбовь Страхова к чисто количественным, статистическим методам сбора и обработки результатов эмпирического исследования. Мы не найдем у Страхова работ, имеющих своей целью поиск определенных математических закономерностей, абстрактных и формально-логических связей в изучаемом объекте. Мы не встретим в работах Страхова выводов, основанных на подсчете средних величин, процентных соотношений, статистическом определении значимости различных факторов и т.п. (аналогичный подход можно обнаружить и у одного из основателей нейропсихологии, яркого представителя «романтической» психологии – А.Р. Лурия). Как нам представляется, дело здесь вовсе не в последствиях запрета метода тестов при ликвидации «педологических извращений» в нашей стране во второй половине тридцатых годов, не в степени компетентности Страхова в вопросах применения математических и статистических методов и не в индивидуальных особенностях личности и характера Страхова. Думается, что исходная причина недоверия Страхова к количественным (математическим и статистическим) методам в психологии носит принципиальный характер и вытекает из понимания им предмета, метода и главных задач психологии, т.е. является отражением сущности его позиции в вопросах научного мировоззрения.

Помимо содержательных аспектов, следует специально заострить внимание и на чисто внешних, стилистических особенностях работ Страхова. Язык работ Страхова прост и понятен, но все-таки прежде всего это язык науки. Стилль изложения Страхова – это

стиль академичный, без прикрас, с отдельными «вкраплениями» специальных терминов и понятий, либо трактуемых Страховым совершенно по-своему (таковы понятия «темперамент», «характер», «личность», «рефлексия», «сознательность» и др.), либо составленных из известных терминов, но в непривычном сочетании («мимический язык чувств», «физиогномическая картина», характерность», «формы коллективности», «аффективно-эмоциональная возбудимость», «индивидуальный темперамент», «аффицирующее влияние», «симпатическая привязанность» и т.д.).

В целом в работах Страхова мы видим образец классического научного стиля – может быть, не всегда яркого и привлекательного, но всегда точного, продуманного и глубокого.

Наконец, следует напомнить и о выдающихся организаторских и лидерских качествах Страхова, нашедших свое выражение в многолетней плодотворной деятельности ученого в качестве заведующего кафедрой психологии Саратовского пединститута и научного руководителя диссертационных исследований аспирантов: А.И. Аржановой (1951), В.М. Беляевой (Вершининой) (1951), В.П. Чубукова (1953), Т.Г. Якушевой (1953), Н.А. Дементьевой (1954), М.С. Кобзева (1954), В.В. Развиновой (Старовой) (1956), Р.Г. Селивановой (1956), И.Э. Стрелковой (1967), Е.П. Санниковой (1969) и др. Всего же учениками Страхова было защищено семнадцать кандидатских диссертаций. Кроме того, в 1958-1975 гг. Страхов возглавлял Саратовское отделение Общества психологов СССР [63], что нашло выражение, в частности, в организации ежегодных научных конференций отделения и публикации «Тезисов докладов» к ним [53]-[62].

Указанными чертами далеко не исчерпывается весь список качеств, присущих научному мировоззрению профессора Страхова. Мы постарались выделить и охарактеризовать лишь самые основные.

В заключение следует сказать, что разработанные Страховым идеи относительно сущности и типов темперамента, методов его изучения и учета в дальнейшем получили развитие (как теоретическое, так и по линии практических разработок и рекомендаций) в его собственных работах, а также в работах его учеников и последователей в ходе исследований темперамента, характера, внимания и мышления школьников, педагогического такта, психологии школьных коллективов и различных видов творчества. В честь ученого одна из учебных аудиторий в Педагогическом институте Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, где читаются лекции по психологии, сейчас носит его имя. Начиная с 1991 года ежегодно публикуются «Материалы Страховских Чтений». В 2005 г. в двух томах вышли юбилейные (посвященные 100-летию со дня рождения ученого) «Материалы Четырнадцатых Страховских чтений» [21], в 2006 г. были опубликованы «Материалы» очередных Пятнадцатых Страховских чтений [22]. Большим и важным шагом в деле публикации остающихся актуальными, но ныне малодоступных работ И.В. Страхова стало переиздание в 1998 г. его монографии «Л.Н. Толстой как психолог» [66], а в 2005-2006 г.г. – его докторской диссертации «Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией» [67].

1. Богданчиков С.А. Теоретические проблемы психологии в ранних работах И.В. Страхова // Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей (Материалы Первых Страховских Чтений). Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1991. С. 11-12.
2. Богданчиков С.А. Ранние работы И.В. Страхова в контексте истории советской психологии // Психологическое исследование: психические состояния, характерология, педагогический такт и творчество: Материалы Вторых Страховских Чтений. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 1992. С. 5-8.

3. *Богданчиков С.А.* Двадцатые годы в судьбе отечественной психологии (К научной биографии профессора И.В. Страхова) // *Материалы Третьих Страховских Чтений.* Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1993. С. 5-6.
4. *Богданчиков С.А.* О ранних работах И.В. Страхова (К 90-летию со дня рождения) // *Вопросы психологии.* 1995. № 5. С. 100-107.
5. *Богданчиков С.А.* Ежегодник «Вопросы психологии внимания» в ретроспективе // *Вопросы психологии внимания.* Вып. 13. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 7-12.
6. *Богданчиков С.А.* Из истории психологии: о докторской диссертации профессора И.В. Страхова // *Материалы Шестых Страховских Чтений.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 12-14.
7. *Богданчиков С.А.* К научной биографии профессора И.В. Страхова // *Бюллетень Международной Академии Психологических Наук.* Вып. 4. Саратов, Ярославль: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 152-157.
8. *Богданчиков С.А.* Проблема темперамента в докторской диссертации профессора И.В. Страхова // *Материалы Седьмых Страховских Чтений.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1998. С. 8-9.
9. *Богданчиков С.А., Страхов В.И.* Проблемы психологии литературного творчества в работах И.В. Страхова (вступительная статья) // *Страхов И.В.* Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М.-Воронеж, 1998. С. 5-17.
10. *Богданчиков С.А.* Основные черты научного мировоззрения профессора И.В. Страхова // *Материалы Восьмых Страховских Чтений.* Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1999. С. 10-15.
11. *Богданчиков С.А.* К вопросу об эйдетики // *Бюллетень Международной Академии Психологических Наук.* Вып. 8. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 2000. С. 20-24.
12. *Богданчиков С.А.* Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека (1930 г.). К научной биографии профессора И.В. Страхова // *Материалы 10-х Страховских чтений.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 2000. С. 12-16.
13. *Богданчиков С.А.* Судьба эйдетики в советской психологии // *Вопросы психологии.* 2001. № 2. С. 110-118.
14. *Богданчиков С.А.* Слово о профессоре И.В. Страхове // *Страхов И.В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2 т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. Т. 1. С. 7-32.
15. *Богданчиков С.А.* Становление ученого (Период 1920-1930 гг. в научной биографии профессора И.В. Страхова) // *Материалы Четырнадцатых Страховских Чтений.* Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов. В 2 т. / Под ред. проф. В.И. Страхова. Т. 1. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. С. 11-26.
16. *Громаковский Ю.А.* Системное изучение проблемы творчества в трудах И.В. Страхова // *Материалы Шестых Страховских Чтений.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 10-11.
17. *Давыдова З.* Жизнь, отданная науке // *Коммунист.* 1986. 10 сентября. С. 3.
18. *Донин А.Н.* Научно-методическое обеспечение профессором И.В. Страховым учебного процесса // *Материалы Четвертых Страховских Чтений.* Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1995. С. 11-12.
19. *Донин А.Н., Страхов В.И.* Преемственность в развитии научных направлений на кафедре психологии Саратовского пединститута // *Материалы Шестых Страховских Чтений.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 5-9.
20. *И.В. Страхов* (К 60-летию со дня рождения) // *Вопросы психологии.* 1965. № 6. С. 183.

21. Материалы Четырнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов. В 2 т. / Под ред. проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. Т. 1. 388 с.; Т. 2. 380 с.
22. Материалы Пятнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов / Под ред. проф. В. И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. 412 с.
23. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред. И.А. Каиров и Ф.Н. Петров: В 4 т. М.: Советская Энциклопедия, 1964-1968. Т. 1. 1964. 832 ст.; Т. 2. 1965. 912 ст.; Т. 3. 1966. 880 ст.; Т. 4. 1968. 912 ст.
24. Соколов М.В. Работы советских психологов по истории психологии // Психологическая наука в СССР: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 596-654.
25. Страхов В.И., Смирнов Г.В. От «внимательности» к «коллективному вниманию» как разработке социального аспекта проблемы внимания (к изучению научного наследия проф. И.В. Страхова) // Страхов В.И., Бондаренко Г.В. Экологическое сознание и внимание. Саратов, 1996. С. 122-124.
26. Страхов В.И. Разработка проблемы внимания на кафедре психологии Саратовского пединститута // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Выпуск IV. Саратов, Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 1997. С. 84-93.
27. Страхов В.И. Фрагменты жизненной и научной биографии профессора Ивана Владимировича Страхова // Материалы Двенадцатых Страховских Чтений: Сб. научных трудов / Под ред. проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С. 5-13.
28. Страхов В.И. Предисловие // Страхов И.В. Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2 т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005-2006. Т. 2. С. 3-5.
29. Страхов И.В. Работа в школе ликвидации неграмотности // Наш труд. Ярославль. 1926. № 5-6. С. 49-50.
30. Страхов И.В. Проблема изучения типов в психологии // Психология. 1929. Вып. 1. С. 104-127.
31. Страхов И.В. Психология и литературоведение // Литература и марксизм. 1929. № 6. С. 3-26.
32. Страхов И.В. Эйдетика // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 280-298.
33. Страхов И.В. О методе психологии в связи с проблемой типа // Естествознание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 89-121.
34. Страхов И.В. Против формализма в психологии // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 145-187.
35. Страхов И.В. Об умственной работе учителя // Методический листок. Гомель, 1936. № 1. С. 5-11 (на белорус. яз.).
36. Страхов И.В. Как изучать ученика // Методический листок. Гомель, 1936. № 2. С. 3-9. (на белорус. яз.).
37. Страхов И.В. О профориентационной работе в школе // Методический листок. Гомель, 1936. № 3-4. С. 9-14. (на белорус. яз.).
38. Страхов И.В. Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по специальности – психология): В 3 ч. М., 1941. 825 с.
39. Страхов И.В. Психология образов в творчестве Л.Н. Толстого // Научная сессия 1945 г. (16-30 ноября). Тезисы докладов по секции философских наук. Л.: Изд-во Ленинградского государственного Ордена Ленина университета, 1945. С. 58-61.
40. Страхов И.В. Устойчивые выразительные черты характера в изображении Л.Н. Толстого // Тезисы докладов на научной конференции психологического отделения Ленинградского ун-та. Л., 1945.

41. *Страхов И.В.* «Внутренние монологи» в произведениях Л.Н. Толстого как источник изучения эмоционально-волевых процессов // Советская педагогика. 1946. № 3. С. 77-94.
42. *Страхов И.В.* Внутренняя речь в изображении А.П. Чехова // Научный бюллетень Ленинградского ун-та. 1946. № 10. С. 44-46.
43. *Страхов И.В.* Л.Н. Толстой о структуре характера // Научный бюллетень Ленинградского ун-та. 1946. № 13. С. 43-46.
44. *Страхов И.В.* О дружбе школьников. Саратов: Саратовское областное изд-во, 1946. 112 с.
45. *Страхов И.В.* Структура внутренних монологов в творчестве Л.Н. Толстого // Научный бюллетень Ленинградского университета. 1946. № 9. С. 36-38.
46. *Страхов И.В.* Теория характера Л.Н. Толстого // Тезисы докладов на 2-й научной конференции психологического отделения Ленинградского ун-та. Л., 1946.
47. *Страхов И.В.* Художественное познание сновидений // Научный бюллетень Ленинградского университета. 1946. № 7. С. 44-46.
48. *Страхов И.В.* Л.Н. Толстой как психолог // Ученые записки Саратовского педагогического института. Вып. 10. Кафедра психологии. Саратов, 1947. 316 с.
49. *Страхов И.В.* Методика и материалы психологической практики студентов в школе. Саратов, 1952. 183 с.
50. *Страхов И.В.* Вопросы психологии внимания в школе // Ученые записки Саратовского государственного педагогического института. 1954. Вып. 18. Кафедра психологии. Саратов, 1954. 164 с.
51. *Страхов И.В.* Научная работа кафедры психологии Саратовского государственного педагогического института // Вопросы психологии. 1955. № 2. С. 119-120.
52. *Страхов И.В.* Обзор научной работы кафедры психологии Саратовского педагогического института // Ученые записки Саратовского государственного педагогического института. Вып. 32. Кафедра психологии. Саратов: СГПИ, 1958. С. 3-60.
53. *Страхов И.В.* (Ред.). VI научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1968. 16 с.
54. *Страхов И.В.* (Ред.). VII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1968. 18 с.
55. *Страхов И.В.* (Ред.). VIII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1969. 23 с.
56. *Страхов И.В.* (Ред.). IX научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1969. 15 с.
57. *Страхов И.В.* (Ред.). X научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1970. 12 с.
58. *Страхов И.В.* (Ред.). XI научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1970. 15 с.
59. *Страхов И.В.* (Ред.). XII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1971. 18 с.
60. *Страхов И.В.* (Ред.). XIII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1972. 16 с.
61. *Страхов И.В.* (Ред.). XIV научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1973. 15 с.
62. *Страхов И.В.* (Ред.). XV научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1975. 19 с.
63. *Страхов И.В.* Отчет о научной деятельности Саратовского отделения Общества психологов // Общество психологов при Академии педагогических наук СССР (Документы и материалы за 1957-1971 гг.). М., 1972. С. 167-168.

64. *Страхов И.В.* Научно-исследовательская работа кафедры психологии Саратовского педагогического института: Аннотированный указатель. Саратов, 1981. 74 с.
65. *Страхов И.В.* Научная работа кафедры психологии Саратовского пединститута // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 170-171.
66. *Страхов И.В.* Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 384 с.
67. *Страхов И.В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2 т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005-2006. Т. 1. 284 с. Т. 2. 280 с.
68. *Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов / Под ред. М.А. Мазманяна. Ереван: Армчупедгиз, 1960. С. 3-13.
69. *Теплов Б.М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы // Вопросы психологии. 1971. № 6. С. 122-130.
70. *Тутунджян О.М.* Проблемы истории психологии // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 109-113.
71. *Якушева Т.Г.* Проблема педагогического такта в трудах И.В. Страхова // Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1991. С. 8-10.
72. *Якушева Т.Г., Страхов В.И.* Профессор И.В. Страхов – составитель и редактор коллективных монографий // Материалы Пятых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 14-16.

ОЧЕРК 7 История эйдетики в СССР

История науки как научная дисциплина должна быть *доступной* (быть в наличии в виде книг, журналов, документов, архивов и т.д.), *понятной* (правильно понятой, адекватно оцененной) и *полезной* (в деле решения актуальных задач). На операциональном уровне это означает прохождение историко-научного исследования через такие обязательные этапы, как сбор необходимого эмпирического материала, анализ и обобщение этого материала, определение актуального значения полученных результатов и формулировка итоговых выводов.

Применительно к истории эйдетики в нашей стране каждый из этих этапов оказывается весьма непростым для преодоления барьером. Исследование судьбы эйдетики в СССР напоминает не столько незамысловатую экскурсию – от одного экспоната к другому – по виртуальному музею истории науки, в котором уже все описано, пронумеровано, разложено «по полочкам» и выставлено для всеобщего обозрения, сколько бег с препятствиями, неожиданно встающими там, где их, казалось бы, не должно было быть вовсе. Судьба эйдетики в СССР – хороший повод для того, чтобы лучше понять, что же в то время происходило в советской психологии и, тем самым, лучше понять советскую психологию в целом, раскрыть существенно важные особенности и черты ее развития и функционирования.

Что такое эйдетика? При ответе на вопрос о том, что такое эйдетика, современному даже не очень искушенному в философии читателю сразу же, наверное, придут на ум понятия «эйдетика», «эйдос» и «эйдология» у Платона, Гуссерля или Лосева, но вовсе не эйдетика как *особое направление в психологии* – как совокупность экспериментальных и теоретических исследований, которые на протяжении 20-40-х годов проводили немецкий

психолог Эрих Йенш и его единомышленники в Германии, в Марбургском психологическом институте. Во избежание неясностей следует сразу же подчеркнуть, что никакой связи между эйдетическими исследованиями в философии и психологии нет и сходство между эйдетикой в философии и психологии является чисто внешним, сугубо терминологическим. В частности, отсутствует какая-либо взаимосвязь марбургской *психологической* школы Э. Йенша и марбургской *философской* школы (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер и др.). Освальд Кро, один из ближайших сподвижников Э. Йенша, писал, что характерно, об этом еще в годы становления эйдетической школы: в 1922 г. в предисловии к своей книге, посвященной изучению эйдетических образов у подростков, он указывал, что используемые им и Э. Йеншем понятия «эйдетика» и «эйдетический» (образ) и не имеют ничего общего с аналогичными понятиями у Гуссерля и с «эйдологией» Штумпфа [см. 79, с. 8, прим.]. Мы начали (фактически – были вынуждены начать) обсуждение темы почти с того же самого упреждающего разъяснения. Похоже, что история заставляет нас повторяться, чтобы мы не забывали о ее «белых пятнах».

Однако вся суть проблемы, обнаруживающейся после незатейливого, на первый взгляд, вопроса о том, что такое эйдетика, таится, разумеется, не в субъективных ассоциациях и исторических параллелях, а в объективном положении вещей. В этом плане приходится констатировать, что в современной отечественной справочной литературе информация об эйдетике практически отсутствует. Так, в психологических словарях содержится только статья об эйдетизме [35, с. 452], [46, с. 421], где говорится, что эйдетизм – это «способность некоторых индивидов (эйдетиков) к сохранению и воспроизведению чрезвычайно живого и детального образа воспринятых ранее предметов и сцен», что «изучение эйдетизма стало центральной темой работ представителей Марбургской психологической школы (Э.Р. Йенш, О. Кро и др.)», что «результаты исследований, проведенных в последние годы, не подтверждают вывод о широком распространении эйдетизма» [35, с. 452].

Но ни в этой статье, ни в подобных ей других справочных изданиях [12, с. 332], [13, с. 570-571] [64, с. 787], [45, с. 406] [44, с. 168], [48, с. 455] [14, с. 614] нет ни слова об эйдетике как определенной психологической теории. Та же картина, естественно, обнаруживается и в современных электронных энциклопедиях и словарях – таких, как «Большая Энциклопедия Кирилла и Мефодия», «Психологический словарь» И.М. Кондакова, «Словарь психолога-практика» и т.д. Вряд ли мы могли бы существенно продвинуться в наших историко-психологических познаниях, если бы вся информация, например, о гештальтпсихологии содержалась только в статье о феномене «фигура и фон», о психоанализе – в статье об Эдиповом комплексе или феномене переноса, а о деятельностном подходе – в статье об интериоризации или механизме сдвига мотива на цель.

Помимо всей этой – более чем скупой – информации к размышлению, сравнительное изучение статей об эйдетизме в первом [34, с. 452] и втором [35, с. 452] изданиях «Краткого психологического словаря» косвенно дает представление о некоторых особенностях процесса деидеологизации нашей науки в последние годы: если в первом издании словаря прямо говорилось о том, что «к середине 30-х годов публикации сотрудников Марбургского психологического института приобрели откровенно псевдонаучный характер, а классификация видов эйдетизма была положена в основу фашистской типологии личности» [34, с. 401], то во втором издании [35, с. 452] эта фраза оказалась полностью исключенной. Такой шаг, как мы увидим далее, следует характеризовать не как уточнение дефиниции, а, скорее, наоборот, – как «сглаживание углов», умолчание, рационально объяснимое только отсутствием ясных ориентиров и точных сведений в вопросе о сущности, эволюции и значении эйдетических идей.

Из всех психологических словарей посвященная Йеншу отдельная словарная статья содержится только в психологическом иллюстрированном словаре И.М. Кондакова [30, с. 151]. В данном словаре содержатся статьи: «эйдетизм» «эйдетический образ», «Йенш Э.»,

«Закон Эммерта», «Активный ступенчатый гипноз», «Интегративная психология», «Психотерапия кататимного переживания образов». При этом обсуждаются понятия эйдетизм, эйдетический образ, эйдетические представления, эйдетические типы, но понятий «эйдетика» или «эйдетическая теория» нигде нет – ни в качестве отдельных статей, ни в статьях, посвященных другим, более общим понятиям. Более того: если в словарных статьях об эйдетизме ничего не говорится об эйдетике как психологической теории, то в современных отечественных монографиях и учебных пособиях по истории психологии (не говоря уже об учебниках по общей психологии) вообще нет ни слова не только об эйдетике, но и о явлении эйдетизма. Так же, по-видимому, обстоит дело в аналогичных изданиях за рубежом, если судить по вышедшим в последние годы на русском языке американским руководствам по истории психологии [36], [54], [69]. Кажется, мы уже почти готовы – подобно Уинстону Смиту в романе-антиутопии «1984» Дж. Оруэлла – засомневаться не только в достоверности информации о прошлом, но и в самом прошлом и спросить: а, может быть, и не было в действительности никакой эйдетики?

Чтобы еще больше подчеркнуть странное и необычное в обнаруженном «белом пятне» на карте истории науки, для сравнения укажем на то, что намного лучше в нашей литературе обстоит дело с другой психологической школой, существовавшей в Германии примерно в то же время – лейпцигской школой «целостной психологии» (Ф. Крюгер, Г. Фолькельт, Ф. Зандер и др.): в «Кратком психологическом словаре» содержится отдельная статья о Лейпцигской школе [35, с. 183-184], есть также ряд аналитических работ, посвященных этой школе ([55], [56] и др.). Уже такое беглое сопоставление наводит на мысль, что марбургская психологическая школа в истории психологии стоит особняком и что причины глубокого забвения эйдетики и отсутствия актуального интереса к ней носят не общий, а весьма специфический характер.

Не будем спорить, может быть, забвение эйдетики на уровне *общей теории* вполне оправдано с точки зрения логики и роста научного знания, а в *преподавании психологии* непосредственно вытекает из ряда педагогических соображений (эйдетика как незначительный по объему вопрос, к тому же давно утративший свою актуальность, не имеющий практического значения и т.п.).

Но с *историко-научной точки зрения* эйдетика ни в коей мере не заслуживает такого отношения к себе. Все дело в том, что в свое время (в первой трети XX века) это было одно из перспективных направлений развития в мировой психологии, причем не только с точки зрения самих творцов эйдетики. Упоминания об эйдетических исследованиях школы Э. Йенша можно встретить в работах тех лет многих известных авторов (К. Коффки, Э. Кречмера и др.). Показательно и то, что в вышедшей в 1930 г. монографии по истории психологии Гарднера Мерфи [81] в главе о современной (второй половины 20-х годов) немецкой психологии изложению эйдетики уделено достаточно много места: написанная Г. Клювером²² в качестве приложения отдельная глава «Современная немецкая психология» занимает в книге почти сорок страниц [81, с. 417-455], из них шесть страниц [81, с. 437-442], т.е. примерно пятнадцать процентов от общего объема главы, посвящены эйдетике.

Все это свидетельствует о том, что эйдетика, несмотря на свою краткую биографию, заслуживает самого пристального внимания в качестве объекта историко-научного исследования. У Выготского в конце 20-х годов были все основания определять эйдетику как сложившееся в Марбурге, в школе Йенша «психологическое учение, которое сейчас широко распространилось по всему миру, порождая повсюду исследования эйдетических феноменов, проверку фактических данных Йенша и его школы, обсуждение его теоретических построений и объяснений» [17, с. 181].

---

²² О Генрихе Клювере (Heinrich Klüver, 1897-1979) см. [47, с. 317-318].

В данном случае мы ограничимся рассмотрением только одного, наиболее близкого нам вопроса – о том, какой след оставила эйдетика в истории отечественной психологии советского периода. Говоря более конкретно, задача нашего исследования состоит в историко-научной реконструкции содержания и судьбы эйдетических идей в нашей стране, а так же в оценке места и роли эйдетики в истории советской психологии. Кроме того, мы рассчитываем на то, что решение этой задачи позволит нам на заключительном, обобщающем этапе исследования выйти на некоторые типичные черты и закономерности развития психологической науки в нашей стране в советский период.

Вначале следует в общем виде определиться с исходным понятием «эйдетика». Начнем с персоналий.

Автор эйдетической теории, основатель и лидер марбургской психологической школы Эрих Йенш (16.02. 1883 – 12.01. 1940) окончил гимназию в 1902 г., затем он изучал философию, математику и естественные науки в Тюбингене, Иене, Бреславле и Геттингене. В 1908 г. Э. Йенш защитил магистерскую диссертацию в Геттингене. В 1910 г. он стал экстраординарным профессором в Галле, а в 1913 г. – ординарным профессором и директором Института психологии в Марбурге [65, с. 172], который он возглавлял вплоть до своей кончины в 1940 г. В научную школу Йенша входили его брат Вальтер Йенш (Walter Jaensch), Т. Рикель (T. Riekkel), О. Кро (Oswald Kroh), Г. Фишер (G.H. Fischer), Гуттманн и др. Начиная с 1920 г. работы марбургской психологической школы регулярно публиковались в немецких научных журналах и выходили в виде отдельных изданий.

В предметно-логическом плане исторически и содержательно точная характеристика эйдетики как она есть (точнее, как она была) подразумевает рассмотрение во взаимосвязи, преемственности и единстве трех ее уровней (проблемных областей): 1) эйдетизм как эмпирический и экспериментальный феномен; 2) эйдетика как научная теория, объясняющая этот феномен на частно-научном уровне (в области психологии восприятия и памяти) или на общепсихологическом (общетеоретическом, философском и методологическом) уровне; 3) «интеграционная (интегральная) психология» («Integrationspsychologie») – идеологизированная, расистская и фашистская по своей сути, псевдонаучная концепция, которая в гитлеровской Германии развивалась Э. Йеншем и его учениками после 1933 г. путем «синтеза» эйдетических и национал-социалистических идей и лозунгов. Рассмотрим эти три стороны эйдетики более подробно.

Феномен эйдетизма. Впервые эйдетические образы описал в 1907 г. венский врач Урбанчич (Urbantschitsch), используя при этом для их обозначения выражение «субъективные наглядные образы». Но только Йенш и его школа основательно занялись изучением этого явления и придали ему, как подчеркивал Выготский, «широкое теоретическое значение» [17, с. 187]. Ниже мы попытаемся охарактеризовать феномен эйдетизма, опираясь в основном на две работы – Выготского [17] и Страхова [59].

О сущности феномена эйдетизма и методике эйдетического эксперимента можно судить по стенограмме протокола одного из типичных эйдетических опытов Рикеля. Десятилетнему ребенку сначала в течение девяти секунд показывают картину, представляющую собой черно-белый рисунок с множеством деталей. Это может быть, например, уличная сценка, где изображены люди, здания, различные предметы и т.д. Затем картина убирается, и в течение пяти с половиной минут идет опрос ребенка о деталях картины. Ребенок, фактически имея перед глазами только серый, пустой экран на том месте, где ему предъявлялась изображение, так отвечает на вопросы, что не остается сомнений, что картина в буквальном смысле у него стоит перед глазами (наличие пустого экрана является одним из обязательных методических условий эксперимента, так как в значительной мере способствует проявлению устойчивого эйдетического образа). «Вот это в буквальном смысле слова видение отсутствующего предмета или картины и составляет основу эйдетизма» [17, с. 186]. Сущность эйдетического феномена (эйдетизма), таким образом, заключается в том, что «человек, обнаруживающий его, обладает

способностью видеть в буквальном смысле этого слова на пустом экране отсутствующую картину или предмет, который перед тем находился перед его глазами» [17, с. 181].

Феномен эйдетики в школе Э. Йенша с самого начала рассматривался не как редкое исключение или некий курьез, а как общее правило, как «закономерную и необходимую фазу в развитии памяти – фазу, через которую непременно проходят все дети» [17, с. 187], что позволяет определить эйдетику как «учение о субъективных наглядных образах, наблюдающихся у детей и подростков в определенной фазе их развития, а также сохраняющихся иногда, большей частью в виде исключения, и у взрослых» [17, с. 181].

Понятие «эйдетический («наглядный», «субъективный наглядный») образ», обозначающее стоящее за ним явление эйдетики, является в эйдетике, таким образом, исходным и ключевым. Эйдетический образ в марбургской психологической школе было принято сокращенно обозначать как АВ (от немецкого *Anschauungsbild* – буквально «наглядный образ»), отличая его от таких близких и хорошо изученных в психологии явлений, как последовательный образ (*Nachbild*, сокращенно NB) и представление (образ представления – *Vorstellungsbild*, VB). Один из основных тезисов эйдетики состоял в утверждении о том, что эйдетические образы по своим признакам занимают промежуточное положение среди последовательных образов и образов представления. В частности, эйдетический образ отличается от последовательного по трем основным признакам: во-первых, он дает изображение в положительном цвете, т.е. как образ восприятия (а не в обратном, как последовательный образ); во-вторых, это трехмерный образ; в-третьих, эйдетический образ обеспечивает «буквальное видение», подчиняясь при этом «всем законам восприятия» [17, с. 195-196].

От образа восприятия эйдетический образ отличается «всего лишь» отсутствием объекта восприятия и потому может быть охарактеризован как особый вид памяти. «Эйдетизм (от греч. εἶδος – вид, образ) – особый картинный характер памяти, преимущественно на зрительные впечатления, позволяющий удерживать и воспроизводить чрезвычайно живой образ воспринятого ранее предмета, по своей наглядности и детальности почти не уступающий образу восприятия. В той или иной форме и степени присущ каждому человеку, особенно в детском или подростковом возрасте, однако в своих ярких формах встречается довольно редко» [64, с. 787]. Соответственно, эйдетики – это люди, «обладающие способностью вызывать эти наглядные образы» [17, с. 181]; эйдетик – это, как писал Блонский, «тот, кто вспоминает о виденном так, что снова видит» [5, с. 115]. В эйдетике не отрицалось наличие эйдетических образов и в других модальностях, однако в экспериментальном плане предпочтение отдавалось изучению именно зрительных эйдетических образов.

В характеристике конкретных случаев эйдетики не всегда обнаруживается вся полнота его свойств, существуют «различные степени его выраженности» [59, с. 282]. В статье Страхова приводятся следующие данные: «Э. Йенш различает пять таких форм проявления эйдетической способности: ступень 0 – не доказана; ступень 1 – скрытая эйдетическая способность, можно доказать отклонение от *Emmert'sche Gesetz*; ступень 2 – непосредственно доказуемые слабые эйдетические образы при простых объектах, как однородный цветной квадрат; ступень 3 – слабые еще эйдетические образы от довольно сложных картин; фиксируются уже меньшие детали; ступень 4 – эйдетические образы сложных объектов и ступень 5 – ясные образы сложных объектов легко допускающие экспериментирование. Рассмотренный с этой точки зрения один класс учеников в количестве 38 человек и в среднем возрасте 12,35 года дал следующее распределение: ступень 0 – 5 чел.; ступень 1 – 3; ступень 2 – 12; ступень 3 – 5; ступень 4 – 7; ступень 5 – 6 чел.» [59, с. 282].

Именно явление латентного эйдетики позволяет говорить о различной степени близости эйдетического образа к представлению или последовательному изображению и рассматривать эйдетику как «всеобщую ступень в развитии памяти» [17, с. 189], как необходимую составную часть функционирующей памяти: «Эйдетика представляет собою

специфическую память детского возраста; причем, если иметь в виду степень выраженности явления и процент его распространения, то оказывается, что то и другое увеличивается обратно пропорционально возрасту. Массовые исследования в Марбурге и других городах Германии показали, что в раннем детстве эйдети́зм распространен до 95 %; в юношеском возрасте – до 40 %» [59]. Сами представители марбургской школы считали, что эйдети́зм – это не редкое исключение, а общее правило, что среди детей различного возраста процент ясно выраженных эйдети́ков велик (по данным О. Кро – 40 %). «На генетическую первичность эйдети́ческих образов указывают также и исследования взрослых, среди которых Кро нашел только 7 % эйдети́ков. Наблюдение над детьми вообще показало, что те из них, которые в более раннем возрасте были сильными эйдети́ками, впоследствии совершенно утратили эту способность» [59]. «Утверждается только, что они представляют собою специфическую память дошкольного и школьного возраста и встречаются гораздо реже после полового созревания» [59]. Как считал Выготский, «открытие этой промежуточной формы памяти и составляет фактическую основу нового учения» [17, с. 183].

В исследованиях был обнаружен «ряд зависимостей от факторов биологической и социальной жизни. Так, среди женщин они встречаются чаще, чем среди мужчин. Среди слабоумных детей чаще, чем среди умственно нормальных. Среди художников чаще, чем среди ученых. Кро считает, что эйдети́ческие образы играют особенно большую роль в творчестве поэтов и именно поэтов романтического склада. Среди детей из сельских местностей эйдети́ков также больше, чем среди детей больших городов. Менее образованные и культурные люди дают больший процент распространения эйдети́зма, чем люди более образованные и культурные. Примитивные народы обладают в сильно выраженной мере эйдети́ческими задатками» [59]. Однако у других исследователей «этот процент не является постоянным» [17, с. 187]. Помимо прочего (различия между обследуемыми группами детей по возрасту, социальному и географическому положению и т.п.), процент детей-эйдети́ков зависит от того, «включаются ли в число этих случаев и дети с менее яркой степенью этого явления» [17, с. 187] – другими словами, от того, где проводить границу между наличием феномена эйдети́зма и его отсутствием. Э. Йеншем было введено понятие о «латентном (скрытом) эйдети́зме», которое использовалось в тех случаях, когда в ходе экспериментов дети-испытуемые «показывают отклонения последовательных образов от нормы, в частности, от закона Эммерта» [17, с. 188].

Выготский пишет, что Буссе показала в своих экспериментах, что по степени устойчивости (независимости от поворота головы, малейшего движения испытуемого) наименее устойчивыми являются последовательные образы, наиболее устойчивыми – представления; эйдети́ческие образы занимают промежуточное положение. Эта закономерность называется «законом инварианты», когда три вида образов рассматриваются как три ступени в развитии памяти. В такой форме выражается нарастающая – от последовательного образа через эйдети́ческий к представлению – степень устойчивости, константности образа. Опытным путем было показано, что «все три ступени в развитии памяти обнаруживают различную способность смешиваться с реальными восприятиями» [17, с. 194].

Далее Выготский ставит вопрос о значении эйдети́ческих образов в нашем восприятии и указывает в связи с этим на «два основных факта» [17, с. 192 и далее]: во-первых, эйдети́ческий образ может смешиваться с реальным восприятием, влияя на зрительную величину воспринимаемых предметов (исследования Фрейлинга); во-вторых, с точки зрения учения о развитии важно то, что при препятствиях или затруднениях эйдети́ческий образ может превращаться «в последовательное изображение или в представление» [17, с. 193].

В связи с этим Выготский напоминает о «бессознательных умозаклчениях», о которых говорил Гельмгольц с целью объяснить постоянство величины воспринимаемых предметов: к действию восприятия, реальных раздражителей присоединяется действие

памяти, эйдетических образов. У Выготского приводится также схема развития памяти, по Йеншу. На первой стадии – стадии эйдетического образа – память представляет собой недифференцированное единство; на второй стадии происходит дифференциация, и исходно единство расчленяется на восприятие и представление.

В ходе изучения эйдетизма физиолог Вальтер Йенш (брат Эриха Йенша) выдвинул «теорию конституциональных типов». В. Йенш различал среди эйдетиков (и среди людей вообще) два во многом противоположных друг другу типа (в зависимости от психофизиологической конституции): Б-тип (базедовоид) и Т-тип (тетаноид). Б-тип получил свое название от базедовой болезни, т.к. он «характеризуется симптомами, наблюдаемыми обычно при повышенной функции щитовидной железы» [17, с. 189]; у людей с базедовой болезнью эти симптомы выражены в своей крайней форме, в виде патологии. Основные черты этого типа: блестящие глаза, общая легкая возбудимость, изменчивый пульс и т.д. Т-тип (тетаноид) получил название от своего крайнего, патологического выражения в виде тетании. Этот тип в пределах нормы «отличается возбудимостью сенсорных нервов, реакций на электрические и механические раздражения» [17, с. 189].

Эйдетические образы Б-типа стоят ближе к представлениям, они связаны с «Я», с организмом и во многом зависят от воображения, интересов и настроения человека. Напротив, эйдетические образы детей Т-типа скорее машинообразны, они воспринимаются самим ребенком как нечто чуждое, тягостное, навязчивое и больше зависят не от психологических, а от физических и физиологических факторов – «яркости рисунка, длительности фиксации, освещения и т. д.» [17, с. 190]. Кроме того, «явления эйдетизма находятся в прямой зависимости от химических воздействий на организм»: у Т-типа прием кальция ухудшает эйдетические явления, у Б-типа изменений под воздействием кальция не наблюдается. У Т-типа «прием кальция в течение нескольких недель производит тот же самый эффект, что и возраст, т.е. приводит к исчезновению эйдетических явлений и к развитию дифференцированного восприятия и представления» [17, с. 195].

«Свое дальнейшее дифференцирование эйдетические образы получают в установленной корреляции с типами психофизических конституций. В. Йенш [77] установил два психофизических типа, формирующихся в зависимости от пониженной или повышенной деятельности щитовидной железы – тетаноидный (*tetanoider Typus*) и базедовидный (*basedowoider Typus*). Первый обладает повышенной возбудимостью двигательных нервов на электрические и механические раздражения. Он имеет маленькие, глубоко поставленные глаза, без блеска и без живости выражения, вследствие чего они кажутся как бы отставленными от психической жизни. Всем складом своего поведения, как и автоматической моторикой он напоминает машину, слагающуюся из отдельных механических разрозненных элементов. Патологически он проявляет себя в тетании и заболевании микседемой. Его эйдетические образы вялы, неподвижны и имеют склонность к персеверации. Э. Йенш сообщает пример одного мальчика – выраженного тетаноидного эйдетика, который мог читать только с утра, так как в более позднее время дня ранее прочитанные строки стояли у него в глазах и мешали чтению. Эйдетические образы у тетаноидных эйдетиков в своем производстве зависят от чисто чувственных факторов, от красочности и остроты очертаний предлагаемых картин. Они не сливаются со всей психической жизнью и интересами субъекта и ощущаются эйдетиком как нечто чуждое его личности. Они более близки к ощущениям и в отношении цвета чаще имеют положительный характер. Тетаноидный тип встречается не так часто как базедовидный, но зато в более выраженной форме.

Базедовидный тип физически характеризуется респираторной аритмией, изменениями в колебании пульса, усиленной склонностью к поту, у него блестящие выпуклые глаза с осмысленным выражением. В патологической форме он страдает базедовой болезнью. Эйдетические образы базедовидного типа чрезвычайно родственны

субъекту. Они тесно и длительно связываются со всей личностью эйдетики и более похожи на представления. В своем производстве они мало зависят от физических факторов, но более от интереса испытуемого к сюжету предлагаемой картины; здесь мы встречаемся с отбором фиксируемых объектов. У базедовидного эйдетики образы в течение длительного времени то появляются, то исчезают. Чаще они негативны. Их сходство с представлениями выражается также и в том, что, накладывая свой отпечаток на весь склад личности эйдетики, они представляют собою как бы органические образования. Базедовидный эйдетик может управлять своими образами произвольно, проецируя их в той или иной расстановке на экране» [59, с. 284-285] (в экспериментах Рикеля).

«Базедовидный тип встречается более часто, но не в такой выраженной форме, как тетаноидный. Вообще же оба типа в чистой форме встречаются очень редко, но обычно в смешанных формах, причем чистые более часто встречаются среди взрослых, чем среди детей, что с типологической точки зрения совершенно понятно. На характер эйдетических образов можно воздействовать чисто химическим путем... Если тетаноидному эйдетику, обладающему более сильно выраженным эйдетизмом, чем базедовидный, давать *calcium lacticum*, то можно быстро ослабить его эйдетические образы, переведя их из положительных в негативные и даже совсем расколоть на последовательные изображения и образы представления. Напротив, дачение *anhalonium Lewinii* негативные эйдетические образы превращает в положительные. Базедовидный тип, не являющийся слабокальциевым, к кормлению кальцием относится совершенно безразлично. Питание веществами и водой, богатыми кальцием, вообще ослабляет эйдетизм, а питание веществами, бедными кальцием, напротив, усиливает его» [59, с. 286].

Сложность и многогранность эйдетического феномена обусловила содержание, проблематику и другие особенности объясняющей его эйдетической теории.

Эйдетика как научная теория. В статье «Эйдетика» Выготский подчеркивал, что эйдетические исследования охватили «не только область памяти, восприятия, типологии, а через все это – различные структуры личности»; «они приводят к исследованиям в более сложных областях психологической жизни» [17, с. 196] – процессов образования понятий, мышления. генетическая точка зрения Йенша состояла в утверждении сходства явлений эйдетизма с «процессами репродукции у примитивных народов» [17, с. 191] – в сфере их примитивного искусства, мифологии и языка. «Таким образом, эйдетизм превращается в сложное генетическое и типологическое учение о памяти, а затем, благодаря соединению одного и другого момента, ... и в общее учение о психологическом развитии и о психологических типах» [17, с. 191]. Свое учение, основывающееся на тезисе о том, что все натуральное – психологично, Йенш называл «психонатурализмом» [76, с. 46], противопоставляя его, с одной стороны, структурной психологии (из-за физиологической гипотезы, физикализма в психологии), а с другой – психовитализму. Йенш подчеркивает избирательный, активный характер психики, говоря о построении мира восприятий, о создании видимого мира. Свое мировоззрение Йенш называл также «реалистическим идеализмом, противопоставляя его кантовскому трансцендентальному идеализму» [17, с. 201].

В целом в донацистский период, т.е. до 1933 г., в эйдетике как частной научной и общепсихологической теории рассматривались следующие проблемы:

1) сущность эйдетизма (эйдетического феномена) и его место в общей системе психических явлений: связь эйдетизма как наглядного образа памяти с другими психическими процессами – с ощущениями и восприятием (в частности, с последовательными образами и образами представления), другими видами памяти, мышлением, понятиями и представлениями;

2) биологические и социальные причины и детерминанты проявления эйдетической способности: зависимость от возраста, пола, географической, физической, химической (состав пищи, воды) и социальной среды (особенности обучения, воспитания и т.п.);

соответственно, поиск возможностей влияния на эйдетическую способность с целью управления ее развитием;

3) связь эйдетической способности (*eidetische Anlage*) с индивидуальными особенностями и свойствами личности, с общим типом личности, с проблемой типологии в психологии: экспериментальное (методическое, операциональное) определение степени выраженности эйдетической способности; деление эйдетиков – на типы Т и В;

4) практическое (прикладное) значение эйдетизма и эйдетики: а) у детей – в сфере обучения и воспитания: вопросы трудовой школы, наглядности в обучении, успеваемости, индивидуального и дифференцированного подхода к ученикам; б) у взрослых – соотношение индивидуальных особенностей проявления эйдетизма с определенными профессиональными требованиями: эйдетическая способность и проблемы оценки профессиональных склонностей, профессиональной пригодности к определенному виду деятельности; в) эйдетика и проблемы нормы и патологии: эйдетизм с точки зрения и в контексте психопатологии, психиатрии, психотерапии, медицинской психологии.

От эйдетики к интеграционной типологии. В статье немецкой исследовательницы Лидии Ланге [80] содержатся сведения, касающиеся судьбы Йенша, его школы и его теории. Взяв в качестве основного метода исследования наукометрическую методику анализа цитирования (подсчет индекса цитирования), Л. Ланге выделила и сопоставила среди немецких психологов три группы: две основные – «нацисты» и «евреи», и третью группу (для сравнения), в которую вошли «более старые» психологи [80, с. 130] – «основатели экспериментальной психологии в Германии». При этом Л. Ланге непосредственно опиралась на первоисточники, в частности, на статью Г. Фишера о Йенше, а также на работы немецких и американских авторов, исследовавших историю немецкой психологии во времена национал-социализма – работы Эша и Гойтера, Гойтера, Грауманна, Янке, Шредера и др.

К группе «нацистов» Л. Ланге отнесла не только членов нацистской партии, но также и тех, кто выступал с явными нацистскими лозунгами и высказываниями в печати – Э.Р. Йенш, Освальд Кро, Герхард Пфалер, Г.Х. Фишер и Фридрих Зандер [см. 80, с. 125]. Относительно других нацистов среди психологов (Л. Ланге приводит еще несколько фамилий) Л. Ланге замечает, что их индексы цитирования были слишком малы, чтобы их учитывать [80, с. 125].

К наиболее часто цитируемым «психологам, считавшимися евреями» («als jüdisch geltenden Psychologen») Л. Ланге отнесла Шарлотту Бюлер, Давида Катца, Вильяма Штерна, Хайнца Вернера, Курта Коффку, психиатра Курта Гольдштейна и Отто Зельца [80, с. 125-126]. К группе «основателей экспериментальной психологии в Германии» Л. Ланге отнесла Германа Эббингауза, Германа Гельмгольца, Эвальда Геринга, Георга Элиаса Мюллера, Фридриха Шуманна и Вильгельма Вундта, которые действовали в первой трети XX века, достаточно часто цитировались и не пережили конец нацизма (в силу чего в этот список не попали Нарцисс Ах и Карл Марбе).

Л. Ланге указывает, что до 1933 г. Йенш был «научно признанным психологом» и его публикации не содержали нацистских идей [80, с. 132]. Однако после 1933 г., когда нацисты пришли к власти, Э. Йенш «опубликовал много работ с нацистским идейным содержанием» [80, с. 130]. В статье Л. Ланге говорится, что «о Йенше и Кро известно, что они были нацистами» [80, с. 123]. Йенш вместе с О. Кро и Ф. Шуманном со сто тридцатого тома (с 1933 г.) редактировал немецкий психологический журнал «*Zeitschrift für Psychologie*». После смерти Э. Йенша и Ф. Шуманна в 1940 г. единственным редактором журнала стал О. Кро.

Рассматривая научную и политическую деятельность Йенша в психологии, Л. Ланге пишет о том, что Йенш «был, очевидно, главным актером в попытке инфильтрации нацистских идей в психологию, причем не только как главный издатель «*Zeitschrift für Psychologie*», но и как председатель Немецкого Психологического Общества в 1936-1940 гг.» [80, с. 130]. Отмечая, что после смерти Э. Йенша в 1940 г. количество случаев

цитирования его работ резко падает, Л. Ланге добавляет, что «школа Йенша» после его смерти распалась еще и потому, что «его ученики во время войны служили в вермахте или принимали участие в работе нацистских организаций» [80, с. 127].

С помощью подсчета статей в журнале «*Zeitschrift für Psychologie*» за 1933-1944 гг., в которых встречаются ссылки на статьи из других нацистских журналов, а также в заголовках которых имеются нацистские (расистские) понятия и выражения, Л. Ланге приходит к выводу, что авторами почти всех таких статей были Йенш и его школа [см. 80, с. 131]. Л. Ланге подчеркивает, что «нацисты среди психологов – за исключением редакторов Йенша и Кро – не добились существенного возрастания научного признания среди своих коллег, измеряемого частотой цитирования» [80, с. 134].

Л. Ланге также отмечает случаи (причем далеко не редкие, как можно было бы думать), когда немецкие психологи – авторы «*Zeitschrift für Psychologie*» – (Л. Ланге перечисляет целый ряд фамилий) входили в конфликт с нацистами, даже когда редакторами были Йенш или Кро, вследствие чего были вынуждены эмигрировать или лишались права на преподавание [80, с. 135]. Л. Ланге подчеркивает: «За исключением учеников Йенша и некоторых нацистов – его протеже, в «*Zeitschrift für Psychologie*» нельзя найти психологов, которые пытались бы подобным образом связать психологию с нацистской идеологией. Содержательно работы Йенша и его учеников были направлены на связь экспериментальной психологии восприятия и психологии личности (типологии). Странно и удивительно читать, как с упрочнением нацистского господства первоначально экспериментальные и типологические гипотезы Йенша вырождаются в ненаучные рассуждения с фашистским и антисемитским содержанием» [80, с. 134].

Один из главных выводов Л. Ланге состоит в том, что попытки Йенша осуществить инфильтрацию нацистских идей в журнале «*Zeitschrift für Psychologie*» в целом оказались малоуспешными [80, с. 132]. В итоге Л. Ланге утверждает: «Очевидно, что Йеншу с его стремлением связать психологию с нацистским мировоззрением не удалось оказать влияния на научное сообщество» [80, с. 133].

Историография эйдетиических исследований в СССР. О положении эйдетики в СССР в 20-40-е годы можно судить по работам о Йенше и его школе. Эти работы можно различать и оценивать по таким направлениям, как: (1) экспериментальная проверка экспериментов (выводов, теории) Йенша (повторение экспериментов, с вариациями и т.п.); (2) использование эйдетики как «сырья» для построения своих теорий (без специального обсуждения или в сочетании с критикой); (3) практическое применение эйдетики на практике – в школе, на производстве, в клинике и т.п.; (4) теоретическая оценка эйдетики в СССР в контексте марксистской психологии: основные тенденции и идеи (в сфере теории, эксперимента и практики).

Кроме того, о распространенности идей той или иной научной школы свидетельствуют переводы работ ее представителей на другие языки. В этом отношении следует отметить, что работы Йенша и его школы в СССР на русский язык не переводились. Однако они были прямо доступны на протяжении 20-х и начала 30-х годов, когда научные журналы и книги на немецком языке без особых проблем поступали непосредственно из Германии. Об этом можно судить по ссылкам и цитатам в работах советских психологов тех лет, а также по содержанию их домашних научных библиотек (в частности, это видно при ознакомлении с библиотеками саратовских психологов И.В. Страхова и Э.Л. Берковича, которые, следовательно, могли не только читать книги и журналы на немецком языке, но и заказывать и приобретать их в личную собственность в 20-е – начале 30-х годов).

Несомненно, одной из главных причин формирования убеждения, что в прежние годы советские психологи крайне мало интересовались эйдетикой, была и остается труднодоступность первоисточников. Книги, как известно, имеют свою судьбу, но в нашей стране судьбы книг мало чем отличались от драматических людских судеб. Однако

отсутствие информации о первоисточниках далеко не всегда означает их действительное отсутствие.

Внимательное изучение литературы прошлых лет позволило нам обнаружить довольно солидный список работ отечественных исследователей, интересовавшихся вопросами эйдетики. Если говорить в плане персоналий, то об эйдетике писали: В.А. Артемов [2], П.П. Блонский [3]-[11], Л.С. Выготский [15], [17]-[24]²³, П.Л. Загоровский [28], К.Н. Корнилов [32], А.Р. Лурия [38], [39], [40], С.Л. Рубинштейн [50]-[53], И.В. Страхов [57]-[61], Б.М. Теплов [62], Г.С. Фейман [63], Л.М. Шварц [66], Ф.Н. Шемякин [67]. Из работ представителей других наук следует указать две большие работы, специально посвященные эйдетике – статью психиатра М.П. Кононовой [31] и обширную рецензию невропатолога Н.Д. Шрейдера [68]. Краткие упоминания об эйдетике можно найти и в учебной литературе тех лет, – например, в учебных пособиях по психологии С.В. Кравкова [33] и Н.Ф. Добрынина [27].

Данный список, включающий в себя около тридцати источников периода 1925-1946 гг., вряд ли можно назвать исчерпывающим, но, судя по персоналиям, ничего существенного не упущено из виду.

Изучение указанных работ в хронологическом порядке показывает, что история эйдетических публикаций в СССР фактически ограничена двадцатилетним периодом – с середины двадцатых до середины сороковых годов. Первые упоминания об эйдетике в СССР появились в 1925 г. в работах Блонского [3] и Кравкова [33], а последней работой стали вышедшие в 1946 г. вторым изданием «Основы общей психологии» Рубинштейна [53]. После этого и вплоть до наших дней эйдетика в работах отечественных авторов в лучшем случае бегло упоминается в одном предложении; как максимум, эйдетике посвящается отдельный абзац. Кроме того, статьи об эйдетизме можно обнаружить в различных словарях и энциклопедиях советского периода и последнего десятилетия: во втором [12] и третьем [13] изданиях Большой Советской Энциклопедии, в педагогической энциклопедии и в уже упоминавшихся психологических словарях. К работам, посвященным эйдетике и вышедшим после 1946 г., с определенными уточнениями можно отнести «Маленькую книжку о большой памяти» Лурия (первое издание вышло в 1968 г.). Из первоисточников по эйдетике в настоящее время фактически доступной для широкого круга читателей остается статья Выготского «Эйдетика» 1930 г. [17], в сокращенном виде включенная в «Хрестоматию по ощущению о восприятию», выпущенную издательством Московского университета в 1975 г. [21]. Из не столь давних работ следует отметить вышедшую в 1994 г. книгу «Школа эйдетики» [43], где в предисловии кратко освещается история изучения эйдетизма со ссылкой на статью Выготского «Эйдетика».

Приступая к аналитическому обзору отечественных работ советского периода, посвященных эйдетике, предварительно следует сказать, что самая первая публикация Э. Йенша (1883-1940), основателя эйдетики и лидера марбургской психологической школы, относится к 1906 г. Судя по списку работ Э. Йенша, его первая работа, специально посвященная эйдетическим образам (*Anschauungsbilder*), появилась в 1917 г. Но в нашей литературе по понятным причинам (революция, гражданская война) упоминания об эйдетических работах марбургской школы появились значительно позже, только в **1925 г.** в учебнике Блонского «Педология» [3], а также в «Очерке психологии» Кравкова [33], где эйдетике посвящен отдельный параграф в главе «Память» [33, с. 66-67]. Одной из основных идей Э. Йенша было, как известно, выделение эйдетических образов памяти в особый класс наряду с представлениями и образами восприятия, и потому в работах Блонского и Кравкова прежде всего обращается внимание на большое теоретическое и практическое значение эйдетизма как особого, ранее не изучавшегося вида памяти.

---

²³ Если указывать только наиболее значимые работы Л.С. Выготского; о других его работах, касающихся эйдетики, можно судить по предметному и именному указателю к каждому из шести томов «Собрания сочинений» Л.С. Выготского.

По-видимому, самой первой работой, содержащей серьезный теоретический анализ эйдетики, следует считать вышедшие в **1927 г.** «Психологические очерки» Блонского [5]. В этой весьма любопытной в теоретическом и методологическом аспектах книге эйдетическим явлениям посвящены три небольших параграфа – «Эйдетизм» [5, с. 115-116], «Эйдетизм как ранняя стадия развития» [5, с. 116-118] и «Эйдетизм, конституция и эмоциональность» [5, с. 118-120], где содержится большое количество конкретной и точной информации: указываются основные проблемы и понятия эйдетики, приводятся результаты экспериментов, выдержки из протоколов, указываются первоисточники и т.д. В первом из этих параграфов дается определение эйдетизма, во втором эйдетизм рассматривается в генетическом аспекте, в третьем параграфе – в аспекте проблем типологии. В общем же следует отметить, что в этой работе Блонский (как и Выготский впоследствии) рассматривает явление и теорию эйдетизма с точки зрения и в контексте своих собственных теоретических воззрений и проблем.

Блонский подчеркивает, что «литература об эйдетизме сейчас становится очень большой» [5, с. 116, прим.]. В ходе изложения и анализа Блонский упоминает работы Урбанчика [83], серию работ Э. Йенша и его учеников (в виде публикаций в «Zeitschrift für Psychologie» и в виде отдельных изданий в период 1920-1926 г.г.), работы Кро, Йенша, Фишера, Гуттманна. Приведя ряд конкретных примеров эйдетизма [5, с. 115-116], Блонский затем дает общее определение: эйдетик – это «тот, кто вспоминает о виденном так, что снова видит» [5, с. 115]. Блонский стремился трактовать явление эйдетизма предельно широко, в результате чего у него частными видами эйдетизма оказываются зрительные галлюцинации и сновидения. Так, исходя из анализа конкретных примеров и своих общетеоретических установок, Блонский отмечает «нечто общее» между фантазирующим ребенком и алкоголиком, отдающим своим галлюцинациям [5, с. 117].

Следует подчеркнуть, что Блонский не ставит под сомнение тезис Йенша о том, что эйдетизм – это нормальная стадия развития, через которую проходят все люди; с возрастом первоначально недифференцированное единство «постепенно дифференцируется на три области». Здесь же Блонский приводит статистические данные, характеризующие распространенность эйдетизма – у взрослых и детей, в предпубертатном возрасте и позже: по данным Кро, среди взрослых только 7 % эйдетиков; в предпубертатном детстве – 61 % по Кро и 89 % – по Фишер-Хиршбергу [5, с. 116]. Блонский обращается так же к обсуждению Йеншем данных (Леви-Брюля и других исследователей) о зрительной памяти у примитивных народов и указывает, что «Йенш констатирует существование эйдетической фазы у первобытных народов», – именно, проявления памяти, восприятия и воображения среди примитивных народов (сильно развитая зрительная память, «визионерство», создание мифологических образов), особенности примитивного языка и искусства Йенш сближает с обнаруженными в своих экспериментах проявлениями эйдетических способностей у детей [5, с. 117].

Как видим, Блонский в «Психологических очерках» в целом оценивает эйдетические исследования Йенша и его школы как эмпирически обоснованные, интересные и актуальные, не обходя вниманием и некоторые спорные моменты. В последующие годы данная работа Блонского послужила, судя по многочисленным (можно сказать, обязательным) ссылкам на нее, отправной точкой для многих отечественных исследователей – психологов, педологов и психиатров, в чьем поле зрения оказалась эйдетическая проблематика.

Среди публикаций **1928 г.** мы можем указать уже *четыре* источника, относящихся к эйдетике. В 1928 г. в первом номере журнала «Психология» была опубликована статья Артемова «Современная немецкая психология» [1], написанная, как отмечает сам автор в примечании, «на основании не только литературных источников, но и личных впечатлений, полученных мною во время командировки в Германию в истекшем (1927) году (июнь – октябрь)» [1, с. 66, прим.]. В этой статье Артемов перечисляет девятнадцать (!) направлений (течений, школ) в немецкой психологии, а также значимые работы

отдельных авторов в области психотехники, психологии искусства, психологии языка, геопсихологии, юридической психологии, медицинской психологии [1, с. 66-69]. В этом списке эйдетика упоминается под номером восемь в следующем виде: «Марбургская школа – Е. Jaensch, О. Kroh и др., изучающая, преимущественно, вопросы чувственной памяти (Sinnengedächtnis) и восприятий, а также проблемы юношеского возраста. Школа эта называется также эйдетической, поскольку особенно занята вопросами эйдетических восприятий» [1, с. 67]. Впрочем, далее Артемов не характеризует эйдетическую школу более подробно. Это, по-видимому, объясняется тем, что в ходе своей командировки Артемов посетил психологические институты и лаборатории только в Берлине, Лейпциге и Гамбурге [1, с. 66, прим.], то есть в Марбурге не был (следует учитывать, что в ту пору интересы Артемова больше лежали в области социальной психологии).

В 1928 г. вышла книга Выготского – учебно-методическое пособие «Педология школьного возраста» [16], где при изучении каждой из восьми тем слушателям предлагалось не только усвоить определенный теоретический материал, но и выполнить ряд практических заданий по каждой теме: подобрать свои конкретные примеры, попробовать применить на детях описываемые методы и методики и т.п.; среди прочих проблем также излагались основные данные об эйдетическом феномене (со ссылкой на Блонского).

Упоминания об эйдетике, изложение и анализ эйдетических феноменов, подчеркивание их значения в сфере психологии мы встречаем и в работе Эфрусси «Очерки по психологии ребенка школьного возраста» [72]. Но наибольший интерес представляет появившаяся в этом году рецензия Шрейдера [68] на две книги по эйдетике: на работу Вальтера Йенша (физиолога, брата Э. Йенша) «Основы физиологии и клиники психофизической личности» [78] и на работу Э. Йенша «Эйдетика и типологический метод исследования» [73].

В целом Шрейдер (очевидно, с медицинской точки зрения) дает высокие оценки братьям Йенш – прежде всего за ясно прослеживаемое в обеих рецензируемых работах стремление осуществить единый психофизический подход к человеку, при котором психические и физиологические процессы рассматриваются во взаимосвязи, как единое целое. Как и в уже упомянутых нами работах, в рецензии Шрейдера, несмотря на некоторые критические замечания, эйдетические идеи, результаты экспериментальных исследований и вытекающие из них практические выводы оцениваются достаточно высоко.

В последующие несколько лет интерес советских психологов к эйдетике развивался по нарастающей (очевидно, как и в других странах). К публикациям 1929 г. относятся шесть работ, затрагивающих вопросы эйдетики. Об эйдетических закономерностях в педологическом аспекте пишет Блонский в работе «Трудные школьники» [7]. Отдельный параграф посвящает эйдетике Добрынин в книге «Введение в психологию» [27, с. 257-258]. Впрочем, последняя работа только формально может быть отнесена к 1929 г., т.к. в предисловии Добрынин пишет, что его книга была написана «еще в 1925 г., но задержалась при издании не по вине автора» [27, с. IV]. Поэтому фактически книгу Добрынина относится к 1925 г., что непосредственно сближает ее в отношении к эйдетике с упомянутым выше «Очерком психологии» Кравкова [33]. Об экспериментах Йенша упоминает Лурия в статье «Пути развития детского мышления» [37, с. 123-124].

Три остальные работы, вышедшие в 1929 г. и касающиеся эйдетики, знаменательны тем, что все они представляют статьи, специально и целиком посвященные эйдетике – это статьи двух молодых психологов – Загоровского [28] и Страхова [59], а также статья психиатра Кононовой [31]. Загоровский и Страхов в то время учились в аспирантуре в Москве, и каждый из них вышел на вопросы эйдетики в контексте их собственных творческих разработок и проблем: Страхов – через проблему типов и типологии в психологии, а Загоровский – через вопросы, связанные с психологическими и педологическими особенностями подросткового и юношеского возраста. Это дает право

утверждать, что в 1929 г. обсуждение эйдетической проблематики поднялось на новую, более высокую ступень. Рассмотрим работы Загоровского, Страхова и Кононовой более подробно.

Воронежский психолог П.Л. Загоровский в конце 20-х годов был аспирантом Института психологии и, судя по его публикациям тех лет, специализировался в области возрастной психологии, основное внимание уделяя развитию личности в подростковом и юношеском возрасте. Именно с этой точки зрения Загоровский подверг изучению и анализу исследования Йенша и его школы. Поэтому неслучайно в начале статьи Загоровский подчеркивает, что «работы марбургского проф. Э.Р. Йенша, а также исследования, вызванные этими работами или проведенные под руководством Йенша, пытаются дать новое освещение некоторым проблемам детской психологии» [28, с. 83].

Как и другие советские авторы в то время, Загоровский констатирует, что «учение об эйдетизме в последнее время стремится от решения узко экспериментальных вопросов в области восприятия и репродукции перейти к объяснению основных проблем общей психологии, психофизиологии, психологии развития, психопатологии и т.д.» [28, с. 83]. Более того, Загоровский приводит слова Йенша о том, работы по исследованию эйдетизма «могут реконструировать не только психологию, но и философию» [28, с. 83].

В своей статье Загоровский описывает обычную методику проведения опытов Йенша (восприятие рисунка, затем рассказ об увиденном перед серым экраном и т.д.), излагает историю вопроса (Э. Геринг о «чувственной памяти», исследование Урбанчиком «интуитивных образов» 1907 г. [28, с. 83-84]. Загоровский указывает, что «отличие Йенша от Урбанчика заключается в том, что, по Урбанчику, интуитивные образы являются случайными, спорадическими; Йенш же считает, что эйдетизм характеризует определенный возраст, известную эпоху жизни (детство), и эйдетические явления представляют собой определенную закономерность. Можно указать еще на одно отличие образов Урбанчика от эйдетических положений Йенша. Урбанчик имел дело с психопатами, интуитивные образы являлись известным отклонением от нормы; по Йеншу, эйдетические образы вполне нормальны и не представляют собой отклонений в психике» [28, с. 84].

Затем Загоровский пишет о трех типах образов по Йеншу – последовательных, представления и эйдетических как промежуточной форме между первыми двумя, о том, что у эйдетиков не подчиняются закону Эммерта, согласно которому «величина последовательного образа растет пропорционально с увеличением отдаления проекционного поля от глаза испытуемого» [28, с. 84] – «у подлинных эйдетиков последовательный образ с отдалением уменьшался, а не увеличивался» [28, с. 85], о том, что эйдетические образы являются «определенным признаком известной возрастной стадии» [28, с. 85]. С генетической точки зрения это означает, что восприятия и представления развились из некоего «недифференцированного единства», которое «не является ни восприятием, ни представлением, но включает в себе черты того и другого», пишет Загоровский, цитируя Йенша. Именно «это первоначальное единство в большей или меньшей степени стоит близко к эйдетическим явлениям» [28, с. 85], что и позволяет сделать вывод о том, что «явления эйдетизма, эйдетические образы характеризуют более ранние стадии «развития сознания», – характеризуют детство» [28, с. 85].

Достаточно подробно Загоровский излагает представление о двух основных типах конституции по В. Йеншу – типе Б и типе Т [28, с. 85-86]. Это важно, так как «в зависимости от конституциональных особенностей организма можно установить и различные типы эйдетических образов» [28, с. 86] – эйдетические образы типа Б и образы типа Т [28, с. 86], причем эйдетические образы типа Т (тетаноидные), связанные с недостаточным функционированием щитовидной железы, близки к подлинным последовательным образам. Напротив, образы типа Б (базедовоидные) близки к образам-представлениям – они текучи, подвижны, хрупки, легко поддаются внутренним и внешним влияниям и т.д. [28, с. 86]. Согласно Э. Йеншу, эйдетические образы характерны для

детства примерно до 13-15 лет [28, с. 86]. Однако, подчеркивает Загоровский, ссылаясь на ряд исследований (Гертвиг, Геннинг, Кизов, Кро и др.) данные о возрастном переходе от эйдетики к неконкретным образам-представлениям «довольно разноречивы» [28, с. 85-87]. Сам Йенш, как пишет Загоровский, «разногласие данных у отдельных исследователей» «пытается объяснить влиянием социальной среды на детскую образность» [28, с. 87].

Загоровский делает вывод, что «эйдетическое течение в психологии устанавливает определенную эпоху в развитии ребенка, когда наглядные образы в мышлении играют существенную роль. Эйдетизм может объяснить ряд особенностей репродукции» [28, с. 87-88] – в частности, такие явления, как «память на места» у детей, зрительную память дикарей, наличие или отсутствие отвлеченных фраз и конкретных образов в письменной (например, школьные сочинения) и устной речи детей и т.д. (эксперименты Бергемана, Освальда Кро и др.). Наличием эйдетики можно объяснить (как это делает Кро) пассивное отношение ребенка-эйдетика к школьной работе, любовь детей к сказкам, игры детей, особенности детских интересов, те или иные особенности творчества поэтов и художников и т.д. [28, с. 88-89].

В целом же, как пишет Загоровский, «эйдетизм, будучи особенностью более низких стадий развития, характеризует низкие ступени умственного развития. У индивидов с низким уровнем развития преобладают образы типа Т» [28, с. 89]. Это позволяет, в частности, «при помощи опытов Йенша устанавливать и степень умственного развития (Рикель)» [28, с. 89], «спор между эмпиризмом и нативизмом, по Йеншу, объясняется эйдетическими положениями» [28, с. 89]. Учение об эйдетизме, таким образом, стремится поставить и разрешить целый ряд проблем – как общих, теоретических, так и «ряд частных педагогических и методических проблем, например, вопрос об учебной книге для детей (Рикель), пересмотр вопроса о диктанте в преподавании, вопрос об отборе отстающих детей и т. п.» [28, с. 89-90].

Весьма характерным для того времени является следующее рассуждение П.Л. Загоровского: «Подчеркнем одно положение учения Йенша, которое как будто будет соответствовать и существенной особенности марксистской педологии, развивающейся в Советском Союзе. Йенш подчеркивает пластичность детской психики, он указывает на большую роль среды в изживании эйдетических явлений. «Психическая организация, – говорит Йенш, – пластична и воспитуема, на нее можно воздействовать, ее возможно воспитывать». Лучшие условия жизни, занятия с книгой перестраивают психику ребенка; тип Т, являющийся хуже приспособленным к среде, может быть переделан в тип Б с большими творческими возможностями. Несомненна ценность теории Йенша в установлении принципа развития детской образности, в установлении влияния роли среды на это развитие» [28, с. 90].

Кроме того, Загоровский высказывает «ряд критических замечаний по поводу учения Йенша и его сотрудников» [28, с. 90]: «большая субъективность методики Йенша, материал исследований марбургской школы добывается исключительно путем интроспекции, путем словесных показаний испытуемых»; «Йенш устраняет из поля наблюдения двигательный момент реакции, имея дело лишь с перцепцией и репродукцией восприятий» – так как, по Йеншу, движения не являются столь существенным элементом психики, как образы-представления [28, с. 90].

Вызывает сомнение у Загоровского и «положение Йенша о родстве восприятий и представлений, о происхождении первых и вторых из какого-то первоначального единства, которое включает в себе черты обоих видов явлений. Это первоначальное единство, по Йеншу, в большей или меньшей степени близко стоит к эйдетическим образам детей. Известный американский психолог Олпорт (Allport) делает ряд критических замечаний относительно указанной теории Йенша. Олпорт говорит, что хотя эйдетические явления имеют место в психической жизни, но от них нельзя умозаключать к решению вопросов о происхождении восприятия и представления. Олпорт указывает,

что наличие эйдетической фазы развития психики у всех детей без исключения не доказано, что положение Йенша об этом теоретично» [28, с. 90].

Загоровский приводит мнение Коффки, указывающего «на заслугу Йенша, который показал, как можно экспериментировать над образами, но в то же время Коффка отмечает, что факты, установленные Йеншем, недостаточно точны, и что вообще в выводах и положениях Йенша много дилетантизма» [28, с. 90-91]. «Наконец, ряд критических замечаний возможно поставить и по поводу методики Йенша при экспериментировании. Йенш подчеркивает (например, в своем ответе на критику Олпорта), что он свои выводы строит на основании точных эмпирических данных, на наблюдениях и экспериментах. Но методика экспериментирования Йенша, построенная на высказываниях испытуемых, не позволяет говорить об абсолютной точности» [28, с. 91]. «Подвергаются критическим замечаниям и положения В. Йенша о связи эйдетических явлений с особенностями конституции. Каргер на основе своей педиатрической работы в Вене отвергает типы В. Йенша и корреляцию между эйдетизмом и работой щитовидной железы. Но исследования Каргера нельзя назвать достаточно глубокими, чтобы на их основе возможно было отвергнуть любопытные положения Йенша» [28, с. 91].

В качестве общего заключительного вывода Загоровский формулирует следующие положения: «Эйдетическая школа внесла ряд новых положений в детскую психологию. Путем установления связи эйдетизма с конституциональными особенностями она пытается стать на объективный путь исследования психики. Наконец, положения марбургской школы говорят о пластичности, о воспитуемости детской психики. Последние выводы заставляют и советских психологов-марксистов внимательно отнестись к работам Йенша, тем более что эти работы пытаются объяснить и ряд практических проблем в педагогике» [28, с. 91].

Статья И.В. Страхова «Эйдетика» [59] носит обзорный характер. Мы уже цитировали эту работу выше, при изложении феномена эйдетизма. Данную статью следует рассматривать в контексте более общих проблем, которые в то время – в конце 20-х годов – занимали Страхова, когда он был в аспирантуре в Москве. Судя по публикациям Страхова 1926-1930 годов, такой «сквозной» темой для него в «московский» период была проблема типов, а вопросы типологии занимают достаточно большое место в эйдетических исследованиях до-нацистского (до 1933 г.) периода; после 1933 г., как известно типологические вопросы в эйдетике приобрели в Германии идеологический, ненаучный и расистский характер.

Вначале Страхов характеризует сущность эйдетического феномена как «особого вида чувственной памяти» [59, с. 280], говорит о различиях между эйдетическим образом, последовательным образом (последовательным изображением) и представлением (образом представления), напоминает о законе Эммерта и т.д. На примере экспериментов Рикеля [82, с. 80] Страхов показывает, что «эйдетический образ может также сливаться с объектом действительного видения, подходя ближе то к восприятию, то к представлению в обычном понимании этих процессов» [59, с. 281].

В своем изложении Страхов движется по обычной в подобных случаях логике: от изложения материала – к критике, затем к формулировке проблем с последующим выдвиганием собственных, альтернативных тезисов и формулировкой собственной точки зрения. Страхов подробно излагает в статье разработанную в школе Йенша методику определения наличия эйдетического феномена у конкретного испытуемого: размеры и цвет квадрата, время фиксации и т.д. [59, с. 286-288]. Подробно освещается история вопроса: Геринг о памяти как свойстве всякой организованной материи, исследование Урбанчика, исследования (эксперименты, конкретные примеры) Гальтона, Бинэ, Джемса чувственного характера образов у некоторых выдающихся эйдетиков – таких, как Гете и физиолог И. Мюллер [59, с. 290]. Статья Страхова и в настоящее время может служить хорошим источником для получения сведений об эйдетике и эйдетических явлениях в целом.

Статья М.П. Кононовой «Эйдетические явления и их отношение к психопатологии» [31]. Если работы Загоровского и Страхова представляют собой аналитические, сугубо теоретические обзоры, содержащие подробное изложение материала в сочетании с некоторыми теоретическими обобщениями и критическими оценками (небольшими по объему, но достаточно принципиальными), то от них значительно отличается статья Кононовой «Эйдетические явления и их отношение к психопатологии» [31], где наряду с теоретическим анализом и оценками мы встречаем также эмпирическую (экспериментальную) часть, в которой Кононова ставит вопрос о значимости эйдетических феноменов для психиатрии не только чисто теоретически, абстрактно, но и дает изложение и проводит анализ двух конкретных случаев (патологического и не патологического проявления) эйдетических феноменов у детей. В работе Кононовой особо отмечается тот важный момент, что до сих еще не было случаев эмпирической и экспериментальной проверки и применения на практике описываемых школой Йенша явлений и закономерностей и надстраиваемых над ними гипотез и суждений теоретического, методологического и философского характера.

Хотя в статье [31] указывается, что ее автор Кононова – психолог Московской детской невро-психиатрической больницы, все же, судя по содержанию статьи, ее автора следует причислить скорее к психиатрам, чем к психологам. Данная статья примечательна в силу того, что Кононова при анализе эйдетики исходит не из общих теоретических соображений, а пытается оценить ее как конкретный метод, инструмент в деле решения прикладных психиатрических проблем, связанных с постановкой точного диагноза и понимания причин психических отклонений или патологии у конкретного человека. До этого (и после, как мы вскоре убедимся), эйдетика рассматривалась в публикациях советских авторов в прикладном аспекте исключительно в сфере педагогики и детской психологии.

В начале статьи Кононова отмечает, что «проблеме эйдетизма в русской психопатологической литературе оказывается еще слишком мало внимания, а между тем знакомство с этим явлением в некоторых вопросах психопатологии, например, в вопросе о галлюцинациях, представляется существенно необходимым», в связи с чем цель работы состоит в том, чтобы «ориентировать в проблеме по данным литературы и практики» [31, с. 60]. Затем в статье коротко излагается история и теория вопроса: от экспериментов Урбанчика – к исследованиям Йенша (в статье обозначаемом как «Е.Р. Энч»), сущность феномена эйдетизма, описание методики эйдетического эксперимента, отличия эйдетических образов от последовательных образов и образов представления и их функциональное единство и т.д. [31, с. 60-62]. Для Кононовой важно подчеркнуть, что в случае с эйдетическим (наглядным) образом речь идет «не о патологическом свойстве, а о физиологически и психологически нормальном явлении» [31, с. 62].

Кононова указывает, что эйдетический образ (в статье речь идет, как и вообще в исследованиях марбургской школы, о зрительном образе) отличается от образа реально воспринимаемого предмета в особом переживании реальности последнего, «в его сопротивляемости прикосновению, тогда как в созерцании вызванного наглядного образа такая уверенность отсутствует» [31, с. 62]. Кроме того, эйдетический образ и видится несколько по-иному: «центр виден ясно, периферия туманно, лицо человека ясно, волосы и фигура как бы в тумане» [31, с. 62] и т.п.

Далее в статье рассматривается вопрос о распространенности эйдетической способности (по Йеншу – это широко распространенная способность, обязательная стадия в развитии и т.п.; критики, напротив, пишут о малой ее распространенности, что это сугубо индивидуальная предрасположенность и т.д.) [31, с. 63], о четырех ступенях эйдетической способности по Фишеру и Гиршбергу (от скрытой через две промежуточные – к ясно выраженной) [31, с. 63-64], о зависимости проявления эйдетизма от возраста (в основном от 6 до 12-14 лет) [31, с. 64], от отношения, интереса, эмоционального состояния [31, с. 64-65].

Затем Кононова переходит к вопросу о проявлении эйдетической способности у первобытных народов [31, с. 65] (Йенш использует данные из исследований Леви-Брюля первобытного мышления), упоминая работы Леви-Брюля, Левена, Кречмера, Кро, Каргера и др. После этого Кононова обращается к вопросу о двух ярко выраженных эйдетических типах [31, с. 65-67], выявленных в исследованиях брата Э.Р. Йенша – врача-терапевта В. Йенша. В статье дается краткая характеристика тетаноида (Т-типа) (под воздействием кальция наглядные образы исчезают) и базедовоида (Б-типа). При этом в статье подчеркивается, что «чистые типы редки, чаще встречаются их смешения в преобладанием черт того или другого типа в психофизической структуре и в наглядных образах» [31, с. 67].

В русле обсуждаемых вопросов весьма характерно замечание Кононовой, что братья Йенш, как и Кречмер «отправляются от определенных нозологических единиц и приходят к норме. Т-тип близок к угловатому аутичному шизотимику, а Б-тип – гармоничному синтонному циклоиду» [31, с. 67, прим.]. Ссылаясь на целый ряд источников, Кононова указывает, что «на опыте не подтверждается соответствие между конституциональными типами Б и Т и признаками наглядных образов, соответственных тому и другому типу» [31, с. 68].

Далее [31, с. 68] Кононова переходит к собственным наблюдениям и выводам. В итоге Кононова, что следует подчеркнуть особо, приходит к выводу о большой теоретической и практической значимости изучаемых в эйдетике феноменов.

В 1930 г. к эйдетике относятся шесть источников: «Возрастная педология» Блонского [8], статья Выготского «Эйдетика» [17], «Этюды по истории поведения» (авторы – Выготский и Лурия) [19], [25], посвященный эйдетическим образам параграф из книги Загоровского «Особенности поведения первого школьного детства» [29, с. 86-90], рецензия Лурия на книгу В. Йенша [38] и тезисы Шварца на I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека [66].

Книга, в которой была опубликована статья Выготского «Эйдетика» [17], представляет собой сборник достаточно больших статей (можно сказать, очерков) четырех авторов – Л.С. Выготского, С.Г. Геллерштейна, Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта. Книга состоит из написанного редакторами предисловия и шести статей. Открывается сборник статьей Фингерта «К вопросу о построении научной психологии» [18, с. 5-83]. В статье Выготского «Структурная психология» [18, с. 84-125] речь идет о гештальтпсихологии. Далее идут две статьи Ширвиндта – «Психоанализ» [18, с. 126-152] и «Бихевиоризм Уотсона» [18, с. 153-177]. Затем следует статья Выготского «Эйдетика» [17]. Завершается сборник статьей Геллерштейна «Психотехника» [18, с. 206-263].

Уже одно то, что эйдетика вошла в первую пятерку наиболее значимых, с точки зрения авторов сборника, современных психологических теорий и направлений – наряду с психоанализом, бихевиоризмом, гештальтпсихологией и психотехникой, свидетельствует если не о значении, то, по крайней мере, о том внимании, которое в то время придавалось эйдетике. Следует также учесть, что книга вышла за три года до прихода Гитлера к власти, в 1930 г., т.е. еще до того, как Э. Йенш стал не только сторонником и проводником, но и творцом расистских теорий.

Заметим в связи с этим, что о том, насколько внимательно Выготский относился к эйдетике, можно судить по его «Письмам к ученикам и соратникам» [26]. Так, в письме к Леонтьеву от 15 апреля 1929 г. Выготский упоминает об одной «прекрасной статье» Йенша (не указывая ее выходных данных) [26, с. 14], а в письме к Лурия от 12 июня 1931 г. Выготский пишет о получении от Йенша книги (!) [26, с. 28]. Судя по дате письма, речь может идти об одной из двух книг Э. Йенша, вышедших в 1930 г. – это либо «Изучение психологии человеческих типов» [74], либо «О структуре сознания» [75].

Статья Выготского «Эйдетика» [17] написана в хорошем стиле, ясно, доходчиво, сочетая в себе изложение конкретных экспериментальных данных с их теоретической и методологической оценкой, что мы уже отмечали выше, при изложении феномена

эйдетики и характеристике эйдетической теории. Вкратце рассмотрим основные положения этой статьи.

Выготский начинает с того, что коротко (без указания этапов) излагает хорошо знакомую нам по его работе «Исторический смысл психологического кризиса» схему развития «всякого нового психологического направления» – когда «некоторые частные фактические открытия в какой-нибудь области психологии» [17, с. 178] «часто без всякого основания превращаются в принципиальные положения, которые стремятся охватить всю область психологического знания», в результате чего «частные законы распространяются, иногда чисто спекулятивным путем, на новые и новые области, частная истина растягивается до пределов всеобщей» [17, с. 179]. Критика любого современного направления должна уметь вскрывать оба момента – фактическое содержание и теоретическую конструкцию, причем в их взаимодействии и переплетении. Выготский применяет этот ход исследовательской мысли при изложении и оценке эйдетики, сначала излагая фактический материал, а затем переходя к оценке его «теоретического оформления». При этом Выготский неоднократно характеризует опыты школы Йенша как «интересные».

В работах марбургской школы для Выготского важно то, что исследователям удалось «осуществить в высшей степени сложную задачу: экспериментально создать восприятие и тем самым разложить его на части» [17, с. 196]. В качестве примера эйдетического исследования мышления Выготский приводит эксперименты Йенша, аналогичные экспериментам Келера с обезьянами (использования одного предмета для доставания другого и т.д.), но проведенные на четырнадцати «ясно выраженных» эйдетиках [17, с. 196-198], где была показана необходимость установления (для решения задачи) связи между двумя предметами в «оптическом поле»; это подтверждает, с точки зрения Йенша, что обезьяны в опытах Келера действовали не «слепо» (и в буквальном смысле, и в переносном – не методом перебора, проб и ошибок), а разумно, осмысленно, целенаправленно и целесообразно. Однако, добавляет Йенш, это вовсе не значит, что всякое «неслепое действие» (иллюзия, акт внимания и т.п.) следует считать мышлением «в настоящем смысле этого слова» [17, с. 198].

К «интересным выводам», пишет Выготский [17, с. 198], приводят также эйдетические исследования в области образования понятий [17, с. 198-199], позволяющие наглядно видеть процесс образования понятий. В последней части статьи Выготский ставит перед собой задачу «подытожить то, что намечено выше, и в самых сжатых чертах рассмотреть и критически оценить методологические основы нового психологического учения» [17, с. 199].

Ставя вопрос о критической оценке эйдетики [см. 17, с. 200 и далее], Выготский подчеркивает, что объем нового понятия (эйдетизма) и, соответственно, сфера связанных с этим экспериментальных и теоретических исследований весьма велика: эйдетика пересматривает и перестраивает традиционные учения о памяти, восприятии, мышлении, воображении, личности ребенка, подростка, взрослого человека и т.д. Более того, «новое учение перерастает далеко за рамки частного психологического исследования, превращаясь в целую систему взглядов, в целую методологию, в психологическое мировоззрение» [17, с. 200]. Другими словами, субъективный наглядный образ – это «ключ к внутреннему миру» личности, это «доступный вход, чтобы проникнуть в ту фазу развития, где создается мир восприятий и представлений, т.е. ключ к генетическому и типологическому изучению того, как складывается у человека картина воспринимаемого и представляемого мира» [17, с. 201].

Выготский обобщает: «Феноменология, распространенная книзу – вот что доминирует в его учении» [17, с. 201]. Кроме того, Йенш, с точки зрения Выготского, «находится «под прямым и сильным воздействием Дильтея и его школы» [17, с. 202], в качестве психологии как науки о духе противопоставляющей себя естественнонаучной психологии. В общем, в контексте современной психологии, все более распадающейся

(кризис!) на два полюса, два основных направления, «Йенш и его школа явно обращены к полюсу крайнего идеализма» [17, с. 202].

Все это позволяет Выготскому сделать вывод о существовании в эйдетике «непримиримого, зияющего противоречия» [17, с. 203] – ведь, с одной стороны, в эйдетических исследованиях показана обусловленность психических явлений органическими (вспомним о зависимости эйдетических образов от биохимических изменений в организме, в частности, от наличия кальция), но, с другой стороны, в теоретической части выступает близость к «наукам о духе», стремление утвердить «феноменологию снизу», реалистический идеализм. Тем самым налицо противоречие между фактической основой (судя по статье, Выготский ничего принципиально не имеет против эмпирии, исходных фактов эйдетики) и ее «идеалистической надстройкой», связь между этими частями не органическая, а механическая [17, с. 203].

В заключение Выготский коротко останавливается на вопросе о «педагогическом значении эйдетических исследований» [17, с. 203]. И здесь Выготский обнаруживает, как и в философской части учения, двойственность эйдетики. С одной стороны, протест против «педагогического интеллектуализма», «рационалистического воспитания» в сочетании с требованием учитывать возрастные особенности, эйдетически-образный характер памяти, мышления и воображения ребенка и т.п. «делает эйдетику глубоко прогрессивным педагогическим течением, приходящим к прямому признанию преимуществ трудовой школы (конечно, в ее буржуазном понимании и осуществлении)» [17, с. 203-204]. В конце статьи Выготский приводит слова Йенша о том, что «надо воспитывать в ребенке не логика, художника» [17, с. 205], что вызывает ассоциацию о различении мыслительного и художественного типа по Павлову.

Наиболее важным в эйдетике в педагогическом плане Выготский считает положение «о пластичности всех решительно психологических функций, даже самых элементарных, считавшихся до сих пор абсолютно непластическими, а потому и невоспитуемыми» [17, с. 204]. Но, с другой стороны, «общая идеалистическая установка», требование «романтического» подхода к ребенку приводят Йенша, как пишет Выготский, к «реакционному воззрению на культуру и технику, как на факторы, препятствующие детскому развитию» (с чем Выготский, естественно, ни коей мере не мог согласиться), т.е. к своеобразному «руссоизму», к требованию «возвращения к природе и закрепления эйдетического типа, являющегося, согласно данным самого же Йенша, примитивной ступенью» [17, с. 204] в развитии психики.

Общий вывод содержится в последнем абзаце статьи, где Выготский подчеркивает, что «эта двойственность в педагогической теории есть только неизбежное логическое следствие основной двойственности эйдетики, этого естественно-научного учения, утверждаемого на фундаменте реалистического идеализма» [17, с. 205].

Как видим, статья Выготского является обзорной и теоретической, т.к. Выготский не приводит собственных экспериментов (таковых, как мы понимаем, просто не было), подтверждающих или опровергающих выводы эйдетики. В статье видны методологические приоритеты Выготского: прослеживание пути от частного факта к общей теории; генетический подход; разложение психического процесса на составные части с ее последующим синтезом; взаимосвязь, взаимное превращение и взаимодействие психических функций.

При этом обнаруживаются два основных аспекта значения эйдетики для Выготского. Во-первых, на статью Выготского можно посмотреть как на изложение определенной методологической идеи – сначала в общем виде, а затем на материале частного случая, т.е. на примере эйдетики (естественно, на эту роль могла быть выбрана и какая-нибудь другая современная теория вроде психоанализа, как это делает Выготский в «Историческом смысле...»). В этом случае эйдетика оказывается своего рода «полигоном» для проверки определенных теоретических, экспериментальных и методологических идей (от факта – к обобщениям и т.п.).

Во-вторых, эйдетика с ее фактами, экспериментами, теорией, методологией и философией могла выступать и выступала для Выготского как набор эвристик, идей, гипотез, которые затем можно было использовать при создании и дальнейшем развитии своей собственной теории.

Кое-что, как мы видим, Выготский в этой статье взял из своей рукописи «Исторический смысл...». Прежде всего это два пункта: 1) психология находится в кризисе; 2) развитие науки (научной теории) идет от частного факта к общей теории, т.е. фактической основы к теоретической конструкции. Таким образом, рассматриваемая статья Выготского об эйдетике позволяет судить не только о его отношении к эйдетике, но и в определенной мере раскрывает стиль его научного мышления, лабораторию его мысли (то же можно сказать и о работе Блонского).

Книга «Этюды по истории поведения» Выготского и Лурия состоит из трех глав: «Поведение человекообразной обезьяны», «Примитивный человек и его поведение» и «Ребенок и его поведение». Первая и вторая главы написаны Выготским, третья – Лурия. Эйдетика упоминается в двух местах – во второй главе, в параграфе «Память примитивного человека» [19, с. 75-78] [25, с. 83-86], где Выготский прямо сближает память примитивного человека и память эйдетическую. В работе Загоровского «Особенности поведения первого школьного детства. Школьник I ступени» [29] теме эйдетизма посвящен отдельный параграф «Эйдетические образы (Йенш) и их роль в детском возрасте» [29, с. 86-90] в главе V «Репродукция в первом школьном детстве» [29, с. 79-92].

С 25 января по 1 февраля 1930 г. в Ленинграде проходил первый (как оказалось, и последний) всесоюзный съезд по изучению поведения человека²⁴. Вскоре были опубликованы материалы съезда [49]. Помещенные в этом издании тезисы Л.М. Шварца²⁵ специально посвящены эйдетике. В семи тезисах под общим заглавием «К вопросу об эйдетике» Шварц весьма критически оценивает эйдетику. В первом тезисе Шварц пишет о том, что «характерною особенностью кризиса психологии последних десятилетий является полная разногласица в основных теоретических положениях при богатстве и продуктивности экспериментальных изысканий» [66, с. 82]. Основную причину этого видит «в противоречии между стихийным устремлением науки к материализму и диалектике и социально и политически обоснованной для большинства ученых невозможностью принять методологию марксизма» [66, с. 82]. Это ведет, как считает Шварц, к таким явлениям, как «гипертрофия умозрительных построений, возникновение целых систем на основе отдельных эмпирических фактов, «империализм» отдельных частичных теорий» [66, с. 82].

Эйдетику Шварц рассматривает как частный случай этого общего явления. Этот тезис (о «нейтральных» и/или «хороших», «правильных» фактах) напоминает тезис Выготского (о разрастании частного факта до предельно широких обобщений). Но в целом этот тезис был не изобретением Выготского, а вытекал из государственной (марксистской) идеологии. Этот тезис потом в течение многих лет, можно сказать, на всем протяжении советского периода, был одним из постулатов советских психологов при критике зарубежных концепций.

Во втором тезисе Шварц конкретизирует этот постулат. Признавая в качестве «давно известного, неоспоримого и экспериментально доказанного» «самый факт существования эйдетических феноменов» [66, с. 82], изучаемых Марбургской школой, Шварц в то же время подчеркивает, что «общепсихологические и теоретические построения, базирующиеся на экспериментальном материале, не согласованы с фактами до конца и по

²⁴ Подробная информация о съезде приводится в следующей главе диссертационного исследования.

²⁵ Л.М. Шварц был известным советским психологом. Достаточно сказать, что он был одним из редакторов (вместе с К.Н. Корниловым) учебного пособия «Психология» для пединститутов, вышедшего в 1938 г. (2-е изд. – 1941). В октябре 1941 г., когда гитлеровские войска приближались к Москве, он ушел в народное ополчение и погиб в боях под Москвой.

тому не выдерживают критического анализа; теоретико-познавательные же и философские выводы из учения об эйдетике с точки зрения марксизма представляются совершенно неприемлемыми» [66, с. 83].

Третий тезис Шварца состоит в утверждении: «Теория Йенша о развитии памяти, представлений, ощущений, восприятий, базируется на ложной предпосылке – учении о «недифференцированном единстве» (undifferenzierte Einheit) и падает вместе с преодолением этого учения» [66, с. 83]. В четвертом тезисе утверждается, что «в области учений об ощущении и представлении Йенш и его школа продолжают тенденции Вундта и др., оправдываемые только с феноменологической точки зрения и ни с какой иной. В гносеологии эти идеи служат поддержкой кантианству, в философии – махизму» [66, с. 83].

В пятом тезисе Шварц формулирует два принципиальных положения. Во-первых, утверждается, что «роль эйдетических образов в восприятии в значительной степени переоценивается Марбургской школой» [66, с. 83]. Во-вторых, Шварц утверждает: «Неправильна и самая постановка вопроса, при которой максимально акцентируется в исследовании высших функций биологический, далеко не всеобщий, чрезвычайно зависимый и лабильный фактор, каким является эйдетическое предрасположение. В качестве антагонистической гипотезы может быть выдвинуто предположение, что восприятие в большей мере зависит непосредственно от развития речи (применение слов как символов и в их обозначающей функции), а через нее в конечном счете – от общественно-экономических отношений» [66, с. 83].

В шестом тезисе Шварц отмечает «недостоверность данных в отношении: а) статистики распространения эйдетических явлений, б) большей эйдетичности примитивных народов, женщин и умственно-отсталых, в) в связи эйдетики с общим интеллектуальным развитием и г) проявления латентных форм ее» [66, с. 83].

Наконец, в седьмом тезисе Шварц, по-видимому, обобщая уже имевшиеся к тому времени публикации, формулирует вывод – упрек: «В нашей психологической и педологической литературе учение Йенша не встретило должной критической оценки. Многие положения Марбургской школы, воспринятые на веру нашими авторами, неприемлемы и открывают возможность проникновения через них явно идеалистических моментов в психологию» [66, с. 83]. Здесь Шварц не указывает фамилий, но мы знаем, что на момент написания статьи (конец 1929 - начало 1930 г.) в СССР уже имелись достаточно серьезные (и по объему, и по степени обобщений и выводов) работы психологов, в той или иной мере касающиеся эйдетики – это работы Блонского, Выготского, Страхова, оценки эйдетики в работах Добрынина, Кравкова, Лурии.

Тезисы Шварца лишней раз убеждают нас в том, что такая теория, как эйдетика, уже в конце двадцатых – начале тридцатых годов (до 1933 г., т.е. до «нацистского» периода в истории эйдетики) в принципе, «по определению» не могла существовать (зародиться, развиваться в прикладном, теоретическом плане и т.п.) на советской почве. Характерно, что вся критика Шварца носит голословный характер. Один из основных тезисов Шварца – о детерминации эйдетических явлений «в большей мере» (или вообще, целиком?) речью и, в конечном счете, «общественно-экономическими отношениями» не несет в себе ничего нового, т.к. в школе Йенша (а также и его критиками), разумеется, исследовалась зависимость эйдетических феноменов не только от биологических (физиологических, наследственных), но и от социальных и культурных факторов, от среды с ее социальными, географическими и другими факторами. Судя по тезисам, сам Шварц в своей критике не пошел дальше формулировки своей «антагонистической гипотезы», не осуществил ее эмпирическую и экспериментальную проверку. Пожалуй, единственное, что мог бы понять Йенш, если бы ему в свое время удалось ознакомиться с этими тезисами Шварца – это то, что эйдетика «не нравится» и голословно (причем не столько по теоретическим, методологическим или философским, сколько чисто идеологическим соображениям) отвергается в советской психологии (в лице Шварца) как ненаучная, необоснованная и т.д.

В 1931 г. вышел «Психологический словарь» Б.Е. Варшавы и Л.С. Выготского [15]. В этом словаре к эйдетической теме относятся статьи о Йенше [15, с. 75] и эйдетизме [15, с. 198]. Приведем эти статьи полностью без комментариев. «Йенш Э.Р. (1883) – известный немецкий психолог, разрабатывающий проблемы психологии восприятия и памяти, автор учения об эйдетизме» [15, с. 75]. «Эйдетизм (Э. Йенш) – способность вызывать образы, занимающие среднее место между представлением и ощущением (эйдетические образы) и приближающиеся по характеру к последовательным изображениям (см.). Эйдетик воспроизводит образ ранее виденного предмета с предельной отчетливостью, он как бы видит перед собой предмет. Йенш считает, что эйдетизм – ранняя стадия развития памяти, которую все проходят в детстве. У первобытных народов часто встречается, что эйдетизм связан с эмоциональностью и внушаемостью и носит различный характер у двух биологических (эндокринных) типов, установленных В. Йеншем по конституциональным признакам. Эйдетизм наблюдается в области зрительных, слуховых и других восприятий» [15, с. 198].

В 1933 г. вышел в свет очередной, шестьдесят третий том Большой Советской Энциклопедии, где содержалась статья Лурия «Эйдетизм» [39].

В 1934 г. Корнилов в своем учебнике «Психология» [32] в главе «Память» считал необходимым уделить внимание эйдетике отдельный параграф «Эйдетический, или наглядный, вид памяти» [32, с. 90-91]. Эта констатация тем более важна (показывая значимость эйдетической проблематики в первой половине 30-х годов), что Корнилов ни в своем предыдущем, вышедшем в 1926 г., учебнике, ни в последующем, вышедшем в 1946 г. учебнике эйдетике не посвящает ни строчки.

В 1935 г. вышла в свет небольшая книга «Эйдетизм и школьный возраст» [70], включающая в себя несколько статей: «Ведение» Блонского [9], статью Блонского «Э. Йенш как психолог» [10] и статью (экспериментальное исследование) Феймана [63]. В том же 1935 г. вышла книга «Основы психологии» Рубинштейна [50], где достаточно много места и внимания было уделено эйдетике. Подчеркнем, что фактически в книге Рубинштейна в сокращенном виде приведена указанная выше статья Выготского об эйдетике, однако фамилия Выготского нигде не фигурирует в тексте; по-видимому, это можно объяснить только тем, что Рубинштейн руководствовался соображениями личной безопасности.

В 1936 г. в журнале «Советская психоневрология» была опубликована статья Д.Г. Элькина «Эйдетизм при склерозе мозга» [71]. Затем вплоть до 1940 г., т.е. до следующего издания учебника Рубинштейна, работ в СССР, посвященных эйдетике, мы не обнаружили.

В 1940 г. была опубликована книга «Основы общей психологии» Рубинштейна [51], в которой о Йенше и эйдетике говорится в двух главах [51, с. 51, 59, 243-244]. В этой работе Рубинштейн характеризует теорию Йенша негативно – как одну из «реакционных расовых фаталистических теорий» [51, с. 51], в которой Йенш «сделал порочную попытку» использовать эйдетические образы «для будто бы “экспериментального обоснования” сугубо идеалистической концепции» [51, с. 244].

В 1941 г. в журнале «Советская педагогика» были опубликованы две статьи, посвященные не столько эйдетике и эйдетизму, сколько личности самого Э. Йенша. Тон и содержание обеих статей – статьи Теплова «Бунт звериного инстинкта против человеческого разума (фашистская психология Йенша)» [62] и статьи Шемякина «Бандиты и человеконенавистники в роли ученых-психологов» [67] во многом определялись тем, что обе они были опубликованы в конце 1941 г., когда уже шла война с фашистской Германией.

То же самое можно сказать и о вышедшей в **1946 г.** втором издании «Основ общей психологии» Рубинштейна [53]. В этой книге Рубинштейн лишь усилил негативные оценки, приводимые в первом издании «Основ» 1940 г. [51]: теория Йенша характеризуется не только как «реакционная расовая фаталистическая теория» [53, с. 61],

но и как «пресловутая “интеграционная типология” Йенша, превратившаяся в часть нацистского расоведения и услужливо предлагающая себя в качестве “научного” обоснования фашистского расового мракобесия» [53, с. 70]. В итоге Рубинштейн приходит к выводу, что «Йенш непомерно раздул роль эйдетических образов и сделал в достаточной мере легковесную попытку использовать их для якобы “экспериментального обоснования” своей уже в самых начальных своих формах мало научной “концепции”, которая под конец вылилась в его пресловутую “интеграционную типологию” – раздел нацистского расоведения, предназначенную для “научного” обоснования фашистского мракобесия» [53, с. 290].

Работой Рубинштейна [53] фактически завершается список работ в СССР, посвященных эйдетике. В дальнейшем, т.е. с 1947 г. и по настоящее время, можно встретить только статью «Эйдетизм» в словарях и энциклопедиях. В книгах и статьях по истории психологии о Йенше, его школе и его исследованиях в лучшем случае говорится всего лишь несколько слов.

Так, в вышедшей в 1962 г. книге Н.С. Мансурова «Современная буржуазная психология» в главе второй «Современная психология в капиталистических странах Западной Европы и в США», в параграфе «Особенности психологии в период между двумя мировыми войнами» имеется небольшой подпараграф «Психология в Германии в период фашистского господства» [41, с. 114-116], где в частности, говорится: «Среди оставшихся немецких психологов нашлись такие, которые выступили в качестве основателей нового направления в психологии, получившего название «антропологической психологии», или «психологической антропологии». Можно назвать из них Йенша и Фолькельта, а также их сподручных – Тумлирца, Циллинга, Арнольда, Фишеля» [41, с. 114]. «В соответствии с расовой доктриной германского фашизма Йенш провозгласил свою «теорию» типов человеческих рас. По его мнению, людей [41, с. 115] можно разделить на пять типов: S₁, S₂, J₁, J₂, J₃. Первые два типа являются якобы плохими, остальные – хорошими. Качество типа определяется качеством крови. Структурные признаки типов, писал Йенш, находят свое проявление и в высших, и в средних, и в элементарных душевных процессах; поэтому-то типы и поддаются будто бы экспериментально-психологическому выявлению. У хороших типов, по его мнению, наблюдается превосходство «глубинных, бессознательных сил» над разумом; такой тип мало связан со своим окружением и действует, прислушиваясь к голосу «инстинкта». Провозглашение культа бессознательного, иррационального – таков второй мотив, навеянный непосредственно фашистской идеологией, роднящий «антропологическую психологию» с фрейдизмом» [41, с. 116]. «Антропологическая психология» является еще одним примером обусловленности психологических теорий нашего времени конкретными общественно-историческими условиями» [41, с. 116]. Эти рассуждения и оценки Мансуров почти без изменений повторил в другой своей работе, вышедшей в 1963 г. [42, с. 11-12].

С определенными уточнениями и поправками к циклу эйдетических работ можно отнести книгу Лурия «Маленькая книжка о большой памяти» [40], при изучении которой следует обратить внимание не только на то, что Лурия избегает в ней какого-либо упоминания эйдетических исследований Э. Йенша, но и на то, что относящиеся еще к периоду двадцатых годов материалы Лурия смог обобщить и впервые опубликовать только в шестидесятые годы.

Обобщая, из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Прежде всего следует отметить, что эйдетика занимает необычное положение в истории психологии. Первоначально вообще может создаться впечатление, что эйдетика не только не имеет настоящего (и, соответственно, будущего), но и почти не имеет прошлого. В частности, это проявляется в том, что ни в одном из современных словарей нет статьи об эйдетике, в лучшем случае речь идет только о явлении эйдетизма. И лишь непосредственное обращение к первоисточникам и к историографии вопроса позволило

нам увидеть, что по крайней мере прошлое у эйдетики есть, и к тому же весьма любопытное и поучительное.

Эйдетика – это разрабатывавшаяся на протяжении 20-40-х годов XX века в Германии, в марбургской психологической школе Йеншем и его единомышленниками (В. Йенш, О. Кро, А. Рикель, Г. Фишер и др.) теория, предметом изучения которой был эйдетизм – особый вид образной памяти человека. Вскоре, однако, эйдетика из частной научной теории, занимающейся вопросами сущности, генезиса, функционирования и значения эйдетической способности человека, вышла на уровень более общих, философских и методологических проблем – сущности психики, сознания, типологии и развития личности в онтогенезе и в истории и т. д. В 30-е годы эйдетика трансформировалась в «интеграционную типологию» – идеологизированную, расистскую и фашистскую по своей сути, псевдонаучную концепцию, которая в гитлеровской Германии развивалась Йеншем и его последователями путем «синтеза» эйдетических и национал-социалистических идей и лозунгов, что не могло не привести вскоре к отторжению всей эйдетики мировым научным сообществом. Марбургская психологическая школа прекратила свое существование вместе с поражением нацизма во второй мировой войне.

В нашей стране в течение примерно десяти лет, с середины 20-х до середины 30-х годов, отечественные ученые (психологи, педологи, психиатры) с большим интересом и вниманием изучали эйдетические идеи марбургской психологической школы, критически их осмысливая, подвергая эмпирической и экспериментальной проверке. В этот период реакция советских психологов на эйдетику особо не отличалась от реакции на другие появившиеся за рубежом новые направления, теории и идеи: советские психологи подходили к эйдетике настороженно и критически, в то же время пытаясь найти в ней нечто позитивное, соответствующее и подходящее советской (марксистской, диалектической, марксистско-ленинской) психологии, причем не только на уровне эмпирии и практической значимости, но и на уровне принципов. В это время тезис о критическом отношении еще не заслонял собой тезиса об изучении, усвоении и использовании. Эту позицию в целом можно коротко охарактеризовать как «критическое усвоение». В основном статьи советских исследователей этого периода носят реферативный, обзорный характер и представляют собой более-менее полное изложение основных экспериментов, постулатов и выводов эйдетики, с дальнейшей оценкой. Пожалуй, лишь работа Г. Феймана [63] является попыткой экспериментально проверить ряд эйдетических положений.

Все это означает, что до превращения в нацистскую науку эйдетика воспринималась и оценивалась в советской психологии *точно также*, как и другие современные зарубежные (капиталистические, буржуазные) теории: гештальтпсихология, Пиаже, Леви-Брюль, Курт Левин и т.п.: признание фактологии, но в то же время критика за немарксистский подход в плане теории, научности, идеологии и философии. При этом, конечно, важно видеть весь довольно широкий спектр мнений – от заинтересованности, почти полного согласия и признания – до голословного, «с порога» отрицания. Однако к концу 30-х годов все кошки стали серы (ибо надвинулась Тьма): все зарубежные теории стали буржуазными, капиталистическими, реакционными, идеалистическими и т.п., потому что таковой стала вся зарубежная наука, культура, таковым стал весь мир за рубежом.

В 20-30-е годы наиболее крупными специалистами в вопросах эйдетики в нашей стране были Блонский, Выготский и Лурия. Однако затем в силу ряда обстоятельств (вырождение эйдетики в Германии в расистскую, ненаучную теорию, запрет в СССР в 1936 г. педологии, Великая Отечественная война) эйдетические исследования в нашей стране были полностью свернуты.

В целом же судьба эйдетики в СССР оказалась короткой и незавидной. Тем не менее даже такая, весьма непродолжительная история эйдетики позволяет в определенной

степени судить об общих механизмах и тенденциях развития отечественной психологии советского периода, а также о значимости не только внутренних (собственно научных), но и социально-политических, идеологических и личностных факторов в развитии научной теории и науки в целом. В настоящее время эйдетика представляет определенный научный интерес, а также может иметь практическую значимость при описании эйдетизма как специфического вида памяти, познавательной способности и свойства личности.

В заключение, вспоминая известное изречение о том, что время – лечит, хотелось бы подчеркнуть, что основным средством лечения, которым располагает «доктор Время», чаще всего оказывается забвение. Поэтому с историко-научной точки зрения вопрос заключается в том, что мы можем противопоставить этому забвению в каждом конкретном случае. Прослеженная судьба эйдетических идей в Германии и СССР может служить наглядным свидетельством значимости целенаправленного преодоления различных форм забвения в области истории науки.

1. *Артемьев В.А.* Современная немецкая психология. Часть I. Изложение // Психология. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 66-94.
2. *Артемьев В.А.* Детская экспериментальная психология. Школьный возраст. М.-Л.: Госиздат, 1929. 256 с.
3. *Блонский П.П.* Педология. М.: Работник просвещения, 1925. 318, V с.
4. *Блонский П.П.* Психология как наука о поведении // Психология и марксизм: Сб. ст. сотр. Моск. гос. Ин-та экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 225-229.
5. *Блонский П.П.* Психологические очерки. М.: Новая Москва, 1927. 173 с.
6. П.П. Блонский в его педагогических высказываниях. Собрал И.И. Руфин. С автобиографией П.П. Блонского «Как я стал педагогом и именно таким, каким я стал». М.: Работник просвещения, 1928. 116 с.
7. *Блонский П.П.* Трудные школьники. М.: Работник просвещения, 1929. 105 с.
8. *Блонский П.П.* Возрастная педология. М.-Л.: Работник просвещения, 1930. 212 с.
9. *Блонский П.П.* Введение // Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей ред. директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. С. 5-6.
10. *Блонский П.П.* Э. Йенш как психолог // Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей ред. директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. С. 7-12.
11. *Блонский П.П.* Память и мышление. М.-Л., Соцэкгиз, 1935. 214 с.
12. Большая Советская Энциклопедия 2-е изд. Т. 48. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1957.
13. Большая Советская Энциклопедия 3-е изд. Т. 29. М., 1978.
14. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-Еврознак, 2003. 672 с.
15. *Варшава Б.Е., Выготский Л.С.* Психологический словарь. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1931. 206 с.
16. *Выготский Л.С.* Педология школьного возраста. М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1928. 218 с.
17. *Выготский Л.С.* Эйдетика // *Выготский Л.С., Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М.Л.* Основные течения современной психологии / Под ред. Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 178-205.
18. *Выготский Л.С., Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М.Л.* Основные течения современной психологии / Под ред. Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта. М.-Л.: Госиздат, 1930. 264 с.

19. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. Обезьяна. примитив. Ребенок. М., Л.: Госиздат, 1930. 232 с.
20. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования / Под ред. и со вступительной статьей В. Колбановского. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
21. *Выготский Л.С.* Эйдетика // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и М.Б. Михалевской. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. С. 275-281.
22. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
23. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291-436.
24. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5-361.
25. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
26. *Выготский Л.С.* Письма к ученикам и соратникам // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 3-40.
27. *Добрынин Н.Ф.* Введение в психологию. М.-Л.: Госиздат, 1929. 340 с.
28. *Загоровский П.Л.* Эйдетическая школа (Йенш) и проблемы детской психологии // Психология. 1929. Т. II. Вып. 1. С. 83-92.
29. *Загоровский П.Л.* Особенности поведения первого школьного детства. Школьник I ступени. М.: Работник Просвещения, 1930. 368 с.
30. *Кондаков И.М.* Психология. Иллюстрированный словарь. СПб.: «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК», 2003. 512 с.
31. *Кононова М.П.* Эйдетические явления и их отношение к психопатологии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1929. № 1. С. 60-82.
32. *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. 160 с.
33. *Кравков С.В.* Очерк психологии. М.: Работник просвещения, 1925. 184 с.
34. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
35. Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2 изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998. 512 с.
36. *Лихи Т.* История современной психологии / Пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2003. 448 с. (Книга выходила на английском языке в 1991, 1994 и 2001 г. На русском языке это первое издание. Перевод выполнен с третьего (2001) английского издания: *Thomas H. Leahey. A History of modern psychology. Third Edition.*)
37. *Лурия А.Р.* Пути развития детского мышления // Естествознание и марксизм. 1929. № 2. С. 97-130.
38. *Лурия А.Р.* Об одной попытке построить психофизиологию и типологию личности [Рец. на кн.: W. Jaensch. Grundzüge einer Physiologie und Klinik der psycho-physischen Persönlichkeit. Berlin, Springer, 1926. 483 S.] // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 4. С. 574-582.
39. *Лурия А.Р.* Эйдетизм // Большая Советская Энциклопедия. Т. 63. М.: ОГИЗ РСФСР, 1933. Ст. 135-139.
40. *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
41. *Мансуров Н.С.* Современная буржуазная психология (Критический очерк). М.: Соцэкгиз, 1962. 285 с.

42. Мансуров Н.С. Современная психологическая наука за рубежом // Современная психология в капиталистических странах / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5-30.
43. Матюгин И.Ю., Чакаберия Е.И., Рыбникова И.К., Слоненко Т.Б., Мазина Т.Н. Школа эйдетики. Развитие памяти, образного мышления, воображения. М.: Эйдос, 1994. Т. 1. Запоминание цифр, телефонов, исторических дат. 476 с.; Т. 2. Зрительная, тактильная, обонятельная память. 480 с.
44. Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: Уч. пособие для учебных заведений профтехобразования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1984. 174 с.
45. Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др.; Научно-исследовательский институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. М.: Педагогика, 1983. 448 с.
46. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-пресс, 2001. 440 с.
47. Психология: Биографический библиографический словарь / Под ред. Ноэль Шихи, Энотини Дж. Чепман, Уэнди А. Конрой / Пер. с англ. СПб.: «Евразия», 1999. 832 с.
48. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Сост. Л.А. Карпенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
49. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека) / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Медиздат, 1930. 383 с.
50. Рубинштейн С.Л. Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений. Допущено Наркомпросом РСФСР. М.: Учпедгиз, 1935. 496 с.
51. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940. 596 с.
52. Рубинштейн С.Л. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии // Московский ордена Ленина государственный университет имени М.В. Ломоносова. Ученые записки. Выпуск девяностый. Психология. Движение и деятельность. Сборник исследований кафедры психологии под редакцией С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во МГУ, 1945. С. 6-21.
53. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
54. Смит Н. Современные системы психологии / Пер. с англ. под общ. ред. А.А. Алексеева. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
55. Соколова Е.Е. Проблема целостности в психологии (лейпцигская школа) // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1982. № 4. С. 56-64.
56. Соколова Е.Е. Проблема целостности в психологии (на материале австрийской, лейпцигской, берлинской школ): Автореферат дисс. ... канд. психол. наук. М., 1984.
57. Страхов И.В. Проблема изучения типов в психологии // Психология. 1929. Вып. 1. С. 104-127.
58. Страхов И.В. Психология и литературоведение // Литература и марксизм. 1929. № 6. С. 3-26.
59. Страхов И.В. Эйдетика // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 280-298.
60. Страхов И.В. О методе психологии в связи с проблемой типа // Естествознание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 89-121.
61. Страхов И.В. Против формализма в психологии // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 145-187.
62. Теплов Б.М. Бунт звериного инстинкта против человеческого разума (фашистская психология Йенша) // Советская педагогика. 1941. № 11-12. С. 66-70.
63. Фейман Г.С. Эйдетизм и школьный возраст // Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей редакцией директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. С. 13-66.

64. *Философский энциклопедический словарь* / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
65. *Хьюбер А.* Мыслители нашего времени. Справочник по философии Запада XX века (62 портрета): Пер. с нем. И.А. Саца; Общая редакция проф. А.Ф. Лосева. М.: Изд-во ЦТР МГП ВОС, 1994. 312 с.
66. *Шварц Л.М.* К вопросу об эйдетике // Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Медиздат, 1930. С. 82-83.
67. *Шемякин Ф.Н.* Бандиты и человеконенавистники в роли ученых-психологов // Советская педагогика. 1941. № 9. С. 26-33.
68. *Шрейдер Н.Д.* Эйдетизм как проблема психофизической типологии [Рецензия на книги: Dr. med. Walther Jaensch. – Assistent an der Medizinischen Universitäts-Klinik in Frankfurt a. M. «Grundzüge einer Physiologie und Klinik der psychophysischen Persönlichkeit». – 1926. Dr. E.R. Jaensch, Professor an der Universität Marburg. «Die Eidetik und die typologische Forschungsmethode». – 1927] // Психогигиенические и неврологические исследования / Под ред. Л.М. Розенштейна. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. С. 306-312.
69. *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии / Пер. с англ. СПб.: Изд-во «Евразия», 1998. 528 с.
70. Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей ред. директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. 73 с.
71. *Элькин Д.Г.* Эйдетизм при склерозе мозга // Советская психоневрология. 1936. № 4.
72. *Эфрусси П.О.* Очерки по психологии ребенка школьного возраста. М.: Работник Просвещения, 1928. 94 с.
73. *Jaensch E.R.* Die Eidetik und die typologische Forschungsw. 2. Aufl. Jena, 1927.
74. *Jaensch E.R.* Studien zur Psychologie menschlichen Typen. Jena, 1930.
75. *Jaensch E.R.* Über den Aufbau des Bewusstseins. Jena, 1930.
76. *Jaensch E.R.* Über die subjektiven Anschauungsbilder (mit Voführung von Versuchen) // Bericht über den VII. Kongreß für experimentelle Psychologie in Marburg vom 20. – 23. April 1921 / Herausgegeben von Prof. Dr. Karl Bühler. – Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1922. S. 3-49.
77. *Jaensch W.* Über psychophysische Konstitutionstypen // Bericht über den VII. Kongress für experimentelle Psychologie in Marburg vom 20. – 23. April 1921 / Herausgegeben von Prof. Dr. Karl Bühler. – Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1922. S. 131-136.
78. *Jaensch W.R.* Grundzüge einer Physiologie und Klinik der Psychologischen Persönlichkeit. Jena, 1926.
79. *Kroh O.* Subjektive Anschauungsbilder bei Jugendlichen. Eine psychologisch-pädagogische Untersuchung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1922. 195 S.
80. *Lange L.* Externe Einflüsse auf die Wissenschaft und die Reaktion der «wissenschaftlichen Gemeinschaft» am Beispiel von E.R. Jaensch und der Zeitschrift für Psychologie 1933-1944 // Zeitschrift für Psychologie. Bd. 198. 1990. № 1. S. 121-136.
81. *Murphy G.* An Historical Introduction to Modern Psychology. With a Supplement by Heinrich Klüver. Second Edition (Revised). Second Impression. New York. Harcourt, Brace & Company, INC. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO, LTD. 1930. 470 p.
82. *Riekel T.* Das Sinnengedächtnis und seine Erforschung (Die Eidetik) // Einführung in die neuere Psychologie / Hrsg. von E. Saupe. Berlin, 1927.
83. *Urbantschitsch W.* Über subjective optische Anschauungsbilder. Berlin, 1907.

ОЧЕРК 8

Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека

В данном очерке реконструируется один из значимых, но в настоящее время малоизвестных эпизодов, относящихся к периоду становления советской психологии – Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека (Ленинград, 1930 г.). На основе изучения первоисточников раскрываются организационные и содержательные аспекты работы съезда, оценивается его значение в истории отечественной психологии.

Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека («поведенческий съезд»), проходивший в Ленинграде с 25 января по 1 февраля 1930 г., сегодня практически забыт: нет специально посвященных ему исследований, а встречающиеся в отечественных и зарубежных работах упоминания о нем носят предельно общий и фрагментарный характер (см. [4, с. 28-29], [38, с. 120-121], [47, т. 2, с. 410], [52, с. 338], [57], [62, с. 134], [65, с. 356-358] и др.). Первому (1923) и второму (1924) всероссийским психоневрологическим съездам в этом плане повезло намного больше (хотя специально посвященных им работ также нет). В отсутствии адекватного представления о съезде и состоит, собственно говоря, вся проблема. В общем плане актуальность обращения к Первому Всесоюзному съезду по изучению поведения человека непосредственно вытекает из необходимости создания в настоящее время объективной, эмпирически полной, деидеологизированной истории отечественной психологии.

Задача предпринятого исследования состоит в раскрытии организационных и содержательных аспектов работы Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека и в оценке его значения в истории советской психологии конца 20-х – начала 30-х годов.

Для решения поставленной задачи обратимся к имеющимся первоисточникам. Основной материал по съезду сосредоточен в сборнике тезисов «Психоневрологические науки в СССР» [41] и стенографическом отчете [42]. Сборник тезисов и стенографический отчет хорошо дополняют друг друга, однако содержащаяся в них информация о съезде все же не является полной, так как в стенографическом отчете не приведены протоколы заседаний секций. В значительной степени этот недостаток компенсируется статьями, опубликованными на протяжении 1930 года в журналах «Педология» [8], [13], [26], [43], «Психотехника и психофизиология труда» [6], [37], «Вопросы изучения и воспитания личности» [21], «На путях к новой школе» [2], «Научное слово» [51], в «Журнале невропатологии и психиатрии» [40], [45], [48], в научно-популярных журналах «Молодая гвардия» [39] и «Человек и природа» [1], [22], [46], [56], [58], [64].

Заметки о съезде были также опубликованы в центральных газетах «Известия» [12], [53], «Учительская газета» [11] и «Красная Звезда» [17], [18], [50], [49], [54], [60], в столичной газете «Вечерняя Москва» [24], [29], в ленинградских газетах «Красная газета» [27], [61], [63] и «Ленинградская Правда» [7], [30], [33], в одесских [10] и харьковских газетах [28]. Большая часть этих газетных материалов вскоре после их публикации была перепечатана в виде специальной подборки в журнале «Психотехника и психофизиология труда» [5]. Как это ни парадоксально, ход съезда и его итоги практически не нашли никакого отражения в журнале «Психология», что было отмечено год спустя: «Журнал прошел мимо съезда, мимо общественности» [20, с. 14].

Сначала мы остановимся на таких сторонах и этапах работы Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека, которые касаются его подготовки, количественного и качественного состава участников (делегатов и гостей съезда), общей тематики и порядка работы на пленарных и секционных заседаниях. Далекое не просто в полном объеме показать все разнообразие и богатство прозвучавших на съезде идей – теоретических, методических, прикладных, общепсихологических, психотехнических, педологических, рефлексологических, психоаналитических и т.д. Обратившись к содержательной стороне

съезда, мы проанализируем доклады, сделанные на пленарных заседаниях, а также наиболее значимые идеи, содержащиеся в опубликованных тезисах. При этом мы постараемся выяснить и показать, что содержательно было на съезде, какие прозвучали теории, концепции, взгляды, подходы. Немаловажное значение имеет учет при этом социальной (идеологической, политической) атмосферы в стране в годы «великого перелома» (1929-1930-1931 гг.).

Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что «душой» съезда, его инициатором, организатором и руководителем был А.Б. Залкинд. Поэтому необходимо сказать несколько слов об этой неординарной личности, сыгравшей весомую роль в истории советской психологии 20-30-х годов. Залкинд (1888-1936) [47, т. 1., с. 320-321] в 20-30-е годы, вплоть до 1936 года, был одним из самых крупных педологов в СССР. Кроме того, на протяжении 20-х годов он был, наряду с Корниловым и Франкфуртом, одним из основных проводников марксистских идей в формировавшейся советской психологии. Он скоропостижно скончался 16 июля 1936 г. [15], [16], очевидно, потрясенный вышедшим 4 июля 1936 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» и последовавшей критикой в адрес педологии и в свой адрес. Вполне естественно, что после 1936 г. советским психологам вспоминать о Залкинде и поведенческом съезде было далеко не безопасно.

Подготовка съезда, его организаторы, участники и гости. Организационный комитет во главе с Залкиндром проделал большую работу по подготовке съезда. Съезду предшествовала «значительная подготовительная работа, проходившая в Обществе психоневрологов-материалистов при Комакадемии с участием других организаций, в том числе Всероссийского психотехнического общества» [37, с. 225]. Кроме того, «при основных психоневрологических школах и научных институтах, клиниках, обществах СССР создавались за 1-1,5 года до съезда марксистские семинары, кружки, строились методологические секции, созывались обобщающие конференции» [9, с. 21-22]. Большую роль в подготовке съезда сыграли ленинградские рефлексологи, о чем мы можем судить по годовому отчету о деятельности Института мозга им. В.М. Бехтерева, где, в частности, говорится: «Период работы с октября по январь 1930 г. посвящен подготовке к съезду по изучению поведения человека» [35, с. 71].

На первом пленарном заседании при открытии съезда 25 января Залкинд поделился некоторыми подробностями относительно исходного замысла и процесса подготовки съезда. В качестве стержневой проблемы съезда была сформулирована проблема «Психоневрологические науки и социалистическое строительство» [42, с. 8], что означало решение двух задач. Первая задача – «практически-плановая» – заключалась в том, чтобы «связать научные исследования во всех психоневрологических областях в общую систему по путям социалистической практики» [42, с. 9]. Вторая задача заключалась в «максимально возможном синтезе» [42, с. 9], методологическом объединении (естественно, на марксистской, диалектико-материалистической основе) всех психоневрологических наук, т.е. «целого ряда научных дисциплин, изучающих нервно-психические процессы человека» [51, с. 64] – психологии, рефлексологии, педологии, психотехники, нейрофизиологии, невропатологии, педагогики, дефектологии и т.д. Из этих задач вытекала необходимость рассмотрения трех «центральных, общих методологических вопросов»: во-первых, это «учение о личности, в связи с психофизической проблемой»; во-вторых, «учение о личности в связи с проблемой развития»; в-третьих, «учение о личности и проблемы социальной психологии и коллективного поведения» [42, с. 10].

Вследствие таких жестко очерченных рамок организаторам и потенциальным участникам съезда пришлось столкнуться с серьезными трудностями при подборе необходимого материала. Как мы понимаем, не так-то просто было подобающим образом совместить в научном исследовании практическую направленность не только с идеологическими установками, но и марксистскими методологическими требованиями,

столь же изменчивыми и неопределенными. Во вступительном слове Залкинд отмечал: «Совершенно естественно, товарищи, что нам было чрезвычайно трудно подбирать материал, строго согласованный с этими жесткими предварительными принципами. Мы имеем десятки научных работников, травмированных отказом в представлении им докладов. Обусловлено это было тем, что сплошь и рядом очень ценные, но слишком узкие доклады для методологического синтезирующего съезда не годились. Нам приходилось обращаться к десяткам авторов со специальным заказом на определенные темы: мы предъявляли им в порядке заданий проработку определенных, синтезирующих тем. Ясно, что несмотря на принятые нами активные меры, мы в итоге не получили, конечно, на все 100 % необходимый материал, но во всяком случае лучшее из того, что возможно было в этих областях получить в СССР, мы на этот съезд собрали. Все основные, руководящие, наиболее ценные школы, работающие в области психоневрологии, наиболее серьезные коллективы, институты и лица у нас максимально и авторитетно представлены своими материалами, которые и будут демонстрироваться здесь» [42, с. 12-13].

Сборник тезисов [41] был издан, как и полагается, к началу съезда. В предисловии к сборнику указывалось, что публикуемые материалы были предварительно проработаны «редакционными президиумами» Оргкомитета в составе: по общей секции – К.Н. Корнилов, И.Д. Сапир, Г.С. Тымянский, Б.А. Фингерт, Л.Н. Федоров, В.А. Артемов (отв. секретарь), по педологической секции – М.Я. Басов, Л.С. Выготский, С.С. Моложавый, Н.М. Щелованов, по психотехнической секции – С.Г. Геллерштейн, В.П. Осипов, Б.М. Розенцвейг, И.Д. Сапир, Е.К. Сепп, ответственным секретарем Оргкомитета был А.Д. Печатников [41, с. 4]; фактически перед нами в полном составе Оргкомитет съезда. Украинский материал редактировали Л. Гейманович и И.А. Соколянский; материал пленарных заседаний был в основном отредактирован в особой комиссии при Коммунистической Академии [41, с. 4].

Столь же оперативно, к началу съезда, был выпущен «Спутник делегата», содержащий всю самую необходимую информацию о съезде.

Всего на съезде было зарегистрировано 1402 делегата, из них с решающим голосом – 429 человек, остальные – с совещательным [42, с. 372]. Кроме того, было роздано около 1800 «гостевых билетов». Всего в работе съезда, таким образом, приняло участие свыше 3200 человек. В ряде случаев организаторам пришлось в ходе работы съезда перемещать доклады из одних аудиторий Военно-медицинской академии в другие, большие, т.к. некоторые аудитории не могли вместить громадного наплыва слушателей.

Большинство делегатов было из РСФСР – 69,5 %, с Украины было 13 %, из Белоруссии – 2,5 %, из Закавказской Федерации – 2,5 %, остальные 12,5 % приходились на представителей других республик и автономных областей. Из городов на съезде первенствовала Москва – 20 % всех делегатов, на втором месте был Ленинград – 18,9 % [1, с. 47-48]. Гостями съезда в основном были, естественно, ленинградцы, составляя примерно половину от общего числа делегатов и гостей съезда [37, с. 225].

Высоким был общий образовательный уровень участников съезда: 97,5 % всех делегатов съезда составляли лица с высшим образованием, 45 % делегатов имели научный стаж свыше 6 лет [1, с. 47]. По возрасту преобладающее большинство составляли делегаты от 26 до 45 лет – 69 % [42, с. 372]. Разнообразен был съезд по своему профессиональному составу. Большинство делегатов съезда составляли врачи – 38,5 % от общего числа участников, педологи – 19,7 %; педагоги – 17,2 %, физиологи – 7,5 %, психотехники – 7,2 %, психологи – 4,7 %, дефектологи – 2,5 % и рефлексологи – 1,7 % [1, с. 47].

Весьма представительным был съезд и в плане персоналий. Перечислим наиболее известных советских психологов и представителей смежных наук, принявших участие в работе съезда: Б.Г. Ананьев, В.А. Артемов, И.А. Арямов, М.Я. Басов, П.П. Блонский, А.П. Болтунов, В.А. Вагнер, Н.Ю. Войтонис, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн,

А.С. Грибоедов, Н.Ф. Добрынин, А.Б. Залкинд, А.С. Залужный, Л.В. Занков, К.Н. Корнилов, С.В. Кравков, А.К. Ленц, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.С. Моложавый, В.Н. Мясичев, В.П. Осипов, В.Н. Осипова, М.С. Певзнер, К.И. Платонов, П.М. Рубинштейн, Н.А. Рыбников, Д.Н. Узнадзе, А.А. Ухтомский, П.А. Шеварев, И.Н. Шпильрейн, Н.М. Щелованов и др.

Докладчиками на съезде, наряду с такими учеными – специалистами в своих областях, как А.Б. Залкинд, К.Н. Корнилов, С.С. Моложавый, И.Д. Сапир и И.Н. Шпильрейн, были высокопоставленные партийные и государственные деятели: Н.А. Карев был членом редакции журнала «Под знаменем марксизма», членом коллегии Института философии, заместителем председателя правления Общества воинствующих материалистов-диалектиков; И.К. Луппол был начальник Главнауки. А.В. Луначарский (1875-1933) в 1917-1929 г. возглавлял Народный Комиссариат Просвещения (Наркомпрос) РСФСР, но незадолго до поведенческого съезда, летом 1929 г. он и несколько других членов коллегии Наркомпроса отказались участвовать, как пишет Т.Э. О'Коннор, «в акциях культурной революции и подали в отставку» [32, с. 119]. Отставка была принята, и на поведенческом съезде Луначарский выступал уже в качестве Председателя Ученого Комитета ЦИК СССР. И.Д. Сапир в то время был ученым секретарем московского Института экспериментальной психологии.

Можно было бы сказать, что на съезде под эгидой марксизма был представлен весь цвет советской психологии и других наук, изучающих поведение человека, если бы не отсутствие в списке авторов в материалах съезда ряда крупных ученых – таких, как А.П. Нечаев, И.П. Павлов (особенно учитывая тот прием, которого был удостоен Павлов в сентябре 1929 г. на съезде в Нью-Хейвене – оvation и т.д. [23]), С.Л. Рубинштейн, Г.И. Челпанов, Г.Г. Шпет... Это заставляет нас с полной серьезностью отнестись к цитированным выше словам Залкинда о «десятках научных работников», которым было отказано в представлении им докладов [42, с. 12].

По мнению Д. Джоравски, Нечаев и Челпанов были «scandalously» (скандальным, возмутительным образом) не включены в число участников съезда из-за своих антимарксистских убеждений [65, с. 357]. Разумеется, Залкинду и другим членам Оргкомитета было еще очень далеко до детальной режиссуры образца 1950 г., но и опыт семи лет, прошедших после состоявшегося в 1923 г. первого всероссийского психоневрологического съезда, не пропал даром. Если бы не резко изменившиеся в стране в начале 1931 г. идеологические приоритеты и последующие события, поведенческий съезд вошел бы в историю советской психологии как образец для подражания, будучи идеологически безупречным по всем параметрам: организационным (подбор тем и участников), содержательным (тщательные отбор и проверка поступивших тезисов), а также по своим формам, целям и задачам.

Пленарные и секционные заседания. Съезд проходил в Ленинграде в течение восьми дней – с 25 января по 1 февраля 1930 г. на базе Военно-медицинской академии. Структура съезда была обычной для мероприятий подобного рода и включала в себя пленарные и секционные заседания. Пленарные заседания (утренние и вечерние) были проведены 25, 26, 27 января и 1 февраля; в остальные дни проходили секционные заседания. Пленарные заседания проходили во Дворце им. Урицкого.

В день открытия съезда 25 января были избраны и утверждены президиум и другие рабочие органы съезда. В *почетный президиум съезда* были выбраны Сталин, Молотов, Калинин, Бубнов, Крупская, Киров, Кадацкий [42, с. 14].

В *президиум съезда* были выбраны В.А. Артемов, М.Я. Басов, К.М. Быков²⁶, В.А. Вагнер, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн, А.Б. Залкинд, А.С. Залужный, К.Н. Корнилов, И.Ф. Куразов, А.К. Ленц, С.С. Моложавый, В.П. Осипов, А.П. Пинкевич, В.П.

---

²⁶ Быков Константин Михайлович (1886-1959) – физиолог, академик АМН СССР (1944), АН СССР (1946), лауреат Государственной премии СССР (1946). Изучал влияние коры головного мозга на внутренние органы, а также вопросы физиологии пищеварения, химической передачи возбуждения, interoцепции.

Протопопов, И.Д. Сапир, А.А. Таланкин, А.А. Ухтомский, И.Н. Шпильрейн, Н.М. Щелованов и другие, всего 53 человека.

Бюро президиума было образовано в составе пяти человек: А.Б. Залкинд (председатель), Н.М. Щелованов, Л.Н. Федоров, И.А. Соколянский, В.П. Осипов (члены бюро). В *секретариат съезда* вошли 10 человек: Ананьев, Антонюк, Боген (ответственный секретарь), Макаров, Майоров, Моносова, Печатников, Ранчевский, Рохлин, Эльконин. *Мандатная комиссия* была образована из 9 человек: Виленкина, Ковтунов, Карганов, Левина, Пономарев, Рахмель, Сеницкий, Сыркин, Фальк (председатель комиссии) [42, с. 14-15].

Организационная часть открытия съезда завершилась тем, что профессор М.С. Маргулис внес предложение послать от имени съезда приветствие ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, что было принято «под аплодисменты» [42, с. 15]. После этого с докладом «Наука и реконструктивный период» выступил И.К. Луппол [42, с. 15-40], а затем (после 10-минутного перерыва) – Н.А. Карев с докладом «Дискуссия диалектиков с механистами и науки о поведении человека» [42, с. 41-78]. Обсуждения этих докладов не проводилось.

26 января на утреннем пленарном заседании были заслушаны три доклада: доклад Залкинда «Психоневрологические науки и социалистическое строительство» [42, с. 78-127], доклад Корнилова «Психология и социалистическое строительство» [42, с. 127-149] и доклад Шпильрейна «Задачи психотехники в реконструктивный период» [42, с. 150-175].

На вечернем заседании состоялась дискуссия по докладам А.Б. Залкинда, К.Н. Корнилова и И.Н. Шпильрейна, на которой выступили И.С. Горелик, Б.Г. Ананьев, И.С. Беритов, Л.М. Розенштейн, Ю.П. Фролов, С.И. Гинцбург, Н.Ф. Курманов, Р.И. Черановский и др. [42, с. 175-222].

После дискуссии с докладом «Искусство как вид человеческого поведения» выступил Луначарский [42, с. 222-250]. Этот доклад был внеплановым и обсуждения по нему не проводилось. Только Басов выступил с призывом («от имени ряда членов президиума») поддержать кандидатуру Луначарского в выдвижении в действительные члены Академии наук, что было принято «под бурные аплодисменты» [42, с. 344] – трудно сказать, какую роль это сыграл этот факт, но вскоре Луначарский на общем собрании Академии наук был избран действительным членом АН СССР.

С заключительными словами выступили Шпильрейн [42, с. 250-251], Корнилов [42, с. 251-259] и Залкинд [42, с. 259-262]. Работа съезда в этот день завершилась принятием «Обращения съезда к пролетариату Ленинграда» [33], [42, с. 262-264].

На пленарных заседаниях 27 января были заслушаны и обсуждены два доклада: доклад Сапира «К вопросу о марксистской методологии в науке о поведении» [42, с. 264-289] и доклад Моложавого «Вопросы диалектики в педологии» [42, с. 289-314].

В дискуссии по этим докладам выступили А.Л. Шнирман, М.Я. Басов, Л.С. Выготский, В.Н. Мясищев, В.А. Артемов, А.С. Залужный и Л.Я. Пинес [42, с. 314-338]. С заключительным словом выступил И.Д. Сапир [42, с. 338-344].

Некоторые любопытные подробности работы съезда содержатся в приведенных в стенографическом отчете выдержках из протоколов пленарных заседаний съезда [42, с. 344-346]. Так, например, были зачитаны приветствия съезду от Московской психиатрической больницы и других учреждений и утверждены ответные приветствия, а на пленарном заседании 27 января была оглашена записка члена оргбюро съезда Ю.П. Фролова, содержащая полемику с Корниловым по вопросам психофизиологии военного труда [42, с. 344-345].

В последующие дни участники съезда работали по секциям, а также на межсекционных и внутрисъездовских совещаниях. Съезд был разделен на четыре секции: (1) психологии, рефлексологии и физиологии нервной системы (секция называлась также «общеметодологической», «методологической» или «общей»; П.А. Рудик в статье о съезде называет эту секцию «психолого-рефлексолого-физиологической» [51, с. 64]), (2)

педологическую, (3) психотехническую и (4) патолого-клиническую (патологической психоневрологии).

Секция психологии, рефлексологии и физиологии нервной системы включала разделы: структура личности (17 тезисов), формы поведения (27), социальная психология и изучение поведения (4), судебная психология (2), сравнительная психология и физиология (5) [41, с. 22-128], дополнительно (тезисы, поданные с опозданием, но включенные при публикации в материалы съезда) – 3 [41, с. 347-348]. Всего на этой секции, таким образом, было заявлено 58 тезисов.

Педологическая секция включала тезисы по разделам: среда и проблема развития (9), типология детства (4), возрастные особенности ребенка (21), проблема детского коллектива (5), проблема трудновоспитуемого детства (7) [41, с. 129-200], дополнительно – 5 [41, с. 348-355]; всего 51 тезис. Работа педологической секции была всесторонне освещена в журнале «Педология» (см. [25], [26], [43] и др.).

В *секции психотехники* тезисы были распределены по разделам: основные принципы психотехники (4), одаренность и профпригодность (18), проблема изменчивости (10), соматология, характерология и психология профессий (4) [41, с. 201-272], дополнительно – 4 [41, с. 355-361]; всего – 40 тезисов. Подробное описание работы психотехнической секции содержится в журнале «Психотехника и психофизиология труда» [37, с. 226-231].

Патолого-клиническая секция содержала тезисы докладов и выступлений по разделам: методология (13), учение о раннем атеросклерозе, нажитая психическая инвалидность (4), алкоголь и нервная система (4), профессия и патология (5), психотерапия и терапия (8), экзогенная и эндогенная (6) [41, с. 273-337], дополнительно – 16 [41, с. 361-383], всего 56 тезисов. Итоги работы патолого-клинической секции представлены в «Журнале невропатологии и психиатрии»: это резолюция съезда [44], отчет Б.М. Розенцвейга [45] и обзор С. Рончевского [46]. Любопытный штрих: год спустя Б.М. Розенцвейгу пришлось уточнять один из своих тезисов о преступности в ответ на суровую критику Д. Футера [59], причем редакция журнала оценила помещенное здесь же разъяснение Б.М. Розенцвейга как «удовлетворительное», а выводы Д. Футера – как «необоснованные» [59; 141].

Кроме работы в секциях, с целью «закрепления единства различных отделов психоневрологических наук» на съезде был проведен ряд объединенных межсекционных заседаний, а также особых внутрисъездовских совещаний по ряду актуальных прикладных проблем – по *работе с комсомолом* (см. резолюцию по изучению бытовых коммун молодежи [42, с. 419-421]), *работе со взрослыми* (см. резолюцию по педологической работе среди народов своеобразной культуры [42, с. 418-419]) и *военной психоневрологии* (см. резолюцию военного совещания съезда [42, с. 409-417]). Военное совещание проходило на двух заседаниях психотехнической секции и было посвящено вопросам психофизиологической работы в Красной Армии [37, с. 226, 231-233].

Помимо этого, на двух специальных заседаниях были заслушаны и обсуждены доклады *школы И.П. Павлова* [37, с. 226]. В статье Н. Проппера говорится, что на пленуме трех секций съезда была сделана «целая серия докладов» учеников павловской школы, причем эти доклады, не предусмотренные программой работы съезда, вызвали «большой интерес» со стороны всего съезда, и обсуждение их велось «весьма оживленно» [40, с. 9].

Всего на съезде было заслушано свыше 170 докладов и выступлений; в материалах съезда было опубликовано, включая тезисы четырех пленарных докладов, 209 тезисов.

На заключительном пленарном заседании 1 февраля 1930 г. были приняты резолюции съезда [42, с. 346-348] и выступили с приветственными речами представители партийных, комсомольских, пионерских, рабочих организаций, предприятий и учреждений Ленинграда, участники съезда – профессора В.П. Осипов, А.М. Мандрыка, К.Н. Корнилов, Ю.В. Каннабих и М.Я. Басов, а также председатель мандатной комиссии [42, с. 355-372]. С докладом об итогах съезда выступил Залкинд [42, с. 373-379].

В разделе «Резолюции съезда» стенографического отчета приводятся тексты всех *девяти* резолюций: по пленарному циклу «Психоневрологические науки и социалистическое строительство», в ответ на декларацию ЦБ ДКО ЦК ВЛКСМ, по общеметодологической секции, по педологической секции, по психотехнической секции, по патолого-клинической секции, военного совещания съезда, по педологической работе среди народов своеобразной культуры, по изучению бытовых коммун молодежи [42, с. 380-421].

Если судить по названию съезда и тематике секций, его можно посчитать полностью психологическим. Но даже если, исходя из указанного выше процентного состава участников съезда, отнести к психологам (в широком смысле) представителей педологии (19,7 %), психотехники (7,2 %), рефлексологии (1,7 %) и психологии (4,7 %), то съезд окажется психологическим всего лишь на одну треть – 33,3 %. В этом отношении съезд продолжал традицию предыдущих российских съездов, которые, как известно, также были не чисто психологическими, а съездами по педагогической психологии (1906, 1909), экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916) и психоневрологии (1923, 1924). Но, несмотря на столь разнородный состав, поведенческий съезд, с точки зрения организаторов и участников, все же выполнил свою основную задачу – он «был весь проникнут единой методологической установкой» и в силу этого «явился мощным организующим фактором в развитии советской науки» [23, с. 99].

В одном из отчетов отмечается, что «съезд прошел под знаком приближения психоневрологов к марксизму» и что «все научные работники различных научных отраслей психоневрологии, как показал съезд, серьезно обратились к изучению диалектического материализма» [1, с. 48-49]. «Съезд полностью оправдал возлагаемые на него надежды и безусловно дал мощный толчок для дальнейшей практической и научной работы многочисленных научных институтов Советского Союза. Съезд дает основания полагать, что в дальнейшем все внимание советских психоневрологов будет направлено на развитие и изучение нервно-психических особенностей пролетариата и его смены в условиях реконструктивного периода нашей страны» [1, с. 49].

Материалы первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека убеждают нас в том, что в конце 20-х – начале 30-х годов в качестве синтетической науки, объединяющей все науки о человеке, подразумевалась психоневрология, в которой в качестве центральной категории выступало «поведение», включающее в себя как индивидуально-психологические, так и физиологические и социальные компоненты.

Характерны в этом отношении слова А.Р. Лурия. В обзоре, посвященном итогам Международного конгресса психологов в Америке (Нью-Хейвен, 1-7 сентября 1929 г.), участником которого он был (в составе советской делегации из четырех человек – вместе В.М. Боровским, С.Г. Геллерштейном и И.Н. Шпильрейном), А.Р. Лурия проводит параллель между этим конгрессом и Всесоюзным съездом по изучению поведения человека [23, с. 97-99] – естественно, в пользу последнего, т.к. поведенческий съезд «был весь проникнут единой методологической установкой и ... в силу этого явился мощным организующим фактором в развитии советской науки» [23, с. 99] – в отличие от съезда в Америке, на котором, правда, было представлено 450 докладов, но содержащих «совершенно «случайную» комбинацию проблем» [23, с. 98].

Важен один из основных тезисов (лозунгов), настойчиво звучавших на съезде, – что сейчас (т.е. в 1930 г.) в стране принципиально новые условия («реконструктивный период») и, соответственно, новые требования, выражающиеся в новом социальном заказе в связи с проблемой воспитания и перевоспитания, «выделки» и «перековки» человека. Это нашло выражение в тезисе об ускорении темпов реконструкции, а по отношению к проблеме личности – о возможности такой же быстрой перестройки на основе пластичности личности (организма), что, очевидно, означало убежденность в превосходстве внешнего, социального фактора над инертным наследственным фактором.

Значение Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека. Почему же, несмотря на столь представительный характер, Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека до сих пор оставался неизученным и почти забытым? Понятно, почему съезд оказался забытым после 1936 г. – слишком явно в нем выделялись такие компоненты, как педология и психотехника. Но что происходило в 1930-1936 гг.? Понятно, почему съезд оказался раскритикованным и забытым уже в 1931 году – ведь в январе 1931 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма». Но ведь был еще год, с января 1930 г. по январь 1931 г. Что говорили о съезде в это время?

Многое, если не все, объясняют последовавшие вскоре после съезда события. Мы имеем ввиду те изменения, которые произошли в СССР в сфере партийной и государственной идеологии в 1930-1936 гг. и которые косвенно, а иногда и самым непосредственным образом повлияли на психологическую науку.

Перед нами три резко отличающихся друг от друга по содержанию этапа. На *первом этапе* – на протяжении всего 1930 года – в рецензиях, заметках, отзывах съезд в целом оценивался в самых восторженных тонах (эти источники – статьи в журналах, заметки в газетах – мы уже указывали в начале статьи). Д. Джоравски обращает наше внимание на тот весьма симптоматичный – уже на этом этапе – негативный факт, что поведенческий съезд не получил практически никакого отражения в центральной партийной печати – в журнале «Большевик», в газетах «Правда» и «Известия» [65, с. 357]. Это утверждение не совсем точно: выше мы уже указывали, что в «Известиях» была опубликована одна заметка о съезде (А.Б. Залкинда); правда, вышла эта заметка спустя неделю после окончания съезда – 8 февраля [12].

Показательно и то, ход съезда и его итоги практически не нашли никакого отражения и в журнале «Психология», что вполне справедливо отмечалось в уже цитированной статье Т. Коган: «По ряду важнейших решений научных съездов и конференций отсутствуют даже информации, не говоря уже о подготовке и проработке этих решений. Ярким примером тому – первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека, происходивший в Ленинграде в январе 1930 г. Журнал прошел мимо съезда, мимо общественности» [20, с. 14].

На *втором этапе* (1931-1936) оценки сменились на противоположные. В этой связи характерно, что в отчете о деятельности бехтеревского института за 1929-1930 гг. (с сентября 1929 по сентябрь 1930 г.) довольно сдержанно говорится о данном съезде, – приводится только количественная сторона (кто участвовал, сколько было сделано докладов) [35, с. 75].

Все дело в том, что 26 января 1931 г. в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”» [31, с. 264-265], где, в частности, упоминалась фамилия Н.А. Карева: «Журнал «Под знаменем марксизма» исходил из совершенно ошибочной установки, вытекающей из непонимания ленинского этапа как новой ступени в развитии философии марксизма, что было обусловлено позицией гг. Деборина, Карева, Стэна и др.» [31, с. 264] ... «В области философии журнал должен вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой гг. Деборина, Карева, Стэна и др.» [31, с. 265]. Этого оказалось вполне достаточно для полной дискредитации поведенческого съезда. Свою роль сыграло и то, что Луппол также оказался причисленным к группе «меньшевистствующих идеалистов»-деборинцев, а Луначарский фактически находился в опале еще с середины 1929 г., после смещения с поста наркома [32, с. 119].

На *третьем этапе* (после 1936 г.) съезд фактически был вытеснен из памяти науки. Из всей литературы, последовавшей после январского постановления ЦК ВКП(б), мы ограничимся двумя красноречивыми цитатами.

В резолюции ячейки ВКП(б) московского Института психологии, педологии и психотехники (июнь 1931 г.) говорилось: «Бывшее руководство в области психологии

исходило методологически, с одной стороны, из механистических философских теорий Спенсера – Богданова – Бухарина, с другой стороны, тесно смыкалось и руководилось Дебориным и его группой, с характерным для меньшевистствующего идеализма формализмом и отрывом теории от практики. Линия бывшего философского руководства ярко сказалась примиренческим характере работы и резолюций «Первого съезда по поведению человека», который возглавлялся гг. Каревым, Залкиндом и Сапиром» [19, с. 3].

Ананьев в том же 1931 г. писал: «Руководство поведенческим съездом (Карев, Залкинд, Сапир) еще раз, надо полагать, в последний раз в советской психологии, провело размежевку «школ» и направлений, объективно культивируя эклектическое отношение к марксистско-ленинской методологии и укрепляя империалистические тенденции отдельных «позитивных» школ» [3, с. 330]. В статье Ананьева подчеркивается, что «... «конец рефлексологии» необходимо датировать по-настоящему не временем и деятельностью поведенческого съезда, а развернутой дискуссией по реактологической психологии» [3, с. 328], проходившей, как известно, в начале июня 1931 г. Обратим внимание и на то, что резкой критике съезд и его результаты были подвергнуты в это время самим Залкиндом (см. [14] и др.).

Кардинально ухудшилась ситуация в 1936 г. – после запрета педологии и психотехники вспоминать о съезде стало просто опасно. В последующие десятилетия это самым непосредственным образом влияло (в сочетании с труднодоступностью первоисточников) на отечественных исследователей, так или иначе касавшихся истории советской психологии 20-30-х годов. В этом отношении показательно, что первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека вообще не упоминается, например, в брошюре Теплова 1947 г., посвященной истории советской психологии [55].

После 1936 г. в СССР, как известно, целенаправленно уничтожалась всякая педологическая и психотехническая литература. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что имена Залкинда, Шпильрейна и других организаторов и активных деятелей съезда (за исключением, пожалуй, Корнилова) упоминались в списке авторов, чьи книги надлежало хранить в минимальном количестве в спецхране или полностью уничтожить.

Вследствие этого в настоящее время обе книги с материалами съезда [41], [42] представляют собой величайшую библиографическую редкость. Более того, в цитированной выше историографической литературе о съезде (отечественной и зарубежной) стенографический отчет вообще ни разу не упоминается. Характерно в этом плане, что Д. Джоравски, фактически цитируя стенографический отчет (в частности, правильно указывая страницы докладов Карева, Луппола и Луначарского) [65, с. 520], в качестве первоисточника тем не менее ошибочно указывает выходные данные не стенографического отчета, а сборника тезисов.

Прежде всего отсутствием первоисточников следует объяснять туманные рассуждения многих авторов о том, что в действительности произошло на съезде и в чем состояло его значение. Так, одни авторы пишут о том, что на съезде была подвергнута критике реактология Корнилова; другие авторы пишут о том, что на съезде критиковалась (была «разгромлена» и т.п.) рефлексология, что на самом деле не подтверждается материалами съезда.

Можно было бы сказать, что выбор докладчиков оказался на редкость неудачным. Но мог ли он быть удачным в принципе? Для сравнения укажем, что на I Педологическом съезде в 1928 году в качестве докладчиков выступали Крупская, Бухарин, Луначарский и Семашко (см.: На путях к новой школе. 1928. № 1. С. 10).

Л.В. Иванова в статье о А.В. Луначарском пишет, что «устранение его с поста наркома в 1929 году нельзя, по-видимому, объяснить только состоянием здоровья. Этот вопрос предстоит еще исследовать. Бесспорно другое – после смерти Луначарского издание его работ прекратилось на долгую четверть века. Огромное творческого наследие

марксиста-ленинца оказалось за бортом, а роль Луначарского как государственного и партийного деятеля путем длительного замалчивания была искажена» [36, с. 195]. Троцкий в «Бюллетене оппозиции» (Париж, 1934, № 38-39) в некрологе на смерть Луначарского подчеркивал, что Луначарский до конца оставался в высших эшелонах правящей партии «инородной фигурой». Троцкий писал: «Луначарский слишком хорошо знал прошлое революции и партии, сохранил слишком разносторонние интересы, был, наконец, слишком образован, чтобы не составлять неуместного пятна в бюрократических рядах. Снятый с поста народного комиссара, на котором он, впрочем, успел до конца выполнить свою историческую миссию, Луначарский оставался почти не у дел, вплоть до назначения его послом в Испанию» (с. 370).

Следует отметить, что 1930 г. был не самым лучшим годом для различных идеологических мероприятий. Как известно, шла первая пятилетка. 6 января 1930 г. в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». 15 марта в «Правде» было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». 26 июня – 13 июля 1930 г. состоялся XVI съезд ВКП(б).

Вообще годы первой пятилетки были временем процессов: в августе 1930 г. по обвинению в организации конского падежа закрытым судом судят группу бактериологов во главе с проф. Каратыгиным, в сентябре 1930 г. сообщается о расстреле 48 руководителей пищевой промышленности, в том числе проф. Рязанова, по обвинению в организации продовольственных трудностей. В ноябре-декабре 1930 г. в Москве организуется второй – после Шахтинского дела – показательный процесс-спектакль: процесс Промпартии. Репрессии продолжались и после процесса «Промпартии». Шла подготовка к организации процесса так называемой Трудовой крестьянской партии, но этот процесс по неизвестным причинам не состоялся. Арестованные – в том числе Кондратьев и Чаянов – погибли в тюрьмах или лагерях. В марте 1931 года состоялся в Москве процесс меньшевиков; процессы «вредителей», массовые аресты «вредителей» продолжались и далее.

«В июне 1930 года три молодых философа, из которых два – будущие сталинские академики М.Б. Митин, П.Ф. Юдин и вместе с ними В. Ральцевич, опубликовали в «Правде» статью «О новых задачах марксистско-ленинской философии» ... В октябре 1930 года на президиуме Комакадемии и в Институте красной профессуры устраивается «дискуссия» с представителями группы Деборина. Окончательная и полная победа группы молодых сталинистов наступила после беседы Сталина с бюро ячейки ИКП. Именно в этой беседе Сталиным была предложена политико-идеологическая квалификация взглядов группы Деборина как «меньшевистствующего идеализма». Эта квалификация вошла затем и в постановление ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 года «О журнале «Под знаменем марксизма» [34, с. 364].

Подводя итоги, следует сказать, что состоявшийся в Ленинграде в 1930 г. первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека был значимым событием в истории советской психологии периода ее становления. Исходя из количественного и качественного состава его участников, из содержания выступлений, докладов, прений и резолюций данный съезд следует оценивать как крупное событие в советской психологии конца 20-х – начала 30-х годов. При всей своей несомненной идеологической «загруженности» съезд продемонстрировал все лучшее, что было наработано в СССР к началу 30-х годов в психологии, педологии, психотехнике и других науках о поведении человека.

На съезде была предпринята попытка методологического объединения наук о человеке (психоневрологических наук) на едином основании – как изучающих один и тот же объект – поведение человека. Это можно оценивать как свидетельство стремления решить актуальные для того времени психологические проблемы (методологический кризис, прикладные и междисциплинарные проблемы и т.д.). Выготскому, писавшему в

1926-1927 г. работу «Исторический смысл психологического кризиса», и в самом кошмарном сне, очевидно, не могло присниться, чем обернутся в действительности всего лишь через несколько лет его призывы к созданию «диалектики психологии» как «общей науки», призванной стать путем и средством выхода из методологического кризиса.

Но, с другой стороны лозунг создания единой науки о поведении можно рассматривать как показатель форм и методов воздействия государственной (партийной) идеологии на науку. Следовательно, можно говорить как об идеологизации науки (со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями – вульгаризацией, потерей самостоятельности, регрессе и т.д.), так и об определенном прогрессе. Идеологизация выражалась в форме – в формулировках обсуждаемых на съезде тем, проблем и вопросов. Прогресс выражался в содержании – в методологии, теории, экспериментах. Насколько далеко в тот момент (январь 1930 г.) зашел процесс идеологизации («терминологической революции»), затрагивая уже не только формальную, но и содержательную, сущностную сторону психологического знания, ее «геном»? Для ответа на этот вопрос требуется обратиться непосредственно к содержанию всех имеющихся в нашем распоряжении материалов о съезде (этого аспекта мы в нашем анализе в данном случае не касаемся).

Важно подчеркнуть и то, что изучение историографии вопроса оказывается не менее поучительным, чем история вопроса. Отсутствие в настоящее время адекватного представления о съезде следует объяснять причинами, связанными с происходившими в СССР в 30-е годы изменениями в сфере идеологии: в 1931 г. после постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма» была объявлена борьба против «механицистов» и «меньшевиствующих идеалистов» (к которым были причислены организаторы и руководители съезда), а в 1936 г. были запрещены педология и психотехника. Все это (в сочетании с труднодоступностью первоисточников) на долгие годы привело в советской историографии к негативной оценке и фактическому забвению прозвучавших на съезде идей и съезда в целом.

На примере Первого Всесоюзного съезда по изучению поведения человека мы видим, что в настоящее время в отечественной историографии психологии имеются не только проблемы, связанные с наличием множества «белых пятен» и сохранившихся с советских времен методологических стереотипов, но и все необходимые условия и возможности для продуктивной работы по созданию не идеологизированной, объективной истории отечественной психологии советского периода.

В исследовательских работах, в современной справочной и учебной литературе при изложении истории отечественной психологии советского периода Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека должен занять подобающее ему место – ведь прогресс науки заключается не только в ее развитии вперед и вверх, но и во все более адекватном постижении своих корней и истоков.

1. *А.Б.* Науку о поведении человека на службу социалистической реконструкции // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 47-49.
2. *А.П.* Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // На путях к новой школе. 1930. № 2. С. 54-55.
3. *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 3-4. С. 325-344.
4. *Будилова Е.А.* Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.
5. Газеты и журналы о психотехнике. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 2-3. С. 304-310.
6. *Геллерштейн С.Г.* К вопросу о профессиональной типологии // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 6. С. 489-502.
7. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Ленинградская Правда. 1930. 26 января.

8. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 2 (8). С. 161-164.
9. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 6. С. 19-24.
10. *Залкинд А.Б.* Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Вечерние известия. 1930. 31 января.
11. *Залкинд А.Б.* Наука по изучению поведения человека и педагогика // Учительская газета. 1930. 15 февраля.
12. *Залкинд А.Б.* Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Известия ВЦИК. 1930. 8 февраля.
13. *Залкинд А.Б.* Психоневрологические науки и социалистическое строительство // Педология. 1930. № 3 (9). С. 309-323.
14. *Залкинд А.Б.* Психоневрологический фронт и психологическая дискуссия // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 17-23.
15. *Залкинд А.Б.* Мои ошибки // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. № 98 (2046). С. 2.
16. *Залкинд А.Б.* [Некролог] // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. № 98 (2046). С. 4.
17. *Залкинд И.А.* Изучение человеческого поведения // Красная звезда. 1930. 24 января.
18. *Залкинд И.А., Фролов Ю.П.* Несколько поправок // Красная звезда. 1930. 11 февраля.
19. Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6/VI 1931 г.) // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 1-12.
20. *Коган Т.Л.* На повороте // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 13-16.
21. *Куразов И.Ф.* Методологические итоги поведенческого съезда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. Вып. 1-2. С. 3-8.
22. *Куразов И.Ф.* Некоторые итоги I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 3-8.
23. *Лурья А.Р.* Международный конгресс психологов в Америке (1-7 сентября 1929 г.) // Научное слово. 1930. № 4. С. 83-99.
24. *Марбург А.* Из лаборатории на стройку (На Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // Вечерняя Москва. 1930. 13 февраля.
25. *Моложавый С.С.* Педология на I съезде по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 3 (9). С. 329-340.
26. На I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 2 (8). С. 290-296; 1930. № 3 (9). С. 407-419.
27. На поведенческом съезде // Красная газета. 1930. 29 января.
28. Наука в боях за нового человека // Вечернее радио. 1930. 8 февраля.
29. Наука в боях за нового человека // Вечерняя Москва. 1930. 5 февраля.
30. Науку о человеке на службу социалистической реконструкции // Ленинградская правда. 1930. 2 февраля.
31. О журнале «Под знаменем марксизма». Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. С. 264-265. (Первоисточник: Правда. 1931. 26 января. № 25.)
32. *О'Коннор Т.Э.* Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. 223 с.
33. Обращение 1-го Всесоюзного съезда по изучению поведения человека к пролетариату Ленинграда // Ленинградская правда. 1930. 31 января. С. 4.
34. *Огурцов А.* Подавление философии // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 353-374.

35. *Осипов В.П., Шнирман А.Л.* Отчет о деятельности Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга за 1929-30 г. // Вопросы изучения и воспитания личности. Л., 1932. Вып. 3-4. С. 70-80.
36. Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918 / Науч. ред. А.П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
37. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 2-3. С. 225-246.
38. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
39. *Пронтер Н.* Изучение поведения человека // Молодая гвардия. 1930. № 7. С. 97-104.
40. *Пронтер Н.И.* Школа академика Павлова на поведенческом съезде // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 3. С. 5-13.
41. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека) / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Медиздат, 1930. 383 с.
42. Психоневрологические науки и социалистическое строительство СССР. Стенографический отчет 1-го Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Под ред. А.Б. Залкинда. Л.-М.: Госмедиздат, 1930. 422 с.
43. Резолюция Педологической секции I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 3 (9). С. 341-346.
44. Резолюция съезда по патолого-клинической секции // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 5. С. 136-138.
45. *Розенцвейг Б.М.* Итоги работ патолого-клинической секции I Всесоюзного поведенческого съезда // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 5. С. 3-14.
46. *Рончевский С.* Работа патолого-клинической секции съезда по изучению поведения человека // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 33-36.
47. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993-1999. Т. 1. 1993. 608 с.; Т. 2. 1999. 672 с.
48. *Рохлин Л.* Психогигиеническая работа среди партактива // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 3. С. 24-30.
49. *Рубцов В.* Необходимо уточнить (Ответ на статью «Несколько поправок») // Красная Звезда. 1930. 14 марта.
50. *Рубцов В.* Проблемы психофизиологии в РККА // Красная Звезда. 1930. 1 февраля.
51. *Рудик П.А.* Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Научное слово. 1930. № 4. С. 64-82.
52. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
53. Съезд по изучению поведения человека // Известия. 1930. 30 января. № 29 (3876). С. 1.
54. *Таланкин А.А.* Итоги поведенческого съезда и Красная армия // Красная Звезда. 1930. 13 февраля.
55. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет: стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 г. в Доме Союзов в Москве. М.: Правда, 1947. 32 с.
56. *Тымянский Г.С.* Логика и психология // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 9-14.
57. *Умрихин В.В.* «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 136-145.
58. *Федоров Л.Н.* Метод условных рефлексов в изучении высшей нервной деятельности // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 21-26.
59. *Футер Д.* По поводу одного тезиса о природе преступности // Журнал невропатологии и психиатрии. 1931. № 1. С. 140-141.
60. *Хаханьян Г.* Поведенческий съезд и Красная армия // Красная Звезда. 1930. 24 января.
61. *Шахвердов Г.* Об основах марксистской психологии // Красная газета. 1930. 1 февраля.

62. *Шварцман П.Я., Кузнецова И.В.* Педология // Репрессированная наука. Вып. II // Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб., 1994. С. 121-139.
63. *Ширвиндт М.Л.* На рельсы марксизма (К съезду по изучению поведения человека) // Красная газета. 1930. 27 января.
64. *Ширвиндт М.Л.* Психоанализ (доклад, сделанный на съезде по изучению поведения человека в Ленинграде) // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 26-33.
65. *Joravsky D.* Russian psychology: a critical history. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1989. xxii, 583 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Библиография

1. *А.Б.* Науку о поведении человека на службу социалистической реконструкции // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 47-49.
2. *А.П.* Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // На путях к новой школе. 1930. № 2. С. 54-55.
3. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: к 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 1989. 248 с.
4. *Абульханова К.А.* С.Л. Рубинштейн – ретроспектива и перспектива // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред.: А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 13-26.
5. *Абульханова К.А., Славская А.Н.* Предисловие // *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 6-33.
6. *Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В.* Исторический контекст и современное звучание фундаментального труда С.Л. Рубинштейна // *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004. С. 645-669.
7. *Авторханов А.* Технология власти. М.: СП «Слово» – Центр «Новый мир», 1991. 638 с.
8. *Адоратский В.В.* Программа по основным вопросам марксизма: Пособие для студентов и для кружков повышенного типа. 2-е изд., доп. М., 1922. 152 с.
9. Актуальные проблемы истории психологии на рубеже тысячелетий / Сб. науч. тр. В 2 ч. М., 2002.
10. *Александров В.Я.* Трудные годы советской биологии. Записки современника / Ред. Д.В. Лебедев. СПб.: Наука, 1992.
11. *Алексеев П.В.* Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. / Ведущий автор, составитель и главный редактор – П.В. Алексеев. М.: Академический проект, 2002. 1152 с.
12. *Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 44-65.
13. *Аллатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. 240 с.
14. *Ананьев Б.Г.* Предмет и метод рефлексологии // Рефлексология или психология. Материалы дискуссии, проведенной Методологической Секцией Общества Рефлексологии, неврологии, гипнологии и биофизики с 4-го мая по 10-е июня 1929 года²⁷. Л.: Издание Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга, 1929. С. 31-38.
15. *Ананьев Б.Г.* Проблема социогенеза человеческого поведения // Вопросы изучения и воспитания личности. Л., 1930. Вып. 1-2. С. 12-18.
16. *Ананьев Б.Г.* Социогенетическая теория развития поведения человека // Вопросы изучения и воспитания личности. Труды Института мозга им. В.М. Бехтерева. Л., 1930. № 4. С. 27-43.
17. *Ананьев Б.Г.* Социогенетический метод в изучении поведения человека // Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Медиздат, 1930. С. 29-33.
18. *Ананьев Б.Г.* Социогенетический метод в изучении поведения человека // Рефлексология и смежные направления²⁸. Материалы II конференции

²⁷ В надзаголовке: Методологические проблемы рефлексологии. Сборник 1.

²⁸ В надзаголовке: Методологические проблемы рефлексологии. Сборник 2.

- методологической комиссии Государственного рефлексологического института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева 24-30 сентября 1929 г. Л.: Издание Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга, 1930. С. 28-43.
19. *Ананьев Б.Г.* Рефлексология и реактология // Рефлексология и смежные направления²⁹. Материалы II конференции методологической комиссии Государственного рефлексологического института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева 24-30 сентября 1929 г. Л.: Издание Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга, 1930. С. 71-83.
  20. *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 3-4. С. 325-344.
  21. *Ананьев Б.Г.* Психология // Большая Медицинская Энциклопедия Т. 27. М.: Советская энциклопедия. 1933. Ст. 763-791.
  22. *Ананьев Б.Г.* Формирование научной психологии в СССР: Дисс. ... докт. пед. н. (по психол.). В 2-х ч. Л., 1939. 832 с.
  23. *Ананьев Б.Г.* О современном состоянии психологической науки в СССР // Советская педагогика. 1941. № 5. С. 105-117.
  24. *Ананьев Б.Г.* Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: Госполитиздат, 1947. 168 с.
  25. *Ананьев Б.Г.* Тридцать лет советской психологии // Советская педагогика. 1947. № 11. С. 41-55.
  26. *Андреев А.В.* Альтернативная физика в СССР: двадцатые – сороковые годы // Физика XIX-XX вв. в общенаучном и социокультурном контекстах: Физика XX в. М.: «Янус-К», 1997. С. 241-263.
  27. *Андреева Г.М.* К истории становления социальной психологии в России // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1997. № 4. С. 6-17.
  28. *Анохин П.К.* Иван Петрович Павлов: жизнь, деятельность и научная школа. М.-Л., 1949.
  29. *Артемов В.А.* Введение в социальную психологию. М.: Госиздат, 1927.
  30. *Артемов В.А., Бернштейн Н.А., Выготский Л.С., Добрынин Н.Ф., Лурия А.Р.* Практикум по экспериментальной психологии Под ред. К.Н. Корнилова. М.-Л.: Госиздат РСФСР, 1927. 231 с.
  31. *Артемов В.А.* Современная немецкая психология. Часть I. Изложение // Психология. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 66-94.
  32. *Артемов В.А.* Детская экспериментальная психология. Школьный возраст. М.-Л.: Госиздат, 1929. 256 с.
  33. *Артемов В.А.* Психология в СССР за 25 лет // Советская педагогика. 1942. № 10. С. 24-30.
  34. *Арямов И.* Второй всесоюзный съезд по психоневрологии в Ленинграде // На путях к новой школе. 1924. № 2. С. 99-102.
  35. *Асмолов А.Г.* Основные принципы психологического анализа в теории деятельности // Вопросы психологии. 1982. № 2. С. 14-27.
  36. *Асмолов А.Г.* Непройдённый путь: от культуры полезности – к культуре достоинства // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 5-12.
  37. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 768 с.
  38. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
  39. *Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.

---

²⁹ В надзаголовке: Методологические проблемы рефлексологии. Сборник 2.

40. *Асмолов А.Г.* Полифония личности А.Р. Лурия и гамбургский счет в психологии // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 21-24.
41. *Асмолов А.Г.* Неодетельностная парадигма в мышлении XXI века: деятельность как существование // Мир психологии. 2003. № 2. С. 155-158.
42. *Асмолов А.Г.* Практическая психология и проектирование вариативного образования в России: от парадигмы конфликта – к парадигме толерантности // Вопросы психологии. 2003. № 4. С. 3-12.
43. *Афанасьев Ю.Н.* Феномен советской историографии // Советская историография / Под общ. ред. акад. Ю.Н. Афанасьева. Научный ред. проф. А.П. Логунов. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1996. С. 7-41.
44. *Ахутина Т.В.* Здоровьесберегающие технологии: нейропсихологический подход // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 101-111.
45. *Баммель Г.* На философском фронте после Октября. М.-Л.: Госиздат, 1929.
46. *Басов М.Я.* К итогам Всероссийского Съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии 3-10 января 1924 г. в Ленинграде // Просвещенец. Л., 1924. № 2. С. 43-50.
47. *Басов М.Я.* Избранные психологические произведения. М., 1975. 432 с.
48. *Беляев Б.В.* Проблема коллектива и его экспериментально-психологического изучения // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 179-214.
49. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
50. *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. 336 с.
51. *Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 352 с.
52. Беседы с деятелями в области просвещения 1922 // Голос работника просвещения. 1922. № 6. С. 42-48.
53. *Бехтерев В.М.* Психика и жизнь. СПб., 1902. 138 с.
54. *Бехтерев В.М.* Общие основания рефлексологии. Пг., 1918. 163 с.
55. *Бехтерев В.М.* Субъективное или объективное изучение личности? (Автореферат доклада) // Известия ВЦИК Советов. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.
56. *Бехтерев В.М.* Психология, рефлексология и марксизм. Л., 1925. 80 с.
57. *Бехтерев В.М., Бехтерев В.М., Дубровский А.В.* Диалектический материализм и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 69-94.
58. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. М., 1991. 480 с.
59. *Блонский П.П.* Рецензия на кн.: *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма. Пг., 1916 // Мысль и слово. Философский ежегодник, издаваемый под редакцией Г.Г. Шпета. М., 1917. С. 413-415.
60. *Блонский П.П.* Современная философия. Ч. I-II. М.: Русский книжник, 1918. В 2-х ч. (Московское общество народных университетов). Ч. I. 1918. XXII, 277, III с.; Ч. II. 1922. 52 с.
61. *Блонский П.П.* Реформа науки. М.: Изд. Отдела народного просвещения М. С. Р. Д. и К. Д., 1920. 49 с.
62. *Блонский П.П.* Марксизм как метод решения педагогических проблем // Народное просвещение. 1921. № 21-22. С. 8-10.
63. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии. М.: Госиздат, 1921. 96 с.
64. *Блонский П.П.* Предисловие редактора // *Джемсон Л.* Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. М.: Госиздат, 1924. С. VII-XII.
65. *Блонский П.П.* Педология. М.: Работник просвещения, 1925. 318, V с.
66. *Блонский П.П.* Психология как наука о поведении // Психология и марксизм: Сб. ст. сотр. Моск. гос. Ин-та экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 225-229.
67. *Блонский П.П.* Психологические очерки. М.: Новая Москва, 1927. 173 с.

68. П.П. Блонский в его педагогических высказываниях. Собрал И.И. Руфин. С автобиографией П.П. Блонского «Как я стал педагогом и именно таким, каким я стал». М.: Работник просвещения, 1928. 116 с.
69. *Блонский П.П.* Трудные школьники. М.: Работник просвещения, 1929. 105 с.
70. *Блонский П.П.* Возрастная педология. М.-Л.: Работник просвещения, 1930. 212 с.
71. *Блонский П.П.* Введение // Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей ред. директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. С. 5-6.
72. *Блонский П.П.* Э. Йенш как психолог // Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей ред. директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. С. 7-12.
73. *Блонский П.П.* Память и мышление. М.-Л., Соцэкгиз, 1935. 214 с.
74. *Блонский П.П.* Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. 695 с.
75. *Блонский П.П.* Избранные психологические произведения. М.: Просвещение, 1964. 547 с.
76. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии // Избранные психологические произведения. М.: Просвещение, 1964. С. 31-131.
77. *Блонский П.П.* Психология как наука о поведении // Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 133-139.
78. *Блонский П.П.* Мои воспоминания. М.: Педагогика, 1971. 175 с.
79. *Блонский П.П.* Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2-х томах. М.: Педагогика, 1979. Т. 1. 304 с.; Т. 2. 400 с.
80. *Блонский П.П.* Марксизм как метод решения педагогических проблем // *Блонский П.П.* Избранные педагогические и психологические сочинения: В 2-х томах. Т. 1 / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 181-186.
81. *Блонский П.П.* Психология младшего школьника / Под ред. А.И. Липкиной и Т.Д. Марцинковской; вступительная статья А.И. Липкиной и Т.Д. Марцинковской. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 575 с.
82. *Богданчиков С.А.* Теоретические проблемы психологии в ранних работах И.В. Страхова // Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей (Материалы Первых Страховских Чтений). Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1991. С. 11-12.
83. *Богданчиков С.А.* Ранние работы И.В. Страхова в контексте истории советской психологии // Психологическое исследование: психические состояния, характерология, педагогический такт и творчество: Материалы Вторых Страховских Чтений. Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 1992. С. 5-8.
84. *Богданчиков С.А.* Проблема теоретического метода в истории советской психологии // Совершенствование методов преподавания специальных дисциплин как фактор профессиональной подготовки будущих педагогов. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1992. С. 13.
85. *Богданчиков С.А.* Марксизм с точки зрения психологии // Научно-теоретическое обеспечение профессиональной подготовки студентов педвуза. Выпуск 4. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1992. С. 43.
86. *Богданчиков С.А.* Двадцатые годы в судьбе отечественной психологии (К научной биографии профессора И.В. Страхова) // Материалы Третьих Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1993. С. 5-6.
87. *Богданчиков С.А.* К истории возникновения марксистской психологии // Научно-теоретическое обеспечение профессиональной подготовки студентов педвуза. Вып. 5. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1993. С. 43.

88. *Богданчиков С.А.* История проблемы «психология и марксизм» (Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1993. 18 с.
89. *Богданчиков С.А.* Неизвестный Г.И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27-35.
90. *Богданчиков С.А.* О ранних работах И.В. Страхова (К 90-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1995. № 5. С. 100-107.
91. *Богданчиков С.А.* Педагогический такт в научной дискуссии // Материалы Четвертых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1995. С. 37-39.
92. *Богданчиков С.А.* Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123-131.
93. *Богданчиков С.А.* Ежегодник «Вопросы психологии внимания» в ретроспективе // Вопросы психологии внимания. Вып. 13. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 7-12.
94. *Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного факта) // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85-96.
95. *Богданчиков С.А.* Из истории психологии: о докторской диссертации профессора И.В. Страхова // Материалы Шестых Страховских Чтений. Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 12-14.
96. *Богданчиков С.А.* К вопросу о генезисе общепсихологических взглядов А.Р. Лурия // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Тезисы докладов (Москва, 24-26 сентября 1997 г.) / Под ред. Е.Д. Хомской, Ж.М. Глозман, Д. Таппера. М., 1997. С. 14.
97. *Богданчиков С.А.* К научной биографии профессора И.В. Страхова // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Вып. 4. Саратов, Ярославль: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 152-157.
98. *Богданчиков С.А.* Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 126-135.
99. *Богданчиков С.А.* Проблема темперамента в докторской диссертации профессора И.В. Страхова // Материалы Седьмых Страховских Чтений. Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1998. С. 8-9.
100. *Богданчиков С.А., Страхов В.И.* Проблемы психологии литературного творчества в работах И.В. Страхова (вступительная статья) // *Страхов И.В.* Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М.-Воронеж, 1998. С. 5-17.
101. *Богданчиков С.А.* О К.Н. Корнилове и его научном наследии: Вступительная статья к кн.: Корнилов К.Н. Естественнонаучные предпосылки психологии / Авт. вступит. ст. и сост. С.А. Богданчиков. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. С. 5-20.
102. *Богданчиков С.А.* Основные черты научного мировоззрения профессора И.В. Страхова // Материалы Восьмых Страховских Чтений. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1999. С. 10-15.
103. *Богданчиков С.А.* К вопросу об эйдетики // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Вып. 8. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 2000. С. 20-24.
104. *Богданчиков С.А.* Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека (1930 г.). К научной биографии профессора И.В. Страхова // Материалы 10-х Страховских чтений. Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 2000. С. 12-16.
105. *Богданчиков С.А.* Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. 232 с.
106. *Богданчиков С.А.* Судьба эйдетики в советской психологии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 110-118.

107. *Богданчиков С.А.* Забытый съезд (О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 89-98.
108. *Богданчиков С.А.* А.Р. Лурия и психоанализ // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 84-93.
109. *Богданчиков С.А.* Феномен Енчмена // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 144-155.
110. *Богданчиков С.А.* Слово о профессоре И.В. Страхове // *Страхов И.В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2 т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. Т. 1. С. 7-32.
111. *Богданчиков С.А.* Становление ученого (Период 1920-1930 гг. в научной биографии профессора И.В. Страхова) // Материалы Четырнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов. В 2 т. / Под ред. проф. В.И. Страхова. Т. 1. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. С. 11-26.
112. *Богданчиков С.А.* Советская психология в мировом историко-психологическом контексте (современные подходы к проблеме) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 89-96.
113. *Богданчиков С.А.* К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 80-88.
114. *Богданчиков С.А.* Предыстория детектора лжи // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: Материалы международного научно-практического форума / Под ред. В.Н. Хрусталева, Л.Н. Иванова. Саратов: СЮИ МВД России, 2006. С. 75-76.
115. *Богданчиков С. А.* Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 152-160.
116. *Бодалев А.А., Столин В.В.* О перестройке в психологии // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 3. С. 16-25.
117. *Бодалев А.А., Рыбалко Е.Ф.* Б.Г. Ананьев – первооткрыватель и исследователь сложнейших проблем психологии // Психологический журнал. 1997. № 6. С. 28-34.
118. *Болтунов А.П.* Всероссийский съезд по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-й съезд по психоневрологии) в Петрограде с 3-го по 10-е января 1924 г. // Педагогическая мысль. 1924. № 1. С. 100-101.
119. *Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.). Часть I. Проблема формирования личности. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятского кадрового центра, 1994. 160 с.
120. *Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии. Ч. 2. Русский волонтаризм: М.И. Владиславлев. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 1997. 146 с.
121. *Большакова В.В.* Очерки истории русской психологии (XIX – начало XX вв.). Ч. 3. Русский ассоцианизм: М.М. Троицкий. Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 1999. 148 с.
122. Большая Медицинская Энциклопедия Т. 27. М.: Советская энциклопедия, 1933.
123. Большая Советская Энциклопедия. Т. 47. М.: Советская энциклопедия, 1940.
124. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 35. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1955.
125. Большая Советская Энциклопедия 2-е изд. Т. 48. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1957.
126. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 1. М.: Советская Энциклопедия, 1969.
127. Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 21. М.: Советская Энциклопедия, 1975.
128. Большая Советская Энциклопедия 3-е изд. Т. 29. М., 1978.

129. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: ПРАЙМ-Евронек, 2003. 672 с.
130. Бондаренко Г.В. К 90-летию профессора Ивана Владимировича Страхова // Материалы Четвертых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1995. С. 5-7.
131. Братусь Б.С. Психологический институт как замысел Г.И. Челпанова // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1999. № 4. С. 89-97.
132. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2000. 88 с.
133. Братусь Б.С. Общая психология как университетская наука // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2002. № 3. С. 74-82.
134. Братусь Б.С. Общая психология: метафизический и прагматический смыслы // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 3. С. 101-104.
135. Братусь Б.С., Ждан А.Н. Кафедра общей психологии в МГУ им. М.В. Ломоносова (К 250-летию Московского университета) // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 126-138.
136. Брунер Дж. Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3-13.
137. Брушлинский А.В. С.Л. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 61-102.
138. Брушлинский А.В. Деятельность и опосредствование (о книге М. Коула «Культурно-историческая психология») // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 6. С. 118-126.
139. Брушлинский А.В. Андерграунд диамата // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред.: А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 7-13.
140. Брушлинский А.В., Кольцова В.А., Олейник Ю.Н. Борис Герасимович Ананьев: путь творчества и открытий // Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М., 2000. С. 340-349.
141. Брушлинский А.В. Деятельностный подход и психологическая наука // Вопросы философии. 2001. № 2.
142. Брушлинский А.В. Самая читаемая отечественная книга по психологии: триумфы, трагедии, парадоксы // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 5-13.
143. Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: ИП РАН, СПб.: Алетейя, 2003.
144. Будилова Е.А. Борьба материализма и идеализма в русской психологической науке (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 348 с.
145. Будилова Е.А. К вопросу о периодизации истории советской психологии // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов (Тбилиси, 21-24 июня 1971). Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 925-926.
146. Будилова Е.А. Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972. 336 с.
147. Будилова Е.А. Психологические исследования русского географического общества (40-50-е годы XIX в.) // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А.Н. Ждан. М.: Изд-во Московского ун-та, 1988. С. 51-59.
148. Будилова Е.А. История русской психологии XVIII и первой половины XIX веков // Методология и история психологии. Экономическая психология и психология хозяйственного управления. Тезисы докладов к VII съезду Общества психологов СССР. М., 1989. С. 59-60.
149. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. С приложением статьи «К постановке проблем теории исторического материализма». М.-Пг., б/г. 390 с.

150. *Бухарин Н.И.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // *Бухарин Н.И.* Атака: Сборник теоретических статей. М.-Пг.: Госиздат, б/г (1924). С. 128-170.
151. *Бухарин Н.И.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ профессору И. Павлову) // *Красная Новь*. 1924. Кн. 1. С. 170-188. Кн. 2. С. 104-119.
152. *Бухарин Н.И.* Речь на пятом Всемирном конгрессе Коминтерна // *Правда*. 1924. № 145. 29 июня 1924. С. 3.
153. *Бухарин Н.И., Преображенский Е.А.* Азбука коммунизма: популярное объяснение программы российской Коммунистической партии. Харьков, 1925. 320 с.
154. *Бухарин Н.И.* Опасность перерождения (В связи с «теорией» Енчмена) // *Борьба за кадры. Речи и статьи*. М.-Л.: Госиздат, 1926.
155. *Бухарин Н.И.* Енчмениада (К вопросу об идеологическом вырождении) // *Академик Н.И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды*. М., 1989. С. 191-224.
156. *Бухарин Н.И.* О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем (Ответ профессору И. Павлову) // *Академик Н.И. Бухарин. Методология и планирование науки и техники. Избранные труды*. М., 1989. С. 225-259.
157. *Быховский Б.* Материализм и диалектика в творчестве В.И. Ленина // *Под знаменем марксизма*. 1924. № 2. С. 240-255.
158. *Вагнер В.А.* Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология): В 2 т. М.-СПб., 1913-1914. Т. 1. 435 с.; Т. 2. 428 с.
159. *Вагнер В.А.* Физиология и биология в решении психологических проблем // *Новые идеи в биологии: Сб. № 6*. СПб., 1914. С. 1-37.
160. *Вагнер В.А.* Возникновение и развитие психических способностей (Этюды по сравнительной психологии). Вып. 1-11. Л.: Изд-во «Начатки знаний», 1924-1929.
161. *Вайнштейн И.* Рец. на кн. Э. Енчмена «Теория новой биологии и марксизм» // *Под знаменем марксизма*. 1923. № 4-5. С. 285-293.
162. *Ван дер Веер Р.* Культурно-исторические исследования в западной психологии // *Вопросы психологии*. 1986. № 6. С. 108-117.
163. *Ван дер Веер Р.* В поисках новой психологии (Рец. на кн.: *Ярошевский М.Г.* Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993. 301 с.) // *Психологический журнал*. 1996. Т. 17. № 1. С. 175-178.
164. *Варшава Б.Е., Выготский Л.С.* Психологический словарь. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1931. 206 с.
165. *Василюк Ф.Е.* К проблеме единства общепсихологической теории // *Вопросы философии*. 1986. № 10. С. 76-86.
166. *Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003. 240 с.
167. *Векилова С.А.* История психологии: конспект лекций. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. 156 с.
168. *Верч Дж.* Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию / Пер. с англ. М.: Тривола, 1996. 176 с.
169. Всероссийский научный съезд по психоневрологии // *Известия ВЦИК Советов*. 1923. 11 января. С. 4; 12 января. С. 4; 13 января. С. 4; 16 января. С. 4; 17 января. С. 4.
170. *Вундт В.* Введение в философию. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. 310 с.
171. *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1912. 132 с.
172. *Выгодская Г.Л., Лифанова Т.М.* Лев Семенович Выготский. Жизнь. Деятельность. Штрихи к портрету. М.: Смысл, 1996. 424 с.
173. *Выготский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // *Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова*. Л.: Госиздат, 1925. С. 175-198.

174. *Выготский Л.С.* Методика рефлексологического и психологического исследования // Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1926. С. 26-46.
175. *Выготский Л.С.* Педология школьного возраста. М.: Изд-во БЗО при педфаке 2-го МГУ, 1928. 218 с.
176. *Выготский Л.С.* Психологическая наука // Общественные науки СССР. 1917-1927: Сб. статей / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М.: Работник просвещения, 1928. С. 25-46.
177. *Выготский Л.С.* Генетические корни мышления и речи // Естествознание и марксизм. 1929. № 1. С. 106-134.
178. *Выготский Л.С.* Эйдетика // *Выготский Л.С., Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М.Л.* Основные течения современной психологии / Под ред. Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 178-205.
179. *Выготский Л.С., Геллерштейн С., Фингерт Б., Ширвиндт М.Л.* Основные течения современной психологии / Под ред. Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта. М.-Л.: Госиздат, 1930. 264 с.
180. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. Обезьяна. примитив. Ребенок. М., Л.: Госиздат, 1930. 232 с.
181. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. Психологические исследования / Под ред. и со вступительной статьей В. Колбановского. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 324 с.
182. *Выготский Л.С.* Эйдетика // Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и М.Б. Михалевской. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. С. 275-281.
183. *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. 488 с.
184. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса: Методологическое исследование // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291-436.
185. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 5-361.
186. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Предисловие к русскому переводу работы «По ту сторону принципа удовольствия» // *Фрейд З.* Психология бессознательного: Сб. произведений / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г. Ярошевский. М.: Просвещение, 1989. С. 29-36.
187. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. 224 с.
188. *Выготский Л.С.* Письма к ученикам и соратникам // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 3-40.
189. Газеты и журналы о психотехнике. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 2-3. С. 304-310.
190. *Галустова О.В.* История психологии в вопросах и ответах: учебное пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 216 с.
191. *Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. 150 с.
192. *Гальперин П.Я.* Предисловие // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 3-4.
193. *Гальперин П.Я.* Предисловие // *Ждан А.Н.* История психологии. XX век / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 4-е изд. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. С. 3-4.

194. *Гарбер Е.И.* И.В. Страхов – основатель саратовской научной психологической школы // *Материалы Четвертых Страховских Чтений.* Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1995. С. 8-10.
195. *Геллерштейн С.Г.* К вопросу о профессиональной типологии // *Психотехника и психофизиология труда.* 1930. Т. III. № 6. С. 489-502.
196. *Георгиев Ф.И.* О состоянии и задачах психологической науки в СССР (отчет о совещании психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма») // *Под знаменем марксизма.* 1936. № 9. С. 87-99.
197. Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916. Статьи по философии и психологии. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1916. 425 с.
198. *Глозман Ж.М.* Культурно-исторический подход как основа нейропсихологии XXI века // *Вопросы психологии.* 2002. № 4. С. 62-68.
199. *Глоточкин А.Д., Журавлев А.Л., Кольцова В.А.* Жизнь и научное творчество К.К. Платонова (к 100-летию со дня рождения) // *Психологический журнал.* 2006. Т. 27. № 3. С. 117-126.
200. *Гордеева О.В.* Влияние марксизма на разработку проблемы сознания в отечественной психологии (на материале трудов А.Н. Леонтьева, С.Л. Рубинштейна и Л.С. Выготского): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
201. *Гордеева О.В.* О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии (на материале трудов С.Л. Рубинштейна) // *Вестник МГУ. Серия 14. Психология.* 1997. № 1. С. 57-66.
202. *Гордеева О.В.* Последствия методологической ориентации на марксизм при изучении сознания (на материале работ А.Н. Леонтьева) // *Вопросы психологии.* 1997. № 5. С. 56-71.
203. *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // *Вопросы психологии.* 1995. № 1. С. 84-96.
204. *Готье Ю.В.* Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. 592 с.
205. *Громаковский Ю.А.* Психология творчества: перечитывая И.В. Страхова // *Материалы Пятых Страховских Чтений.* Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 12-13.
206. *Громаковский Ю.А.* Системное изучение проблемы творчества в трудах И.В. Страхова // *Материалы Шестых Страховских Чтений.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 10-11.
207. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
208. *Гульбе Д.* Дарвинизм и теория мутаций с точки зрения диалектического материализма // *Под знаменем марксизма.* 1924. № 8-9. С. 157-166.
209. *Гуревич А.Я.* История историка. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 288 с.
210. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма // *Вопросы психологии.* 2002. № 3. С. 119-131.
211. *Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // *Вопросы психологии.* 2003. № 1. С. 99-115.
212. *Гусельцева М.С.* Методологические предпосылки и принципы развития культурной психологии // *Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской.* М.: Смысл, 2004. С. 82-101.
213. *Гусельцева М.С.* Культурная психология и методология гуманитарных наук // *Вопросы психологии.* 2005. № 5. С. 3-18.
214. *Гусельцева М.С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // *Психологический журнал.* 2005. Т. 26. № 6. С. 5-15.

215. *Гусельцева М.С.* Методологические кризисы и типы рациональности в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 3-15.
216. Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. 351 с.
217. *Давыдов В.В.*, *Радзиховский Л.А.* Теория Л.С. Выготского и деятельностный подход в психологии // Вопросы психологии. 1980. № 6. С. 48-59; 1981. № 1. С. 67-80.
218. *Давыдова З.* Жизнь, отданная науке // Коммунист. 1986. 10 сентября. С. 3.
219. *Даян Г.* Второй психоневрологический съезд (некоторые итоги) // Красная новь. 1924. № 2 (19). С. 155-166; № 3. (20). С. 223-238.
220. *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма (с предисловием Г.В. Плеханова). М.: Госиздат, 1922. 376 с.
221. *Деборин А.М.* Октябрь и марксизм // *Деборин А.М.* Философия и марксизм. 3-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 364-372.
222. *Деборин А.М.* Октябрьская революция и диалектический материализм // *Деборин А.М.* Философия и марксизм. 3-е изд. М.-Л.: Госиздат, 1930. С. 348-363.
223. *Дессуар М.* Очерк истории психологии / Авторизованный перевод с немецкого М.В. Райх. СПб.: Книгоиздательство О. Богдановой, 1912. 217 с.
224. *Дессуар М.* Очерк истории психологии. М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. 256 с.
225. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринтное изд.³⁰ М.: Сов. энциклопедия, 1989. 832 с.
226. *Джемс У.* Существует ли сознание? // Новые идеи в философии. Сб. № 4. СПб., 1913. С. 102-127.
227. *Джемсон Л.* Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисл. проф. П.П. Блонского. М.-Л.: Госиздат, 1925. 164 с.
228. *Джемсон Лестер и коллегия «Плебса».* Очерк марксистской психологии³¹ / Пер. с четвертого англ. Изд. под ред. и с предисл. проф. М. Рейснера. Москва: «Современные проблемы», Н.А. Столляр, 1925. 226 с.
229. *Дзюра А.И.* Из истории развития отечественной психологической науки 20-30-х гг. XX в. // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 68-76.
230. *Добрынин Н.Ф.* Введение в психологию. М.-Л.: Госиздат, 1929. 340 с.
231. *Донин А.Н.* Научно-методическое обеспечение профессором И.В. Страховым учебного процесса // Материалы Четвертых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1995. С. 11-12.
232. *Донин А.Н., Страхов В.И.* Преемственность в развитии научных направлений на кафедре психологии Саратовского пединститута // Материалы Шестых Страховских Чтений. Саратов: Изд-во Саратовского педагогич. ин-та, 1997. С. 5-9.
233. *Донин А.Н., Страхов В.И.* Профессор Иван Владимирович Страхов и педвузовская психология // Материалы Пярых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 5-9.
234. Драма советской философии: Э.В. Ильенков: Книга-диалог / РАН. Ин-т философии; Сост. и ред. В.И. Толстых. М., 1997. 239 с.
235. *Дубровина Л.А.* Г.И. Челпанов и его вклад в психологическую науку: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1995. 15 с.
236. *Дубровский А.В.* Материя и дух (Впечатления о Всесоюзном съезде по рефлексологии, психологии, педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии) // Просвещенец. Л., 1924. № 3-4. С. 23-27.
237. *Егоршин В.* К вопросу о политике марксизма в области естествознания // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8. С. 123-134.

³⁰ Первоисточник: Деятели СССР и революционного движения России // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 40. М., 1926. Т. 41. М., 1927-1929.

³¹ См. в журнале «Под знаменем марксизма» рецензию Н.А. Карева на эту книгу [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

238. Емельянов Б.В., Любутин К.Н., Русаков В.М., Саранчин Ю.К. История русской философии: Учебник для вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2005. 736 с.
239. Еникеев М.И. История развития психологии: учебное пособие. М.: Изд-во ПРИОР, 2001. 64 с.
240. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 560 с.
241. Енчмен Э.С. Восемнадцать тезисов о «теории новой биологии» (проект организации Революционно-Научного Совета Республики и введения системы физиологических паспортов). Пятигорск: Издание Ин. К. О. Северо-Кавказского Революционного Комитета, 1920. 55 с.
242. Енчмен Э. Теория новой биологии и марксизм. Вып. 1. Петербург: Типография рабочего ф-та Петербургского гос. ун-та «Наука и труд», 1923. 82 с.
243. Енчмен Э.С. Наука и философия – эксплуататорская выдумка // На переломе: Философские дискуссии 20-х годов. Философия и мировоззрение / Под ред. П.В. Алексеева. Москва: Политиздат, 1990. С. 224-231.
244. Енчмен Эммануил Семенович [биографическая справка] // Большая Советская Энциклопедия. Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1932. Ст. 524-525.
245. Енчмен Эммануил Семенович [биографическая справка] // Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2002. С. 316-317.
246. Есаков В.Д. ... И академик Павлов остался в России // Наука и жизнь. 1989. № 9. С. 78-85; № 10. С. 116-123.
247. Ждан А.Н. Общая характеристика состояния зарубежной психологии в период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX в.) // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М., Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 5-16.
248. Ждан А.Н. Состояние и актуальные задачи истории психологии в СССР // Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. А.Н. Ждан. М., 1988. С. 4-13.
249. Ждан А.Н. История психологии (От античности до наших дней): Учебник. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
250. Ждан А.Н. Психология в СССР или советская психология? // Материалы научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы психологии и педагогики в Казахстане». Ч. 3. Алма-Ата, 1990. С. 472-473.
251. Ждан А.Н. Преподавание психологии в Московском университете (к 80-летию Психологического института и 50-летию кафедры психологии в Московском университете) // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 80-93.
252. Ждан А.Н. Георгий Иванович Челпанов // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1994. № 2. С. 67-73.
253. Ждан А.Н. История психологии как становление ее предмета: Дисс. в форме научного доклада ... докт. психол. н. М., 1994. 68 с.
254. Ждан А.Н. Московский университет и психология (к 240-летию МГУ им. М.В. Ломоносова) // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 134-143.
255. Ждан А.Н. История психологии как наука // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1996. № 4. С. 7-14.
256. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности: Учебник для студентов психологических факультетов университетов. 2-е изд., перераб. М., 1997. 442 с.
257. Ждан А.Н. История психологии: от античности к современности. Учебник для студентов психологических факультетов университетов. Изд. 3-е, испр. М.: Педагогическое общество России, 1999. 512 с.

258. *Ждан А.Н.* Историческая роль С.Л. Рубинштейна в идейной борьбе в период перестройки теоретических основ психологической науки (20-е – 30-е годы) // Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред.: А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Изд-во «Академический проект», 2000. С. 75-85.
259. *Ждан А.Н., Марцинковская Т.Д.* Московская психологическая школа: традиции и современность // Вопросы психологии. 2000. № 3. С. 117-127.
260. *Ждан А.Н.* Уроки А.Р. Лурия // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 77-84.
261. *Ждан А.Н.* История психологии: от Античности до наших дней: Учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 576 с.
262. *Ждан А.Н.* Психология в Московском университете: традиции и современность // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 1. С. 3-15.
263. *Ждан А.Н.* Вклад О.К. Тихомирова в университетскую психологическую науку // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2005. № 4. С. 60-70.
264. За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля.
265. *Загоровский П.Л.* Эйдетическая школа (Йенш) и проблемы детской психологии // Психология. 1929. Т. II. Вып. 1. С. 83-92.
266. *Загоровский П.Л.* Особенности поведения первого школьного детства. Школьник I ступени. М.: Работник Просвещения, 1930. 368 с.
267. Задачи марксистов в области естествознания: Доклад О.Ю. Шмидта. Прения по докладу и заключительное слово / Коммунистическая Академия. Труды Второй всесоюзной конференции марксистско-ленинских научных учреждений. Вып. 2. М., 1929. 130 с.
268. *Залкинд А.Б.* «Марксизм и психология» на I Всероссийском психоневрологическом съезде // *Залкинд А.Б.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924. С. 70-73.
269. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Ленинградская Правда. 1930. 26 января.
270. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 2 (8). С. 161-164.
271. *Залкинд А.Б.* I Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 6. С. 19-24.
272. *Залкинд А.Б.* Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Вечерние известия. 1930. 31 января.
273. *Залкинд А.Б.* Наука по изучению поведения человека и педагогика // Учительская газета. 1930. 15 февраля.
274. *Залкинд А.Б.* Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Известия ВЦИК. 1930. 8 февраля.
275. *Залкинд А.Б.* Психоневрологические науки и социалистическое строительство // Педология. 1930. № 3 (9). С. 309-323.
276. *Залкинд А.Б.* К положению на педологическом фронте // Педология. 1931. № 1. С. 1-2.
277. *Залкинд А.Б.* Психоневрологический фронт и психологическая дискуссия // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 17-23.
278. *Залкинд А.Б.* Мои ошибки // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. № 98 (2046). С. 2.
279. *Залкинд А.Б.* [Некролог] // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. № 98 (2046). С. 4.
280. *Залкинд И.А.* Изучение человеческого поведения // Красная звезда. 1930. 24 января.
281. *Залкинд И.А., Фролов Ю.П.* Несколько поправок // Красная звезда. 1930. 11 февраля.
282. *Залманзон А.* В защиту объективного направления в психологии // Вестник Коммунистической Академии. 1926. № 18. С. 189-202.
283. Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991; Вып. 2. М.-СПб., 1992.

284. *Зеньковский В.В.* История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 2. Ч. 1. 255 с.
285. *Зинченко В.П.* Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1993. № 2. С. 41-51.
286. *Зинченко В.П.* Психология в Российской Академии образования // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 127-142.
287. *Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся. Очерки российской психологии. Изд. 2-е, уточненное и доп. М.: Тривола, 1994. 304 с.
288. *Зинченко В.П.* От классической к органической психологии. К 100-летию Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 7-20. № 6. С. 6-25.
289. *Зинченко В.П.* Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
290. *И.В. Страхов* (К 60-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1965. № 6. С. 183.
291. *Иван Владимирович Страхов* [Некролог] // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 187.
292. *Иванов П.И.* Из истории советской психологии // Ученые записки Ташкентского педагогического института им. Низами. Вып. 15. Психология / Под ред. П.И. Иванова. Ташкент, 1959. С. 7-25.
293. *Иванов П.И.* [Некролог] // Вопросы психологии. 1969. № 1. С. 189.
294. *Иванов-Смоленский А.Г.* Естествознание и наука о поведении человека. Учение об условных рефлексах и психология. М.: Госиздат, 1929. 136 с.
295. *Ивану Владимировичу Страхову – 70 лет* // Вопросы психологии. 1975. № 4. С. 180-181.
296. *Игнатъев Е.И.* Константин Николаевич Корнилов (1879-1957): Краткие биографические сведения // Вопросы психологии личности: Сб. статей / Под ред. Е.И. Игнатъева. М.: Учпедгиз, 1960. С. 5-7.
297. Из автобиографии *Н.А. Рыбникова* – одного из первых сотрудников Психологического института // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 6-11.
298. Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1990. 298 с.
299. Из истории русской психологии / Под ред. *М.В. Соколова*. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1961. 439 с.
300. Из переписки *Г.И. Челпанова* и *А.М. Щербины* (публикация *Р.Л. Золотницкой*) // Психологический журнал. 1991. Т. 12. № 5. С. 86-92.
301. Известия Академии педагогических наук РСФСР Вып. 45. Материалы совещания по психологии. Стенографический ответ / Редколлегия: *А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов*. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1953. 287 с.
302. Известия ВЦИК Советов. 11 января 1923. № 6.
303. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Из глубины: Сб. статей о русской революции. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 167-195.
304. Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии / Под ред. *А.Н. Ждан*. М.: Изд-во МГУ, 1988. 168 с.
305. *Индик Н.К.* Советская психология за 40 лет // Советская педагогика. 1958. № 1. С. 67-76.
306. Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее (Сб. тезисов Международной конференции). М.: Институт психологии РАН, 1992. 186 с.
307. История и некоторые вопросы современного состояния экспериментальных исследований в отечественной психологии: Сб. научных трудов. М.: ИП АН СССР, 1990. 294 с.
308. История психологии (10-30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты / Под ред. *П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан*. 3-е изд. Екатеринбург: Деловая книга, 1999. 480 с.
309. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 672 с.

310. История советской психологии труда. Тексты (20-30-е годы XX века). Под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 360 с.
311. История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России: Сб. научных трудов / Отв. ред.: Б.Ф. Ломов, Е.А. Будилова, В.А. Кольцова. М.: Наука, 1990. 215 с.
312. История философии: Энциклопедия / Сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом. 2002. 1376 с.
313. Итоги дискуссии по реактологической психологии (Резолюция общего собрания ячейки ВКП(б) Государственного института психологии, педологии и психотехники от 6/VI 1931 г.) // Психология. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 1-12.
314. К 100-летию со дня рождения П.И. Зинченко // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 128-129.
315. К 40-летию «павловской» сессии двух академий // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 4. С. 140-152; № 5. С. 123-133.
316. К 80-летию со дня рождения И.В. Страхова // Вопросы психологии. 1985. № 4. С. 182.
317. *Карев Н.А.* Рец. на кн. Н. Бухарина «Енчмениада. К вопросу об идеологическом вырождении» // Большевик. 1924. № 1. С. 148-150.
318. *Карев Н.А.* Рец. на кн.: *Лестер Джемсон и коллегия «Плебса»*. Очерк марксистской психологии // Под знаменем марксизма. 1925. № 7. С. 228-232.
319. *Кезин А.В.* Идеалы научности и паранаука // Научные и вненаучные формы мышления. Симпозиум (Москва, 4-9 апреля 1995 г.). Москва-Киль, 1996.
320. *Климов Е.А., Носкова О.Г.* История психологии труда в России: Уч. пос. М., 1992. 221 с.
321. *Коган Т.Л.* На повороте // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 13-16.
322. *Колчинский Э.И.* В поисках советского «союза» философии и биологии (дискуссии и репрессии в 20-х – начале 30-х гг.). СПб., 1999. 273 с.
323. *Колчинский Э.И., Кольцов А.В.* 200-летний юбилей РАН и политика // Науковедение. 2001. № 1. С. 25-31.
324. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* 100-летие развития экспериментальной психологии в России. Итоги конференции // Психологический журнал. 1986. Т. 7. № 3. С. 157-165.
325. *Кольцова В.А., Носкова О.Г., Олейник Ю.Н.* И.Н. Шпильрейн и советская психотехника // Психологический журнал. 1990. т. 11. № 2. С. 111-133.
326. *Кольцова В.А., Медведев А.М.* Об изучении истории психологии в системе культуры // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 3-11.
327. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Исторический путь психологии: прошлое, настоящее, будущее // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 176-179.
328. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* История психологии: теоретические и методологические проблемы исследований // Современная психология. М., 1999. С. 578-590.
329. *Кольцова В.А., Олейник Ю.Н.* Жизнь в науке как образец подражания: творческие искания и открытия Б.Г. Ананьева // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 5-13.
330. *Кольцова В.А.* Теоретико-методологические основы истории психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 416 с.
331. *Кольцова В.А., Носкова О.Г.* А.А. Богданов и отечественная психология (к 130-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 2. С. 104-105.
332. *Кондаков И.М.* Психология. Иллюстрированный словарь. СПб.: «ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК», 2003. 512 с.
333. *Кононова М.П.* Эйдетические явления и их отношение к психопатологии // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1929. № 1. С. 60-82.

334. *Копп В.* О неслыханных открытиях т. Енчмена // Молодая гвардия. 1923. № 3 (10). С. 87-100.
335. *Корнилов К.Н.* Новый метод экспериментального исследования воли // Труды Второго Съезда по экспериментальной педагогике. Пг., 1914.
336. *Корнилов К.Н.* Конфликт двух экспериментально-психологических школ // Георгию Ивановичу Челпанову от участников его семинариев в Киеве и Москве. 1891-1916. М., 1916. С. 327-328.
337. *Корнилов К.Н.* Метод измерения психофизической работы // Организация труда. 1921. № 1. С. 102.
338. *Корнилов К.Н.* Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). М.: Госиздат, б/г (1921). 228 с.
339. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм // Под знаменем марксизма. 1923. № 1. С. 41-50.
340. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм: Автореф. доклада // Известия. 1923. 16 января. № 10 (1747). С. 4.
341. *Корнилов К.Н.* Психология и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 86-98.
342. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 98-114.
343. *Корнилов К.Н.* Наивно-материалистические тенденции в современной психологии: Тезисы доклада // Фонд Г.И. Челпанова в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 326. П. 41. Ед. хр. 29. б/д.
344. *Корнилов К.Н.* Диалектический метод в психологии // Под знаменем марксизма. 1924. № 1. С. 107-113.
345. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. ст. Л.: Госиздат, 1924. 76 с.
346. *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. 107 с.
347. *Корнилов К.Н.* Психология и «теория новой биологии» // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. 2-е, доп. изд. Л.: Госиздат, 1925. С. 33-51.
348. *Корнилов К.Н.* Основные течения в современной психологии // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. С. 61-75.
349. *Корнилов К.Н.* Путь современной психологии // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм: Сб. статей. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. С. 76-90.
350. *Корнилов К.Н.* Наивный и диалектический материализм в их отношении к науке о поведении человека // *Корнилов К.Н.* Современная психология и марксизм. 2-е изд., доп. Л.: Госиздат, 1925. С. 91-106.
351. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм // Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 9-24.
352. *Корнилов К.Н.* Психология и марксизм проф. Челпанова // Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 231-242.
353. *Корнилов К.Н.* Механистический материализм в современной психологии (Ответ В. Струминскому) // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 185-212.
354. *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма. Л.: Госиздат, 1926. 164 с.
355. *Корнилов К.Н.* Современное состояние психологии в СССР // Под знаменем марксизма. 1927. № 10-11. С. 195-217.
356. *Корнилов К.Н.* Воззрения современных механистов на закон сохранения энергии и психику // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 3-15.

357. *Корнилов К.Н., Франкфурт Ю.В.* Объективное или марксистское направление в психологии // Вестник коммунистической академии. 1929. Кн. 35-36. С. 181-204.
358. *Корнилов К.Н.* К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44-77.
359. *Корнилов К.Н.* Психология: Учебник для высших педагогических учебных заведений. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1934. 160 с.
360. *Корнилов К.Н.* Естественнаучные предпосылки психологии / Сост., авт. вступит. стат. С.А. Богданчиков. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. 496 с.
361. *Корсакова Н.К., Прахт Н.Ю.* О принципе динамичности в концепции А.Р. Лурия (модель нормального старения) // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 96-100.
362. *Костюк Г.С.* Радянська психологія за 30 років // Радянська школа. 1947. № 5. С. 55-69. (на укр. яз.)
363. *Котик-Фридгут Б.С.* Системно-динамическая концепция А.Р. Лурия и нейропсихология сегодня // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 68-76.
364. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего³² / Пер. с англ. М.: «Когито-центр», Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 432 с.
365. *Коул М.* Комментарии к комментариям книги «Культурно-историческая психология: наука будущего» (М., 1997) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 93-101.
366. *Коул М.* Размышления над портретом А.Р. Лурия // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 25-43.
367. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). 9-е изд. Т. 2. 1917-1922. М., 1983. 606 с.
368. *Кравков С.В.* Очерк психологии. М.: Работник просвещения, 1925. 184 с.
369. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М: Политиздат, 1985. 431 с.
370. Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2 изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 1998. 512 с.
371. *Кричевец А.Н.* Внутренние условия развития и психофизическая проблема // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 3-18.
372. *Кузьмин Е.С.* О современных задачах истории психологии // Вопросы психологии. 1957. № 2. С. 23-27.
373. Культурно-историческая психология развития. М., 2001.
374. *Куразов И.Ф.* Методологические итоги поведенческого съезда // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. Вып. 1-2. С. 3-8.
375. *Куразов И.Ф.* Некоторые итоги I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 3-8.
376. *Курек Н.С.* История ликвидации педологии и психотехники в СССР. СПб.: Алетейя, 2004. 330 с.
377. *Ланге Н.Н.* Психология. Основные проблемы и принципы // Итоги науки в теории и практике / Под ред. проф. М.М. Ковалевского, проф. Н.Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В.М. Шимкевича. М., 1914 (1922). Т. VIII. 312 с.
378. *Левитин К. Е.* Личностью не рождаются. М.: Наука, 1990. 208 с.
379. *Леглер В.А.* Идеология и квазинаука // Философские исследования. 1993. № 3. С. 68-82.
380. *Лейбин В.М.* Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М.: Политиздат, 1990. 397 с.

---

³² *Cole M.* Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1996.

381. *Ленин В.И.* Карл Маркс. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 43-93.
382. *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 40-48.
383. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* [Ответ] М.Г. Ярошевскому // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 155-157.
384. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Предисловие // *Леонтьев А.Н.* Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 5-21.
385. *Леонтьев А.А.* Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
386. *Леонтьев А.А.* А.Р. Лурия у истоков советской психолингвистики // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 93-95.
387. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А.* Миф о разрыве: А.Н. Леонтьев и Л.С. Выготский в 1932 году // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 14-22.
388. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Ранние работы А.Н. Леонтьева и его путь к психологии деятельности // *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003. С. 3-24.
389. *Леонтьев А.А.* Альтернативная психология // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 113-116.
390. *Леонтьев А.Н., Лурия А.Р.* Психология // Большая Советская Энциклопедия. Т. 47. М., 1940. Ст. 511-548.
391. *Леонтьев А.Н.* Советская психология после постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» // Советская педагогика. 1946. № 7. С. 21-31.
392. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. 495 с.
393. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1965. 576 с.
394. *Леонтьев А.Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // Вопросы философии. 1966. № 12. С. 48-56.
395. *Леонтьев А.Н.* Психология // Московский университет за пятьдесят лет Советской власти. М., 1967. С. 512-520.
396. *Леонтьев А.Н.* Понятие отражения и его значение для психологии // XVIII Международный психологический конгресс. 4-11 августа 1966 г. М.: Наука, 1969. С. 7-20.
397. *Леонтьев А.Н.* Психика // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1975. Т. 21. С. 187.
398. *Леонтьев А.Н., Ярошевский М.Г.* Психология // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М.: Советская Энциклопедия, 1975. Т. 21. С. 193-196.
399. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977. 304 с.
400. *Леонтьев А.Н.* Октябрь и психологическая наука // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1977. № 3. С. 3-10.
401. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981. 584 с.
402. *Леонтьев А.Н.* Анализ деятельности // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1983. № 2. С. 5-17.
403. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. 320 с.
404. *Леонтьев А.Н.* Основные процессы психической жизни // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1983. № 2. С. 18-20.
405. *Леонтьев А.Н.* Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 109-120.

406. *Леонтьев А.Н.* Материалы о сознании // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1988. № 3. С. 6-25.
407. *Леонтьев А.Н.* О книге С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (Комментарии А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 147-151.
408. *Леонтьев А.Н.* О книге С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (Материалы и дискуссии) // *Леонтьев А.Н.* Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 226-229.
409. *Леонтьев А.Н.* Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 228 с.
410. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003. 439 с.
411. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
412. *Лихи Т.* История современной психологии / Пер. с англ. 3-е изд.³³ СПб.: Питер, 2003. 448 с.
413. *Логинова Н.А.* Научная школа Б.Г. Ананьева (к 50-летию отделения и факультета психологии Санкт-Петербургского университета) // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 164-169.
414. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь / Подготовка текста, вступительная статья и комментарии Е.П. Борзовой, А.Ф. Замалеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. 360 с.
415. *Луцпол И.К.* Рецензия // Под знаменем марксизма. 1924. № 8-9. С. 301-303.
416. *Луцпол И.К.* Диалектика диалектики, или казус, приключившийся с философией марксизма в СССР в лето от Октябрьской революции восьмое // Воинствующий материалист. Кн. 4. М., 1925. С. 39-47.
417. *Лурия А.Р.* Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Обзор. Казань: Красный Печатник, 1923. 51 с.
418. *Лурия А.Р.* Предисловие к кн.: *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М.: Современные проблемы. 1925. С. 3-16. (Совместно с Л.С. Выготским)
419. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // Психология и марксизм. Сб. статей сотрудников Московского Института Экспериментальной Психологии / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 47-80.
420. *Лурия А.Р.* Принципиальные вопросы современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 129-139.
421. *Лурия А.Р., Леонтьев А.Н.* Исследование объективных симптомов аффективных реакций (Опыт реактологического исследования массового аффекта) // Проблемы современной психологии: Сборник статей сотрудников Московского государственного института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1926. С. 47-100.
422. *Лурия А.Р.* Принципиальные вопросы современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 4-5. С. 129-139.
423. *Лурия А.Р.* О системе психологии поведения (принципы ее построения) // Психология. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 53-65.
424. *Лурия А.Р.* Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций // Ученые записки. Т. III / Под ред. К.Н. Корнилова. М., 1928. С. 45-99.

³³ Книга выходила на английском языке в 1991, 1994 и 2001 г. На русском языке это первое издание. Перевод выполнен с третьего (2001) английского издания: *Thomas H. Leahey.* A History of modern psychology. Third Edition.

425. *Лурия А.Р.* Пути развития детского мышления // *Естествознание и марксизм.* 1929. № 2. С. 97-130.
426. *Лурия А.Р.* Международный конгресс психологов в Америке (1-7 сентября 1929 г.) // *Научное слово.* 1930. № 4. С. 83-99.
427. *Лурия А.Р.* Об одной попытке построить психофизиологию и типологию личности [Рец. на кн.: W. Jaensch. Grundzüge einer Physiologie und Klinik der psycho-physischen Persönlichkeit. Berlin, Springer, 1926. 483 S.] // *Психология.* 1930. Т. 3. Вып. 4. С. 574-582.
428. *Лурия А.Р.* Экспериментальные конфликты у человека // *Проблемы современной психологии.* Том VI / Под ред. К.Н. Корнилова. М.: Госиздат, 1930. С. 97-137.
429. *Лурия А.Р., Сапир И.* Влечение // *Большая Советская Энциклопедия.* Т. 11. М., 1930. Ст. 610-615.
430. *Лурия А.Р.* Кризис буржуазной психологии // *Психология.* 1932. № 1-2. С. 63-88.
431. *Лурия А.Р.* «Психология рас» и фашистская наука // *Фронт науки и техники.* 1933. № 12. С. 97-108.
432. *Лурия А.Р.* Пути советской психологии за 15 лет // *Советская психоневрология.* Харьков, 1933. № 1. С. 25-36.
433. *Лурия А.Р.* Эйдети́зм // *Большая Советская Энциклопедия.* Т. 63. М.: ОГИЗ РСФСР, 1933. Ст. 135-139.
434. *Лурия А.Р.* Психоанализ // *Большая Советская Энциклопедия.* М., 1940. Т. 47. Ст. 507-510.
435. *Лурия А.Р., Леонтьев А.Н.* Психология // *БСЭ.* М., 1940. Т. 47. Ст. 511-548.
436. *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968.
437. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 184 с.
438. *А.Р. Лурия и современная психология (Сборник статей памяти А.Р. Лурия)* / Под ред. Е.Д. Хомской, Л.С. Цветковой, Б.В. Зейгарник. М.: Изд-во Московского ун-та, 1982. 256 с.
439. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // *Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль* / Сост. и автор вступительной статьи В.М. Лейбин. М.: Республика, 1994. С. 168-194.
440. *Лурия А.Р.* К психоанализу костюма // *Овчаренко В.И., Лейбин В.М.* Антология российского психоанализа: В 2 т. Т. 1. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. С. 212-223.
441. *Лурия А.Р.* Психоанализ как система монистической психологии // *Овчаренко В.И., Лейбин В.М.* Антология российского психоанализа: В 2 т. Т. 1. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. С. 427-452.
442. *Лурия А.Р.* Природа человеческих конфликтов: Объективное изучение дезорганизации поведения человека / Под общ. ред. В.И. Белопольского. М.: «Когито-Центр», 2002. 527 с.
443. *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. М.: Смысл, 2003. 431 с.
444. *Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2004. 320 с.
445. *Лутухин Д.* Советская цензура (По личным воспоминаниям) // *Архив русской революции.* В 22 т. Т. 11-12 (Русский архив). М.: ТЕРРА, Политиздат, 1991. Т. 12. С. 157-166.
446. *Мазилев В.А.* Методологические проблемы психологии в начале XXI века // *Психологический журнал.* 2006. Т. 27. № 1. С. 23-34.
447. *Малашкіна М.М.* Популярная история психологии. М.: Вече, 2002. 480 с.
448. *Мальцева А.* К биографическому изучению и к характеристике работ ленинградских психологов, погибших в 1941-1943 гг. // *Проблемы психологии* / Под ред. Б.Г. Ананьева. Л., 1948. С. 217-220.

449. Мансуров Н.С. Современная буржуазная психология (Критический очерк). М.: Соцэкгиз, 1962. 285 с.
450. Мансуров Н.С. Современная психологическая наука за рубежом // Современная психология в капиталистических странах / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5-30.
451. Марбург А. Из лаборатории на стройку (На Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // Вечерняя Москва. 1930. 13 февраля.
452. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 1-5.
453. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: Соч. Т. 3. С. 7-544.
454. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство: Соч. Т. 2. С. 3-230.
455. Марцинковская Т.Д. История детской психологии: Учебник для студентов пед. вузов. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 1998. 272 с.
456. Марцинковская Т.Д., Полева Н.С. Роль Государственной академии художественных наук в научной судьбе Б.М. Теплова // Вопросы психологии. 1998. № 4. С. 94-102.
457. Марцинковская Т.Д. Проблема эстетических переживаний в концепции «психологии социального бытия» Г.Г. Шпета // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 119-127.
458. Марцинковская Т.Д., Ярошевский М.Г. Неизвестные страницы творчества Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 99-106.
459. Марцинковская Т.Д. Г.Г. Шпет как историк психологии // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. С. 250-269.
460. Марцинковская Т.Д. Г.Г. Шпет: взгляд из будущего // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. С. 270-283.
461. Марцинковская Т.Д. Путь А.Р. Лурия к культурно-исторической психологии // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 44-49.
462. Марцинковская Т.Д. История психологии: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 544 с.³⁴
463. Материалы совещания по психологии (1-6 июля 1955 г.) / Ред. колл.: Б.Г. Ананьев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Н.А. Менчинская, С.Л. Рубинштейн, А.А. Смирнов, М.В. Соколов, Б.М. Теплов. М.: Изд-во АПН РСФСР, М., 1957. 731 с.
464. Материалы Четырнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов. В 2 т. / Под ред. проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. Т. 1. 388 с.; Т. 2. 380 с.
465. Матюгин И.Ю., Чакаберия Е.И., Рыбникова И.К., Слопенко Т.Б., Мазина Т.Н. Школа эйдетики. Развитие памяти, образного мышления, воображения. М.: Эйдос, 1994. Т. 1. Запоминание цифр, телефонов, исторических дат. 476 с.; Т. 2. Зрительная, тактильная, обонятельная память. 480 с.
466. Мерлин В.С. Психологические воззрения М.Я. Басова // Басов М.Я. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1975. С. 5-25.
467. Микадзе Ю.В. Дифференциальная нейропсихология детского возраста // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 111-119.
468. Моложавый С.С. Педология на I съезде по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 3 (9). С. 329-340.
469. На I Всесоюзном съезде по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 2 (8). С. 290-296; 1930. № 3 (9). С. 407-419.
470. На переломе. Советская биология в 20-30-х годах / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. 346 с.

³⁴ Первое издание вышло в 2001 г.

471. На переломе. Советская биология в первой половине XX века / Отв. ред. Э.И. Колчинский. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. 260 с.
472. На поведенческом съезде // Красная газета. 1930. 29 января.
473. Наука в боях за нового человека // Вечернее радио. 1930. 8 февраля.
474. Наука в боях за нового человека // Вечерняя Москва. 1930. 5 февраля.
475. Наука и власть: Воспоминания ученых-гуманитариев и обществоведов. М.: Наука, 2001. 319 с.
476. Наука и тоталитарная власть // Философские исследования. 1993. № 3, № 4.
477. Науку о человеке на службу социалистической реконструкции // Ленинградская правда. 1930. 2 февраля.
478. Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова (28 июня – 4 июля 1950 г.): Стенографический отчет. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 734 с.
479. *Никольская А.А.* Институт психологии в Московском университете // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1982. № 3. С. 66-76.
480. *Никольская А.А.* Задачи разработки истории психологии в России // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 14-22.
481. *Никольская А.А.* Основные этапы развития научной деятельности Психологического института // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 5-21.
482. *Никольская А.А.* Психолого-педагогические взгляды Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 6-11.
483. *Никольская А.А.* Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России. Дубна, 1995. 336 с.
484. *Носкова О.Г.* Памяти И.Н. Шпильрейна и С.Г. Геллерштейна – основателей советской индустриальной психотехники // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 130-132.
485. *Носкова О.Г.* Социальная история индустриальной психологии в России (20-30-е годы XX века) // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1995. № 1. С. 31-42.
486. *Носкова О.Г.* История психологии труда в России (1917-1957): Учебное пособие / Под ред. Е.А. Климова. М.: Изд-во МГУ, 1997. 334 с.
487. *Носкова О.Г.* Тектология А.А. Богданова и прикладная психология // Мир психологии. 1997. № 3 (12). С. 195-215.
488. *Носкова О.Г.* А.А. Богданов и психологическая наука (К 125-летию со дня рождения) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1998. № 4. С. 61-70; 1999. № 1. С. 37-49.
489. *Носкова О.Г.* А.А. Богданов и психологическая наука [Вступительная статья] // *Богданов А.А.* Познание с исторической точки зрения / Сост. и авт. вступит. ст. О.Г. Носкова. М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1999. С. 6-35.
490. О журнале «Под знаменем марксизма». Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 5. 1929-1932. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1984. С. 264-265³⁵.
491. О педологических извращениях в системе наркомпросов. Постановление ЦК ВКП(б) // Правда. 1936. 5 июля. № 183.
492. О педологических извращениях в системе наркомпросов. Постановление ЦК ВКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986). Т. 6. 1933-1937. 9-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1985. С. 364-367.
493. О состоянии и задачах психологической науки в СССР (отчет о совещании психологов при редакции журнала «Под знаменем марксизма») // Под знаменем марксизма. 1936. № 9. С. 87-99.

---

³⁵ Первоисточник: Правда. 1931. 26 января. № 25.

494. *О'Коннор Т.Э.* Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. 223 с.
495. Обращение 1-го Всесоюзного съезда по изучению поведения человека к пролетариату Ленинграда // Ленинградская правда. 1930. 31 января. С. 4.
496. Обсуждение статьи М.Г. Ярошевского «Л.С. Выготский и марксизм в советской психологии. К социальной истории российской науки» // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 115-126.
497. Общественные науки СССР. 1917-1927: Сб. статей / Под ред. В.П. Волгина, Г.О. Гордона, И.К. Луппола. М., 1928.
498. *Овчаренко В.И.* Психоаналитический глоссарий. Мн.: Выш. шк., 1994. 307 с.
499. *Овчаренко В.И.* Российские психоаналитики. М.: Академический Проект, 2000. 432 с.
500. *Овчаренко В.И., Лейбин В.М.* Антология российского психоанализа: В 2 т. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1999. Т. 1. 848 с. Т. 2. 864 с.
501. *Огурцов А.* Подавление философии // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. С. 353-374.
502. *Окунь М.* Механистические комментарии к диалектической критике // Под знаменем марксизма. 1928. № 7-8. С. 48-63.
503. *Окунь М.* О духе марксизма и о букве его // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 113-124.
504. *Орлов А.Б.* К проблеме диалектической парадигмы в советской психологической науке // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 131-136.
505. *Орлова Л.М.* Борьба К.Н. Корнилова за марксизм в психологии (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 62-73.
506. *Орлова Л.М.* К.Н. Корнилов. Учение о реакциях человека с психологической точки зрения («Реактология»). К 60-летию публикации // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 150-157.
507. *Осипов В.П., Шнирман А.Л.* Отчет о деятельности Государственного рефлексологического им. В.М. Бехтерева института по изучению мозга за 1929-30 г. // Вопросы изучения и воспитания личности. Л., 1932. Вып. 3-4. С. 70-80.
508. Отечественный психоанализ / Сост. и общая редакция В.М. Лейбина. СПб.: Питер, 2001. 448 с.
509. Очередное извращение марксизма. О «теории» Енчмена: Сб. статей / Под ред. С. Гириниса. М.: Новая Москва, 1924. 139 с.
510. Очерки истории отечественной психологии XVII-XVIII столетий / Под ред. Г.С. Костюка. Киев: Радянська школа, 1955 (на укр. яз.).
511. Очерки истории отечественной психологии XIX столетия. Ч. I / Под ред. Г.С. Костюка. Киев: Радянська школа, 1955 (на укр. яз.).
512. Очерки истории отечественной психологии конца XIX столетия. Ч. II / Под ред. Г.С. Костюка. Киев: Радянська школа, 1955 (на укр. яз.).
513. Очерки истории отечественной психологии конца XIX и начала XX столетия / Под ред. Г.С. Костюка. Киев: Радянська школа, 1959 (на укр. яз.).
514. Очерки по истории русской психологии: Сб. статей / Под ред. М.В. Соколова. М.: Изд-во Московского университета, 1957. 368 с.
515. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. Сборник статей, докладов, лекций и речей. М.-Пг.: Госиздат, 1923. 244 с.
516. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. 5-е изд. Л.: Ленмедиздат, 1932. 508 с.
517. *Павлов И.П.* Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. Сборник статей, докладов, лекций и речей. Издание 6-е, провер. и вновь доп. М.-Л.: Биомедгиз, 1938. 771 с.

518. Педагогическая энциклопедия / Гл. ред. И.А. Каиров и Ф.Н. Петров: В 4 т. М.: Советская Энциклопедия, 1964-1968. Т. 1. 1964. 832 ст.; Т. 2. 1965. 912 ст.; Т. 3. 1966. 880 ст.; Т. 4. 1968. 912 ст.
519. Педагогический словарь: в двух томах / Главная редакция: И.А. Каиров (главный редактор), Н.К. Гончаров (зам. главного редактора), Н.Д. Казьмин, Ф.Ф. Королев, А.И. Маркушевич, А.А. Смирнов. М.: Изд-во Академии Педагогических Наук, 1960. Т. 1. 774 с.; Т. 2. 766 с.
520. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редколл.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 528 с.
521. Педология и детская психология / Под ред. А.Б. Залкинда. М.: Издание Б.З.О. при М.П.И., 1930. 180 с.
522. I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Тезисы докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Ж.М. Глозман, Д. Таппера: Москва, 24-26 сентября 1997 г. М.: Изд-во «Российское психологическое общество», 1997. 144 с.
523. I Международная конференция памяти А.Р. Лурия. Сборник докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. М.: Изд-во «Российское психологическое общество», 1998. 368 с.
524. Первое Советское правительство. Окт. 1917 – июль 1918 / Науч. ред. А.П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
525. Первый Всероссийский съезд по психоневрологии // Правда. 1923. 11 января. С. 4; 12 января. С. 3; 14 января. С. 3; 16 января. С. 3; 18 января. С. 4.
526. Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 2-3. С. 225-246.
527. *Перельман Ф., Рубановский Л., Великанов И.* Два уклона в марксистской философии // Диалектика в природе. Сборник по марксистской методологии естествознания. № 2. Вологда: Северный печатник, 1926. С. 265-300.
528. Перестройка психологии: проблемы, пути решения (Круглый стол) // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 5-15; № 2. С. 5-18; № 3. С. 5-19; № 4. С. 5-14; № 5. С. 16-26.
529. *Перченко Ф.Ф.* Академия Наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 163-235.
530. *Петровский А.В.* Об основных направлениях в русской психологии начала XX века // Из истории русской психологии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 358-438.
531. *Петровский А.В.* На подступах к марксистской психологии // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Т. 239. Вопросы теории и истории психологии. М., 1964. С. 29-250.
532. *Петровский А.В.* Пути формирования основ советской психологии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии). М., 1965. 34 с.
533. *Петровский А.В.* Пути формирования основ советской психологии: Дисс. ... доктора педагогических наук (по психол.). М., 1965. 721, 30 л. (2 т.).
534. *Петровский А.В.* История советской психологии. Формирование основ психологической науки. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
535. *Петровский А.В.* Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. М.: Педагогика, 1984. 272 с.
536. *Петровский А.В.* Непрочитанные страницы истории психологии – тридцатые годы // Психологический журнал. 1988. Т. 9. № 4. С. 125-138.
537. *Петровский А.В.* Короткие встречи // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 310-315.
538. *Петровский А.В.* Обездушивание науки, или продолжение Енчмениады // Наука и жизнь. 1989. № 11. С. 110-115; № 12. С. 100-105.

539. *Петровский А.В.* Запрет на комплексное исследование детства // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л., 1991. С. 126-135.
540. *Петровский А.В.* Возвращаясь к В.А. Вагнеру // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 95-105.
541. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История психологии: Учебное пособие для высшей школы. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 448 с.
542. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. В 2 т. Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 416 с.
543. *Петровский А.В.* Психология в России: XX век. М.: Изд-во УРАО, 2000. 312 с.
544. *Петровский А.В.* Записки психолога. М.: Изд-во УРАО, 2001. 464 с.
545. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология: Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 496 с.
546. *Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972. 216 с.
547. *Платонов К.К.* Краткий словарь системы психологических понятий: Уч. пособие для учебных заведений профтехобразования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1984. 174 с.
548. *Плеханов Г.В.* Основные вопросы марксизма // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 124-196.
549. *Плеханов Г.В.* Предисловие к книге А. Деборина «Введение в философию диалектического материализма» // Избранные философские произведения: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 614-638.
550. *Плеханов Г.В.* Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» // Избранные философские произв.: В 5 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3. С. 67-88.
551. *Полякова И.Ю.* История психологии: Практикум. М.: РНАУМПКиКП, 2004. 160 с.
552. *Португалов Ю.В.* Как исследовать детскую психику? (Обзор рефлексологических течений в отношении их к психологии вообще и к детской психологии в частности) // Детская психология и антропология: Сборник статей / Под ред. Ю.В. Португалова. Вып. 1. Самара, 1925. С. 1-126.
553. Правда. 1923. 12 января. № 7. С. 3; 16 января. № 10. С. 3.
554. Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К. Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1926. 252 с.
555. *Проппер Н.* Изучение поведения человека // Молодая гвардия. 1930. № 7. С. 97-104.
556. *Проппер Н.И.* Школа академика Павлова на поведенческом съезде // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 3. С. 5-13.
557. *Протопопов В.П.* Психология, рефлексология и учение о поведении. Харьков: Научная мысль, 1929. 115 с.
558. *Пружинина А.А., Пружинин Б.И.* Из истории отечественного психоанализа (Историко-методологический очерк) // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 87-108.
559. Психологическая мысль России: век Просвещения / Под ред. В.А. Кольцовой. СПб.: Алетейя, 2001. 376 с.
560. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории (Колл. авт.: К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, Б.Н. Тугайбаева) / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997. 576 с.
561. Психологическая хрестоматия. Составили ассистенты Московского Государственного Института экспериментальной психологии В.А. Артемов, Л.С. Выготский, Н.Ф. Добрынин, А.Р. Лурия / Под ред. К.Н. Корнилова. М.-Л.: Государственное изд-во, 1927. 432 с.

562. Психологический словарь / Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова и др.; Научно-исследовательский институт общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР. М.: Педагогика, 1983. 448 с.
563. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Педагогика-пресс, 2001. 440 с.
564. Психологический словарь / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. 479 с.
565. Психологический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. / Авт.-сост. Копорулина В.Н., Смирнова М.Н., Гордеева Н.О. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 640 с.
566. Психология / Под редакцией К.Н. Корнилова, Б.М. Теплова и Л.М. Шварца. Утверждено Комитетом по делам Высшей школы при СНК СССР в качестве учебного пособия для педагогических высших учебных заведений. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса РСФСР, 1938. 328 с.
567. Психология XXI века: пророчества и прогнозы («круглый стол») // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 3-35; № 2. С. 3-41.
568. Психология и марксизм («круглый стол») // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 3-17.
569. Психология и новые идеалы научности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 3-42.
570. Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1.
571. Психология: Биографический библиографический словарь / Под ред. Ноэль Шихи, Энотини Дж. Чепман, Уэнди А. Конрой / Пер. с англ. СПб.: «Евразия», 1999. 832 с.
572. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Сост. Л.А. Карпенко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
573. Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека) / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Медиздат, 1930. 383 с.
574. Психоневрологические науки и социалистическое строительство СССР. Стенографический отчет 1-го Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Под ред. А.Б. Залкинда. Л.-М.: Госмедиздат, 1930. 422 с.
575. Пути перестройки психологической науки // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 5-16.
576. Радзиховский Л.А. Г.И. Челпанов – организатор Психологического института // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 47-60.
577. Радзиховский Л.А. Дискуссионные проблемы марксистской теории в советской психологической науке // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 124-131.
578. Радзиховский Л.А. О психологическом аспекте культа личности // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 2. С. 143-147.
579. Радлов Э.Л. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии³⁶. С.-Петербург: Типография АО Брокгауз-Ефрон., 1904. 284 с.
580. Радлов Э.Л. Философский словарь: логика, психология, этика, эстетика и история философии. 2-е изд. М.: Изд. Г.А. Лемана, 1913. 354 с.
581. Реактологическая дискуссия в Психологическом институте // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 21-32.
582. Резолюция Педологической секции I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека // Педология. 1930. № 3 (9). С. 341-346.
583. Резолюция съезда по патолого-клинической секции // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 5. С. 136-138.

³⁶ В выходных данных книги указано: «Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии под ред. Э.Л. Радлова».

584. *Рейснер М.А.* Проблемы психологии в теории исторического материализма (Доклад т. Рейснера, прочитанный 8 февраля 1923 г.) // Вестник социалистической академии. 1923. Кн. 3. С. 210-255.
585. *Рейснер М.А.* Проблемы социальной психологии. Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925. 135 с.
586. *Рейснер М.А.* Социальная психология и марксизм // Психология и марксизм: Сборник статей сотрудников Московского государственного Института экспериментальной психологии / Под ред. проф. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1925. С. 25-45.
587. *Рейснер М.А.* Социальная психология и учение Фрейда // Печать и революция. 1925. № 3. С. 54-69; № 4. С. 88-100; № 5-6. С. 135-150.
588. *Рейснер М.А.* Фрейдизм и буржуазная идеология (Вместо предисловия к русскому изданию) // *Виттельс Ф.* Фрейд. Его личность, учение и школа. Л.: Госиздат, 1925³⁷.
589. *Рейснер М.А.* Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринт. изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 623-627 (ст. 197-205).
590. Реорганизация Института экспериментальной психологии // Известия ВЦИК. 1930. 20 ноября № 319 (4166). С. 5.
591. Реорганизация Института экспериментальной психологии // Психотехника и психофизиология труда. 1931. № 1. С. 98.
592. Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. 559 с.
593. Репрессированная наука. Вып. II / Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994. 319 с.
594. *Розенцвейг Б.М.* Итоги работ патолого-клинической секции I Всесоюзного поведенческого съезда // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 5. С. 3-14.
595. *Рончевский С.* Работа патолого-клинической секции съезда по изучению поведения человека // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 33-36.
596. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1993-1999. Т. 1. 1993. 608 с.; Т. 2. 1999. 672 с.
597. *Рохлин Л.* Психогигиеническая работа среди партактива // Журнал невропатологии и психиатрии. 1930. № 3. С. 24-30.
598. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах К. Маркса // Советская психотехника. 1934. Т. 7. № 1. С. 3-20.
599. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. Пособие для высших педагогических учебных заведений. Допущено Наркомпросом РСФСР. М.: Учпедгиз, 1935. 496 с.
600. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940. 596 с.
601. *Рубинштейн С.Л.* Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии // Московский ордена Ленина государственный университет имени М.В. Ломоносова. Ученые записки. Выпуск девяностый. Психология. Движение и деятельность. Сборник исследований кафедры психологии под редакцией С.Л. Рубинштейна. М.: Изд-во МГУ, 1945. С. 6-21.
602. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1946. 704 с.
603. *Рубинштейн С.Л.* Учение И.П. Павлова и проблемы психологии // Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии: Сборник статей / Ред. коллегия: С.А. Петрушевский (отв. редактор), Н.Н. Ладыгина-Котс, Ф.Н. Шемякин, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. С. 194-228.
604. *Рубинштейн С.Л.* Выступление // Известия АПН РСФСР: Материалы Совещания по психологии. 1953. Вып. 45. С. 201-210.

³⁷ Репринтное воспроизведение: *Рейснер М.А.* Фрейдизм и буржуазная идеология (Вместо предисловия к русскому изданию) // *Виттельс Ф.* Фрейд. Его личность, учение и школа. Л.: Эго, 1991. С. 7-33.

605. *Рубинштейн С.Л.* Вопросы психологической теории // Вопросы психологии. 1955. № 1. С. 6-17.
606. *Рубинштейн С.Л.* Психологические воззрения И.М. Сеченова и советская психологическая наука // Вопросы психологии. 1955. № 5. С. 26-37.
607. *Рубинштейн С.Л.* Еще раз к вопросу о психологической теории // Вопросы психологии. 1956. № 2. С. 89-90.
608. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 328 с.
609. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 352 с.
610. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976. 416 с.
611. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2-х т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 488 с. Т. 2. 328 с.
612. *Рубцов В.* Необходимо уточнить (Ответ на статью «Несколько поправок») // Красная Звезда. 1930. 14 марта.
613. *Рубцов В.* Проблемы психофизиологии в РККА // Красная Звезда. 1930. 1 февраля.
614. *Рудик П.А.* Первый Всесоюзный съезд по изучению поведения человека // Научное слово. 1930. № 4. С. 64-82.
615. *Рыбников Н.А.* Историография советской психологии (к 25-летию советской психологии) // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 39-43.
616. *Рыбников Н.А.* К истории психологии (обзор диссертаций) // Советская педагогика. 1954. № 6. С. 150-153.
617. *Самойлов А.Ф.* Детская болезнь «левизны» в материализме. Л.: Госиздат, 1925.
618. Семидесятипятое профессор П.И. Иванова // Вопросы психологии. 1967. № 2. С. 187.
619. Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. 440 с.
620. *Сироткина И.Е.* История центрального института труда: воплощение утопии? // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 2. С. 67-72.
621. *Сироткина И.Е.* Н.А. Бернштейн: годы до и после «павловской сессии» // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 319-326.
622. *Сироткина И.Е.* От реакции к живому движению: Н.А. Бернштейн в Психологическом Институте двадцатых годов // Вопросы психологии. 1994. № 4. С. 16-27.
623. *Смирнов А.А.* Состояние психологии и ее перестройка в свете учения И.П. Павлова // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45. С. 9-45.
624. *Смирнов А.А.* О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии // Вопросы психологии. 1955. № 5. С. 38-54.
625. *Смирнов А.А.* О состоянии научно-исследовательской работы в области психологии // Материалы [Третьего Всесоюзного] Совещания по психологии (1-6 июля 1955 г.). М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. С. 3-18.
626. *Смирнов А.А.* Советская психология за 40 лет // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 9-56.
627. *Смирнов А.А.* 50 лет Института психологии // Советская педагогика. 1963. № 6. С. 129-141.
628. *Смирнов А.А.* Пути развития советской психологии (вечерняя лекция). М.: Изд-во Московского университета, 1966. 31 с. [XVIII Международный психологический конгресс]
629. *Смирнов А.А.* К 50-летию советской психологии // Вопросы психологии. 1967. № 5. С. 13-37.

630. *Смирнов А.А.* Пути развития советской психологии // XVIII Международный психологический конгресс. М., 1969. С. 95-124.
631. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
632. *Смирнов А.А.* Советская психология за 40 лет // Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 63-118.
633. *Смирнов А.А.* К 50-летию советской психологии // Избранные психологические труды: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 119-144.
634. *Смит Н.* Современные системы психологии / Пер. с англ. под общ. ред. А.А. Алексеева. СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
635. Современная психология: состояние и перспективы исследований. Ч. 4. Методологические проблемы историко-психологического исследования. Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 366 с.
636. Современная психология в капиталистических странах / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 406 с.
637. *Сойфер В.Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М.: Лазурь, 1993. 706 с.
638. *Сойфер В.Н.* Красная биология: Псевдонаука в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 1998. 264 с.
639. *Соколов М.В.* Психология // Большая Советская Энциклопедия / Гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. Т. 50. Союз Советских Социалистических Республик. М.: Большая Советская Энциклопедия, 1957. С. 559-562.
640. *Соколов М.В.* Работы советских психологов по истории психологии // Психологическая наука в СССР: В 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 596-654.
641. *Соколов М.В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI-XVIII вв. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 419 с.
642. *Соколова Е.Е.* Проблема целостности в психологии (лейпцигская школа) // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1982. № 4. С. 56-64.
643. *Соколова Е.Е.* Проблема целостности в психологии (на материале австрийской, лейпцигской, берлинской школ): Автореферат дисс. ... канд. психол. наук. М., 1984.
644. *Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии. Хрестоматия с комментарием по курсу «Введение в психологию». М.: Смысл, 1995. 653 с.
645. *Соколова Е.Е.* Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 80-117.
646. *Соколова Е.Е.* «Неклассическая» психология А.Н. Леонтьева и его школы // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 6. С. 14-24.
647. *Соколова Е.Е.* Школа А.Н. Леонтьева в контексте ее современного «оппонентного круга» // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1 / Под общей ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 227-235.
648. *Соколова Е.Е.* А.Н. Леонтьев и его время глазами очевидцев // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 22-28.
649. *Соколова Е.Е.* К проблеме соотношения значений и смыслов в научной деятельности (опыт неравнодушного прочтения книги А.А. Леонтьева «Деятельный ум») // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 107-113.
650. *Спиркина Е.Г.* О тенденциях развития современных историко-психологических исследований (на основе анализа журнала «Psychological Abstracts» за 1980-1989 гг.) // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 4. С. 107-117.
651. *Степанов И.И., Тимирязев А.К., Левин и др.* Механистическое естествознание и диалектический материализм: Дискуссия о книжке Степанова «Современное

- естествознание и исторический материализм» в Совете НИТ'а 8 февраля 1925 г. Вологда: Северный печатник, 1925. 83 с.
652. *Степанов И.* Диалектический материализм и деборинская школа. М.-Л.: Госиздат, 1928.
653. *Степанова Е.И.* Становление психологической школы Б.Г. Ананьева: Памятные даты и события. СПб.: Изд-во «Симпозиум», 2003. 215 с.
654. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
655. Страницы истории: о том, как был уволен С.Л. Рубинштейн (из Архива МГУ) // Вопросы психологии. 1989. № 4. С. 73-101; 1989. № 5. С. 56-64.
656. *Страхов В.И., Смирнов Г.В.* От «внимательности» к «коллективному вниманию» как разработке социального аспекта проблемы внимания (к изучению научного наследия проф. И.В. Страхова) // *Страхов В.И., Бондаренко Г.В.* Экологическое сознание и внимание. Саратов, 1996. С. 122-124.
657. *Страхов В.И.* Разработка проблемы внимания на кафедре психологии Саратовского пединститута // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Выпуск IV. Саратов, Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 1997. С. 84-93.
658. *Страхов В.И.* Фрагменты жизненной и научной биографии профессора Ивана Владимировича Страхова // Материалы Двенадцатых Страховских Чтений: Сб. научных трудов / Под ред. проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2003. С. 5-13.
659. *Страхов В.И.* Предисловие // *Страхов И.В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2 т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005-2006. Т. 2. С. 3-5.
660. *Страхов И.В.* Работа в школе ликвидации неграмотности // Наш труд. Ярославль. 1926. № 5-6. С. 49-50.
661. *Страхов И.В.* Проблема изучения типов в психологии // Психология. 1929. Вып. 1. С. 104-127.
662. *Страхов И.В.* Психология и литературоведение // Литература и марксизм. 1929. № 6. С. 3-26.
663. *Страхов И.В.* Эйдетика // Психология. 1929. Т. 2. Вып. 2. С. 280-298.
664. *Страхов И.В.* О методе психологии в связи с проблемой типа // Естествознание и марксизм. 1930. № 1 (5). С. 89-121.
665. *Страхов И.В.* Против формализма в психологии // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 2. С. 145-187.
666. *Страхов И.В.* Как изучать ученика // Методический листок. Гомель, 1936. № 2. С. 3-9. (на белорус. яз.).
667. *Страхов И.В.* О профориентационной работе в школе // Методический листок. Гомель, 1936. № 3-4. С. 9-14. (на белорус. яз.).
668. *Страхов И.В.* Об умственной работе учителя // Методический листок. Гомель, 1936. № 1. С. 5-11 (на белорус. яз.).
669. *Страхов И.В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по специальности – психология): В 3 ч. М., 1941. 825 с.
670. *Страхов И.В.* Психология образов в творчестве Л.Н. Толстого // Научная сессия 1945 г. (16-30 ноября). Тезисы докладов по секции философских наук. Л.: Изд-во Ленинградского государственного Ордена Ленина университета, 1945. С. 58-61.
671. *Страхов И.В.* Устойчивые выразительные черты характера в изображении Л.Н. Толстого // Тезисы докладов на научной конференции психологического отделения Ленинградского ун-та. Л., 1945.

672. *Страхов И.В.* «Внутренние монологи» в произведениях Л.Н. Толстого как источник изучения эмоционально-волевых процессов // Советская педагогика. 1946. № 3. С. 77-94.
673. *Страхов И.В.* Внутренняя речь в изображении А.П. Чехова // Научный бюллетень Ленинградского ун-та. 1946. № 10. С. 44-46.
674. *Страхов И.В.* Л.Н. Толстой о структуре характера // Научный бюллетень Ленинградского ун-та. 1946. № 13. С. 43-46.
675. *Страхов И.В.* О дружбе школьников. Саратов: Саратовское областное изд-во, 1946. 112 с.
676. *Страхов И.В.* Структура внутренних монологов в творчестве Л.Н. Толстого // Научный бюллетень Ленинградского университета. 1946. № 9. С. 36-38.
677. *Страхов И.В.* Теория характера Л.Н. Толстого // Тезисы докладов на 2-й научной конференции психологического отделения Ленинградского ун-та. Л., 1946.
678. *Страхов И.В.* Художественное познание сновидений // Научный бюллетень Ленинградского университета. 1946. № 7. С. 44-46.
679. *Страхов И.В.* Л.Н. Толстой как психолог // Ученые записки Саратовского педагогического института. Выпуск 10. Кафедра психологии. Саратов, 1947. 316 с.
680. *Страхов И.В.* Методика и материалы психологической практики студентов в школе. Саратов, 1952. 183 с.
681. *Страхов И.В.* Вопросы психологии внимания в школе // Ученые записки Саратовского государственного педагогического института. 1954. Вып. 18. Кафедра психологии. Саратов, 1954. 164 с.
682. *Страхов И.В.* Научная работа кафедры психологии Саратовского государственного педагогического института // Вопросы психологии. 1955. № 2. С. 119-120.
683. *Страхов И.В.* Обзор научной работы кафедры психологии Саратовского педагогического института // Ученые записки Саратовского государственного педагогического института. Вып. 32. Кафедра психологии. Саратов: СГПИ, 1958. С. 3-60.
684. *Страхов И.В.* (Ред.). VI научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1968. 16 с.
685. *Страхов И.В.* (Ред.). VII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1968. 18 с.
686. *Страхов И.В.* (Ред.). VIII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1969. 23 с.
687. *Страхов И.В.* (Ред.). IX научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1969. 15 с.
688. *Страхов И.В.* (Ред.). X научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1970. 12 с.
689. *Страхов И.В.* (Ред.). XI научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1970. 15 с.
690. *Страхов И.В.* (Ред.). XII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1971. 18 с.
691. *Страхов И.В.* (Ред.). XIII научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1972. 16 с.
692. *Страхов И.В.* (Ред.). XIV научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1973. 15 с.
693. *Страхов И.В.* (Ред.). XV научная конференция Саратовского отделения Общества психологов. Тезисы докладов. Саратов, 1975. 19 с.
694. *Страхов И.В.* Отчет о научной деятельности Саратовского отделения Общества психологов // Общество психологов при Академии педагогических наук СССР (Документы и материалы за 1957-1971 гг.). М., 1972. С. 167-168.

695. *Страхов И.В.* Научно-исследовательская работа кафедры психологии Саратовского педагогического института: Аннотированный указатель. Саратов, 1981. 74 с.
696. *Страхов И.В.* Научная работа кафедры психологии Саратовского пединститута // Вопросы психологии. 1982. № 3. С. 170-171.
697. *Страхов И.В.* Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 384 с.
698. *Страхов И.В.* Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2 т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005-2006. Т. 1. 284 с. Т. 2. 280 с.
699. *Струминский В.Я.* Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып. 1. Введение к изучению психологии. Оренбург: Киргиз. госуд. изд-во, 1923. 412 с.
700. *Струминский В.Я.* Марксизм в современной психологии // Под знаменем марксизма. 1926. № 3. С. 207-233; № 4-5. С. 140-184.
701. Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания. Антология. Сост. и коммент. В.Н. Базылева и В.П. Нерознака / Под общ. ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. 576 с.
702. *Сурмава А.В.* Полтора кило мозгов или живое мыслящее тело? (Взгляд на психологию через призму психофизической проблемы) // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 128-145.
703. Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М.: Политиздат, 1989. 512 с.
704. Съезд по изучению поведения человека // Известия. 1930. 30 января. № 29 (3876). С. 1.
705. *Сэв Л.* Современная французская философия: исторический очерк от 1789 г. до наших дней / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1968. 391 с.
706. *Таланкин А.А.* Итоги поведенческого съезда и Красная армия // Красная Звезда. 1930. 13 февраля.
707. *Таланкин А.А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24-43.
708. Тезисы докладов на I съезде Общества психологов. 29 июня – 4 июля 1959 г.: В 3-х вып. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1959. Вып. 1. 260 с. Вып. 2. 63 с. Вып. 3. 152 с.
709. *Теплов Б.М.* Бунт звериного инстинкта против человеческого разума (фашистская психология Йенша) // Советская педагогика. 1941. № 11-12. С. 66-70.
710. *Теплов Б.М., Шварц Л.М.* Рецензия на книгу: С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии // Советская педагогика. 1941. № 7-8. С. 96-107.
711. *Теплов Б.М.* Советская психологическая наука за 30 лет: стенограмма публичной лекции, прочитанной 13 октября 1947 г. в Доме Союзов в Москве. М.: Правда, 1947. 32 с.
712. *Теплов Б.М.* Выступление // Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова, 22 июня 4 июля 1950 г.: Стенографический отчет. М., 1950. С. 153-159.
713. *Теплов Б.М.* Об объективном методе в психологии. Доклад и заключительное слово на совещании по психологии в 1952 г. в Москве // Известия АПН РСФСР. 1953. Вып. 45. С. 49-74; 265-270.
714. *Теплов Б.М.* О культуре научного исследования // Вопросы психологии. 1957. № 2. С. 172-176.
715. *Теплов Б.М.* Борьба К.Н. Корнилова в 1923-1925 гг. за перестройку психологии на основе марксизма // Вопросы психологии личности / Под ред. Е.И. Игнатьева. М.: Учпедгиз, 1960. С. 8-20.

716. *Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов / Под ред. М.А. Мазманяна. Ереван: Армучпедгиз, 1960. С. 3-13.
717. *Теплов Б.М.* Заметки психолога при чтении художественной литературы // Вопросы психологии. 1971. № 6. С. 122-130.
718. *Теплов Б.М.* О некоторых общих вопросах разработки истории психологии // *Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2-х т. Т. 2. М.: Педагогика, 1985. С. 191-198.
719. *Теплов Б.М.* Психология и психофизиология индивидуальных различий: избранные психологические труды / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство «МОДЭК», 2003. 640 с.
720. *Тимирязев А.К.* Диалектический метод и современное естествознание // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С. 115-132.
721. *Тимирязев А.К.* Естествознание и диалектический материализм: Сб. статей. М., 1925. 331 с.
722. *Тихомиров О.К.* Понятия и принципы общей психологии. М.: Изд-во МГУ, 1992. 86 с.
723. Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. 253 с.
724. Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. 429 с.
725. *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
726. *Тутунджян О.М.* Некоторые вопросы историографии в зарубежной психологии // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов / Под ред. М.А. Мазманяна. Ереван, 1960. С. 107-112.
727. *Тутунджян О.М.* Проблемы истории психологии // Вопросы психологии. 1982. № 5. С. 109-113.
728. *Тутунджян О.М.* О периодизации психологической историографии в СССР // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 103-109.
729. *Тымянский Г.С.* Логика и психология // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 9-14.
730. *Умрихин В.В.* «Начало конца» поведенческой психологии в СССР // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 136-145.
731. *Умрихин В.В.* «Идеогенез» и «социогенез» науки в творчестве Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 17-26.
732. *Умрихин В.В.* «Храм психологической науки» в драмах российской истории // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 6. С. 3-15.
733. *Умрихин В.В.* Историко-методологическая рефлексия в научном творчестве Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология развития. М., 2001.
734. Университеты и научные учреждения. 2-е изд. М.-Л., 1935.
735. Учение И.П. Павлова и философские вопросы психологии. М., 1952. 475 с.
736. Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1 / Под общей ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 407 с.
737. *Федоров Л.Н.* Метод условных рефлексов в изучении высшей нервной деятельности // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 21-26.
738. *Фейман Г.С.* Эйдетизм и школьный возраст // Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей редакцией директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. С. 13-66.
739. Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2-х кн. М., 1998. Кн. I. 20-50-е гг. 719 с.; Кн. II. 60-80-е гг. 768 с.
740. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

741. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов: в 5-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. 592 с.
742. Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 771 с.
743. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская Энциклопедия, 1983. 840 с.
744. Философский энциклопедический словарь / Ред.-сост.: Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. М.: инфра-М, 2003. 576 с.
745. *Фолькельт Г.* Экспериментальная психология дошкольника / Пер. с нем. М.-Л.: Госиздат, 1930. 140 с.
746. *Франкфурт Ю.В.* Рефлексология и марксизм. I. Учение Бехтерева и марксизм / С предисл. проф. К.Н. Корнилова и вступит. ст. проф. А.Б. Залкинда. Ленинград: Госиздат, 1924. 79 с.
747. *Франкфурт Ю.В.* Рефлексология и марксизм // Человек и природа. 1924. № 9.
748. *Франкфурт Ю.В.* Об одном извращении марксизма в области психологии // Красная Новь. 1925. № 4. С. 163-186.
749. *Франкфурт Ю.В.* В защиту революционно-марксистского взгляда на психику // Проблемы современной психологии: Сб. статей / Под ред. К.Н. Корнилова. Л.: Госиздат, 1926. С. 202-243.
750. *Франкфурт Ю.В.* Г.В. Плеханов о психофизиологической проблеме // Под знаменем марксизма. 1926. № 6.
751. *Франкфурт Ю.В.* Рефлексология и марксизм. II. Физиологическое направление. Историко-критический анализ учений И.М. Сеченова и И.П. Павлова. М.-Л.: Госиздат, 1926. 186 с.
752. *Франкфурт Ю.В.* Г.И. Челпанов в роли «марксиста»-психолога // Правда. 1926. № 246. 24 октября. С. 5.
753. *Франкфурт Ю.В.* К борьбе за марксистскую психологию // Красная Новь. 1927. № 10. С. 169-196.
754. *Франкфурт Ю.В.* Плеханов о диалектике в психологии // Вестник Коммунистической академии. 1927. № 22. С. 186-214.
755. *Франкфурт Ю.В.* К вопросу о марксистской психологии // Научное слово. 1928. № 5. С. 54-79.
756. *Франкфурт Ю.В.* Механистический «дух» ревизует психологические взгляды основоположников марксизма // Вестник Коммунистической Академии. 1928. № 26 (2). С. 125-139.
757. *Франкфурт Ю.В.* Плеханов и классовая психология // Под знаменем марксизма. 1928. № 5. С. 82-102.
758. *Франкфурт Ю.В.* Учение В.М. Бехтерева и марксизм // Под знаменем марксизма. 1928. № 6. С. 48-79³⁸.
759. *Франкфурт Ю.В.* О различии между психологией и идеологией // Вестник Коммунистической академии. 1929. № 3 (33). С. 55-79.
760. *Франкфурт Ю.В.* Плеханов и методология психологии. М.-Л.: Госиздат, 1930. 224 с.
761. *Футер Д.* По поводу одного тезиса о природе преступности // Журнал невропатологии и психиатрии. 1931. № 1. С. 140-141.
762. *Хаханьян Г.* Поведенческий съезд и Красная армия // Красная Звезда. 1930. 24 января.
763. *Хомская Е.Д.* Александр Романович Лурия. Научная биография. М.: Воениздат, 1992. 216 с.

³⁸ Рецензия на работы В.М. Бехтерева: 1) Объективное изучение личности. Вып. 1. 1923; 2) Психология, рефлексология и марксизм; 3) Диалектический материализм и рефлексология // Под знаменем марксизма. 1926. № 7-8.

764. *Хомская Е.Д.* А.Р. Лурья и психологическая наука // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 39-48.
765. *Хомская Е.Д.* Нейропсихология эмоций: гипотезы и факты // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 50-62.
766. Хрестоматия по курсу введение в психологию: Учеб. пособие для студентов факультетов психологии вузов / Ред.-сост. Е.Е. Соколова. М.: Рос. психол. о-во, 1999. 545 с.
767. *Хюбшер А.* Мыслители нашего времени. Справочник по философии Запада XX века (62 портрета): Пер. с нем. И.А. Саца; Общая редакция проф. А.Ф. Лосева. М.: Изд-во ЦТР МГП ВОС, 1994. 312 с.
768. *Цветкова Л.С.* К вопросу о природе афазии и учении о факторе // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 120-131.
769. *Цыпленкова Л.М.* Жизненный путь и основные этапы научного творчества К.Н. Корнилова // Ученые записки МГПИ. № 352. Вопросы истории психологии. М., 1969. С. 30-47.
770. *Цыпленкова Л.М.* Психологические воззрения и научная деятельность К.Н. Корнилова: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1970. 234 с.
771. *Челпанов Г.И.* Дополнительный курс логики, читанный в Московском университете в 1908-1909 акад. г. Изд. Общества взаимопомощи студентов-филологов по запискам студ. С. Игнатова и С. Чемоданова. М., 1909. 112 с.
772. *Челпанов Г.И.* Психология. Основной курс, чит. в Моск. ун-те в 1908-1909 г. / Под ред. Г.О. Гордона и Н.А. Рыбникова. Изд-во Общества взаимопомощи студентов-филологов под наблюдением А.Ф. Изюмова. М., 1909. Ч. 1. 279 с.; Ч. 2. 230 с.
773. *Челпанов Г.И.* Введение в философию. 7-е изд. М.-Пг.-Харьков, 1918. 550 с.
774. *Челпанов Г.И.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе. 6-е изд. М.-Пг.-Харьков: Издание Т-ва «В.В. Думнов – наследн. Бр. Салаевых», 1918. 319 с.
775. *Челпанов Г.И.* Учебник психологии. 16-е изд. М.-Пг.-Харьков: Издание Т-ва «В.В. Думнов – наследн. Бр. Салаевых», 1918. 224 с.
776. *Челпанов Г.И.* Психология труда (краткое изложение доклада, читанного 19 декабря 1920 года) // Организация труда (Ежемесячник Ин-та труда). 1921. № 1 (март). С. 99-100.
777. *Челпанов Г.И.* Заявление в Президиум Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук // Фонд Г.И. Челпанова в отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 326. П. 37. Ед. хр. 12.
778. *Челпанов Г.И.* Введение в экспериментальную психологию. 3-е изд. М.: Госиздат, 1924. 294 с.
779. *Челпанов Г.И.* Биологическая точка зрения в психологии // Неврология, невропатология, психология, психиатрия: Сборник, посвященный 40-летию научной, врачебной и педагогической деятельности проф. Г.И. Россолимо. 1884-1924. М.: Наркомздрав. Главнаука, 1925. С. 207-217.
780. *Челпанов Г.И.* Объективная психология в России и Америке (рефлексология и психология поведения). М.: Изд-во Т-ва «А.В. Думнов и К^о», 1925. 79 с.
781. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. 2-е изд. М.: Русский книжник, 1925. 30 с.
782. *Челпанов Г.И.* Очерки психологии. М.-Л.: Московское Акционерное издательское общество, 1926. 256 с.
783. *Челпанов Г.И.* Психология или рефлексология? (Спорные вопросы психологии). М.: Русский книжник, 1926. 59 с.
784. *Челпанов Г.И.* Социальная психология или «условные рефлексы»? М.-Л.: Издание автора, 1926. 38 с.
785. *Челпанов Г.И.* Спинозизм и материализм. Итоги полемики о марксизме в психологии. М.: Издание автора, 1927. 47 с.

786. *Челпанов Г.И.* Заключение директора Психологического института при Московском университете проф. Г.И. Челпанова о создании Института по изучению мозга и психической деятельности. 05.06. 1918 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925): Сб. документов. Л., 1968. С. 251.
787. *Чеснокова А.Г.* О взглядах Л.С. Выготского на предмет психологии (по материалам ранних исследований) // Вестник Московского университета. Психология. 1999. № 2. С. 69-79.
788. *Чеснокова А.Г.* Проблема осознания в психологической концепции Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Психология. 2000. № 1. С. 36-47.
789. *Чеснокова А.Г.* Проблема натурального и культурного в культурно-исторической теории Л.С. Выготского // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1 / Под общей ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 213-226.
790. *Чеснокова А.Г.* Проблема сознания у Выготского и Леонтьева // Вестник Московского университета. 2004. № 3. С. 90-96.
791. *Чеснокова А.Г.* История психологии: вопросы методологии и проблемы преподавания // Вестник Московского университета. 2006. № 1. С. 3-10.
792. *Чучмарев З.И.* Природа и пределы методики условных рефлексов // Под знаменем марксизма. 1928. № 4. С. 129-163.
793. *Чучмарев З.И.* [Некролог] // Вопросы психологии. 1961. № 5. С. 191.
794. *Шахвердов Г.* Об основах марксистской психологии // Красная газета. 1930. 1 февраля.
795. *Шварц Л.М.* К вопросу об эйдетике // Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Медиздат, 1930. С. 82-83.
796. *Шварц Л.М.* Психология // Малая Советская Энциклопедия: В 10-ти т. Т. 7. М.: Советская Энциклопедия, ОГИЗ, 1931. Ст. 21-24.
797. *Шварцман П.Я., Кузнецова И.В.* Педология // Репрессированная наука. Вып. II // Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб., 1994. С. 121-139.
798. *Шемякин Ф.Н.* Бандиты и человеконенавистники в роли ученых-психологов // Советская педагогика. 1941. № 9. С. 26-33.
799. *Ширвиндт М.Л.* На рельсы марксизма (К съезду по изучению поведения человека) // Красная газета. 1930. 27 января.
800. *Ширвиндт М.Л.* Психоанализ (доклад, сделанный на съезде по изучению поведения человека в Ленинграде) // Человек и природа. Л., 1930. № 4 (28). С. 26-33.
801. *Шнирман А.Л.* Рефлексологическая секция Всероссийского съезда по педологии, экспериментальной педагогике и психоневрологии (2-го Всероссийского съезда по психоневрологии 3-10 января 1924 г.) // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы / Под общ. ред. акад. В.М. Бехтерева. М.-Л., 1925.
802. *Шнирман А.Л.* [Некролог] // Вопросы психологии. 1960. № 1. С. 188-189.
803. *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. 875 с.
804. *Штильрейн И.Н.* Механистическая борьба за реконструкцию психотехники // Психология. 1930. Т. 3. Вып. 3. С. 409-419.
805. *Шрейдер Н.Д.* Эйдетизм как проблема психофизической типологии [Рецензия на книги: Dr. med. Walther Jaensch. – Assistent an der Medizinischen Universitäts-Klinik in Frankfurt a. M. «Grundzüge einer Physiologie und Klinik der psychophysischen Persönlichkeit». – 1926. Dr. E.R. Jaensch, Professor an der Universität Marburg. «Die Eidetik und die typologische Forschungsmethode». – 1927] // Психогигиенические и неврологические исследования / Под ред. Л.М. Розенштейна. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. С. 306-312.
806. *Шульц Д.П., Шульц С.Э.* История современной психологии / Пер. с англ. СПб.: Изд-во «Евразия», 1998. 528 с.

807. Эйдетизм и школьный возраст / Редколлегия: проф. П.П. Блонский, В.Н. Скосырев. Под общей ред. директора института Э.Ю. Шурпе. М.: Биомедгиз, 1935. 73 с.
808. Элькин Д.Г. Эйдетизм при склерозе мозга // Советская психоневрология. 1936. № 4.
809. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1961. Т. 20.
810. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 339-626.
811. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии: Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 269-317.
812. Эткин А.М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13-22.
813. Эткин А.М. Расцвет и крах педологического движения (от психоанализа к «новому массовому человеку») // Философские исследования. 1993. № 3. С. 224-251.
814. Эткин А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993. 463 с.
815. Эфрусси П.О. Успехи психологии в России. Итоги съезда по психоневрологии в Москве 10-15 января 1923 г. Пг.: Начатки знаний, 1925. 37 с.
816. Эфрусси П.О. Очерки по психологии ребенка школьного возраста. М.: Работник Просвещения, 1928. 94 с.
817. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83-106.
818. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.
819. Юревич А.В. Умные, но бедные: ученые в современной России. М., 1998. 208 с.
820. Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3-11.
821. Юревич А.В. Национальные особенности российской науки // Науковедение. 2000. № 2. С. 9-23.
822. Юревич А.В. Психология и методология // Психологический журнал. 2000. Т. 21. № 5. С. 35-45.
823. Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3-18.
824. Юревич А.В., Цапенко И.П. Нужны ли России ученые? М.: Эдиториал УРСС, 2001. 200 с.
825. Юревич А.В. Своевременное прошлое (Рец. на кн.: Марцинковская Т.Д. История психологии. М., 2001.) // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 146-149.
826. Юревич А.В. Структура психологических теорий // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 5-13.
827. Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16-28.
828. Юревич А.В. Интерпретативные традиции и параметры развития психологической науки // Вопросы психологии. 2005. № 5. С. 119-130.
829. Юревич А.В. Наука и паранаука: столкновение на «территории» психологии // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 79-87.
830. Яковенко Б.В. История русской философии: Пер. с чеш. / Общ. ред. и послесл. Ю.Н. Солодухина. М.: Республика, 2003. 510 с.
831. Якушева Т.Г. Проблема педагогического такта в трудах И.В. Страхова // Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1991. С. 8-10.
832. Якушева Т.Г. Проблемы психологии темперамента в работах И.В. Страхова // Материалы Третьих Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1993. С. 9-11.

833. Якушева Т.Г. Проблема «внимание и темперамент» в работах профессора И.В. Страхова // Материалы Четвертых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1995. С. 13-15.
834. Якушева Т.Г. Профессор И.В. Страхов о внимании учителя // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Вып. 2. Саратов, Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 1995. С. 97-99.
835. Якушева Т.Г. Профессор И.В. Страхов о педагогической технике общения // Материалы Пятых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 10-11.
836. Якушева Т.Г., Страхов В.И. Профессор И.В. Страхов – составитель и редактор коллективных монографий // Материалы Пятых Страховских Чтений. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 14-16.
837. Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1966. 565 с.
838. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1971. 368 с.
839. Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. 447 с.
840. Ярошевский М.Г., Анцыферова Л.И. Развитие и современное состояние зарубежной психологии. М.: Педагогика, 1974. 304 с.
841. Ярошевский М.Г. История психологии. 2-е изд. М.: Мысль, 1976. 463 с.
842. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд. М.: Мысль, 1985. 575 с.
843. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: поиск принципов построения общей психологии (к 90-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1986. № 6. С. 95-107.
844. Ярошевский М.Г. Четверть века с выдающимся советским психологом // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки, воспоминания, материалы. М.: Наука, 1989. С. 280-293.
845. Ярошевский М.Г. Сталинизм и судьбы советской науки // Репрессированная наука / Ред. М.Г. Ярошевский. Л.: Наука, 1991. С. 9-33.
846. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский и марксизм в советской психологии: к социальной истории российской науки // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 5. С. 84-99.
847. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб.: Международный фонд истории науки, 1993. 301 с.
848. Ярошевский М.Г. Ответ А.А. и Д.А. Леонтьевым // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 4. С. 152-155.
849. Ярошевский М.Г., Сироткина И.Е., Даниличева Н.А. Пионер деятельностного подхода (к 100-летию со дня рождения М.Я. Басова) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 156-169.
850. Ярошевский М.Г. Введение в историю психологии. М., 1994. 110 с.
851. Ярошевский М.Г. Марксизм в советской психологии (к социальной роли российской науки) // Репрессированная наука. Вып. II // Ред. М.Г. Ярошевский. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб., 1994. С. 24-44.
852. Ярошевский М.Г. Новаторство И.М. Сеченова: историческая реальность или «сталинистская фикция»? (Ответ американскому советологу Д. Джоравски) // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 87-98.
853. Ярошевский М.Г. Краткий курс истории психологии: Учебное пособие. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 144 с.
854. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 1996. 416 с.
855. Ярошевский М.Г. Логика развития психологии и русский путь (по поводу рецензии Р. Ван дер Веера) // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 1. С. 178-180.

856. *Ярошевский М.Г.* Наука о поведении: русский путь. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 380 с.
857. *Ярошевский М.Г.* Две научные школы в отчем доме психологов России // Вопросы психологии. 1999. № 3. С. 8-12.
858. *Ярошевский М.Г., Юревич А.В., Аллахвердян А.Г.* Программно-ролевой подход и современная наука // Вопросы психологии. 2000. № 6.
859. *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9, 10, 11.
860. *Baldwin J. M.* Dictionary of Philosophy and Psychology, I-III. New-York, 1901-1905.
861. *Bibring-Lehner G.* Über der Beieinflussng eidet Phänomene durch Labyrinthäre Reizung // Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. 1928. B. 112. H. 3-4.
862. *Bonte T.* Die Personale Bedeutsamkeit der eidetischen Anlage // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1928. Beiheft 43.
863. *Cole M.* Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge, Massachusetts, and London, England, 1996.
864. *Eisler R.* Wörterbuch der philosophischen Begriffe. I-III. Berlin, 1926.
865. *Fischer G.H.* E.R. Jaensch zum Gedenken. Sein Werk und sein Vermächtnis // Zeitschrift für Psychologie. 1940. Bd. 148. H. 1-2. S. 19-49.
866. *Fischer G.H.* Verzeichnis der Arbeiten von E.R. Jaensch und Mitarbeitern // Zeitschrift für Psychologie. 1940. Bd. 148. H. 1-2. S. 49-49.
867. *Garfunkel.* Eidetik bei Hilfsschülern // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1929. H. 4-5. B. 33.
868. *Giese F.* Psychologisches Wörterbuch. Berlin, 1921.
869. *Gross K.* Die Verwertung der Eidetik als Kunstmittel in Jack Londons Roman Martin Iden // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1929. B. 33. H. 6.
870. *Jaensch E.R.* Die Eidetik und die typologische Forschungsw. 2. Aufl. Jena, 1927.
871. *Jaensch E.R.* Studien zur Psychologie menschlichen Typen. Jena, 1930.
872. *Jaensch E.R.* Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt. Jena, 1927.
873. *Jaensch E.R.* Über den Aufbau des Bewusstseins. Jena, 1930.
874. *Jaensch E.R.* Über die subjektiven Anschauungsbilder (mit Voführung von Versuchen) // Bericht über den VII. Kongreß für experimentelle Psychologie in Marburg vom 20. – 23. April 1921 / Herausgegeben von Prof. Dr. Karl Bühler. – Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1922. S. 3-49.
875. *Jaensch E.R.* Zur Analyse der Gesichtswahrnehmungen. Jena, 1909.
876. *Jaensch W.* Über psychophysische Konstitutionstypen // Bericht über den VII. Kongress für experimentelle Psychologie in Marburg vom 20. – 23. April 1921 / Herausgegeben von Prof. Dr. Karl Bühler. – Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1922. S. 131-136.
877. *Jaensch W.* Zur Klinik Psychologie der psychophysische Persönlichkeit. Berlin, 1925.
878. *Jaensch W.R.* Grundzüge einer Physiologie und Klinik der Psychologischen Persönlichkeit. Jena, 1926.
879. *Joravsky D.* Russian psychology: a critical history. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA: Blackwell, 1989. xxii, 583 p.
880. *Kisow F.* Kritische Bemerkungen zur Eidetik // Archiv für gesamte Psychologie. B. 59. H. 3-5.
881. *Klüver H.* Studies on the Eidetic type u. on Eidetic Imagery // The Psych. Bulletin. 1928. № 2.
882. *Kornilov K.N.* Psychology in the light of dialectic materialism // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press; London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. P. 243-278.
883. *Kozulin Alex.* Psychology in Utopia. Toward a Social History of Soviet Psychology. – Cambridge, Massachusetts; London, England: The MIT Press, 1984. 179 p.

884. *Kozulin A.* Vygotsky's psychology. A biography of ideas. N.-Y. Harvester Wheatsheaf. 1990.
885. *Kroh O.* Subjektive Anschauungsbilder bei Jugendlichen. Eine psychologisch-pädagogische Untersuchung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1922. 195 S.
886. *Kroh O.* Die Eidetische Anlage der Jugendlichen // Zeitschrift für Kinderforschung. 1924. H. 29.
887. *Lange L.* Externe Einflüsse auf die Wissenschaft und die Reaktion der «wissenschaftlichen Gemeinschaft» am Beispiel von E.R. Jaensch und der Zeitschrift für Psychologie 1933-1944 // Zeitschrift für Psychologie. Bd. 198. 1990. № 1. S. 121-136.
888. *Lehmann A.* Die körperlichen Äusserungen psychischen Zustände. Th. I, II, III. Lpz., 1899-1905.
889. *Lifman E.* Untersuchung über die eidetische Veranlagung von Schülerinnen einer höheren Mädchenschule // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1928. Beiheft 43.
890. *Luria A.R.* Kasaner Psychoanalytische Vereinigung // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1922. № 8. S. 523-525; 1923. № 9. S. 114-117.
891. *Luria A.R.* Russische Psychoanalytische Vereinigung // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1924. № 10. S. 113-115; 1925. № 11. S. 136-137; 1926. № 12. S. 125-126, 266-267.
892. *Luria A.R.* Die Psychoanalyse in Rußland // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1925. № 11. S. 395-398.
893. *Luria A.R.* Die moderne russische Psychologie und die Psychoanalyse // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. 1926. № 12. S. 40-53.
894. *Murphy G.* An Historical Introduction to Modern Psychology. With a Supplement by Heinrich Klüver. Second Edition (Revised). Second Impression. New York. Harcourt, Brace & Company, INC. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO, LTD. 1930. 470 p.
895. *Pavlov I. P.* A Brief outline of the higher nervous activity // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press, London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. P. 207-220.
896. Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press, London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. - XIX, 497 p.
897. *Riekkel T.* Das Sinnengedächtnis und seine Erforschung (Die Eidetik) // Einführung in die neuere Psychologie / Hrsg. von E. Saupe. Berlin, 1927.
898. *Roessler F.* Verbreitung und Erscheinungsweise s. o. AB bei Knaben und Mädchen im Alter von 6-10 Jahren // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1928. Beiheft 43.
899. *Schniermann A. L.* Bekhterev's reflexological school // Psychologies of 1930. Ed. by Carl Murchison. – Worcester, Massachusetts, Clark university press; London: Humphrey Milford: Oxford university press, 1930. P. 221-242.
900. *Urbantschitsch W.* Über subjective optische Anschauungsbilder. Berlin, 1907.
901. *Van der Veer R. and Vasiner J.* Understanding Vygotsky. A quest synthesis. Oxford: Blackwell, 1991.
902. *Van der Veer R., Vasiner J.* The Vygotsky reader. Oxford: Blackwell, 1994.
903. *Wertsch J. V.* (ed.) Culture, Communication and Cognition: Vygotskian perspectives. Cambridge, 1985.
904. *Wertsch J.V., Tulviste P. L.S.* Vygotsky and contemporary psychology of development // Devel. Psychol. 1992. V. 22 (1). P. 81-89.
905. *Wertsch J.* Mind as action. N.Y., Oxford, 1998.
906. *Wilhelm T.* Die Bedeutung der eidetischen Forschung für Erziehung und Unterricht. Lpz., 1927.
907. *Windholz G.* Pavlov's Position towards American Behaviorism // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1983. V. 19. № 4.
908. *Windholz G.* Emmanuil S. Enchmen – a soviet behaviorist and the commonality of Zeitgeist // The Psychological Record. 1995. V. 45. P. 517-533.

909. *Zeman H.* Die Lehre von der Eidetik und ihre praktische Bedeutung // Die Quelle. 1929. Н. 1-2.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Первоисточники (30 первоисточников)

1. [Блонский П.П.](#) Рецензия на кн.: *Деборин А.М.* Введение в философию диалектического материализма. Пг., 1916 // Мысль и слово. Философский ежегодник, издаваемый под ред. Г. Шпета. I. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. 435 с. С. 413-415.
2. [Кравков С.В.](#) Рецензии на работы: *Павлов И.П.* Рефлекс цели (Вестник Европы. 1916. апрель); *Метальников С.И.* Рефлекс как творческий акт (Известия Академии Наук. 1915. № 15) // Психологическое обозрение. 1917. Т. 1. № 1. С. 153-161.
3. [Челпанов Г.И.](#) Заключение директора Психологического института при Московском университете проф. Г.И. Челпанова о создании Института по изучению мозга и психической деятельности. 5.06. 1918 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917-1925). Сб. документов. Л.: Наука, 1968. С. 251.
4. [Челпанов Г.И.](#) Психология труда (Краткое изложение доклада проф. Челпанова, читанного 19 декабря 1920 года) // Организация труда. 1921. № 1. С. 99-100.
5. [Корнилов К.Н.](#) Метод измерения психофизической работы. Опыт нахождения единой меры для различного рода трудовых процессов (Краткое содержание доклада К.Н. Корнилова. Доклад прочитан 28 января 1921 г. Тезисы авторизованы докладчиком) // Организация труда. 1921. № 1. С. 102.
6. [Радлов Э.Л.](#) Николай Николаевич Ланге [Некролог] // Мысль. Пг., 1922. № 1. С. 154-155.
7. [Корнилов К.Н.](#) Психология и марксизм (Автореферат доклада проф. К.Н. Корнилова) // Известия ВЦИК Советов. 16 января 1923 г. № 10 (1747). С. 4.
8. [Вайнштейн А.И. \(Предисловие\); Струминский В.Я. От автора](#) // *Струминский В.Я.* Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып. 1. Введение к изучению психологии. Оренбург: Киргиз Государственное Изд-во, 1923. С. V, VII-VIII.
9. [Струминский В.Я.](#) Тезисы // *Струминский В.Я.* Психология. Опыт систематического изложения основных вопросов научной психологии с точки зрения диалектического материализма. Вып. 1. Введение к изучению психологии. Оренбург: Киргиз Государственное Изд-во, 1923. С. 361-370.
10. [Блонский П.П.](#) Предисловие редактора // *Джемсон Л.* Очерк психологии: Пер. с англ. Л. Дунаевского / Под ред. и с предисловием проф. П.П. Блонского. М.: Госиздат, 1924. С. VII-XII.
11. [Залкинд А.Б.](#) Психоневрология и революция (Со второго всесоюзного съезда по психоневрологии) // Правда. 1924. 10 января. № 8. С. 1.
12. [Страхов И.В.](#) Работа в школе ликвидации неграмотности // Наш труд. Ежемесячный журнал по вопросам строительства трудовой школы, общественной и профессиональной жизни работников просвещения. Орган Ярославского Губоно. – Ярославль, 1926. № 5-6. Май-июнь. С. 49-50.

13. [Франкфурт Ю.В.](#) Г.И. Челпанов в роли «марксиста» – психолога // Правда. 1926. 24 октября. № 246 (3475). С. 5.
14. [Ульрих В.](#) Вчера и сегодня проф. Г.И. Челпанова // Ленинградская правда. 1928. 4 октября. Четверг. № 231. С. 3.
15. [Рыбников Н.А.](#) Вопросы методологии на первом Всесоюзном педологическом съезде // Психология. 1928. Т. 1. Вып. 1. С. 171-179.
16. [Залкинд А.Б.](#) Предисловие // Экзамен и психика. Экспериментальные исследования: А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев, П.О. Добровицкий. Педагогические вопросы: С.Т. Шацкий, Р.М. Микельсон. Предисловие А.Б. Залкинда. Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Работы психологической лаборатории. Вып. III. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. С. 7-8.
17. [Россолимо Г.И.](#) Автобиография // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1929. № 3-4. С. 251-255.
18. [Шварц Л.М.](#) К вопросу об эйдетике // Психоневрологические науки в СССР (Материалы I Всесоюзного съезда по изучению поведения человека / Отв. ред. А.Б. Залкинд. М.-Л.: Медиздат, 1930. С. 82-83.
19. [Боровский В.М.](#) О Н.Ф. Курманове // Психология. 1930. Т. III. Вып. 3. С. 291-292.
20. [Шпильрейн И.Н.](#) Рецензия на статью: Залкинд А.Б. Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека (Врачебная газета. 1930. 1/1.) // Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 4. С. 367.
21. [Таланкин А. А.](#) Письмо в редакцию // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 160.
22. [Енчмен Э.С. \(персоналия\)](#) // Большая Советская Энциклопедия. Т. 24. М.: Советская энциклопедия, 1932. Ст. 524-525.
23. [Блонский П.П. В плену буржуазной науки](#) // За коммунистическое просвещение. 1936. 17 сентября. № 128 (2076). С. 3.
24. [Залкинд А.Б. Мои ошибки](#) // За коммунистическое просвещение. 1936. № 98 (2046). 18 июля. С. 2.
25. [Блонский П.П. Мои ошибки](#) // За коммунистическое просвещение. 1936. 16 сентября. № 127 (2075). С. 4.
26. [Залкинд А.Б. \(Некролог\)](#) // За коммунистическое просвещение. 1936. 18 июля. № 98 (2046). С. 4.
27. [Корнилов К.Н.](#) Вытравить буржуазный хлам из психологии // За коммунистическое просвещение. 1936. 16 декабря. № 172 (2120). С. 3.
28. [Мансуров Н.С.](#) Порочный учебник // Литературная газета. 28 июня 1952 г. № 78. С. 2.
29. [Преодолеть отставание психологии!](#) // Литературная газета. 28 июня 1952 г. № 78.
30. [Будилова Е.А.](#) К вопросу о периодизации истории советской психологии // Материалы IV Всесоюзного съезда Общества психологов (Тбилиси, 21-24 июня 1971). Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 925-926.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Список опубликованных работ С.А. Богданчикова

(по состоянию на ноябрь 2007 г.)

1. *Богданчиков С.А.* Теоретические проблемы психологии в ранних работах И.В. Страхова // Психологическое обеспечение подготовки будущих учителей. Саратов, 1991. С. 11-12. (СГПИ им. К.А. Федина) (Материалы Первых Страховских Чтений) [Тезисы]
2. *Богданчиков С.А.* Ранние работы И. В. Страхова в контексте истории советской психологии // Психологическое исследование: психические состояния, характерология, педагогический такт и творчество: Материалы Вторых Страховских Чтений. Саратов, 1992. С. 5-8. (СГУ им. Н.Г. Чернышевского) [Тезисы]
3. *Богданчиков С.А.* Проблема теоретического метода в истории советской психологии // Совершенствование методов преподавания специальных дисциплин как фактор профессиональной подготовки будущих педагогов. Саратов, 1992. С. 13. (СГПИ им. К.А. Федина) [Тезисы]
4. *Богданчиков С.А.* Марксизм с точки зрения психологии // Научно-теоретическое обеспечение профессиональной подготовки студентов педвуза. Выпуск 4. Саратов, 1992. С. 43. (СГПИ им. К.А. Федина) [Тезисы]
5. *Богданчиков С.А.* К истории возникновения марксистской психологии // Научно-теоретическое обеспечение профессиональной подготовки студентов педвуза. Выпуск 5. Саратов, 1993. С. 43. (СГПИ им. К.А. Федина) [Тезисы]
6. *Богданчиков С.А.* Двадцатые годы в судьбе отечественной психологии (К научной биографии профессора И.В. Страхова) // Материалы Третьих Страховских Чтений. Саратов, 1993. С. 5-6. (СГУ им. Н. Г. Чернышевского) [Тезисы]
7. *Богданчиков С.А.* История проблемы «психология и марксизм» (Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов): Диссертация ... канд. психол. наук. М., 1993. 199 с. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Факультет психологии). (На правах рукописи).
8. *Богданчиков С.А.* История проблемы «психология и марксизм» (Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов): Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. психол. наук. М., 1993. 18 с. (МГУ им. М.В. Ломоносова. Факультет психологии)
9. *Богданчиков С.А.* Неизвестный Г.И. Челпанов // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 27-35.
10. *Богданчиков С.А.* Возможна ли высшая психология? // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Вып. 2. Саратов-Ярославль, 1995. С. 25-26. [Тезисы]
11. *Богданчиков С.А.* О ранних работах И.В. Страхова (К 90-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 1995. № 5. С. 100-107.
12. *Богданчиков С.А.* Педагогический такт в научной дискуссии // Материалы Четвертых Страховских Чтений. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического ин-та им. К.А. Федина, 1995. С. 37-39. (Материалы Четвертых Страховских Чтений, посвященных 90-летию со дня рождения доктора психологических наук, профессора Ивана Владимировича Страхова.) (Международная Академия Психологических наук. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. Саратовский государственный педагогический институт им. К.А. Федина) [Тезисы]

13. *Богданчиков С.А.* О соотношении теоретической и практической психологии // Вопросы практической психологии. Вып. 5. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института им. К.А. Федина, 1995. С. 24-25. (Международная Академия психологических наук. Научно-методический совет по практической психологии (УМО) Министерства образования РФ). (Материалы научно-практической конференции «Вопросы практической психологии». Саратов, март 1996 г. Ч. 1.). (Составление: В.И. Страхов). [Тезисы]
14. *Богданчиков С.А.* Почему был уволен Г.И. Челпанов? (Историография одного факта) // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 85-96.
15. *Богданчиков С.А.* Педагогический такт в научной дискуссии // *В.И. Страхов, Г.В. Бондаренко.* Экологическое сознание и внимание. Саратов: СГПИ им. К.А. Федина, 1996. С. 119-121. [Тезисы]
16. *Богданчиков С.А.* О сущности и значении сходства некоторых теоретических взглядов Л.С. Выготского и Г. И. Челпанова // Культурно-исторический подход: развитие гуманитарных наук и образования. Тезисы международной конференции (Москва, 21-24 октября 1996 г.). М., 1996. С. 27-28. [Тезисы]
17. *Богданчиков С.А.* Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в 1923-1927 гг.: схема и факты // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 123-131.
18. *Богданчиков С.А.* О понятии «марксистская психология» // Психология и жизнь: Вып. второй. Саратов: Изд-во «Слово», 1996. С. 56-57. (Материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной 25-летию отделения психологии СГУ / Отв. ред. доцент Р.Х. Тугушев; зам. ответ. ред. доц. Е.И. Гарбер. Члены редколлегии: действ. член Международной Академии психологических наук и Нью-йоркской Академии наук, проф. В.И. Страхов, доцент М.М. Орлова, ст. преп. И.В. Горская.) [Тезисы]
19. *Богданчиков С.А.* Об индивидуальном подходе в преподавании психологии // Психология и жизнь: Вып. второй. Саратов: Изд-во «Слово», 1996. С. 91. (Материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной 25-летию отделения психологии СГУ / Отв. ред. доц. Р.Х. Тугушев; зам. ответ. ред. доцент Е.И. Гарбер. Члены редколлегии: действ. член Международной Академии психологических наук и Нью-йоркской Академии наук, проф. В.И. Страхов, доц. М.М. Орлова, ст. преп. И.В. Горская.) [Тезисы]
20. *Богданчиков С.А.* Ежегодник «Вопросы психологии внимания» в ретроспективе // Вопросы психологии внимания. Вып. 13. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического ин-та, 1996. С. 7-12. (Международная Академия психологических наук. Саратовский педагогический институт им. К.А. Федина) (Сост., введения к разделам: В.И. Страхов).
21. *Богданчиков С.А.* К научной биографии профессора И.В. Страхова // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Вып. 4. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 1997. С. 152-155.
22. *Богданчиков С.А.* [Публикатор] Подготовка публикации, примечания к работе: *Страхов И.В.* Работа в школе ликвидации неграмотности // Бюллетень Международной Академии Психологических Наук. Вып. 4. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 1997. С. 155-157.
23. *Богданчиков С.А.* К вопросу о генезисе общепсихологических взглядов А.Р. Лурии // I Международная конференция памяти А.Р. Лурии. Тезисы докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Ж.М. Глозман, Д. Таппера: Москва, 24-26 сентября 1997 г. М., 1997. С. 14. (Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова, Факультет психологии; Российская Академия Наук; Российская Академия Образования; Российское психологическое общество; Международный центр исследования человека «СанРэй»; НИИ Нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко.) [Тезисы]

24. *Богданчиков С.А.* Из истории психологии: о докторской диссертации профессора И.В. Страхова // Материалы Шестых Страховских Чтений. Саратов, 1997. С. 12-14. [Тезисы]
25. *Богданчиков С.А.* Научно-организационная деятельность Г.И. Челпанова // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 126-135.
26. *Богданчиков С.А.* О современном базовом учебнике по общей психологии // Методика преподавания психологии и психологической поддержки населения: Колл. монография / Под ред. Р.Х. Тугушева и Е.И. Гарбера. Саратов: Арал, 1998. С. 24-26. (Саратовское отделение Российского психологического общества. Саратовский государственный университет. Отделение психологии Серия «Психология и жизнь». Книга третья.) [Тезисы]
27. *Богданчиков С.А.* Проблема темперамента в докторской диссертации профессора И.В. Страхова // Материалы Седьмых Страховских Чтений. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 1998. С. 8-9. [Тезисы]
28. *Богданчиков С.А.* [Ред.] *Страхов И.В.* Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог) / Сост., вступ. статья, библиографические указатели, комментарии – канд. психол. наук, доц. С.А. Богданчиков, В.И. Страхов. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 384 с. (Серия «Психологи Отечества»)
29. *Богданчиков С.А., Страхов В.И.* Проблемы психологии литературного творчества в работах И.В. Страхова [Вступит. статья к кн.:] // *Страхов И.В.* Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. С. 5-17. [Академия педагогических и социальных наук. Московский психолого-социальный институт. Серия «Психологи Отечества». Избранные психологические труды в 70-ти томах. Гл. ред. Д.И. Фельдштейн]
30. *Богданчиков С.А., Страхов В.И.* (Сост.) Основные труды И.В. Страхова [библиография: 14 с., 191 источник] // *Страхов И.В.* Психология литературного творчества (Л.Н. Толстой как психолог). М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. С. 365-378. (Академия педагогических и социальных наук. Московский психолого-социальный институт. Серия «Психологи Отечества». Избранные психологические труды в 70-ти томах. Гл. ред. Д.И. Фельдштейн)
31. *Богданчиков С.А.* Основные черты научного мировоззрения профессора И.В. Страхова // Материалы Восьмых Страховских Чтений. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 1999. С. 10-15. [Международная Академия психологических наук. Педагогический институт Саратовского государственного Университета им. Н.Г. Чернышевского]
32. *Богданчиков С.А.* Реактология [словарная статья] // Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В.В. Давыдов. Т. 2. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 252.
33. *Богданчиков С.А.* [Ред.] *Корнилов К.Н.* Естественнонаучные предпосылки психологии / Сост., вступ. статья, библиографические указатели, комментарии – канд. психол. наук, доц. С.А. Богданчиков. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 496 с. (Серия «Психологи Отечества»)
34. *Богданчиков С.А.* О К.Н. Корнилове и его научном наследии [Вступительная статья к кн.:] // *Корнилов К.Н.* Естественнонаучные предпосылки психологии / Автор вступительной статьи и составитель С.А. Богданчиков. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. С. 5-20. (Серия «Психологи Отечества»)
35. *Богданчиков С.А.* (Сост.) «Основные труды К.Н. Корнилова»; «К.Н. Корнилов – редактор»; «Работы К.Н. Корнилова на иностранных языках»; «Список работ о К.Н.

- Корнилове» (библиографические указатели) // *Корнилов К.Н.* Естественные научные предпосылки психологии / Автор вступительной статьи и составитель С.А. Богданчиков. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. С. 482-489. (Серия «Психологи Отечества»)
36. *Амирова В.Р., Богданчиков С.А., Иванов Л.Н.* Психодиагностика групп с высоким риском алкоголизации в вузах МВД РФ // *Вопросы психологии.* 1999. № 5. С. 140-142.
  37. *Богданчиков С.А.* К вопросу об эйдетики // *Бюллетень Международной Академии Психологических Наук.* Вып. 8. Саратов-Ярославль: Изд-во Саратовского педагогического института, 2000. С. 20-24. [Министерство образования РФ. Педагогический институт Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. Международная Академия психологических наук]
  38. *Богданчиков С.А.* Юбилей профессора И.В. Страхова (к 95-летию со дня рождения) // *Материалы Девярых Страховских Чтений: межвузовский сборник научных трудов.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогического института, 2000. С. 4-7.
  39. *Богданчиков С.А.* Происхождение марксистской психологии. Дискуссия между К.Н. Корниловым и Г.И. Челпановым в отечественной психологии 20-х годов. Саратов: СЮИ МВД России, 2000. 232 с.
  40. *Богданчиков С.А.* История психологии в системе профессионального образования // *Поддержка и сопровождение профессиональной деятельности педагогических работников: Сб. научных трудов / Ред. колл.: канд. филос. н., доц. Н.П. Лысикова (отв. ред.), д-р филос. н., проф. Н.А. Горбачев, канд. психол. н., доц. Ю.А. Громаковский.* Саратов: Изд-во Саратовского педагогического ин-та, 2000. С. 53-56.
  41. *Богданчиков С.А.* Первый всесоюзный съезд по изучению поведения человека (1930 г.). К научной биографии профессора И.В. Страхова // *Материалы X-х Страховских чтений: межвузовский сборник научных трудов* Ред. коллегия: доц. Л.Н. Аксеновская, доц. В.В. Казака, доц. А.В. Милехин, проф. В.И. Страхов (отв. ред.), доц. Р.М. Шамионов, доц. Т.Г. Якушева. Саратов: Изд-во Саратовского пединститута, 2000. С. 12-16.
  42. *Богданчиков С.А.* Судьба эйдетики в советской психологии // *Вопросы психологии.* 2001. № 2. С. 110-118.
  43. *Богданчиков С.А.* Советская психология 20-30-х годов и немецкая психология (к истории отношений) // *История психологии и историческая психология: состояние и перспективы развития (III Московские встречи по истории психологии): Тезисы международной научной конференции, 18-22 июня 2001 г., г. Москва / Под ред. канд. психол. наук Кольцовой В.А., канд. психол. наук Олейника Ю.Н., Серовой О.Е. М.: Социум, 2001. С. 176-178. [Тезисы]*
  44. *Богданчиков С.А.* История психологии в России: современные проблемы и задачи // *Системный подход в современной психологии: материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной XXX-летию отделения психологии СГУ / Под ред. проф. Р.Х. Тугушева и проф. Е.И. Гарбера.* Саратов: Научная книга, 2001. С. 31-36. (Саратовское отделение Российского психологического общества. Саратовский государственный университет. Отделение психологии. Серия «Психология и жизнь». Кн. 4.)
  45. *Богданчиков С.А., Иванов Л.Н., Манькова С.В.* Системный подход в изучении уровня и структуры агрессии у курсантов вузов МВД и ВС России // *Системный подход в современной психологии: материалы юбилейной научно-практической конференции, посвященной XXX-летию отделения психологии СГУ / Под ред. проф. Р.Х. Тугушева и проф. Е.И. Гарбера.* Саратов: Научная книга, 2001. С. 87-90. (Саратовское отделение Российского психологического общества. Саратовский государственный университет. Отделение психологии. Серия «Психология и жизнь». Кн. 4)
  46. *Богданчиков С.А.* Забытый съезд (О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // *Вопросы психологии.* 2002. № 3. С. 89-98.

47. Богданчиков С.А. А.Р. Лурия и психоанализ // Вопросы психологии. 2002. № 4. С. 84-93.
48. Богданчиков С.А. Реактология [Словарная статья] // Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.М. Бим-Бад; Редколл.: М.М. Безруких, В.А. Болотов, Л.С. Глебова и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. С. 236.
49. Богданчиков С.А. Феномен Енчмена // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 144-155.
50. Богданчиков С.А. Двадцатилетний опыт преподавания психологии: размышления и выводы // Проблемы повышения качества образования в вузе МВД России: Материалы учебно-методических сборов профессорско-преподавательского и начальствующего состава / Под ред. В.Д. Вахлаева, В.Н. Гаврилова, В.А. Егорова, Г.Е. Перепелкина, В.В. Зайцева. Саратов: СЮИ МВД России, 2005. С. 96-99.
51. Богданчиков С.А. Становление ученого (Период 1920-1930 гг. в научной биографии профессора И.В. Страхова) // Материалы Четырнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов. В 2-х т. / Под ред. проф. В.И. Страхова. Т. 1. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. С. 11-26. [Посвящается памяти профессора Ивана Владимировича Страхова к 100-летию со дня рождения]
52. Богданчиков С.А. [Ред.] Страхов И.В. Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2-х т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005-2006. Т. 1. 284 с.; Т. 2. 280 с.
53. Богданчиков С.А. Слово о профессоре И.В. Стракове // Страхов И.В. Эмоциональные компоненты характера школьника в связи с общей характерологией: В 2-х т. / Под ред. доц. С.А. Богданчикова и проф. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2005. Т. 1. С. 7-32.
54. Богданчиков С.А. Страхов Иван Владимирович [Словарная статья] // История психологии в лицах. Персоналии / Под ред. Л.А. Карпенко // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л. А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2005. С. 451-452.
55. Богданчиков С.А. Советская психология в мировом историко-психологическом контексте (современные подходы к проблеме) // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 1. С. 89-96.
56. Богданчиков С. А. К вопросу о термине «советская психология» // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 80-88.
57. Богданчиков С.А. Предыстория детектора лжи // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: Материалы международного научно-практического форума / Под ред. В.Н. Хрусталева, Л.Н. Иванова. Саратов: СЮИ МВД России, 2006. С. 75-76. [Саратовский юридический институт МВД России.] [Тезисы]
58. Богданчиков С.А. К характеристике отечественной общей психологии 1920-х годов // Материалы Пятнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов / Под ред. В.И. Страхова. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006. С. 46-58.
59. Богданчиков С.А. Основные направления и течения в отечественной психологии 1920-х годов // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 2. С. 21-30.
60. Богданчиков С.А. О принципах советской психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее, предвидеть будущее: Материалы международной конференции по истории психологии «IV Московские встречи», 26-29 июня 2006 г. / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. С. 25-33.
61. Богданчиков С.А. Отечественная идеалистическая психология 1920-х годов // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 152-160.

62. *Богданчиков С.А., Иванов Л.Н.* Агрессия в среде переменного состава // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2007. № 1 (28). С. 53-56.
63. *Богданчиков С.А.* Советская психология как объект историко-методологического исследования // Психология XXI столетия: В 2 т. / Под ред. В.В. Козлова. Т. 1. Ярославль: МАПН, 2007. С. 93-98.
64. *Богданчиков С.А.* Актуальные проблемы изучения истории советской психологии // Материалы Шестнадцатых Страховских Чтений. Труды психологической лаборатории: Сборник научных трудов / под ред. проф. В.И. Страхова. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. С. 51-69.
65. *Богданчиков С.А.* Социально-психологическая тематика в современных учебниках по юридической психологии // Вопросы социальной психологии. Вып. 3 (8): Сб. научных трудов. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. С. 64-71.